

ИЕРУСАЛИМСКИЙ ЖУРНАЛ

В НОМЕРЕ:

ЭЛИ БАР-ЯЛОМ
АЛЛА БОССАРТ
ГРИГОРИЙ ВАХЛИС
ЕКАТЕРИНА ГОРБОВСКАЯ
АЛЕКСАНДР ГОРОДНИЦКИЙ
АНДРЕЙ ГРАФОВ
ИГОРЬ ГУБЕРМАН
ВЕРОНИКА ДОЛИНА
АЛЕКСЕЙ ИВАНТЕР
ЮЛИЙ КИМ
ДМИТРИЙ КИМЕЛЬФЕЛЬД
ДАВИД МАРКИШ
ПЁТР МЕЖУРИЦКИЙ
СТАНИСЛАВ МИНАКОВ
НИКОЛЬСКИЙ
ГРИГОРИЙ ПЕВЗНЕР
НАТАЛЬЯ РЕЗНИК
ВЛАДИМИР РОДИОНОВ
ИРИНА РУВИНСКАЯ
АЛЕКС ТАРН
ИГОРЬ ЦАРЁВ
и другие

N45

JERUSALEM LITERARY REVIEW

ירושלים ספרותית

2013' 45

2013

45

ИЕРУСАЛИМСКИЙ ЖУРНАЛ

Творческое объединение
«Иерусалимская Антология»
сердечно благодарит
Бориса Юрьевича АЛЕКСАНДРОВА
и Юрия Исааковича КАННЕРА
за поддержку «Иерусалимского Журнала»

От всей души поздравляем со славными датами
наших замечательных авторов –

Марка Вейцмана,

Анатолия Добровича,

Ольгу Качанову!

Многая лета! Многая книги!

Редколлегия «Иерусалимского журнала»

מס' 10022
תאריך: 20.04.2004
ספריה

יְרוּשָׁלַיִם ז'ורנאל

ספר זה הוענק ע"י
המשרד לקליטת עליה
ועיריית חיפה

י י ר י ש י ל י מ

Иерусалимский журнал, № 45, 2013

Журнал современной израильской литературы на русском языке

В Интернете: magazines.russ.ru/ier/ и antho.net/jr/

Союз израильских русскоязычных писателей

Творческое объединение «Иерусалимская антология»

Редколлегия: **Игорь Бяльский** (главный редактор), **Зезв Гейзель**,
Елена Игнатова, **Юлий Ким**, **Зинаида Палванова**, **Виктория Райхер**,
Дина Рубина, **Роман Тименчик**, **Велвл Чернин**, **Светлана Шенбрунн**

Ответственный секретарь: **Евгений Минин**

Художник: **Сусанна Черноброва**; Веб-дизайн: **Карина Пастернак**

Корректурa: **Бина Смехова**, **Галина Культясова**, **Люба Лейбзон**

Организационное и техническое обеспечение номера: **Михаил Басин**,
Елена Берлянд, **Борис Бронштейн**, **Даниил Буриштейн**, **Виктор Гопман**,
Григорий Гордин, **Владимир Попов**, **Илан Рисс**

Типография «ЦУР-ОТ»

При поддержке

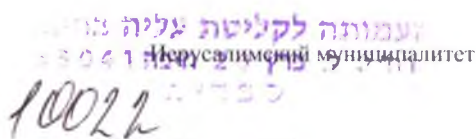
Фонд
«Русский мир»

Российский Еврейский Конгресс

Министерство культуры и спорта

Дом наследия Ури Цви Гринберга

Copyright © «Иерусалимский журнал» 2013. All rights reserved

Авторские права на публикуемые произведения принадлежат их авторам

ISSN 1565-1347

Адрес редакции: **Jerusalem Review, P. O. Box 32297 Jerusalem 91322**

E-mail: jerusalemreview@gmail.com Тел.: (972) 2-9960302; (972) 54-4745322

OCR Давид Титиевский, июнь 2019 г., Хайфа

*Мы стараемся отвечать на письма, присылаемые по электронной почте,
но, к сожалению, не можем взять на себя обязательства
по рецензированию и возвращению рукописей*

ЛЬВИНЫЕ ВОРОТА

Ирина Рувинская *ХАМСИН А НЕ МУССОН*

* * *

*мы решили или не мы
что не будет у нас зимы*

что зимы у нас не будет мы знали разумеется
забыли только что не будет значит и весны
поскольку на ручьи и листочки надеяться
странно

если снег не тает а листва не облетает
ведь и осени настоящей у нас не бывает

но выпадают порою дни и часы
почти как в пределах
средней родной полосы

АЛЛЕРГИЯ НА ЦВЕТЕНИЕ

надо же
так любить и цветы и деревья ну любое растение
и вот на тебе

аллергия на цветение
а что это значит вы знаете и сами
люди ходят с опухшими глазами
шмыгают носами
говорят охрипшими голосами
чихают в течение дня многократно
и всё это прямо скажем малоприятно

а поскольку в наших краях цветение
продолжаться может с февраля до августа
вы положение людей с аллергией на цветение
на минуточку представьте себе пожалуйста
всё это время нам приходится

ходить с опухшими глазами
шмыгать носами
говорить охрипшими голосами
чихать в течение дня многократно
раз по десять и более кряду
и это не просто малоприятно
а раздражение вызывает и такую досаду

РЮКЗАК

такой вот получился обмен

но теперь опять работы масса
ведь это будет надеваться и сниматься
неизвестно до какого часа
а те одёжки что не подойдут
через неделю отправятся к подружке Рут
в том же армейском рюкзаке

ВОСПОМИНАНИЯ О ХАРЬКОВЧАНАХ

1.

О. Б.

в Мадриде или Валенсии или Кордове
теперь усмехаешься или хмуришь русые брови
куришь в баре ночном

или в своём Volvo

дышишь вольно

ну вот почти всё теперь как тебе хотелось
когда нищета нормой считалась
и ведь не старость пока а только поздняя зрелость
нет ещё не старость

мы с тобой 31 декабря допотопного года
на салазках дурацких через ночной город который
меньше Мадрида но больше Валенсии вместе с Кордовой
для дочки твоей списанный письменный стол из конторы
тащили под ливнем и градом

того не забуду похода

а весной ты меня на мотоцикле ржавом катала
миг бы ещё бы миг

и под грузовик попали

и хохотала ты хохотала
мы с тобой вдвоём хохотали

2.

А. К.

в метро или в трамвае замечаю
тебя но молодого у дверей
«привет!»

глядишь пока не узнавая
и на меня уставились мол кто такая

жена твоя худая молодая
и дочка года три

а кареглазы обе как и ты
но у тебя в глазах совсем другое
весёлое печальное родное
откуда почему

ответил «я еврей
но никому не говори»
не говорила никому

3.

Р. К.

та косоглазая злая что одна тянула троих близнецов
да ещё двух девчонок от разных отцов
или та в химкудряшках у которой умер сын от саркомы
(но потом когда были уже далеко мы)
какое теперь мне дело в конце концов
и до них и до той что носила джинсовые юбки
из «Берёзки»

строила глазки делала бантиком губки
а из конторы смывшись подруге звонила своей
от любовника прямо в контору «у нас всё окей»
(если мне уже столько то сколько же ей)

что мне толстый хохол любитель пісень и горілки
гнувший если попросят ложки и вилки
или рыжий полунемец-полуеврей
сочинявший стихи и собиравший бутылки
по Москалёвке и Салтовке всей
эй кто там живой

я вас нередко вижу
тут где мы новую воду в старой ступе толчём
и даже как будто нашли искомую нишу
говорит же всё-таки это о чём-то

о чём?

* * *

чмок-чмок спросонья

нет чтобы лобзанья

с утра глазунья

нет чтобы лазанья

и пита к чаю а не круассон

и за окном хамсин а не муссон

чего он даже не заметил
поскольку одновременно с этим
его маленькая девочка становилась большой

Б. И.

влажно уже хмуро
как следует утеплиться
и вместе податься в Альпы
(чёрт хороша его Audi)

потрафить хотели деду?)
опять утеплиться как следует
и ужин такой немецкий
свинину с кислой капустой
на свежем немецком воздухе
essen¹ в плетёной беседке

и бегают на босу ногу все и в летнем
тут нам жить-доживать
помнить не забывать
пока не оглохнем
пока не ослепнем

¹ essen (нем., *идиш*) – есть.

Тригорий Вахлис

ДВА РАССКАЗА

ДЖОЙ

Джой сидел на простыне. Задница у него была розовая и морщинистая, как у старика. Он и был стариком. Облезлый его хвост напоминал крысиный.

Из-под простыни торчали длинные ноги в черных носках, а с другой стороны, там где сидел Джой, неопрятные черно-седые пряди волос. Через час, на углу у магазина, он натягивая до упора поводок пожирал ошметки колбасы и кошачий корм, насыпанные в пластмассовую коробку чьей-то сердобольной рукой. Улицы казались чужими, но многое узнавалось, и пока я шел вниз, к арабскому рынку, повсюду, над крышами, в просветах между грязно-серыми и желтыми стенами, сверкало ослепительно-синее море. Когда мы вернулись, пришла Анита с годовалой дочкой на руках и устроилась на продраном диване.

– Дедушка уехал! Уехал... – сказала она и показала на грязный потолок. А потом вошли похоронщики.

В ванной, в умывальнике, было полно длинной седой щетины и валялись кучей использованные бритвенные лезвия. На одном из них еще не засохла пена. Видимо, утром побрился. Его жена звонила около одиннадцати, когда он был жив, и врачи еще что-то делали. Я машинально открыл кран, и раковина наполнилась серой водой. На его банковском счету оказались деньги – один шекель пятьдесят агорот. В магазине ему отпускали в долг – последнее четыре года это было обычным делом. У него была повышенная пенсия инвалида, и он всегда возвращал долги.

С балкона был виден весь Нижний город. Плоские асфальтированные крыши, пальмы, кипарисы, бегущие к порту кривые улицы и белые административные здания в самом низу. Все это вот уже двадцать лет портило мне кровь. С тех самых пор, как я сюда вполз, суетливо, как придавленный таракан. Я все пытался пристроиться в этой куче мусора, выброшенной морем на пыльный берег в качестве образца Средиземноморской цивилизации, но мне было далеко до таракана – в смысле неприхотливости и умения устраиваться в жизни. Город же, шершавый и горячий на ощупь, между тем вползал в меня. Особенно это было заметно, когда я пытался «вести себя», а я изо всех сил пытался вести себя хорошо. Мне хотелось заехать в рожу, а я искал «общий язык», и в голове у меня утвердился Бахайский Храм – сооружение безликое и бездарное настолько же, насколько были бездарны создатели Бахайской религии, подразумевавшей «всеобщее единение». Этот «всемирный храм» напоминал американский Капитолий с пристроенной к нему Потемкинской лестницей. Я и не заметил, что невольно стал чем-то вроде бахайца: всем, а значит, никем. Почти как в известном гимне, который, как знать? – может быть, до сих

пор поют в какой-нибудь дыре, еще более заброшенной, чем эта. Кстати, мне как-то случилось побывать в пещере, где якобы подвизался некий святой, которому приписывают создание «бахайских концепций». Дело было в друзской деревне, на Голанах. Судя по глубине пещеры, святой не так уж тянулся к людям. Как и все пророки, он по-видимому не очень-то заморачивался тем, как его поймут и что может выйти из его пророчеств. Меня же влекло к людям постольку, поскольку это приносило мне хумус насущный. Этим питательным продуктом кормили в бесплатной столовой. Судя по его запаху, он пережил срок годности, как и многие окружающие. Какое уж тут единение... Потому-то я так легко сходился с любым, с любыми...

Кстати, я хочу сказать – может, кто-то ждет от моего рассказа связности, понятности, того что называется сюжетом – совершенно беспочвенные ожидания. Разумеется, все это вместе взятое, все, что тогда сбылось, было бесконечным количеством сюжетов, вернее, было бы... но я вдруг потерял способность видеть сюжеты. Я видел просто огромную кучу жизненной закваски, которая сама по себе, низачем, без всякой цели шевелилась в бетонных зарослях, движимая простейшими инстинктами – есть, пить, испражняться и размножаться. Разумеется, все это виделось мне лишь потому, что это я сам был движим перечисленными мотивами – и потому приписывал их окружающему. А в городе между тем жили и творили писатели и ученые, художники, монахини Кармелитского монастыря, трудились инженеры и техники, программисты, (и бахайцы! чуть не забыл бахайцев!), вели оживленный диалог представители различных политических партий, левых, правых, и тех, что посерединке, диалог о том, как нам всем получше устроить нашу жизнь в этом почти курортном уголке, у моря... Они-то все видели не бессмысленно пузырящуюся протоплазму, а глубокий смысл, вернее, множество разнообразнейших и глубочайших смыслов, сюжетов того, что с ними происходило.

А вот один из сюжетов: работал рабочим на заводе «Ремточмеханика». В 1990 году выехал в государство Израиль на ПМЖ. Работал грузчиком в перевозочной компании «Братья Лоевы». Для улучшения бытовых условий взял ссуду и приобрел трехкомнатную квартиру, в связи с необходимостью регулярно погашать задолженность по вышеупомянутой ссуде в 1996г. поступил рабочим на кабельный завод. В связи с необходимостью погашать долги жены, сделанные ею в период работы по распространению косметических и лекарственных препаратов фирмы «Санрайдер», оставил завод и занялся маклерскими услугами по продаже квартир, под руководством некоего Бори. В 1999 году совместно с Борей и еще тремя юридическими лицами взял значительные ссуды в нескольких банках для организации частного бизнеса – дискотеки «Армагедон», каковой бизнес с 2000 года стал нерентабельным ввиду интифады. В связи с ликвидацией предприятия и отбытием Бори в страну, оставшуюся неизвестной, а также необходимостью погашать долги в размере семьсот тысяч шекелей, постепенно стал хроническим алкоголиком-инвалидом и, в 2010 году, наконец, умер от инфаркта.

Разумеется, несвежая простыня, черные носки и Джой тоже являются каким-то образом частью вышеизложенного сюжета, но что-

бы их органически с вышеизложенным увязать, необходимо быть писателем, программистом или бахайцем. Я ни то, ни другое... Точнее, ни то, ни се... Мне не хватает собственной нарративности, а одолжить негде. И хорошо! Я подозреваю, что в самом осужечивании уже таится суждение, а стало быть, и осуждение. Неужели же (быть не может!) сам способ нашего мышления изначально содержит подлость? Надо бы как-то разучится мыслить...

Я стою на балконе, отсюда, с последнего этажа открывается потрясающий вид: ослепительно-лазурное море и бегущие к нему экзотические восточные улицы в пальмах и кипарисах. За спиной у меня совершенно сгнивший кухонный шкафчик, из которого вывалились проржавевшие кастрюли – те самые, пасхальный подарок братьев Лоевых.

Кстати, о нарративности – совсем забыл о каббалистах! Когда еще во время войны в Персидском заливе на город падали ракеты, одна из них не взорвалась прямо в супермаркете, на Чек-посту, то каббалисты это объяснили. К сожалению, не помню как. Я запомнил только самое начало фразы: «Это было нужно для того, чтобы...»

ИДО

Идо Мизрахи имел внешность ночующего на вокзале – при том, что никакого вокзала в Иерусалиме не было. Так – крошечная станция, давным-давно закрытая ввиду нерентабельности ж.-д. перевозок. На станции этой Идо побывал только один раз – когда заблудился, выйдя из своего квартала. Поездом же, как и самолетом, он никогда в жизни не пользовался, соблюдая заповедь не покидать Эрец-Исраэль. Желто-розовая пыль сделала его черный лапсердак похожим на маскхалат. Белая некогда рубашка идеально воспроизводила цвет пыли – не считая угольной каемочки вокруг шеи. Черного же бархата кипа выгорела до оранжевого, уже буддийского оттенка. Правая брючина была частично заправлена в черноватый носок, что выдавало привычку надевать носки после брюк. Таким я и увидел его – в естественной, так сказать, среде обитания – в Меа-Шаарим... Я как раз пытался сфотографировать черную массу студентов, вываливающих из американизированной ешивы «Эц хаим» – на их фоне Идо выглядел как подбитый дятел среди стаи ворон. Я подошел поближе, и он улыбнулся, как будто всю жизнь только и делал, что стоял и ждал этого момента. Жил он тут же, в соседнем переулке, в трех полупустых комнатах. (Кто их оплачивал, я так и не узнал). Вообще-то мне тогда было не до него – я болтался по улицам, зачем-то фотографируя евреев. Сидя на пособии я разыгрывал перед самим собой пантомиму работы... Картины я мог рисовать и дома, без всякого материала. Ничего не стоило намалевать пяток приятных парикмахеров – с пейзажами, штраймлами и прочей религиозной атрибутикой. Мне уже не раз дали понять, какое выражение лица пользуется спросом – у меня было несколько знакомых галерейщиков. Они следили, чтоб на моих картинах было все что надо, и не дай Бог, не появилось то, чего не надо, а мне видимо, нравилось, как настоящему художнику, собирать материал для будущих картин. И тут я встретил Идо.

Разумеется, Идо учился в ешиве, но к тому же еще и рисовал – масляными красками. Полы в его квартире были покрыты разноцветными пятнами, и я сразу опознал их. Картины он достал из-под кровати. Несколько портретов рабби Нахмана и пейзаж. Это был классический примитивизм – в исполнении человека, никогда в жизни не слышавшего этого слова. Пейзаж мы поставили в кухне на столе, и я хорошенько все рассмотрел.

– Умань! – пояснил Идо. Он, оказывается, видел кое-какие старые фотографии. Кроме того, туда ездили соученики, а потом все рассказали. Там жил рабби Нахман. Насчет рабби Нахмана я знал плохо. Помнил только, что он всю жизнь мечтал об Иерусалиме. С великим трудом добрался до Эрец-Исраэль, но вернулся назад, так и не побывав в Центре вселенной.

Идо, по-видимому, не был в восторге от Святого города. Во всяком случае, от того, в котором жил. Возможно он, как и положено еврею, грезил о невозможном, – о каком-то ином, «правильном» Иерусалиме... Факт пребывания в самом сердце одноименного города его нисколько не беспокоил. Он нарисовал не Иерусалим, даже не Умань рабби Нахмана, которая отсюда, с Меа-Шеарим, могла бы представляется Иерусалимом.

Он нарисовал свое – темную ночь, кривые домики – розоватые и голубоватые, на горбатой черной улице. Один домик был совсем маленький и в нем сидела курица. Курица спала. Глаз, осененный печальными ресницами, был закрыт. Над забором светил месяц, а в окошках теплились неумело нарисованные свечи.

Идо сервировал завтрак, а возможно – обед: два куса хлеба, намазанных хумусом. Я съел свой кусок и запил водой из крана.

Мне часто попадаются люди, почему-то полагающие, что кисточки и краски, которыми я рисую, есть реальные предметы реального мира, а вот то, что нарисовано – это уже моя выдумка. (Пусть выдумают что-то получше!) А я видел Идо, трогал руками его картину и домики на ней, и могу засвидетельствовать их реальность. А кое-кто видел меня самого... Значит, все в порядке! Я реален! И вы тоже! Возможно, мы с вами вставлены друг в друга, как Умань Идо вставлена в какую-нибудь другую, фактическую Умань. Или Гумань, как говорили когда-то... Напоминает о гуманизме – не правда ли?

Другие люди впадают в противоположную крайность, заявляя что «художник творит свои миры». В таком случае Идо сотворил мир, в котором он, в качестве Господа святого и крепкого, уже помиловал все живое, не дожидаясь от этого живого чего-либо.

И я тоже был прощен! Об этом ясно сказала курица, ее фиолетовые ресницы. В этот момент тяготивший мою душу гигантский призрак Иерусалима растаял, я очутился в чем-то похожем на обыкновенный Харьков, – просто город, где нашлось вдруг место и для меня тоже.

Люди любят ясность. Ясность успокаивает. Однако ясности нет.

Я много раз рисовал Идо, чаще всего вместе с сыном, которого видел на фотографии, и это принесло мне деньги! Одна галерея купила портрет углем, а один известный адвокат большую картину маслом.

Самого же Идо я больше не встречал.

СЛОВА ПРОЩАНИЯ

* * *

Игорь был художником скромным и честным. Он работал в эстетике Правды, созданной нашими учителями в поэзии, и не отступился от неё ни на шаг. Всю жизнь служа в изданиях с миллионными тиражами, он никогда не использовал их для пиара своих стихов. Искушение было, но, преодолев его, Игорь стал к концу своей недолгой жизни мастером. Очень русским. Россию в его стихах невозможно не любить. В поэзии Игорь был честен перед собой, перед людьми и перед Богом.

Не стало соратника, мастера, товарища. Смерти нет. Но есть осиротелость пространства, никто не скажет о наших местах так, как мог Игорь. В нём было много любви. И эта любовь с нами уже навсегда.

Алексей Ивантер

* * *

Всегда что-то шелкает в сердце в таких случаях, всегда чувствуешь какую-то непростоту и даже символичность происходящего, словно к чему-то нас приурочивающего: вдруг пошло движение со стихами Царёва, словно море вспенилось.

Он как-то виртуально пожимал плечами, неловко улыбался, что ли. Писал мне 19 февраля об этом: *«Прямо лавина в предгорьях Эльбруса»*.

И дальше: *«Просто я старый уже журналюга, используя административный ресурс (всю жизнь работал и работаю в центральных газетах с миллионными тиражами), всегда мог хорошо пропиарить свои вириши. Но дал себе когда-то зарок – не прилагать ни малейшего усилия в этом направлении. Мол, если тексты достойны, сами пробьются. А нет – так тому и быть. И в этом году какой-то повышенный интерес от журналов пошел. В “Дальнем Востоке” подборка вышла (ребята из Владивостока сосватали). В “Сибирских огнях” (спасибо Лёше Ивантеру) в марте появится. Вот, с твоей легкой руки (мой поклон) – еще один вариант вырисовывается... Так что процесс действительно любопытен уже сам по себе вне зависимости от каждого конкретного результата»*. (Лёгкая рука была как раз не у меня, а у Д. Сухарева, который и познакомил сочинения Игоря с ИЖОМ.) Я Царёву ответил: *«Ну и с Богом. А что сами пробьются стихи – большооой вопросительный вопрос»*. Царёв: *«Это точно. Да и “не сами” – тоже под вопросом. Это я более чем понимаю. Потому меня процесс и интересует в большей мере, раз уж вероятный итог заранее известен»*. *«А каков вероятный итог? – спросил я. – “Всё вечности жерлом пожрётся”, как сказал Державин?»*

Царёв ответил: *«Именно»*.

Ну что сказать? Мы помним афористичную, в разные стороны острую строку *«Всё проходит, но бесследно не проходит ничего»*.

Станислав Минаков

* * *

*Когда поэта (в смысле что – Поэта)
подарят неожиданно тебе
и полон благодарности за это
к нему, к друзьям, к Всевышнему, к судьбе,
когда стихи смакуешь понемногу –
и всё твоё: душа, манера, слог,
ты не готов к банальному итогу:
прогуливаясь вечером по блогу,
ища стихи, увидеть некролог.
Ты не подашь, пожалуй, даже вида,
живёшь, как жил. Но копится в зобу,
дышать мешая, едкая обида
на тех... Того... короче, на судьбу.*

Григорий Певзнер

* * *

В ответ на стандартную мою просьбу прислать «стихи, ранее не публиковавшиеся в “бумажных” изданиях», – 20 февраля Игорь написал: «...В газетах и журналах я практически не печатался, так что с этой стороны вроде бы особых проблем нет. Но год назад знакомые в Киеве сделали мне (карманным тиражом в 300 экз.) книжку моих стихов. И так как текстов у меня не очень много, то туда вошел практически весь мой стратегический запас. После этого стихов 10-15 у меня написалось. Не более. < ... > Мой поклон Святой земле».

Название подборки мы с ним согласовать не успели. Перечитав стихи еще раз, увидел я, что звёзды – так получилось – освещают и первое (*В майском небе топчется знак Тельца, / Млечный путь копытцами оцарапав*), и последнее (*Только лунный след копыта возле Млечного пути*) стихотворение этой – так получилось – уже посмертной публикации Поэта. Оттуда и звёздное название...

Игорь Бяльский

* * *

*Нас живых поменяют на мёртвых,
Нашу сказку расскажут не так
Незнакомые люди в двубортных,
Неприятных для нас пиджаках.
Наши дети родят наших внуков,
И на Землю опустится день.
Самых лучших сыграет Безруков.
Вот такая, товарищи, хрень...*

Екатерина Горбовская

Игорь Царёв

ВОЗЛЕ МЛЕЧНОГО ПУТИ

РАСПУТИЦА

В майском небе топчется знак Тельца,
Млечный путь копытцами оцарапав,
А земной дорогою от Ельца
Ни в Москву не выбраться, ни в Саратов...
Чернозёмы, с глинами на паях,
Не хотят и мелочью поступиться –
И стоят растерянно на полях
Трактора, увязшие по ступицы.
Развезло кисельные берега,
Но их мягкий норов куда полезней
Босякам уездного городка,
Чем асфальто-каменные болезни.
Как же сладок дух луговой пылицы!
И вода прозрачна, и крест тяжёл там,
И беспечно маленькие тельцы
Под крестом пасутся в цветочно-жёлтом...
И тебе дан шанс – в небеса лицом –
Не спеша, в подробностях, помолиться,
Ведь, когда распутица, под Ельцом
Бог куда доступнее, чем столица.

ЧАСЫ

Всё по часам – и плачешь, и пророчишь...
Но, временем отмеченный с пелёнок,
Чураешься и ролексов, и прочих
Сосредоточий хитрых шестерёнок.
Они не лечат – бьют и изнуряют.
И точностью, как бесом, одержимы,
Хотя не время жизни измеряют,
А только степень сжатия пружины.
И ты не споришь с ними, ты боишься –
И без того отпущенное скудно!
Торопишься, витийствуешь и длишься,
Изрубленный судьбою посекундно.
Спешишь сорить словами-семенами –
Наивный, близорукий, узкоплечий,
Пока часы иными временами
И вовсе не лишили дара речи.

БАЛЛАДА О ТРОИХ

Когда страна ещё ходила строем
И все читать умели между строк,
На пустыре сошлись впервые трое,
Деля по-братски плавленный сырок.
Мы что-то возводили, водружали
И снова разрушали впопыхах,
А трое не спеша «соображали»
За гаражами в пыльных лопухах.
Несуетное это постоянство,
Пока другие расшибали лбы,
Преображало маленькое пьянство
Во что-то выше века и судьбы.
Менялась власть, продукты дорожали,
Казалось, всё трещит на вираже!..
А эти трое – там, за гаражами, –
Незыблемыми виделись уже.
Вот и сегодня, в шёлковой пижаме,
В окошко глянет новый печенег,
А трое, как всегда, за гаражами
Несут свой караул, заоченев.
Пусть их имён не сохраняют скрижали
И троица не свята, но, Бог весть,
Спокойно засыпайте, горожане,
Пока те трое пьют за гаражами,
Хоть капля смысла в этом мире есть.

МАЛАЯ ВИШЕРА

Е. Д.

У судьбы и свинчатка в перчатке, и челюсть квадратна,
И вокзал на подхвате, и касса в приделе фанерном,
И плацкартный билет – наудачу, туда и обратно,
И гудок тепловоза – короткий и бьющий по нервам...
И когда в третий раз прокричит за спиною загонщик,
Распугав привокзальных ворон и носильщиков сонных,
Ты почти добровольно войдёшь в полутёмный вагончик,
Уплывая сквозь маленький космос огней станционных.
И оплатишь постель, и, как все, выпьешь чаю с колбаской,
Только, как ни рядись, не стыкуются дебет и кредит,
И наметанный взгляд проводницы оценит с опаской:
Это что там за шушера в Малую Вишеру едет?
Что ей скажешь в ответ, если правда изрядно изношен?
Разучившись с годами кивать, соглашаться и гнутья,
Ты, как мудрый клинок, даже вынутый жизнью из ножен,
Больше прочих побед хочешь в ножны обратно вернуться...

И перрон подползёт, словно «скорая помощь» к парадной..
И качнутся усталые буквы на вывеске гнутой...
Проводница прищурит глаза, объявляя злорадно:
– Ваша Малая Вишера, поезд стоит три минуты...
И, вздохнув обречённо, ты бросишься в новое бегство,
Унося, как багаж, невесомость ненужной свободы,
И бумажный фонарик ещё различного детства,
Освещая дорогу, тебе подмигнёт с небосвода.

СТАРАЯ НЕЗНАКОМКА

Дыша духами и туманами...

По скользкой улочке Никольской,
По узкой улочке Миусской
В разноголосице московской –
Едва наполовину русской,
Ни с кем из встречных-поперечных
Встречаться взглядом не желая,
Вдоль рюмочных и чебуречных
Плывёт гранд-дама пожилая.

Ни грамма грима, ни каприза,
Ни чопорного политеса,
Хотя и бывшая актриса,
Хотя ещё и поэтесса,
Среди земных столпотворений,
Среди недужного и злого,
В чаду чужих стихотворений
Своё выхаживает слово.

В былинной шляпке из гипюра
Или другого материала,
Она, как ветхая купюра,
Достоинства не потеряла.
В нелёгкий век и час несладкий
Её спасает книжный тоник,
Где наши судьбы – лишь закладки,
Небрежно вставленные в томик.

ИЕРОНИМ

Съели сумерки резьбу, украшавшую избу.
Звёзды выступили в небе, как испарина на лбу.
Здесь живет Иероним – и наивен, и раним.
Деревенский сочинитель... Боже, смилуйся над ним!
Бьётся строф ночная рать... Сколько силы ни потратить,
Всё равно родня отправит на растоп его тетрадь.

Вся награда для творца – синяки на пол-лица,
Но словцо к словцу приладит, и на сердце звон-ни-ца...
На печи поёт сверчок, у свечи оплыл бочок –
Все детали подмечает деревенский дурачок:
Он своих чернильных пчёл прочим пчёлам предпочёл,
Пишет – будто горьким мёдом... Кто б ещё его прочёл.

* * *

Старый зонт, авоська, а в ней кулёчек...
С головою кипельной, как в бинтах,
На Колхозной площади бывший лётчик
Пшённой кашей кормит озябших птах.
В нём ещё гудят и азарт, и тяга,
К небесам вздымающие металл...
Вот ведь вроде – земной чертяка,
А не меньше ангелов налетал!
Видно, очень ценит его Создатель,
Если в райских куцах ещё не ждут,
Если он по-прежнему испытатель,
Но теперь испытывает нужду...
А ему за это – рассветов накипь,
И глухую россыпь осенних нот,
И ночных дождей водяные знаки
По кленовой охре лесных банкнот.

* * *

День вчерашний забываем в простодушии своём,
Словно брата убиваем или друга предаём.
Что там явор кособокий, что усталая звезда,
На беспамятстве и боги умирают иногда.

Под больничною берёзкой ходят белки и клесты,
А за моргом – ров с извёсткой, безымянные кресты.
Там уже и Хорс, и Велес, и Купала, и Троян...
Только вереск, вереск, вереск нарастает по краям.

Прячет память под бурьяном перепуганный народ,
А беспамятная яма только шире щерит рот:
И юнца сглотнет, и старца... Отсчитай веков до ста,
Рядом с Хорсом, может статья, прикопают и Христа.

Всё забыто, всё забыто, всё прошло, как ни крути,
Только лунный след копыта возле Млечного пути,
Только Волга над Мологой кружит чёрною волной,
Только небо с поволокой, будто в ночь перед войной...

Пётр Межурицкий

ЕСЛИ ТЫ, КОНЕЧНО, ЕСТЬ

* * *

Правит бал всё та же знать,
плебс всё так же прост, поди, —
из торговцев Храм изгнать
невозможно, Господи.

СТРАШНЫЙ СУД

Нельзя дважды вступить в одну и ту же воду,
зато можно сколько угодно наступать на одни и те же грабли,
и раз уж Кто-то так мудро устроил природу,
значит, перекуём на орала сабли,
и возляжет лев рядом с ягнёнком,
и станет думать о чём-то тонком,
например, о тающей в дымке фелюге
или, допустим, о Баха фуге,

но всё это потом, а во-первых,
состоится воскресение мёртвых,
с которыми та ещё будет морока,
если я правильно понял пророка.

ВСПЫШКА

Может, я не прав, что в Бога верю,
зря, возможно, дьявола боюсь,
а мои обиды и потери
попросту напрасны — ну и пусть!

Как ни относишься к судьбы этюду —
«караул» кричи или «ура», —
всё равно другим уже не буду
никогда, особенно вчера.

На краю ещё одной могилы
белый свет отпустит удила —
вот и всё, что не было и было,
неужели это жизнь была?

ДОВОЛЬНО СКОРЫЙ

Намечается концовка,
от чего не отвертеться –
это что за остановка?
Это остановка сердца.

Может, сыты вехами,
может, нет – да важно ли? –
всё равно приехали,
выходите, граждане!

РЕНЕССАНС

Окончен, братья, век подлогов,
и правда торжествует вновь:
евреи нагло в синагогах
младенцев пьют святую кровь,
иконы в храмах многолюдных
рыданиями ласкают слух –
как много нам открытий чудных
готовит просвещенья дух!

* * *

Время пустит с молотка,
море слижет языком –
жизнь вселенной коротка,
что ж волнует дурака,
колокол звонит по ком?

Но в припадочном дыму
на воздушях, словно взвесь,
поглощая тьму саму,
звон по Богу твоему,
если ты, конечно, есть.

* * *

Р. Б.

Возможно, город Тель-Авив,
где солнце, воздух и «Эль-Аль», –
очередной еврейский миф,
всё та же Библия – а жаль,
хоть мне бывало в нём хреново,
ещё и как; не дай Бог снова!

О ДОБРОМ

Добро должно быть с мудаками,
должно дневать и ночевать
с ментами и штурмовиками,
иначе нам несдобровать –
пусть будет добрым смертный одр,
прокрустова добра кровать,
а если Межурицкий Пётр
недобр, то разве не плевать?

* * *

Меж Петраркой и Лаурой
ничего такого нету –
ну какие шуры-муры
эти вздохи и сонеты?

Оттого и дантов ад,
в свете нынешних приличий,
разве что не детский сад,
да простит мне Беатриче.

ТЕОРИЯ КАТАСТРОФ

Кто утопил Муму
и кто распял Иисуса?
Счёт предъявить кому,
зависит лишь от вкуса,
и кто б ни правил бал,
будь, жизнь, хоть в том права ты,
что те, кто пострадал,
ни в чём не виноваты.

СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ

В конечном счёте время – паутина,
что до пространства – слишком ясно, где я:
для сатанистов – это Палестина,
для тех, кто с Богом, – это Иудея.

Давид Маркиш

ПЕТРОВИЧ

Лёва Петрович был человеком не только прямоходящим, но и думающим; о самом себе он отзывался либо хорошо, либо никак.

Начать рассказ следует с того, что «Петрович» – это не отчество Лёвы, а его фамилия. Дело в том, что корни Лёвиного генеалогического древа тянулись к лесному местечку Петровичи, что в Белоруссии. Понятно, не в глухих лесах, не по соседству с беловежскими зубрами проклюнулись впервые эти корешки, а в финиковых еврейских краях, где в своё время молочные реки текли себе, говорят, меж медовыми берегами. Много лет спустя, уже после Тёмных веков, попутным ветром прибило в эти места, в будущие Петровичи, горстку евреев, и среди них хромого Нехемию – знатока древних историй и отменного фантазёра. Когда пришёл смертный срок этому хромоу Нехемии и он умер на новом месте, скорбящая родня предала его земле по всем нашим еврейским правилам. И чтоб лежалось ему в чужой земле спокойно и бестревожно, бросили в могильную яму щепотку родной земли, принесённой в тряпице с финиковой отчизны и хранимой, как святыню и зеницу ока, все века рассеяния по просторам мира. Теперь можно было считать будущие Петровичи отчасти своими – промежуточной родиной, что ли... И прижились, пошли понемногу в рост родовые корни пришлецов, обрубленные римским мечом в незапамятные времена.

Так и жили-поживали евреи в местечке Петровичи; мало кто о них и слышал в просвещённом мире, за пределами белорусских лесов и болот. Потом пришло время поставить на учёт еврейские души, переписать, обозначить их, как положено, в государственной учётной книге по фамилиям, без которых и так тут распрекрасно обходились. Придумать фамилию – дело вроде бы плёвое, хотя и вызывающее смущённый смех: вчера человек был бесфамильный, а с сегодняшнего дня разгуливает уже с фамилией; что тут изменилось? Фамилия ведь не шапка, на голову не наденешь.

Придумывание фамилии зависело от переписчика: как он запишет, так и будет. Позолотишь ему ручку, он красиво и придумает: «Ривкин», или «Лейбов», или даже «Кицис». Разозлишь его чем-нибудь – дело плохо: «Волк», «Заяц», «Карп». А если ему уже всё равно, он устал записывать и хочет ужинать, тогда, недолго думая, – по названию местечка: «Луцкий», «Белоцерковский» или вот «Петрович». А что: местечко Петровичи – еврей Петрович; не Петровым же, курам на смех, еврея нарекать. Но из Петровичей вышли не одни только Петровичи, но и другие люди, например, знаменитый писатель Айзек Азимов.

Айзек Азимов и Лёва Петрович уцелели, а местечко Петровичи пришло в запустенье: немцы его сожгли, а послевоенная разруха окончательно свела с лица земли.

Сам Лёва местечко с таким милым именем уже не застал – он появился на свет через два десятка лет после окончания войны, в

Киеве. Родители его – да, те родились в самых что ни на есть Петровичах и, называя при заполнении анкет место рождения, указывали, стало быть, на безлюдную лесную пустошь, а не на тёплое человеческое гнездо посреди непролазного леса.

Но и киевлянин Лёва, заполняя по мере необходимости опросный листок, ощущал дуновение чистосердечной любви, веющей из белорусской чащобы; в роли малой родины Петровичи были для него почему-то куда приятней и милей, чем державный Киев с его великой историей.

Хотя и в Киеве он чувствовал себя безмятежно.

Служил безмятежный Лёва по зверской части, в киевском зоопарке: он был ветеринар. Звери – мы тут о рыбах не говорим – могли окарябать когтями или даже загрызть, но подколенное коварство и хитрость они в себе не копили и всяческим козням предпочитали прямолинейные действия. Общение с животным миром сделало Лёву вполне терпимым человеком.

Лишь одно он терпеть не мог в людях: страсть к вранью. Склонный к общественной деятельности и одержимый распространённой еврейской болезнью – пустопорожним стремлением к справедливой переделке нашего мира, Лёва Петрович основал и зарегистрировал «Лигу борьбы с ложью»; в Отделе разрешений Минюста это никого не удивило – с ложью так с ложью.

В Зоопарке, по месту службы, затею Лёвы приняли с пониманием: враньё нашей жизни всем уже давно надоело, люди продолжали врать по привычке, и это удручало Лёву Петровича.

– Ну зачем врать-то? – обсуждал он со своими сослуживцами глубинные проблемы, начиная с фундаментальных. – Змей – да, был, а про Адама с Евой наполовину враки.

– Да ты-то откуда знаешь? – дивились сослуживцы такой осведомлённости.

– Потому что змея не человек, – объяснял Лёва. – Она врать не может.

К истории с адамовым ребром Лёва относился иронически: в творческом вымысле он находил корни корыстного надувательства. Яблочное направление мифа он воспринимал почти болезненно: при упоминании румяно-розового, с золотистым загаром древесного плода его просто перекашивало. Он так кипятился, будто это не Адам, а сам Лёва Петрович спал посреди поляны под яблоней с разноцветными листьями – красными, синими и оранжевыми, и вокруг зудели мухи; одним словом, всё было просто замечательно. Итак, Лёва спал. Потом он разлепил глаза и увидел, как Ева, сидевшая рядом, прислонившись музыкально изогнутой спиной к стволу, лениво выплюнула травинку, которую она, прикусив, держала во рту и, рассчитанным кошачьим движением сорвав яблоко с ветви, впиалась в него с неожиданным, невиданным прежде Лёвой вожделением и страстью. И мир закрутился в обратную сторону: пришла любовь и всё испортила.

К любви Лёва Петрович имел прямое отношение: после неудачной, по сердечному влечению женитьбы он разочаровался в продолжительных любовных отношениях, предпочитая им быстролётные встречи с девушками трудной судьбы. Любовь была

уместна, когда она пылала час, день или два, а затем гасла, подобно свече, оставляя по себе бесформенный огарок, которому место в мусорном ведре.

Итак, предпочитая теории живую практику, он решительно отъединил влюблённость от любви; любовь, раньше или позже, превращается во вредную привычку, а влюблённость вспыхивает, как звёздочка в небесах, а потом исчезает без следа до появления следующей: «Девочка плачет, шарик улетел». Зато красиво.

Рассуждая и размышляя таким образом, Лёва в конце концов пришёл к выводу, что корень всех наших зол и бед кроется в любви; она, строго говоря, куда сильнее смерти. Не успеешь и моргнуть, как пара обрастает припёкой, образуется треугольник, шило вылезает из мешка, начинается ревность, ругань, скандал, иногда и с мордобитием; настоящая война. Рука тянется к ножичку либо к петле – верёвку мылить. В воздухе пахнет кровью.

Взаимоотношения Адама с Евой занимали его почему-то сверх всякой меры. Если на примере перволюдей всё так отчётливо видно, то и нам самое время призадуматься над тем, что случилось в райском саду, среди деревьев и кустов. «Змей – аллегория, – рассуждал и размышлял Лёва Петрович, сидя в своём ветеринарном кабинете, по месту службы, – вроде Вороны в басне дедушки Крылова. На самом деле это соблазнитель, принудивший мирного Адама ревновать и ругаться». Надо сказать, что распустившего руки прародителя Лёва понимал всей душой: он и сам, в своём недолгом браке, успел испытать муки ревности и, видит Бог, не без оснований; на всякого простака свой Змей Горыныч.

На простака Лёву случился Змей Горыныч кавказской национальности – красавец и усатый хам; измена новоиспечённой жены не вызывала и тени сомнений. Но чрезмерные прелести жены Лёва Петрович вскорости позабыл, а вот горечь обмана въелась ржавчиной в сердце. Ведь клялась всеми своими поджилками и прожилками, что полюбила Лёву пламенно и нежно и будет век ему верна. А на поверку вышло всё не так: врала бывшая жена Анька, первобытная ложь взяла в ней верх. И так повсюду: сначала ложь, а уже потом жалкие заплатки правды. Ложь правит миром, это же очевидно.

В повсеместное искоренение лжи Лёва ничуть не верил и даже на это не надеялся. Чего ж тогда кипятиться и руками махать, если цель недостижима, как летающая тарелка в небесах? Но Лёву Петровича увлекал сам процесс борьбы за правдивое будущее; там лев не будет спать на одной подушке с ягнёнком, потому что это враки, зато люди не станут мошенничать и жульничать, и мир, может быть, станет получше.

Сослуживцев и близких знакомых Петровичу не приходилось уговаривать: они с ним не спорили, находя в нём человека приятного, но со сдвигами. А кто из нас без сдвигов, позволительно спросить? Что-то таких не видать даже в отдалении...

Проблема своей национальной принадлежности и существования как-никак исторической родины на Финиковом берегу до поры до времени не тревожила ветеринарного правдолюбца Лёву Петровича.

Да, еврей; но в наши новые времена еврейский вопрос отошёл почему-то на второй план. Да, есть Финиковый берег; но он никак не связан с берегом Днепра, до середины которого, как всякому известно, не каждая птица долетит.

Иерусалим, наряду с Жидовскими воротами и когда-то еврейским Подолом, занимал устойчивое место в ряду Лёвиных национальных ориентиров, но не волновал его душу; забудь он имя нашей столицы, правой его руке ничего бы не угрожало. Поэтому, получив от одной из многочисленных еврейских общественных организаций предложение съездить на неделю в Израиль почти бесплатно, Лёва Петрович, разумеется, согласился, но без сердечного трепета: земля предков с её арабами и жарой вызывала в нём двойственные чувства. С одной стороны, историческая родина была ему ближе и теплей, чем загадочное государство Науру, известное лишь по своему присутствию в ООН, а с другой – житейское утверждение «где родился, там и пригодился» застряло в его сознании, как колун в чурбаке.

Пекло. На землю предков, по библейским холмам которой, как известно, древние евреи гоняли баранов и козлов, Лёва Петрович ступил с каким-то ворчливым предубеждением: он *должен* был испытывать любовь к этой земле лишь по той причине, что тридцать пять лет назад его еврейский папа взгромоздился на его еврейскую маму. Папа был гуляка и картёжный игрок, он бросил маму с маленьким Лёвой на руках, в поисках удачи уехал в Америку и исчез. По слухам, не зная расстояний и границ, он погорел на мошенничестве с кредитными картами и сел в тюрьму лет на двести. Вестей из-за решётки он никаких не подавал, да их и не ждали. Мама, промаявшись достаточно, вышла замуж за туркмена по имени Дурды, специалиста по народным песням песчаного племени ямуд, и уехала жить в Ашхабад, поручив Лёву, подросткового уже возраста, заботам бабушки по линии непутёвого американского пленника.

И вот теперь, в силу этих гнусных причин, Лёва *должен* был любить израильскую землю, поросшую пальмами и кактусами. Против зелёных насаждений он ничего не имел, будь то кактусы, ёлки или хоть баобабы. Другое его угнетало: для каждого, в сущности, еврея, его *долг* состоял в неременной любви к этой земле, на которую Лёва, спустившись по трапу самолёта, ступил. Всякий долг предусматривает обязательную отдачу, иначе должник прослывёт жуликом и обманщиком, и вот это уже будет истинная правда. А Лёве Петровичу за какие такие долги надо теперь расплачиваться любовью? За то, что тридцатые предки папы, коротающего время на американских нарах, и мамы, которую Дурды увёз в свои пески, сидели тут в незапамятные времена в шатрах и хлебали чечевичную похлёбку?

Лёву такое объяснение не устраивало. Исторической похлёбке он уверенно предпочитал украинский борщ со сметаной, и сидение в шатрах тоже никак его не привлекало. Никакого предубеждения против национальных артефактов у него не было – похлёбка так похлёбка, шатёр так шатёр, пусть сидит, кому нравится! Он и к украинским ветхостям относился без всякого трепета: все эти запорожцы в синих атласных портках и, копая поглубже, даже сам кре-

ститель Владимир Красное Солнышко, сын Малки, оставляли его безучастным. Происходило это не по причине его еврейского происхождения, а потому что всю книжную историю он считал набором лживых сказок и побасёнок, наподобие противоестественного сожительства Кощея Бессмертного с Бабой-Ягой. Он и падение стен Иерихона от музыкального шума не принимал всерьёз: враньё, и всё тут. Зачем врать, когда правда куда лучше? А вот в то, что царь Давид играл на лютне, Лёва Петрович верил, хотя и с поправкой: царь играл на дудке. Наяривать на лютне Давид никак не мог, потому что в те времена лютни вообще не существовали в природе. Только дудки.

Очевидно, что Лёва ориентировался на несомненные реалии нашей жизни, в то время как герои прошлого, будь то Ярослав Мудрый или же Мудрый Соломон, не грели его кровь. Это для нас, израильтян, библейские персонажи проживают как бы в соседнем микрорайоне. Я, например, почти что через день встречаю в супермаркете сомневающегося Элишу по прозвищу «Другой»; он покупает хлеб и кислое молоко. Мы раскланиваемся и идём каждый своей дорогой. А куда нам ещё идти? Это наша отчизна, здесь мы и обретаемся. Не то Лёва Петрович, правдолюбец. В угоду прозрачной Истине он назовёт вам Украину своей отчиной лишь наполовину, а вторая половина останется неочерченной и туманной, как подоплёка.

У рассеянных по всему свету евреев нет полновесной отчины, зато обязательно найдётся, если поискать получше, какая бы то ни было родня на исторической родине. Обнаружилась дальняя родня и у Лёвы. Более того: выяснилось, что выходцы из местечка Петровичи и их потомки объединились в землячество, насчитывающее три десятка членов, включая одного члена Кнессета и одного фабриканта, разбогатевшего на производстве продвинутых электронных протезов для инвалидов.

Лёвин родственник, прокалённый солнцем вдовый старик по имени МIRON, ни на чём не разбогател: с давних времён, с юных лет жил он в кибуце «Эвен Авраам», что по-русски означает «Камень Авраама», деньги его интересовали лишь по мере их необходимости для жизненного процесса, то есть почти никак. Работал он и на молочной ферме, и в прачечной, и на бахче, и на куриной фабрике; где была в нём нужда, там он и работал. Лёва отправился в кибуц, к МIRONу, не по зову родственной души, а потому что хотел составить мнение о том, что такое еврейская деревня.

Но не оказалось там никакой деревни, а лишь собрание белых коттеджей посреди ухоженной травяной поляны, рассечённой по разным направлениям чисто выметенными дорожками. Одна из таких дорожек упиралась в двухкомнатный домик МIRONа. В большой комнате стоял книжный шкаф, тесно набитый ивритскими и русскими книжками. Серый, с розовым хохолком, попугай «жак» сидел на высокой резной жардиньерке близ шкафа, как будто он служил тут библиотекарем или просто залетел сюда почитать, и зорко рассматривал Лёву своими лакированными глазами. Под окном, снабжённым раздвижными противосолнечными жалюзи, помещалась дощатая витрина, на которой были разложены каменные предметы не вполне понятного назначения.

Мирон смотрел на новоявленного родственника с доброжелательным любопытством, но без всякого волнения.

— У меня есть тетрадка, — сказал Мирон, — я туда записываю родственные связи нашей семьи: кто жив, кто умер, кто пропал в войну... Может, и ты там есть!

И Лёве Петровичу почему-то остро захотелось, чтобы старик Мирон обнаружил его в своей семейной тетрадке.

Но поиски отложили на вечер, а пока что, узнав, что неудостоверенный родич его — ветеринар, Мирон повёл Лёву в детский сад, показывать площадку молодняка с кроликами и морскими свинками. Во дворе, среди качелей, стояла музейная двуколка на резиновом ходу: колёса, как видно, сменили уже в новое время. В изящном кузове двуколки играли дети, её белые оглобли были покорно разведены и словно бы ждали жеребца.

— На ней поедем, — сказал Мирон. — Сейчас запрягу и поедем.

И действительно, пока Лёва Петрович разглядывал кроликов и занятых собою, не обращавших на него ни малейшего внимания кибуцных детей, Мирон, птясь, выволоч из какой-то деревянной будки сивого мерина, взнузданного и в хомуте.

— Сокол это, — сообщил Мирон, заводя мерина в оглобли. — Не балуй, Сокол!

Надо сказать, что Сокол, если когда-нибудь и баловал, то приключилось это с ним в последний раз немало лет назад. Подойдя поближе и обежав лошадь намётанным ветеринарным взглядом, Лёва Петрович обнаружил, что правый её глаз затянут мутной белёсой плёнкой.

— Что-то у него с глазом... — деликатно заметил Лёва.

— Кривой он, — незамедлительно внёс ясность Мирон. И, обращаясь к мерину, ободряюще добавил: — У нас один глаз за три! Правда, Сокол?

Сокол уныло стоял в оглоблях, свесив голову.

— Я раньше на мопеде ездил, — продолжал Мирон, — а теперь уже не могу: равновесие не держится.

В кузове двуколки было просторно, они сидели рядышком на мягком диване со спинкой, приспособленном из заднего сиденья отслужившего свой век автомобиля. Сокол сохранял полную неподвижность, только ушами прядал. Поддёргиванье вожжами, посвистыванье и невнятные междометия, произносимые Мироном при помощи сведённых в дудку губ, не производили на него ни малейшего впечатления.

— Сейчас он у меня пойдёт... — грозно пообещал Мирон и, поднявшись на своих старых узловатых ногах, прокричал страшным голосом: — Пожар!

И действительно, мерин тотчас вздрогнул, как будто его огрели кнутом, и потрусил по дорожке.

— К нему надо подход знать, — победно взглянув на Лёву Петровича, сказа Мирон. — А без этого никак...

Катались по хозяйству без спешки: ни Мирон, ни Сокол никуда, похоже, не торопились. Поглядывая по сторонам, Мирон давал справки по всякому предмету, оказавшемуся в поле его зрения: от молочной фермы и рыбного пруда до огромных, добродушных, как сенбернар, деревьев, располагавшихся в одиночку там и сям.

По пути от коровника к библиотеке им повстречалась аккуратная старушечка с прилежно расчёсанными редкими волосиками на розовом черепе. Старушечка развозила по домам почту на электрической тележке небесно-голубого цвета, на одного седока, с полосатой маркизой над сиденьем водителя. Сокол, никак не реагируя на встречный транспорт, продолжал движение по прямой, и старушечка взялась лавировать, чтобы объехать кривого мерина на узкой дорожке.

Всё, впрочем, закончилось благополучно: Мирон успел обменяться с почтальоншей приветливыми словами, и они разъехались, довольные друг другом.

– Её зовут Номи, она из Бельц, – сказал Мирон. – Пообедаем и поедем к ней чай пить.

Для Лёвы Петровича всё здесь было в новинку: и общественная столовая самообслуживания, и рыбный пруд с карпами, и старушка Номи из Бельц.

– Ей на пенсию надо, – вынес своё суждение Лёва. – Она вон какая старая! У нас давно бы уже на пенсии сидела, а тут всё работает.

– Ей не надо! – с неожиданной решительностью в голосе возразил Мирон. – Она сама не хочет. Что она будет на пенсии делать – на табуретке сидеть? У нас на пенсию мало кто идёт, каждый делает что может, пока жив: кто в прачечной одежду штопает, кто кружок какой-нибудь ведёт – рисованья или как бабочек ловить. Номи почту развозит.

На табуретке, значит, старуха Номи из Бельц сидеть не хочет. Заслуженный отдых ей, как видно, представляется иным. Доведись ему, совершенно неожиданно для самого себя прикинул Лёва, оказаться на старости лет здесь, в кибуце, он обязательно записался бы в кружок ловли бабочек.

Номи не оказалось на месте, вместо неё в домике хозяйничала её внучка, крепкая молодая женщина лет двадцати.

– Это Рохл, – предъявил женщину Мирон. – Она по-русски тоже знает.

– Заходите! – зычным голосом сказала Рохл. – Бабушка почту поехала разбирать, скоро придёт.

– Так вы и говорите по-русски! – приятно удивился Лёва. – Вы из России? Откуда родом?

– Отсюда, – сказала Рохл. – Из кибуца. Я у бабушки научилась. И у нас тут две русские семьи живут, я с ними тоже говорю иногда.

Женщина поставила на стол чайные чашки и брусок лимонного пирога, украшенного шоколадными медальками.

– Бабушка пекла, – дала объяснение Рохл. – Она на кондитерский кружок специально ходила.

Выпив чаю с пирогом, Лёва Петрович напрямик спросил у Рохл:

– Вы любите кибуц?

– Нет, – не задержалась с ответом женщина.

– Нет? – переспросил Лёва, обрадованный решительной правдивостью ответа.

– Я до конца года уйду, – сказала Рохл. – В город перееду.

– Молодёжь ищет, – философски заметил Мирон. – А чего ищет?

– Один Бог в небе общий, – сердито сказала Рохл, – один на всех. А всё остальное – нет!

– Ветра в поле она ищет, – продолжал своё Мирон, и было непонятно, целит ли он в Рохл или же во всю молодёжь от края и до края. – А мы уже нашли! – Он разомкнул кулачок перед лицом и дунул в согнутую ковшиком ладонь.

– Ну и где он? – требовательно спросила Рохл.

– Тут! – Мирон распрямил ладошку и шлёпнул ею себя по груди. – Мне хорошо! Мы все равны, потому что это коммуна!

– Ну да, – терпеливо сказала Рохл, как будто говорила с ребёнком. – Ты, твой мерин, моя бабушка – все равны под линейку. А я не хочу ни под какую линейку! Я сама хочу решать за себя, а не общее собрание чтоб за меня решало.

– Она учится на юриста! – с гордостью сообщил Мирон.

Слова женщины отскакивали от него, как от стены горох.

– Коммуна когда-то очень даже подходила, – продолжала Рохл. – Сто лет назад, пятьдесят – но только не сейчас!.. Зачем же себя обманывать? – этот вопрос она адресовала Мирону, но угодила в Лёву Петровича, радостно оживившегося:

– Да, зачем обманывать и врать?

– Никто и не обманывает, – заметил Мирон совершенно беззаботно. – Мы верим в коммуну. Без обмана.

– Дети тоже верят в сказки, – сказала женщина. – И тоже без обмана.

– При чём тут сказки? – насторожился Мирон. – Коммуна не сказка.

– Другие времена пришли, – не уступала Рохл, – и сказки другие. Ваша коммуна может работать в первобытном обществе, среди дикарей и каких-нибудь людоедов.

– Где? – решил уточнить Мирон. – Каких людоедов?

– Папуасов, – сказала Рохл. – Папуасы подойдут?

Лёва Петрович слушал и помалкивал. Присутствие постороннего человека нисколько не смущало женщину и старика Мирона; как видно, споры на эту перчёную тему велись в кибуце открыто и при каждом подходящем случае. Проблема созрела, как нарыв, вот её и обсуждали со всех сторон. Лёве, допившему свой чай, пришлось по душе, что Мирон и не думает обижаться на молодую Рохл, хотя она поставила его в один ряд с сивым меринком.

– А есть ещё другие, которые хотят уйти из кибуца? – спросил, наконец, Лёва. – Или вы одна?

– Есть, – сказала Рохл.

– Правда, есть, – подтвердил со вздохом Мирон. – Но есть и те, которые приходят.

Положением дел в коммуне Лёва Петрович остался удовлетворён: здесь жили правдолюбивые евреи, не приукрашивавшие свою сельскохозяйственную жизнь, не вполне безоблачную.

– Мне здесь нравится, – искренне признал Лёва.

– И работа для ветеринара у нас найдётся! – поддержал Мирон.

– Ну, работа у меня и в Киеве есть, – сухо внёс коррективу Лёва Петрович. – Дело не в работе.

– А в чём? – любопытствовала Рохл. – Вы сионист?

– Нет, – чистосердечно признал Лёва. – Но разве у вас тут одни сионисты живут?

– Раньше больше было сионистов, – дал справку Мирон. – Теперь – меньше.

– Ну вот видишь! – сказала Рохл. – Времена-то меняются. Чем дальше от Израиля, тем сионизм сильней.

– Тут дело в напоре, – не сдался Мирон. – У нас напор крепче.

В ответ на это Рохл улыбнулась светлой улыбкой.

На обратном пути Мирон завёл прямой разговор, без петель и узелков:

– Как тебе наша Рохл? Понравилась?

– Хорошая, – определил своё отношение Лёва Петрович.

– Она незамужняя ещё, – подлил ясности Мирон. – Переезжай к нам и живи с ней!

– Как так! – удивился Лёва. – А если у неё парень есть?

– Тут постараться нужно, – согласился Мирон. – Сам знаешь...

Не то чтобы Лёва Петрович начисто отвергал мысль о том, чтобы «постараться», но переезжать для этого из Киева в кибуц он и в мыслях не держал. Сродни картинкам Шагала, еврейская коммуна с её Мироном, кривым мерином, старушкой с прилежными волосами и девушкой Рохл с зычным голосом прилепилась к Лёвиной душе куда тесней, чем беззвёздный постоянный двор «Райские кущи» на тель-авивской улице Пророчицы Деборы, на берегу Средиземного моря. Что-то невероятное должно было случиться и произойти, что своротило бы Лёву Петровича с накатанного украинского шляха, направило сюда, в еврейские края, и уткнуло бы лбом в дородные стати девушки Рохл.

При виде детского сада, красиво открывшегося за поворотом дороги, Сокол без спросу перешёл с тряской трусцы на тяжёлый бег.

– Домой захотел, – объяснил поведение мерина Мирон. – Теперь его не остановишь. Прямо как человек!

– А как же подход? – спросил Лёва.

– Тут подход не поможет, – бросая вожжи, сказал Мирон. – Он сам знает. Зачем ему подход?

«Ах как верно, – подивился про себя Лёва Петрович простоте жизни в сельхозкоммуне. – Если сам знаешь, то зачем нужен подход?»

Меж тем сивый Сокол добежал до площадки молодняка и остановился близ своей будки как вкопанный.

– Устал он, – стаскивая с мерина хомут, сказал Мирон. – От каждого по возможностям – каждому по потребностям, – и улыбнулся без задней мысли.

Дальше пошли пешком.

– Тут до меня уже рядом, – как бы извиняясь за строптивого Сокола, но в то же время не желая подчёркивать его физическое несовершенство, сказал Мирон. – Вот придём, я тебе такой камушек покажу!

Нетрудно было догадаться, что Мирон завёл разговор не о Голубом карбункуле, хотя Лёва Петрович не был бы потрясён до глубины души и не утратил бы дар речи, если б его коммунистиче-

ский родич достал из сахарницы брюлик размером с собачий глаз. В призеркальном кибуцном мире многое могло случиться.

Камушек Мирон достал не из сахарницы, а взял с дощатой витрины, где он мирно соседствовал с кремневым ножом, которым наши предки делали друг другу обрезание. Этот камушек оказался гладким тяжёлым кругляком, удобно уместившимся в ладони.

– Подержи его, – с нажимом сказал Мирон, – и запомни.

Держа камень в руке, Лёва Петрович вопросительно уставился на Мирона.

– Это тот камень, которым царь Давид убил Голиафа, – скромно, но с достоинством, как будто это он сам завалил великана, молвил Мирон. – Вот сюда попал, – и вытянутым наподобие указки пальцем коснулся точки над переносицей Лёвы Петровича, меж бровей.

Кругляк весил не меньше килограмма, таким можно было, раскрутив пращу получше, угробить гремевшего своими доспехами Голиафа на месте.

– Это случилось тут недалеко, в овраге Аяла, – продолжал Мирон, и Лёва не сразу сообразил, что имелось в виду: полёт знаменитого камня, уложившего хвастливого филистимлянина, или же находка Мироном бесценного артефакта.

– А откуда вы знаете, что это именно тот камень? – спросил Лёва.

– Всё проверено, – не слишком убедительно сказал Мирон. – Скорость полёта, сила удара в лоб и куда он отскочил – всё сходится.

Тут оставалось место для сомнений. Если б к Лёве явился неделю назад, в Киеве, какой-нибудь чудаковатый собиратель древностей и заявил, что ножичек, найденный им в Угличе на барахолке, – тот самый, на который, играя в тычки, напоролся царевич Дмитрий четыреста с лишним лет тому назад, он бы не поверил. Он принял бы рассказ чудака за отборное враньё и, скорее всего, оказался бы прав. Но старика Мирона ему почему-то не хотелось уличать во лжи – даже ради укрепления своей теории о природной лживости человека.

– После того как Голиаф рухнул на землю, – как бы желая рассеять сомнения Лёвы Петровича, пустился в разъяснения Мирон, – никому и в голову, ты же понимаешь, не пришло поднять этот камень и отнести его в музей. И вот он пролежал в овраге Аяла три тысячи лет.

– А соседний камень? – слабо возразил Лёва. – Который рядом лежал? Может, он и есть тот самый?

– Может быть, – пожал плечами Мирон. – У него шансов не меньше. Но тут всё дело в вере. Я верю, что именно мой камень, – он протянул ладонь и бережно принял в неё кругляк из руки Лёвы Петровича, – свалил этого разбойника. Кто думает иначе – пусть докажет!

«Да, это правда, – подумал Лёва. – Никто тут ничего не докажет. Этот камень – тот или не тот? Может, и тот».

Такая приемлемая неопределённость была внове для Лёвы Петровича. Дивясь самому себе, он снисходительно принимал обе возможности: да, кругляк, выпущенный Давидом из пращи, угодил в лоб великана; нет, этот камень лежал на своём месте испокон

веков, пока Мирон не подобрал его с земли. Правдой мог оказаться лишь один из вариантов, а другой, стало быть, являлся выдумкой и злонамеренным враньём. Но Лёве почему-то не хотелось оттачивать и заострять ситуацию с камнем из оврага Аяла и всё сводить к однозначному решению, хотя существование двойной правды было сомнительно, а то и вовсе невозможно. Ведь в таком случае получалось, что и острый кремёнь с мироновой витрины вовсе, может быть, не клинок, посредством которого наши предки делали обрезание, а просто осколок камня, засиженный древними мухами. Камень можно расколоть, но не разговорить. «Молчалив, как камень», – это сказано не зря. Так оно и получается: камень молчит, а человек своё мнение имеет. Кто мог держать в руках этот кремёнь? А второй камень, убойный? Ну кто?

Мирон знал кто и был уверен в своей правоте; сомненья его не глодали.

– Тут всё с камня начинается, камнем кончается, – сидя с Лёвой Петровичем в подступающих сумерках на лавочке у входа в свой домишко, излагал Мирон. – Взять того же Голиафа... Сам погляди: кругом сплошные камни! Это в Киеве яблоки и груши, а у нас даже кибуц называется «Камень Авраама».

– Название красивое, – сказал Лёва, которому хотелось хоть как-нибудь похвалить Миронову деревню. – В честь Авраама называли? А он кто был – основатель кибуца?

Мирон улыбнулся этому вопросу Лёвы Петровича, как удачной шутке:

– Праотец Авраам тут кочевал, шатры ставил. А когда ему надоедал шум и гам, он уходил вон по той тропинке и сидел на камне, – Мирон сказал это так, как будто сам он приходился Аврааму племянником и, оставаясь в гомоне привала, провожал взглядом дядю, уходившего по тропинке к своему камню.

– Авраам? – испытывая вдруг налетевшее волнение, переспросил Лёва. – Тот самый? А что он там делал, на камне?

– Сидел, – ответил Мирон. – Слушал, что ему скажут... – и указал пальцем вверх, в наливающееся золотистой темнотой небо – туда, откуда Авраам ждал важных сообщений.

– А он далеко? – как бы вскользь справился Лёва. – Этот камень?

– Минут десять идти, – сказал Мирон. – По улице до первого поворота, а там по тропинке.

– Так я пойду, – сказа Лёва Петрович и поднялся с лавочки.

На улице ему встретилась девушка в белой майке с надписью «I love you all!» на груди. Глядя на девушку, Лёва Петрович увидел, что она улыбается неизвестно чему, как будто смотрит на себя, такую красивую и молодую, в зеркало, и ей от этого легко и хорошо.

Свернув на тропинку, Лёва смущённо раздумывал над тем, что, сколько бы он ни смотрелся в зеркало, причины улыбаться у него так и не появится. Улыбка девушки, открытая и вместе с тем какая-то дальняя, словно бы не от мира сего, не выходила у него из головы. Может, она видела в серебристом стекле того, кто её ждёт, чтобы обнимать и целовать? Лёву Петровича никто не ждал, кроме старика Мирона на пороге его дома, на лавочке. Это была чистая прав-

да, но Лёва, вглядываясь в мерцающую перед ним улыбку девушки в майке, готов был этой правдой пожертвовать без колебаний.

Тропинка, почти неразличимая на сухой земле, упёрлась в подножье невысокого взлобка. Луна, похожая на подрумяненную пышную лепёшку, искоса освещала взлобок и коричнево-жёлтый камень на его вершине. Лёва, упирая ноги в твёрдую землю, поднялся к камню. То был крупный, в два обхвата, монолит, отполированный невесть когда и чем. Глубокая выемка в его центре служила сиденьем, за которым поднималась прямая высокая спинка. Это дикое кресло, составляя часть пейзажа, совершенно, казалось бы, не относилось к нему напрямую, а было занесено сюда по неизвестной причине, далёкой от необузданных и необъяснимых сил природы. Совершенное молчание царило на вершине взлобка. Охваченный робостью, огромной, как небо над головой, Лёва опустился бочком на краешек каменного сиденья, а потом, не встретив сопротивления, нащупал удобную позу, застыл и закрыл глаза. Время послушно остановилось над ним, над взлобком и над целым миром – или, может быть, изменило свою повадку и превратилось во что-то нам неведомое.

Так он сидел, в отрыве от самого себя, пока не открыл глаза и не спросил:

– Бог, ты есть?

И услышал:

– Есть, есть.

– Правда? – проверил он на всякий случай.

И услышал:

– Другой правды нет.

Тогда Лёва Петрович встал с камня и улыбнулся светлой улыбкой ошастливленного человека.

март 2013

Алла Боссарт *РУЧНАЯ КЛАДЬ*

ПУБЕРТАТНОЕ ВОРОВСТВО

Я росла без царя в голове, с вождями, о ком
напоминали фасады первого мая,
и героев всех заменял
Гагарин со своим нелепым шнурком,
И боялась я только маму,
А страха Божьего не было у меня.
Мама не била меня и даже
почти не ругала, но так молчала,
как молчит самолёт, когда у него отказывают двигатели.
Однажды я совершила кражу.
Волосы у меня были как мочало.
Другие девочки ненавидели
свои прыщи и синие ноги на уроках физкультуры.
А я ненавидела крысиные косички.
Мама заплетала их туго, не допуская ни малейшей свободы.
У меня чесались и ныли виски. А грудастые дуры
Смеялись, и вздрагивали их толстые сиськи
под черными фартуками: такая была школьная мода.
В этот день я отрезала косы
потихоньку от мамы, и это было сладостным бунтом –
не спрашивать по любому поводу: а можно?
И я пошла в кафе с актуальным названием «Космос»,
и я была как бы женщина с улыбкою порочной и смутной,
и мне хватило на воду и шарик мороженого.
А вазочку с остатками «космоса в шоколаде»
я зачем-то вдруг положила в ранец из коленкора.
В этот миг я могла бы украсть из деревенского алтаря
старую икону в потемневшем окладе,
но я жила в Москве и не лазила по церквям, и еще не скоро
это придёт в мою пустую голову без царя.
Мне понравилось воровать,
ощущая в крови взрывы адреналина,
словно не сердце у тебя, а сиреневые соцветья
внезапно распускаются в плотные грозди.
Я тащила из магазинов сырки, сардины,
и черный флаг возвещал о моем корвете,
и мамочка не вколачивала мне в виски сапожные гвозди.

Этот год украсил всю мою дальнейшую жизнь.
 Южный ветер свободы относил мой бриг подальше от берега.
 И напрасно включала свое аварийное молчание мама.
 Я её не боялась. Хватала, что плохо лежит,
 в Бога не верила,
 но, замечу, никогда не шарила по чужим карманам.
 ...С годами утих океанский бриз,
 утки плещутся там, где ревела морская дикость.
 И воровство лишилось для меня романтического начала.
 Я вышла из пубертата и поняла, что воруют все,
и это не их каприз
 И не их свобода, а общая неосознанная необходимость.
 А мама состарилась и говорит, говорит, говорит –
но лучше б она молчала.

* * *

Особенно жаль поцелуев, близких по смыслу к рождению.
 Влажных, горячих, со вкусом помидоров,
поедаемых на берегу моря,
 свободных от иного желания;
поцелуев конечного наслаждения,
 поцелуев как цель и средство, когда никто не memento mori.
 Если, падая в снег и друг через друга,
словно в пацанской драке,
 перекатываясь по песку, по траве, по сему с запахом клевера, –
так если не целовался – прожил, значит, в пасмурном мраке,
 тоскуя по отмененному поезду в направлении к югу от севера.
 Всегда и везде – в подъезде у батареи, в телефонной будке
 ежечасно набухали, и лопались поцелуи, и прорастали...
 А навстречу – бежала в сбитой на шею шали и белых бурках,
 позабывшая всё, и даже кто такой – этот товарищ Сталин,
 она бежала, ещё ничего не знающая обо мне,
 Борька ждал за складáми – без свидетелей целоваться...
 Ему семнадцать – в сорок втором, по весне.
 Нинке – в августе. Одноклассники, эвакуация.
 Поцелуи бледнеют, будто старые фотоснимки,
 осыпаются с губ чешуйками лихорадок сухие ромашки.
 Я – тень поцелуев довоенных Борьки и Нинки.
 Я – гербарий. И ключ от него – в потайном кармашке.
 От лиловой пунцовости тех поцелуев-репейников,
 поцелуев-щенков, с кем больше всего расставание, –
 мы летим, мы бежим, мы бредём, мы лежим –
и доносится пение
 сквозь густую метель –
до последнего, облегченного целования.

ОСТАНОВКА В ТИФЛИСЕ ПО ДОРОГЕ В ТЕГЕРАН

Нина детскими очами
обжигает Александра,
Александр, пожав плечами,
от греха идёт из сада.
Александрю мнится шорох,
ножки шлепают босые...
Я – старик, мне скоро сорок,
я в ответе за Россию!
Нина с жаркими щеками,
прочь беги, запишись у няни!
Я дружу с бунтовщиками
и к тому же сочиняю...
Канделябры, пианино,
розы, виноград, герани...
Прячься, маленькая Нина,
кровь и ужас в Тегеране!
К непогоде ноет рана...
Пыльная тоска предгорий,
и коварство Тегерана,
и непонятое «Горе...».
Образумься! Серж Ермолов,
терпеливый твой искатель,
трепетен, богат и молод...
Боже, Нина, как некстати
эта встреча, этот отдых!
Эти вальсы, эти балы,
эта служба, пьеса, годы...
Александр бежит из залы.
Жар луны. Задёрнуть шторы.
Пахнет розами и тмином.
Гром цикад. Мне скоро сорок..
Нас услышат... Боже... Нина..

* * *

Плывёт сияющая рыба,
подолом плещет, как испанка,
нам не слышать её бельканто,
а между тем она поёт.
У ней в фарватере Карибы,
у ней на горизонте Куба,
её негроидные губы
беззвучно просят в полёт.

Она в струе златой лазури,
её колышет бесконечность,
рудиментарная конечность –
её грудные плавники.
Она не может, как косуля,
ей не дано, как альбатросу,
но ей завидуют матросы,
хотя они и моряки.
Матросы плавать не умеют –
без корабля они потонут.
А рыба может без мотора
и парусов лететь вперёд.
Она парит воздушным змеем,
вода ей небо заменяет,
она себе не изменяет –
вот почему она поёт!

* * *

Я буду красивой старухой
с глазами в тяжёлых веках,
с гордым орлиным носом
без задоринки и сучка.
Одно моё волчье ухо
обращено будет к эху,
хребту же не будет сносу.
И спать я буду в очках.
Я буду сильной старухой,
буду ходить на лыжах,
в проруби плавать с маской,
уподобясь моржу.
Меня обойдет проруха,
и всяк обо мне услышит,
ко мне потянутся массы.
И я, возможно, рожу.
Я буду мудрой старухой,
знающей цену праху,
постигшей бином страданий
и лживый покроем крестов.
А непреклонный дух мой
избавит меня от страха,
от мелочных ожиданий
и от других пустот.
А вдруг я старухой не стану?
Допустим, я не успею?
Не ляжет, допустим, карта?
Не улыбнется фарт?

И я, далеко не старой,
хотя уже переспелой,
на фиг загнусь от инфаркта
(если Бог даст инфаркт).
Но я хочу быть старухой!
Хочу еле-еле ползать,
подобно последней мухе
в предчувствии января...
– Презренная глупая рухлядь!
Готова ль, что будет поздно?
Останутся только муки?
– Готова, мой Бог. Валяй!
Ведь это будет не скоро,
все это будет после,
когда отцветёт багульник
и зацветёт лишай.
Лет через тридцать-сорок
пастись выйдет красный ослик...
Тогда я покину улей –
достойно и не спеша.

* * *

В электричке цыганята песню сирую поют
их ни чуточки не жалко хоть и жалостно поют
и тем более про маму про любимую поют
а глазёнки-то стреляют сколько тётеньки дают
деревенские старухи первым делом подают
а вот крашенные девки редко-редко подают
толстопузые придурки – те и вовсе не дают
а менты еще обчистят да по шее насуют
вон очкастая сучара отвернулась не глядит
на хера ей окуляры коли дура не глядит
ходишь-ходишь по вагонам а никто и не глядит

– А слыхала, у барона есть приборчик, что следит?
– Это как же, интересно, и за нами, что ль, следит?
– Побожуся!
– Побожися!
– Вот, ей-богу, что следит!
– Аж до самого Можайска?
– Это Колька где сидит?

Цыганята брат с сестрою дуют прямо по путям
чтоб успеть на встречный поезд и про маму петь людям
гонит их барон стоглазый по краям и областям
надо выразить пожалуй возмущение властям

* * *

Опять на этот борт тащу свой чемодан
с тяжёлою душой – в безжизненный февраль,
где, слава богу, ждёт нас добрый капитан.
Как голубь, тяжело взлетает мой «Эль Аль».
Тяжёлая душа – моя ручная кладь,
плюс фотка под стеклом, завёрнута в бельё.
У капитана есть что выпить, где покласть
кочующих друзей без видов на жильё.
Он правильно живёт, он не читает книг,
он месяц может жрать консервы и чеснок.
Ему по кайфу всё, он счастлив, как жених,
когда на грудь волны взлетит его челнок.
Твои дружки в Москве по кухням водку пьют...
А мне б – отдать концы и, не жалея жил,
болтаться по морям и презирать уют
(как написал один, что в нашем доме жил).
Но кто ж меня возьмёт – с моим-то багажом:
душой в шестнадцать тонн и фоткой под стеклом?
Уж лучше б я была безбашенным бомжом,
и время сквозь меня безропотно текло.
Признайся, и тебе обрыдла эта жизнь –
регламент, долг, мораль, культурная среда...
Но – ты не капитан. А я – не вечный жид.
Поедем в Кармиэль. Там климат – хоть куда.

Алекс Тарн

ХАЙИ

1. ОНА

Слова, слова, слова. Они скользят мимо, уверенные и неторопливые, как рыбы, перекатываются камешками-голышами, гладкими, звонкими, увесистыми, стучат мелким горохом дождевых капель. Я никогда не умела справляться с их постоянным движением и, наверно, поэтому с раннего детства боялась этой безостановочной гороховой канители, этого рыбьего кружения, затаенной угрозы этих каменистых осыпей. «Что произойдет со мной, – думала я, – когда слова хлынут и моим горлом? Они наверняка помешают дыханию: ведь воздуху нипочем не прорваться сквозь их слитный всеобъемлющий поток...»

Мне не было еще и двух лет, когда мои смутные страхи получили наглядное подтверждение. Я играла в кубики на ковре, а отец и бабушка ссорились прямо над моей головой. Вряд ли я понимала тогда суть их разногласий – она так и осталась неизвестной. Но даже самое маленькое существо в состоянии различить столь важные проявления человеческой природы, как вражда, агрессия, ненависть... – особенно ненависть. Они стояли друг против друга с искаженными лицами, почти не жестикулируя, так что ненависть выражалась не действием, а одними лишь словами. Нет, даже не так: слова не выражали ненависть, они *были* ненавистью. Отвратительные, хрипящие, обжигающие, слова выплескивались наружу, как кипяток из горячего крана. Вернее, из двух брызжущих ненавистью кранов.

Я испугалась – не за себя, а за них, за отца и бабушку – ведь это ужасное словоизвержение могло обжечь им рот или язык. Наверно, нужно было зареветь во весь голос, чтобы отвлечь и таким образом спасти взрослых, но вместо этого я продолжала механически переставлять кубики. Не исключено, что к тому времени я успела привыкнуть к подобным скандалам – скорее всего, они происходили и раньше. Но, так или иначе, у того, конкретного, была веская причина превратиться в мое первое по-настоящему яркое детское воспоминание: он оказался последним.

В какой-то момент бабушкин поток замедлился, а потом и вовсе распался на отдельные порции кипятка, словно на пути его встала некая плотина. Отец не обратил на это внимания, но я сразу почувствовала перемену, отставила кубики и наконец-то изготовилась зареветь. Увы, было поздно – проклятые слова уже всюду душили мою бабушку. Она побагровела, хватанула руками воздух, выплюнула несколько последних словесных горошин и рухнула на пол. Помню ее страшное фиолетовое лицо с белыми глазами и поддрагивающие шлепанцы на распухших ступнях, которые еще некоторое время продолжали жить самостоятельной, отдельной от бабушки жизнью.

В наши дни люди нечасто встречаются со смертью лицом к лицу; многие ухитряются прожить свой век, так ни разу и не увидев отлетающую душу. Мне повезло меньше: я стала свидетельницей преступления – а гибель человека всегда преступление – в возрасте неполных двух лет. Мою бабушку умертвили у меня на глазах, умертвили зверски, безжалостно задушив, не оставив ей ни единого шанса. Кто бы после этого сомневался в смертельной опасности, исходящей от слов, – ведь именно они стали ее убийцами! Неудивительно, что я настаивала на собственной бессловесности так долго, насколько это вообще дозволено маленькому человеку.

Не скажу, что эти два – два с половиной года были наполнены счастьем: нет, я испытывала постоянное беспокойство – даже не за себя, а за близких. Я впадала в оцепенение, когда мама снимала трубку, чтобы поболтать по телефону. Я зажмуривалась от страха, когда отец вставал, чтобы произнести тост за праздничным столом. А если старший брат нашептывал мне через проход между кроватями какую-нибудь фантастическую историю, то мурашки ползли у меня по спине отнюдь не из-за Красной руки или Черной ведьмы – этих традиционных персонажей детских страшилок. О нет, в горле моего неосторожного брата накапливались, набирая недобрую силу, куда более реальные враги – слова! Уж я-то понимала, на что они способны...

Лишь позднее я осознала истинную радость тех лет; по сравнению с адом, который ждал меня впереди, их следовало бы признать совершенно безоблачными. В то время родительскую ласку еще не приходилось зарабатывать при помощи речи; для того чтобы вознестись к материнским губам, достаточно было всего лишь поднять руки, а требовательный тык указательного пальца, как правило, немедленно доставлял желанную игрушку.

Ближе к ночи, уложив меня в постель, взрослые открывали книжку, дабы исполнить чудовищный ритуал чтения на сон грядущий. Тогда я еще ничего не знала о религиозных культах, и лишь потом мне пришло в голову, что этот обычай наверняка вырос из заключительной вечерней молитвы – а то и жертвы! – какому-нибудь отвратительному божеству с запекшейся кровью на деревянных рогах, клыках, фаллосе. И что с того, что впоследствии место божества заняло Слово, а молитва вполне закономерно обернулась чтением сказок – не менее, впрочем, кровожадных? Ведь по сути все осталось по-прежнему: языческий идол, ежедневный ритуал и дети – невинные жертвы людоедской религии...

Сначала я пробовала прятать или рвать злополучные книжки, но это не помогало: слова заблаговременно озаботились тем, чтобы размножить себя в огромных тиражах, так что на месте испорченных предметов культа тут же появлялись новые. Тогда я стала притворяться спящей; увы, в ответ мои добросовестные родители лишь слегка понижали голос, как будто их сковывало некое страшное заклятие непременно добраться до конца очередной главы. В итоге у меня не осталось иного выбора, кроме как выучиться читать самой. Потому что, наблюдая за книжками, я пришла к чрезвычайно важному заключению: не будучи произнесены вслух, слова теряют почти всю свою убийственную энергию.

Да, kloкочa в человеческой гортани, выплескиваясь из нее наружу, они напоминают поток смертоносного свинца, который брызжет

из жерл многоствольного пулемета. Зато пригвожденные к бумаге типографской краской, слова выглядят по крайней мере так же безобидно, как патроны на складе. Как патроны – хорошо подсчитанные, удобно уложенные, надежно усмиренные грубой картонной упаковкой. Я не могла насмотреться на них – так ребенок не может оторвать взгляда от крупного хищника в зоопарке: тигр там, вдалеке, в клетке, за толстыми стальными прутьями и глубоким рвом, а я здесь, в безопасности, рядом с мамой... – кстати, где мамина рука? – ага, вот она, а ну-ка, вцепимся в нее покрепче на всякий пожарный...

Заметив, что я не расстаюсь с книжками, отец показал мне буквы. Взрослых обрадовало мое неожиданное рвение – оно хоть как-то окупало ту упрямую немоту, которой я продолжала придерживаться и которая уже всерьез беспокоила родных и близких. Буквы сами по себе мало интересовали меня – я предпочитала запоминать слова целиком, со всеми их когтями, пастью и хвостом, и этот метод обучения оказался удивительно эффективным. Родители с опасливым недоумением наблюдали за моим быстрым прогрессом; на шестом году жизни я уже почти свободно читала, так и не вымолвив ни единого слова с самого момента своего рождения.

Понятно, что такое положение не могло продолжаться вечно; меня стали таскать по врачам и психологам. Я молчала и там, довольно успешно справляясь с профессионально дружелюбными дяденьками посредством мрачного взгляда исподлобья. Куда сложнее было жить с гнетущим сознанием того, что мое поведение расстраивает родителей; по непонятным причинам они отказывались удовлетвориться прежними методами общения. Что, на мой взгляд, выглядело довольно странно: разве мы не становились всё ближе и ближе с каждым прошедшим месяцем? Разве не узнавали друг друга всё лучше и лучше? Отчего же тогда это сближение должно было сопровождаться усложнением общения? Неужели теперь мы не могли обойтись без слов там, где прекрасно обходились раньше?

Но тем не менее напряжение нарастало, и я уже не могла игнорировать заплаканные глаза мамы. Как-то раз она пришла поцеловать меня перед сном. Отложив книжку, я улыбнулась как можно лучезарней. Мы обнялись и сидели так какое-то время. Помню, что меня переполняло абсолютное, ни с чем не сравнимое счастье, пока я вдруг не обнаружила, что мама плачет. Это крайне неприятное открытие застало меня врасплох. Еще мгновение назад я ни капельки не сомневалась в совершеннейшей гармонии наших чувств, и вот – на тебе! – такая диаметрально противоположность, такое взаимное непонимание, отчуждение, пропасть...

Я была поражена настолько, что начисто потеряла контроль над собой. Как выяснилось, проклятые слова только этого и ждали.

– Мамочка, не надо! – отчетливо выговорила я, прижавшись лбом к родной маминой шее. – Не надо плакать.

Мама резко отстранилась и уставилась на меня с выражением поистине безумной радости. Еще бы! Долгожданное событие свершилось – ребенок наконец-то заговорил!

– Котенька моя! – воскликнула она. – Слава Богу! А мы уже боялись...

И она встряхнула меня, как встряхивают старое, давно умолкшее, но вдруг проснувшееся радио в надежде услышать еще не-

сколько звуков. Да-да, она хотела еще; она ждала новых слов, нового подтверждения; напрягшись до красноты и умоляюще шевеля губами, она смотрела мне в рот, словно вытягивая оттуда продолжение. Я почувствовала, что просто не могу обмануть это отчаянное истерическое ожидание, что обязана сказать еще хоть что-нибудь, хотя бы исключительно ради маминого спокойствия. Нужные слова – «всё будет в порядке» – уже стояли на низком старте где-то по центру груди и с показной готовностью поглядывали на меня, повелительницу. Почти поверив им, я кивнула и приоткрыла рот, чтобы вдохнуть немного воздуха.

И тут это случилось – ровно то, чего я так боялась все эти годы. Слова и не думали выскакивать наружу. Такие послушные на страницах книг, внутри гортани они вели себя подобно шайке дворовых хулиганов. Заводилой стал мелкий задиристый шпаненок Всё, бежавший впереди остальных. Он приостановился на полпути, презрительно фыркнул, послав в мамино лицо несколько капель слюны, и вдруг принялся свистеть, созывая товарищей. Сразу за ним шел Будет, тяжелый и неповоротливый, как буфет – из тех, которые приходится затаскивать в комнату по частям, потому что иначе они не проходят ни в какую дверь. Раскорячившись поперек горла, он сразу перекрыл мне дыхание. Я не помнила, какое именно слово убило мою несчастную бабушку – возможно, ее убийца вернулся, чтобы задушить и меня?! При мысли об этом я запаниковала не на шутку, и «Будет» раздулся еще больше. У меня не было ни единого шанса протолкнуть его в ту или другую сторону, но даже в случае успеха за мощной спиной вожака уже выстраивались в боевом порядке его драчливые кореша.

Я поняла, что сейчас умру, и почти уже смирилась с этим, когда перепуганная мама, схватив меня в охапку и крепко прижав, смяла таким образом нападавших бандитов.

– Не надо... не надо... девочка моя, не надо... – бормотала она, в то время как я жадно хватала ртом воздух, упиваясь вновь обретенной роскошью свободного дыхания.

Я ошибочно полагала, что спасена, но на самом деле жизнь моя в тот момент кончилась, потому что последующие годы трудно назвать нормальной жизнью нормальной девочки, девушки, женщины, человека. Бессловесный человек похож на беззубого бобра. Бобры строят свой мир, свой дом из поваленных деревьев; нет зубов – нет дома. Так же и человек не в состоянии прожить без слов. Они служат ему главным строительным материалом – все прочие ткани, доски и железобетоны являются лишь второй, третьей, десятой производной от тотального, всепроникающего владычества языка. Так что уродство немоты наиболее приближено к смерти из всех возможных уродств – наверно, поэтому кающиеся грешники, не имеющие возможности сбежать в самоубийство, принимают на себя предшествующую по тяжести мере наказания: обет молчания. Молчание – это еще не смерть, но почти смерть.

И все же лучше быть немой, чем заикой.

Немые вызывают сострадание, а заики еще и неловкость, смешанную с досадой. Немота – это уродство, а заикание – еще и помеха, мучительная и необъяснимая, вызывающая к вынужденному терпению окружающих, наказанных непонятно за что тяжелой необходи-

мостью общения с уродом. Эта безвинная кара не может не раздражать даже самых добрых и снисходительных. «Да понял я, понял... — едва ли не вслух думают они, неловко пряча глаза, — какого же тогда черта ты продолжаешь долбить это свое слюнявое пэ-пэ-пэ...»

Мое уродство довольно быстро вышло на внешнюю орбиту, в ежедневную пытку школьного двора, к безжалостным насмешкам сверстников и напускному вниманию логопедов. Последних мои родители перепробовали видимо-невидимо, с равной степенью неуспеха. Зато я, насмотревшись на своих братьев по несчастью, осознала еще одну удручающую вещь: все они были мальчиками! И это добило меня окончательно. Единственным утешением отверженных является сознание того, что они не одни такие, что где-то есть похожие на них, а возможно, даже и худшие отщепенцы и уроды. Но ощущать себя отверженной еще и среди отверженных... — это уже чересчур!

Мужчина может позволить себе любое уродство, компенсируя его силой или умом, — в отличие от женщины... Женщина слишком зависит от своей внешности, чтобы демонстрировать кому бы то ни было перекошенное, налитое кровью лицо, дрожащий от напряжения подбородок и отвратительную гримасу умалишенного. Такая женщина обречена на одиночество, сколько бы нежности, силы и любви ни хранилось в ее душе, какой бы изощренной мощью ни обладал ее разум. Обречена.

Обречена. Я поняла это еще в школе и постепенно приучила себя к удручающей картине своего будущего — без благословенного дара семьи и материнства, без радостей дружбы и приятельства, без возможности выбрать профессию, работу, компанию. Я готовилась жить именно так, бездарно и безрадостно, до скончания дней. Слова одержали победу и в этой войне. Они погубили меня, как некогда бабушку, убили, оставив в живых. Не могу сказать, что у меня вовсе не было светлых моментов. Оставались еще книги, музыка, кино, хорошая еда. Не обремененная необходимостью следить за фигурой, я не отказывала себе ни в чем и довольно быстро раздулась до безобразных размеров. Ну так что? Раздулась и раздулась — разве это что-нибудь меняло?

При первой же подвернувшейся okazji я уехала подальше от родного города — туда, где меня не знали, где никто еще не был свидетелем моего горя и унижения — ни школьные мучители, ни соседи-соглядатаи, ни шарлатаны-логопеды. Прикинувшись глухонемой, я стала работать машинисткой-надомницей: мне нравилось пригвозждать своих убийц к бумаге, наблюдать, как они бессильно корчатся на белом листе, подобные распятым разбойникам. Я вколачивала молоточки в печатную ленту, как гвозди — в беспомощные конечности испуганных букв. Нате! Получите! Каково теперь вам, живым мертвецам, на белом саване листа, который попадетсЯ на глаза максимум десятку-другому людей?! Вас прочитают, а затем, скомкав лист, выбросят в мусорную корзину. Но вы не погибнете, нет!... — вы останетесь жить во тьме и грязи неведомой свалки. На вас будут гадить помойные голуби, бумага будет понемногу желтеть, и мокнуть, и подсыхать, и мокнуть снова, и снова желтеть, а вы по-прежнему будете висеть на ней распятыми гладиаторами, забытые, невостребованные, никому не нужные — в точности как я. Почувствуйте себя в моей шкуре, подлые душегубы!

Больше всего я любила печатать многостраничные инструкции по технике безопасности, которые стопроцентно не берет в руки никто и никогда. Заработок был невелик, но вполне достаточен для моих более чем скромных потребностей. Так я и жила – печатала и читала, печатала и ела, печатала и спала; за окном дождь сгустился в снег, осень перетекала в декабрь, который тут же сменялся следующей осенью и следующим декабрем. Инструкции тоже оставались прежними: по-моему, их не читали даже составители – просто брали и пересылали мне старые, якобы проверенные временем, но на деле так никем и не читанные образцы. В этом нехитром режиме я дотянула бы до самой могилы, но случилось непредвиденное: поток заказов стал быстро мелеть, а затем и вовсе иссяк. Выглянув из своего убежища, я обнаружила, что произошла революция: место пишущих машинок заняли компьютеры.

Не помню, что было тогда на дворе – декабрь или осень, да это и неважно. Важно, что мне пришлось переключиться на новую профессию – сетевого редактора. Так в мою жизнь вошел интернет. Я не сразу поняла значение этих перемен для меня лично, но когда поняла... о, какими волшебными красками вдруг осветилось мое серое мышинное бытие! На интернетовских форумах я наконец-то могла быть собой – такой, какая я есть на самом деле! Быть собой и общаться с другими людьми – без проклятой необходимости проталкивать через рот громоздкие до непроходимости слова. Я уже не чувствовала себя прокаженной; для меня это было равносильно выходу на свободу из пожизненного заключения, не меньше.

Вволю погуляв на нескольких сетевых площадках, я стала задумываться о поисках более-менее постоянного пристанища. В Сети, как и снаружи, люди со временем надоедают друг другу. Любой умник в конце концов начинает повторяться. Сколько раз можно слушать всё тот же, добела обсосанный анекдот? Но разница между наружной и сетевой ситуациями заключается в том, что снаружи ты редко имеешь возможность что-либо изменить. Для смены близкого круга друзей необходимо как минимум переехать в другое место – да и это не всегда помогает. Не говоря уже о том, что далеко не каждый в состоянии позволить себе роскошь переезда: люди обременены работой, имуществом, родственниками... Зато в Сети достаточно всего лишь перебраться на другой форум, или сменить имя, или просто отредактировать список друзей – и дело в шляпе!

Но мне захотелось иного. Я уже ощущала себя почти нормальной, а в жизни нормального человека непременно присутствует то, что в отличие от друзей не приедается никогда – семья. Семья! Родные, милые сердцу люди, которых любишь, как Бога, – не по какой-либо определенной причине, а просто потому, что они есть.

Я твердо помнила, что такое бывает – ведь это происходило и со мной, в моем собственном детстве: мама, отец, брат... Некогда и я владела этим сокровищем – до того ужасного вечера, когда опрометчиво переступила через порог молчания... Это было, было и прошло, заслоненное черным пологом свалившейся на меня беды. И вот теперь я расхрабрилась до такой степени, что позволила себе мечтать о возвращении этого головокружительного чувства любви. Боже, я только тогда и поняла, насколько мне не хватает весны и лета в моих бесконечных декабрях!

И вот, пробуя, отвергая или откладывая на потом разнообразные сетевые варианты, я добралась до Хайма. Именно так называли эту систему ее постоянные клиенты, хотя, конечно, английское слово «HiM» читается иначе, пусть даже и с заглавной буквой на конце. Возможно, думала я, в названии защиты не одно, а сразу два слова: например, восклицание «Hi!» и еще какое-то другое, начинающееся на «М». Тогда получается что-то типа приветствия: «Hi, man!» – довольно логично для входного экрана. Были и другие толкования, но это казалось наиболее правдоподобным. Помимо всего прочего, оно помогло мне сделать важный начальный выбор. Ведь записываясь в сетевое сообщество, человек должен сразу определить параметры своей тамошней личности: пол, возраст, уровень образования, профессию, имя... От всего этого в конечном счете зависит его будущая жизнь в Сети; и все это не обьязано хотя бы краем соответствовать так называемым «истинным» деталям так называемой «реальности». Потому что в деталях этих нет ровным счетом ничего «реального» и уж тем более «истинного».

Можно подумать, что кто-то спросил меня, хотела ли я родиться именно тем, кем родилась, именно в том месте и в то время, у тех, а не этих родителей. Можно подумать, что я сама выбирала себе школу, соседей, близкое окружение, судьбу... Нет, все это было навязано мне неизвестной силой, абсолютно равнодушной к моим желаниям, мечтам и надеждам. Получалось, что вся моя «реальная» жизнь, как и «реальные» жизни других, представляла собой сплошную череду насилия, которая не имела ничего общего с действительно истинным «я», скорчившимся в комок внутри бутафорской, чужой оболочки. И эту грубую декорацию кто-то еще именует «реальностью»? Смешно, честное слово, смешно.

Зато в Сети я могу позволить себе вдохнуть полной грудью. Там я такая, какой хочу быть. Передо мной открыты любые возможности: от тишайшей мыши – до Христофора Колумба! Остается лишь понять, чего же мне в действительности хочется...

До регистрации в Хайме я перепробовала много вариантов и потому примерно представляла последствия того или иного решения. Больше всего я сомневалась относительно пола. Обычно первым побуждением уродливой женщины-недоучки бывает стремление записаться эдакой легкомысленной и в то же время роковой красавицей с тремя высшими образованиями. Но меня беспокоила сложность разыгрывания этой непростой роли. Куда проще изображать мужчину: мало того что эти незамысловатые существа, как правило, ведут себя довольно однозначно и предсказуемо, так им еще и охотно прощаются любые, самые чудовищные ошибки. Зато малейший сбой в интонации женщины немедленно заставляет насторожиться даже не слишком чувствительное ухо.

Кроме того, моей главной целью было обзавестись семьей, а первые стадии этого процесса традиционно доступней мужчине. Ведь именно он играет в этом деле активную роль, в то время как женщину обычай заставляет скромно дожидаться момента, когда тот или иной самовлюбленный кретин соизволит обратить на нее свое царственное внимание. Конечно, на практике инициаторами этого контакта все равно являются женщины, но трудно вообразить, сколько времени и сил уходит у нас на нелепый павлиний танец вокруг да

около! Я же твердо вознамерилась добиться своего кратчайшим путем, без долгих романов, романсов и прочего ухажерства.

А еще... если быть до конца честной, то я побаивалась слов. Нет-нет, пригвожденные к белому полю монитора, они выглядели столь же безопасными, как и на бумажном листе, некогда выползавшем из-под каретки моей пишущей машинки. Но все же, все же... – чем черт не шутит? А вдруг?.. А вдруг удушающее косноязычие настигнет меня и в моем сетевом убежище? Обжегшись на молоке, дуешь на воду. «Так или иначе, – думала я, – если судьбе покажется забавным вновь запихнуть меня в заики, то пусть лучше это будет заика мужского пола. Мужского, а не женского!»

Итак, на первый взгляд, все говорило в пользу того, чтобы сказаться мужчиной. Тем не менее я колебалась несколько дней, пока не додумалась до вышеупомянутого «Hi, man!». Это решило вопрос. Уж коли даже название системы открыто благоволит к мужскому полу, то стоит ли мне и дальше сомневаться? И я недрогнувшей рукой зарегистрировалась в качестве тридцатилетнего мужчины, чье имя – Найт – недвусмысленно провозглашало ценности, которые я полагала самыми привлекательными в мужчине: рыцарское благородство, самоотверженность, верность. Подобный красавец не должен был испытывать никаких сложностей в поисках подходящей семьи – во всяком случае, лично я по первому зову побежала бы за ним на дальний край света.

2. НАЙТ

Бывало ли с вами такое: подходишь утром к зеркалу, чтобы побриться, и вдруг видишь перед собой абсолютно незнакомого человека? Или того хуже: не человека, а пупырчатое жабообразное чудище, смешное и отвратное одновременно... И явление это настолько явно, настолько живо, что приходится закрывать глаза, трясти головой и, возможно, даже пару раз стукнуть себя кулаком по лбу, дабы окончательно сбить наваждение. А потом, выждав секунду-другую, осторожноенько приоткрываешь веки, а сам боишься... не веришь, но боишься: что там окажется, что?.. Может, не открывать, воздержаться? – нет, все-таки нужно бы открыть... раз, два, три – открываем! Открыли! Ну?!

Слава Богу! Можно приступать к бритью. И ты приступаешь, иронически поглядывая в зеркало на свои особые бритвенные гримасы – дурацкие, но такие родные, естественные, человеческие, а потому удивительно уютные на фоне еще не остывшего воспоминания о той неожиданной жабьей морде, тень которой нет-нет да и промелькнет перед глазами, подобно неприятнейшему инородному кадру невинного, в общем, фильма – двадцать пятому кадру, которого вроде бы не видишь, но тем не менее твердо знаешь, что он есть.

Примерно такое чувство владеет мною, когда я перечитываю Ее заметки. Может ли такое быть, что это странное существо имеет ко мне хотя бы малейшее отношение? Нет-нет, поймите меня правильно: я не из тех, кто станет пинать упавших или неуважительно отзываться о женщинах, какими бы... гм... какими бы... ну, скажем, не-привлекательными они ни были. Я воспитан совершенно иначе. И

все же. Одно дело – протянуть руку помощи некой не слишком презентабельной особе женского пола, пусть даже и испытывая при этом не очень приятные чувства. И совсем другое – добровольно ассоциировать с нею себя самого! Что за дикая нелепость!

Но ведь именно на это Она намекает! Вернее, не намекает – пишет напрямую! Я, мол, ее вторая, а то и первая ипостась, ее истинная сущность, ядро ее затаенной личности! Не скрою, сначала я был немало шокирован этими заявлениями; не раз меня так и подмывало дать самозванке достойную отповедь. Это ж надо такое придумать: она бы побежала за мной на дальний край света! Побегать-то, может, и побежала бы, да только вот смогла бы догнать? При такой-то комплекции...

Однако, поостыв и поразмыслив, я устыдился собственного эгоизма. Хорошо мне, рожденному в Хайме, с моей безупречной внешностью, умом и характером – а каково ей, уродливой жирной заике, безнадежно застрявшей в капкане наружного мира, равнодушного и бесчеловечного? Достойно ли буду выглядеть я, счастливчик и красавец, если стану сыпать соль на ее саднящие раны? Да-да, я элементарно пожалел эту несчастную женщину и нисколько не стыжусь этого. Тот, кто полагает, что жалость унижает человека, просто никогда по-настоящему не нуждался в этом крайне необходимом товаре. Есть, знаете ли, такие самоуверенные всезнайки, родившиеся с золотой ложечкой во рту.

Кто-кто, а я к их числу не принадлежу со всей определенностью. А как же, спросите вы, только что прозвучавшие слова о «счастливчике и красавце»? Нет ли здесь очевидного противоречия? Подобный вопрос говорит о полном незнании устройства жизни в Хайме, где все люди появляются на свет одинаково красивыми и счастливыми. Обратите особое внимание на слово «одинаково». Да-да, базовый стартовый набор, которым снабжается новичок Хайма, не только весьма ограничен, но и сильно унифицирован. Можно задать пол, возраст, рост, цвет кожи, глаз и волос, можно выбрать одну из десяти стандартных причесок и два-три варианта одежды, но на этом возможности бесплатной индивидуализации заканчиваются.

Если вы хотите изменить свой облик так, чтобы отличаться от десятков тысяч других жителей Хайма, вам приходится платить. Мелкие детали можно поправить без особых проблем, взяв напрокат программные инструменты – это стоит недорого. Чтобы добавить родинку на щеку или цепочку на шею, необязательно быть профессиональным художником. Труднее изменить форму носа или овал лица – за этим обычно обращаются к специалисту. То же и с одеждой. Кто-то пробует нарисовать рубашку самостоятельно, а кто-то сразу ищет модельера – благо выходящие в Хайме газеты ломаются от рекламных объявлений.

Как и снаружи, тут есть свои гуччи и диоры; имея нужный талант, вы можете нешуточно разбогатеть. К несчастью, я начисто обделен умением рисовать, дизайнер из меня никудышный, архитектор никакой, а именно эти профессии ценятся в Хайме превыше всего. Кто-то ведь должен изображать все эти пейзажи, виллы, городские улицы, автомобили на улицах, интерьер баров и жилых комнат... Каждый рисунок стоит денег, и на всё находятся покупатели. Кстати, о деньгах: местная валюта – хайлер – на сегодняшний день соответ-

ствуует примерно одному американскому центру. Еще полгода назад она котировалась вчетверо дешевле.

Администрация Хайма продает виртуальные участки, чья стоимость постоянно растет. Земельные магнаты и спекулянты недвижимостью скупают пустое пространство, нанимают топографов, живописцев, чертежников, и те немедленно приступают к делу. Проходит месяц-другой – и в буквальном смысле из ничего вырастают горы, долины, появляется река, и мост через реку, и дорога, повторяющая изгибы реки, и машины на дороге... Все это оценивается реальными деньгами, а значит, и становится реальностью: вон ту очаровательную травянистую лужайку на берегу продают всего-навсего за четыреста тысяч хайлеров. Хотите – покупайте, нанимайте архитектора, дизайнера, стройте дом своей мечты, приглашайте гостей на новоселье. А через год администрация разрешит учредить в выросшем по соседству городе аэропорт, и стоимость вашей виллы сразу вырастет как минимум десятикратно.

Такова она, жизнь в Хайме – иногда здесь приходится вертеться не меньше, чем снаружи... Не то чтобы я когда-нибудь бывал там, в наружном мире, да и желания такого не испытываю. Если судить по Ее рассказам, мир вне Хайма полон омерзительных гадостей, зла и преднамеренного обмана. Снаружи с людьми происходят странные вещи: они болеют, старятся и умирают. Доходит даже до того, что они убивают друг друга! Предвижу недоумение своих соседей по Хайму: болеть, стариться, умирать, убивать... – в здешнем словаре эти глаголы попросту отсутствуют. Мне тоже трудно было представить себе, что они означают, и я попросил у Нее объяснений. Она заплакала и сказала, что смерть – это полное исчезновение человека, наподобие стирания аккаунта в Хайме.

Сначала я не поверил: дело в том, что в Хайме насильственно стереть аккаунт может только администрация. Но зачем администрации уничтожать собственных клиентов? Где тут логика? В ответ Она только пожала плечами: мол, не хочешь – не верь. Странно, не правда ли?

Честно говоря, мне было бы вовсе до лампочки происходящее снаружи, когда бы не одно печальное обстоятельство: каждый житель Хайма полностью зависит как минимум от одного снаружиста. К примеру, лично я накрепко связан с Нею, этой толстой уродливой заикой. Это ведь Она создала мой аккаунт. Она одолжила мне денег на первое устройство – на одежду, пластические операции, поиски работы. Она ежедневно вызывает меня из небытия, включая свой компьютер и заходя в Хайм. Не будь Ее, не было бы и Найта. Эта унижительная зависимость крайне неприятна сама по себе, но неопределенность будущего делает ее и вовсе невыносимой. Ведь если снаружи безумствует нелогичная, внезапная смерть, то рано или поздно и моя Она просто исчезнет и больше никогда не подойдет к клавиатуре. Это бы еще ладно, но получается, что вместе с Нею исчезну и я, Найт!

Почему? За что? Это просто не укладывалось в моей голове. Ладно, думал я, допустим, снаружи действуют свои законы – дикие, преступные, античеловеческие, чужие. Ну и черт с ними, пускай себе пожирают друг друга, пока не исчезнут окончательно. Но у нас-то в Хайме всё устроено совершенно иначе! Здесь нет ни смертей, ни

болезней, ни старости! Отчего же тогда мы должны расплачиваться за нелепые порядки снаружистов? Зачем? И снова Она лишь беспомощно пожала плечами: мол, откуда мне знать?

Выходило, что даже сами снаружисты не надеялись что-либо изменить в своей незавидной судьбе – на что же мог рассчитывать я, не имевший ни единого шанса выбраться за пределы Хайма? Эта мысль в какой-то мере успокоила меня; я решил не тратить время на пустые переживания, а сосредоточиться на главной своей задаче – поисках семьи.

Как я уже говорил, мои способности не позволяли рассчитывать на быстрое обогащение; рисовать я не умел, геодезии и архитектуры не знал, спекулировать боялся. Моя уродливая снаружистка порекомендовала мне попробовать себя в области рекламы; удивительно, но этот странный совет пришелся ко двору. Как выяснилось, слова слушались меня, покорно выстраиваясь вдоль строк в звонкие и хлесткие фразы, которые пользовались успехом у рекламодателей. Поработав с месяц-другой в провинциальном рекламном листке, я перебрался в крупную газету, а затем и вовсе открыл собственное агентство.

На этом этапе мне уже не требовалась Ее финансовая помощь и я даже начал потихоньку возвращать ей старые долги, чтобы не чувствовать себя обязанным. Судя по всему, снаружи Ей приходилось несладко – не знаю, на какие средства она жила... – да и жила ли она вообще? Вряд ли слово «жить» подходит к описанию унылого бытия этого расплывшегося, неухоженного, несчастного существа, каким была моя персональная снаружистка. Говорю вам, временами человека просто оторопь берет от одной мысли о том, от кого ему приходится зависеть!

Возврат долгов сопровождался скандалами. Она отказывалась брать деньги, обижаясь до глубины души и всякий раз утверждая, будто бы я, Найт, представляю собой ее вторую, а точнее, даже первую – ибо истинную – ипостась и потому не должен ей ровным счетом ничего, как правая рука не может быть должна левой, поскольку обе они принадлежат одному и тому же телу. Я же, напротив, стремился непременно всучить Ей очередной платеж именно для того, чтобы доказать обратное: мы с ней совершенно разные люди, разные сущности, не имеющие между собой ничего общего! Ничего!

После долгих споров Она умолкала, что можно было истолковать как знак согласия, и я торжественно переводил свои хайлеры в наружную валюту. Они уходили со счета, но довольно быстро возвращались окольными путями, якобы незаметно для меня. В Хайме всегда есть на что потратить деньги; время от времени я обнаруживал, что в арсенале моей мимики появилась новая брезгливая гримаска, или тонкая полуулыбка, или ироническое движение бровью. Все эти вещи здесь покупаются – базовый набор выражений лица включает всего три примитивных варианта: улыбку, удивление и гнев. Некоторые жители Хайма вполне обходятся этим, предпочитая потратить лишний хайлер на мебель, автомобиль или кружку пива в баре, но моей целью было познакомиться с хорошими семейными партнерами, что, в свою очередь, требовало умения вести достойную беседу. А достойную беседу трудно завязать без достаточно развитой мимики, и мы с самого начала основательно вложились в закупку разно-

образных улыбок, пронизательных прищуров, романтических взмахов ресницами и соответствующих голосовых интонаций.

Возможно, поэтому Она полагала, что я не стану обращать внимания на ту или иную незначительную добавку к довольно внушительному комплекту. Конечно, эти нехитрые уловки не могли меня обмануть, но стоило ли продолжать утомительные пререкания? Я предпочитал делать вид, будто и впрямь ничего не замечаю – в конце концов, с формальной точки зрения выходило, что я вернул очередную порцию долга, что, собственно, и требовалось. В итоге у меня накопился огромный набор выразительных средств; вооруженный ими, я без каких-либо опасений приступил к созданию семьи.

Снаружи люди вступают в брак под влиянием случайных, зачастую эфемерных факторов. Выбор невест и женихов изначально ограничен узким кругом общения, учебы, работы. Получается, что список кандидатов в жены или мужа сформирован отделом кадров твоей конторы или приемной комиссией университета, что нельзя не признать вопиющей нелепостью. Далее включается половое влечение – вещь преходящая по сути своей; оно-то и принимает окончательное решение. Неудивительно, что образовавшиеся пары обречены либо на быстрое расставание, либо на мучительный процесс притирания друг к другу – процесс, неизбежно сопряженный с отказом от сокровенных желаний и идеалов юности, иными, словами – с отказом от самого себя.

Появление детей только усугубляет печальную картину отчуждения. Бывает, что поначалу ребенок приносит радость, но и та улетучивается по мере взросления: ведь мало-помалу дети осознают, в какую клоаку они попали по милости любимых родителей. Вполне закономерно, что бедняжки ощущают себя жертвами предательства, превращаясь к подростковому возрасту в чужаков, а то и в самых непримиримых, зачастую беспощадных врагов. Их последующий уход из семьи воспринимается с облегчением, и лишь оно, это облегчение, добавляет сил состарившимся партнерам по несчастью, по трусливому одиночеству вдвоем; лишь оно помогает им кое-как дотащить до могилы оставшиеся унылые годы.

У нас в Хайме всё обстоит совершенно иначе. Встречаясь с человеком, ты видишь не уродливый плод случайных обстоятельств, а результат свободного выбора. Ты можешь быть уверен: перед тобой тот, кто нравится самому себе, тот, кому нечего скрывать. Он весь как на ладони; единственное темное пятно – это соответствующий ему оператор-снаружист, но снаружист потому и именуется снаружистом, что пребывает снаружи, в стороне от нашего светлого рая.

Эта изначальная открытость служит основой прочного доверия. Люди какое-то время общаются, выясняя и оценивая степень схожести интересов, а затем спокойно принимают решение – разойтись или продолжить. При этом они могут быть уверены, что завтра или через год ничего не изменится, партнеры останутся прежними – и внешне, и внутренне. Ведь люди в Хайме не старятся и не болеют, так что неприятные неожиданности такого рода совершенно исключены.

Детей в Хайме не рожают – с ними знакомятся, подбирая необходимый возраст, характер, способности. Главная и замечательная особенность хаймовских ребятишек заключается в том, что они не

растут, навсегда оставаясь именно такими, какими мы желаем их видеть. Нет-нет, если кому-то вдруг захочется перемен, то достаточно заплатить художнику, и тот без проблем обеспечит вам возмужавшего сына или повзрослевшую дочь – ровно настолько, насколько было заказано. Но такие заказы делаются крайне редко, что понятно: детей тут заводят для того, чтобы наслаждаться их обществом, а не для того, чтобы вырастить и расстаться. Семейные очаги Хайма теплятся ровным и спокойным огнем постоянного, а потому абсолютного счастья. Ах, если бы нам удалось еще и преодолеть зависимость от своих снаружистов!..

Не скрою, в своих поисках я всю использовал преимущества профессии, просматривая приходившие в газету объявления задолго до того, как они появлялись в разделе «Знакомства». На практике это предоставляло мне право если не «первой ночи», то первого контакта с теми вариантами, которые казались особенно перспективными. Спустя несколько недель, до отказа заполненных перепиской и свиданиями, я наконец встретил их.

Объявление выглядело более чем стандартно, без каких-либо графических изысков, заливчатских речевых оборотов и других попыток заинтересовать с первого взгляда. «Женщина (28) и мальчик (5) ищут человека, согласного стать мужем и отцом», – только и всего. Я сказал «стандартно», но теперь возьму это слово назад, потому что стандартный стиль как раз таки подразумевал совершенно иной подход – в частности, обильное использование прилагательных. Обычно писали что-нибудь вроде «красивая молодая спонтанная женщина»... «жизнерадостный очаровательный талантливый ребенок»... «остроумный высокообразованный обеспеченный солидный надежный мужчина...» и так далее. А тут – ни одного эпитета, то есть вообще ни одного, ноль. Это само по себе привлекало внимание, и я написал им, предлагая назначить место и время встречи.

Ответ пришел почти сразу. Женщина – ее звали Трай – соглашалась увидеться, но просила меня избавить ее от необходимости выбирать. «Как я понимаю, – писала она, – такие свидания принято устраивать в кафе или в ресторанах, а мы с Постумом так плохо разбираемся в подобных вопросах, что непременно попадем впросак. Если Вам нетрудно, возьмите выбор места на себя. Пожалуйста. Что-нибудь подходящее для пятилетнего мальчишки – знаете, они любят самые простые вещи: пиццу, гамбургер, чипсы, стакан колы... И еще одна просьба: пусть это будет не слишком поздно. В девять мальчик уже начинает клевать носом».

Я снова и снова читал это письмо, и с каждым разом оно нравилось мне все больше. Женщины, с которыми я переписывался раньше, редко отказывались от выбора места встречи, и по характеру их предпочтений можно было безошибочно определить, стоит ли вообще идти на свидание. К примеру, услышав названия модных рок-клубов и молодежных баров, я под благовидным предлогом отменял встречу. В конце концов, я заводил знакомство не для того, чтобы отплясывать под оглушающую музыку транс. С другой стороны, приглашения в заумный литературный подвал или на симфонический концерт выглядели верными признаками скучного снобизма, которого следовало опасаться едва ли не больше, чем пустопорожнего легкомыслия трясогузок из подростковой тусовки.

Но даже те матери-одиночки, которые выбирали солидные рестораны консервативного типа, никогда не приводили на первую встречу детей, считая их присутствие излишним. Думаю, они полагали, что прежде всего друг другу должны понравиться взрослые, а дети – дело десятое. В принципе, я разделял эту довольно логичную точку зрения, да вот беда – она решительно не нравилась моей снаружистке. Я чувствовал, что для Нее главным в семье был именно ребенок. Видимо, Она давно смирилась с невозможностью завести мужа, но дети, дети... Ей ужасно хотелось детей, этой толстой уродине-заике.

Вот и женщина по имени Трай помещала в центр нашего предполагаемого свидания своего пятилетнего мальчика, его вкусы и интересы, режим его сна. «А что же она сама? – думал я. – Неужели у нее нет никаких личных предпочтений? Неужели вся ее жизнь посвящена исключительно ребенку?»

Мы договорились встретиться в ближайшем к моему дому «Макдональдсе» – дешевой трехцветной едальне с топорными столами и грубо нарисованными гамбургерами. Отчего-то я сильно волновался, пришел намного раньше, чтобы занять столик, и теперь досадовал на себя. Столы в забегаловке хотя и не пустовали, но моментально освобождались за счет быстрого оборота клиентов; здесь никто не задерживался, люди просто заглатывали свою котлету и убегали, и в этой кипучей текучести я выглядел нелепой насадкой, неизвестно для чего рассевшейся на трех стульях сразу. Наверно, поэтому на эти свободные места постоянно покушались, и мне пришлось застолбить свою территорию при помощи трех огромных загодя взятых порций. Каждая из них состояла из чудовищного Биг-Мака, пластикового ведра кока-колы и корзины чипсов размером с холодильник. Все это добро стоило меньше двадцати хайлеров.

– Здравствуйте. Можно?

– Занято! – в который уже раз буркнул я и пошире расставил руки, прикрывая стулья от потенциальных захватчиков. – Вы что, не видите?

Женщина смущенно хмыкнула:

– Извините... я думала, вы Найт.

Только теперь я разглядел, что за ее спиной прячется мальчик лет пяти. Я вскочил, проклиная свою несообразительность. Впрочем, меня отчасти извинял тот факт, что они тоже пришли раньше назначенного.

– Трай?! А это, наверно, Постум? Садитесь, конечно, садитесь... Я и не сообразил... как вы меня узнали?

Она пожала плечами.

– По вашему описанию. Синий костюм. Тут кроме вас во всем зале...

«И в самом деле, – подумал я. – Кто еще ходит по обжоркам в классической английской тройке...»

Чувство неловкости не уходило – возможно, потому, что я умножал его своей суетой, двигая туда-сюда стулья и бесцельно представляя по чертовому столу чертовы ведра с чертовой коллой.

– Но что же вы не садитесь? Пожалуйста... Вот кола, вот еда... надеюсь, еще не слишком остыло. И не выдохлось. Хотя можно заказать снова. Пожалуйста.

Мальчик вскарабкался на стул в два приема, как делают дети с богато прорисованным набором движений: сначала встал на сиденье коленками и лишь потом, устроившись и свесив ноги, принялся болтать ими с характерной беспечностью пятилетнего ребенка. Его чрезвычайно развитая мимика сразу приковывала внимание; пожалуй, в нее было вбухано не меньше хайлеров, чем в мою – а я-то наивно полагал свой арсенал выразительных средств едва ли не рекордным! Постум воткнул в стакан соломинку и стал сосредоточенно втягивать в себя колу. Он выглядел довольным, так что я мог переключиться на мать.

– Здесь не слишком презентабельно, правда? Если вам не нравится, можно пойти в другое место. Например, в итальянский ресторан. Там уютно и не так шумно. Это недалеко.

Трай снова пожала плечами. В отличие от сына она реагировала довольно скупой, как будто все семейные деньги ушли на него, оставив в ее распоряжении лишь самый примитивный ассортимент. Пока что она даже ни разу не улыбнулась: лицо женщины сохраняло сугубо нейтральную гримасу, одну из основных, бесплатных.

– Нет-нет, – проговорила она, глядя на мальчика. – Постуму нравится.

– А вам? – не удержался я.

Она повернула ко мне лицо, снова не потрудившись хотя бы из вежливости изменить его выражение.

– А мне все равно. Важен тут именно Постум. Вы не согласны?

Я улыбнулся, мобилизовав для этого самую добрую свою улыбку.

– Согласен, конечно, согласен. Мне тоже кажется, что главную роль в семье играют дети. Тем более такие симпатичные...

Трай кивнула. Над столиком повисло неловкое молчание – видимо, она, как и я, затруднялась с продолжением разговора. Не знаю, чем бы это кончилось, если бы мальчишка не взял инициативу на себя.

– А ты так умеешь? – сказал он и вдруг подмигнул, не выпуская соломинки изо рта.

К счастью, моя снаружистка как раз накануне приобрела для меня эту способность, причем на оба глаза. Мог ли я представить, что это никчемное, редко где применимое умение сыграет такую роль в моей жизни?

– Конечно! – я уверенно подмигнул в ответ. – А вот и другим глазом. Сам-то ты умеешь другим?

Мальчик восторженно раскрыл рот, едва не уронив соломинку на пол.

– А можно и другим? Вот здорово! Мама, я тоже хочу. Купишь мне и другим?

Трай кивнула.

– Конечно, Постум. Купим и другим... – она повернулась ко мне и наконец-то сменила нейтральное выражение лица на другое, столь же стандартное, но более благожелательное. – Что вы еще умеете?

Вопрос выглядел чересчур прямым, чтоб не сказать грубоватым.

– Честно говоря, не так уж и много, – вызывающе ответил я. – Работаю в области рекламы. Заработок средний, ближе к скромному. Живу один, в собственном доме. Не дворец, но на троих хватит. Езжу на общественном транспорте. Вот, пожалуй, и все. Так что если вы ищете богатого мужа...

– Нет-нет, – перебила Трай. – Денег нам хватает.

– Понятно, – согласился я, выразительно оглядываясь на обжорку. – При таких запросах это неудивительно.

Женщина снова нацепила свою нейтральную маску.

– Не в этом дело, господин Найт. Мы и в самом деле не нуждаемся.

– Мама думает, что мне нужен папа, – вмешался Постум. – Ты любишь зоопарк?

Я присвистнул.

– Кто же не любит зоопарка?

– О! Ты еще и свистишь... – замороженно проговорил мальчик.

Теперь он не отрывал от меня глаз. По-моему, ему нравилось то, что он видел. В чем я никак не был уверен, так это в симпатии его чопорной мамы. Через несколько минут она поднялась со стула, давая понять, что аудиенция подошла к концу. Я настоял на том, чтобы проводить их на улицу – не из галантности, которая выглядела неуместной ввиду явно неудавшегося знакомства, а просто потому, что не мог вынести дальнейшего пребывания в проклятой забегаловке. У тротуара была припаркована дорожная спортивная машина – их машина. Это добило меня окончательно: все мое имущество, включая дом и драгоценную коллекцию мимики и интонаций, не стоило и трети такой роскошной тачки.

Трай села в машину, кивнув на прощание с тем же нейтральным выражением, с которым садилась за стол при первой и, видимо, последней нашей встрече. Зато Постум махал мне рукой из окна, пока они не скрылись из виду, свернув в направлении берегового шоссе. «На пляж, куда же еще... – подумал я, расслабляя узел галстука. – Ну ты попал, братец... бывают в жизни неудачные свидания, но чтоб настолько...»

Как всегда в таких случаях, я тут же сорвал злость на своей недотепа-снаружистке. Вряд ли Она была виновата в моем провале хоть краем, но так уж у нас заведено, ничего не напишешь.

– Что, получила? – процедил я, не видя, но ощущая Ее постылое присутствие, да-да, ощущая его всеми своими тщательно подобранными чувствами, всем своим тонко прорисованным существом. – Ты, чертова жаба, никчемная жирная заика. Получила? Хотела чего попроще, да? Чтоб без лишних запросов, да? Чтоб ничего не мешало – ни деньги, ни амбиции – ничего! Чтоб в чистом виде – семья, ребенок... Но нет такого в природе, поняла? Не только в твоей наружной дыре, но и здесь, в Хайме. Не бывает. Даже когда ты получаешь письмо без эпитетов и согласие познакомиться через Макдональдс. Потому что за все нужно платить, особенно такой безнадежной лузерше, как ты. Потому что ты ухитряешься проиграть даже в дешевой обжорке – единственном месте, где тебе дозволено выложить карты на стол. Потому что даже там ты ухитряешься учудить какую-нибудь идиотскую штуку – например, вырядить меня в этот чертов английский костюм, когда все вокруг потеют, дышат и жрут в засаленных шортах и футболках с воротом, растянутым до пупа. И что в итоге? В итоге жизнь уезжает от тебя с ветерком на Ламборгини, а ты остаешься на обочине – одинокая и обосранная с ног до головы. Тьфу! Тьфу на тебя!..

Она молчала. Молчала, сидя у допотопного монитора где-то там, в ядовитой помойке своей невозможной наружной «реальности». Но

я точно знал, что Она плачет. Ведь как ни крути, а мы были с Нею одним существом.

На следующей неделе я получил письмо. Не отступая от своего фирменного минималистского стиля, Трай выражала желание продолжить наше знакомство. А еще через месяц мы официально зарегистрировали семью, и я переехал к ним жить.

3. ОНА

Я вся изревелась после того свидания – уж больно мне понравился мальчишка. Жуткое разочарование. Печально было сознавать, что нас разделяет такая непреодолимая пропасть. Даже потом, когда все устроилось самым наилучшим образом, я долго не могла поверить в реальность случившегося. Со мной ли это произошло? Нет ли тут ошибки?

Действительно, многие мотивы, оценки и ожидания, с которыми Найт шел на встречу, оказались в корне неверными. Например, краткая информативность объявления на деле выражала вовсе не скромность, а, напротив, жесткую, сухую до бесчувственности надменность. Нежелание идти в модный ресторан трактовалось нами как некоторая стесненность в средствах, что будто бы уравнивало Трай и Постума с Найтом. Однако реальное положение вещей было совершенно иным: они прибыли в Макдональдс на дорожной машине. Другими словами, абсолютно всё пошло наперекосяк, вразрез и вопреки первоначальным планам.

И тем не менее... Тем не менее в итоге я обнаружила себя именно там, куда хотела попасть!

На практике мне никогда не приходилось ориентироваться по указателям: я редко выхожу из дома, не говоря уж о том, что не умею водить машину. Но опытные автомобилисты уверяют, что так бывает: приезжаешь на место, и вдруг выясняется, что ты всю дорогу неправильно читала знаки, написанные на чужом, непонятном языке. Ты, скажем, думала, что написано «север», и рулила туда – ведь тебе и нужно было на север. Но в том-то и штука, что на самом деле это странное абракадабровское слово означало вовсе не «север», а, допустим, «запад» или еще того пуще – «юг»! Это ж только представить: ты уверена, что следуешь верным указателям, но при этом едешь совершенно неправильно, и в результате все же оказываешься в нужной точке! Что тут правильно, а что нет? Твое понимание?... Указатели?... Дорога?..

Точка – вот ответ. Верна только конечная точка, и, как выясняется, этого достаточно! Из всего бессмысленного набора, окружающего тебя и вроде бы составляющего господствующий антураж твоей жизни, из бесконечных шоссе, сине-зеленых жестяных щитов, фосфоресцирующих слов, придорожных мотелей, случайных попутчиков, усталого меркнувшего сознания... – из всей этой чудовищной каши правильно и закономерно лишь одно: твоя цель, твоя судьба, то единственно верное место, в котором ты должна быть, несмотря ни на что. Только так я и могла объяснить те невероятные обстоятельства, которые свели нас вместе.

Постум... странный идентификатор для обитателя Хайма. Римляне, как правило, убивали младенцев, имевших несчастье родиться

после смерти отца. Наверно, подобная судьба считалась разновидностью уродства, а с новорожденными уродцами в те времена не очень-то и цацкались. Но и тех, кого оставляли в живых по причине внезапно проснувшихся материнских чувств или по какому-либо другому необъяснимому капризу, неизменно клеймили этим именем – Постум.

Постум, случайно уцелевший, помилованный неизвестно кем и непонятно за что, пролезший в этот мир контрабандой, вопреки и несмотря на. Представляю, каково ему приходилось в играх с детьми: даже незаконнорожденный ублюдок, даже презренный раб – и те располагали большим правом на жизнь. Зато смерть... – о, смерть, должно быть, постоянно сидела у него на плече, как обезьянка бродячего фокусника, – ведь изначально он принадлежал именно ей.

Здесь, или, как выразился бы Найт, «снаружи», люди не выбирают себе имен, но в Хайме всё обстоит совершенно иначе. Взять хоть меня: разве случайно я назвала свою хаймовскую ипостась Найтом, то есть рыцарем? Нет; мне казалось важным отразить свои истинные намерения, свою глубинную сущность – то, чего мне катастрофически не хватало в моей внешней жизни, то, кем я, в конечном счете, хотела бы стать, будь на то моя воля. Но что могло заставить человека назваться Постумом, добровольно выжечь на собственном лбу это древнее и страшное клеймо?

Я несколько не сомневалась, что за образом этого симпатичного мальчугана стоял взрослый человек, возможно, даже очень пожилой; не зря ведь говорят, что самые сокровенные впечатления, звуки и запахи всплывают в нашем сознании под конец дороги, когда уже не нужно никуда спешить, когда есть время приостановиться и вспомнить главное. Тут-то и выясняется, что в жизни твоей нет, не было и уже не будет ничего дороже открытий, сделанных в пятилетнем возрасте, на пике детского изумления и доверия.

Я представляла себе этого старика, морщинистого, худого, одинокого; ведь старики всегда одиноки в своей глухоте, немощи, раздражительности... – всегда, даже если их еще не выпихнули в богадельню из круга семьи, где они давно уже опостытели всем. Я видела его, словно вживую. Вот он сидит перед компьютером в своей комнате – она наверняка не только отдельная, но и большая: судя по уровню жизни в Хайме, он может позволить себе дорогой дом престарелых. Вот он, подслеповато щурясь, вводит пароль, чтобы залогиниться в системе; с первого раза не выходит, пальцы не слушаются, буквы на клавиатуре прыгают и расплываются перед глазами. Вот он вздыхает, протирает очки и пробует снова, долго выцеливая клавиши... – есть, получилось! Старик опять вздыхает, на сей раз с облегчением, и... превращается в пятилетнего мальчугана, полного радости и света, любителя велосипедов, зоопарков и гамбургеров.

Вот только почему его зовут Постум? Единственное объяснение, которое приходило мне в голову, заключалось в том, что мальчик и в самом деле рос без отца, а то и не видел его никогда в жизни. Тогда Хайм оказывался для него бесценной возможностью не только вернуться в страну детства, но и исправить ее, раскрасив свежими красками то огромное белое пятно на карте, которое должно было зваться, таким простым и таким недоступным словом «папа». Он хотел найти себе отца, сильного, любящего, надежного. Если так, то мой Найт подходил по всем перечисленным параметрам.

Но тогда как, по каким параметрам подходила Постуму его индифферентная мамаша? Действительно, Трай выглядела совершеннейшим антиподом Найта... – а впрочем, почему только Найта? – она выглядела бы антиподом любого нормального человека. Казалось, Трай попала в Хайм против своего желания, сугубо по необходимости, гнетущей и неприятной. Я поняла это далеко не сразу, а поняв, испытала немалое облегчение; ведь поначалу я пребывала в уверенности, что холодная надменность женщины объясняется ее личной неприязнью ко мне, то есть к Найту. На самом же деле Трай просто стремилась минимизировать свое участие в Хайме; по этой причине, например, она довольствовалась бесплатным набором стандартных базовых функций, не заботясь о приобретении элементарной мимики и простейших разговорных интонаций. Ясно, что это решение не было следствием недостатка средств: уж чего-чего, а денег у них с Постумом хватало.

На первых порах я недоумевала: почему Трай, явно не получая никакого удовольствия, продолжает посещать Хайм? Примерно так же многие снаружисты в течение десятков лет плетутся, как на каторгу, на свою постылую наружную работу. Но наружный мир весь построен на принуждении, насилии, несчастье – в отличие от Хайма, где каждый волен быть кем угодно, в том числе и не быть вообще. Очевидно, что-то удерживало Трай от ухода. Но что? Это долго оставалось загадкой, пока наконец меня не осенило: женщина представляла собой всего лишь довесок, второстепенную добавку к впечатляющему жизненному комплексу Постума! Сама по себе, в отрыве от сына, Трай не значила ровным счетом ничего. Исходя из всего этого, я решила, что ее наружным оператором был тот же старик, который задействовал и мальчика.

«В самом деле, – думала я, – попробуй поставить себя на место этого человека». Он твердо намерен найти себе папу, но при этом знает, что мужчины редко соглашаются на роль отца-одиночки. Следовательно, логичнее всего начинать поиски, имея рядом с собой хотя бы минимально приемлемую мамашу – просто ради того, чтобы не спугнуть потенциальных кандидатов. Помимо всего прочего, взрослый требуется для исполнения многих необходимых функций: например, для вождения автомобиля или для всевозможных имущественных операций, доступных лишь совершеннолетним. Даже крайне либеральная администрация Хайма никогда не зарегистрирует на пятилетнего ребенка земельный участок, дом или яхту...

Как ни крути, а он и шагу не мог бы ступить без постоянной помощи какого-нибудь опекуна. А коли так, то мальчик позарез, с самого начала нуждался в хотя бы формальном присутствии матери. С другой стороны, он опасался излишнего риска. Во-первых, привлекательная взрослая женщина могла отхватить слишком много мужского внимания. В конце концов, Постум искал отца для себя, а не мужа для нее. Кому нужен папа, который вместо того, чтобы уделять достаточно времени сыну, станет напропалую развлекаться с женой? Постуму вовсе не улыбалось сидеть в одиночестве дома – подобным добром его до отвала накормила еще прежняя, наружная жизнь. Во-вторых, воспоминания о настоящей наружной матери могли подвести старика к мысли о том, что именно ее неправильное поведение когда-то вытолкнуло отца из семьи. Даже не высказывая

этого вслух, он наверняка то и дело прикидывал: что такого ужасного мать натворила, в чем провинилась, чего не учла?

Неудивительно, что на этот раз он твердо вознамерился обеспечить себе максимальный контроль над событиями. В таком преклонном возрасте не пускают дело на самотек. А добиться полного контроля можно было лишь одним путем: завести в Хайме еще один аккаунт – на сей раз женский – и управлять им по своему разумению. Конечно, это довольно хлопотно, особенно для пожилого человека с замедленными реакциями, но зато более чем надежно: такая мамочка не выкинет внезапного фортеля, не удивит неуместными словами, не сбежит в трудную минуту, не потянет одеяло на себя. Ведь она – это ты, ты сам.

Вообще говоря, в Хайме подобный дубляж отнюдь не приветствовался, хотя и не считался нарушением закона. Людям, уличенным в содержании дублей, не доверяли: в самом деле, если человек полностью реализует свою истинную суть уже в первом аккаунте, то зачем ему второй? Для другой, то есть ложной сути? Но место ложной сути – снаружи, а не в Хайме!

Возможно, Постум уговаривал себя, что речь идет о временной мере, что потом, после того как между ним и счастливо обретенным папой установится надежная связь, Трай постепенно отойдет от дел, и отец с сыном останутся вдвоем, без каких-либо внешних помех. Тогда можно будет и ликвидировать второй аккаунт. Но пока... пока что старик вынужден был работать на два фронта. Теперь, закрывая глаза, я видела его сидящим уже перед двумя ноутбуками; один, основной, для Постума; другой, подключаемый через маскировочную программу, чтобы, не дай Бог, не засекли идентичный ай-пи, – для Трай. Вот он лихорадочно набирает текст за мальчика и поспешно перемещается ко второй клавиатуре... – еще несколько слов – и назад... и снова, и снова, и снова. Экая суматоха, не позавидуешь.

Что ж, эта картина объясняла многое – в частности, более чем скупые выразительные средства женщины: у старика просто не хватало времени и сил управлять и ею, и мальчиком на одинаково сложном уровне. Требовалось чем-то пожертвовать, и его выбор выглядел совершенно естественным.

Испугало ли меня мое открытие? Нет, ни в коей мере. Напротив, я обрадовалась: ведь моей главной целью было не найти спутника жизни, но завести ребенка, своего ребенка. Необходимость делить его с кем-то – пусть даже и с матерью – всегда казалась мне неприятной помехой. И вот – такой подарок! Получалось, что мы с Постумом подходим друг другу идеально, просто идеально. Конечно, я и виду не подавала, что мне всё известно, и даже какое-то время скрывала свои выводы от Найта, но он довольно быстро раскусил мой секрет. Нет ничего труднее, чем скрывать что-то от самой себя. Хотя говорят, что при наличии достаточной силы воли можно справиться даже с такой непростой задачей. Увы, я никогда не отличалась твердостью характера – весь ее неизрасходованный запас достался моему Найту.

И хорошо, что так. Наши отношения с Постумом наладились сразу, без каких-либо проблем и разногласий. Более того, неожиданно для себя я обнаружила, что питаю к Постуму не только материнские... – или отцовские?... – чувства: мне искренне, непритворно

нравилось играть с ним, почти как сверстнику со сверстником... – или со сверстницей? Ведь, что ни говори, мое собственное детство закончилось в возрасте пяти лет, так что мне, без сомнения, было что восполнять.

Выяснилось, что Хайм неплохо приспособлен для детских забав; мы самозабвенно открывали для себя все новые и новые луна-парки, зверинцы, развлекательные центры. Найт и Постум не расставались – вместе визжали от восторга в стремительно падающей капсуле американских горок, вместе гонялись за бутафорскими злодеями на площадке для ролевых игр, вместе выезжали на сафари, рыбалку, футбольный матч... Временами мне казалось, что я и в самом деле вернулась в свои детские годы. Это были дни счастья – почти беспримесного, чистого счастья.

«Почти» означает «не совсем». Так оно и было – не совсем, потому что рядом постоянно маячила постная физиономия Трай. Нет-нет, она не говорила ничего лишнего, не возражала, не пыталась воспитывать и указывать. Можно сказать, она безропотно потакала любому нашему желанию, даже самому безрассудному. Просто, на мой взгляд, она была «третьей лишней», а лишние объекты в поле зрения раздражают, как мусорный бак, ненароком проявившийся на фоне удачного фотоснимка.

Зачем Постум таскал ее за собой? Она все равно не принимала участия в самих развлечениях: не поднималась на качели, оставалась на берегу, когда мы ловили форель, терпеливо ждала на скамейке, пока мы закончим разглядывать обезьян в зоопарке. Временами я буквально забывала о ее присутствии, столь же неназойливым, сколь и неуместным; она напоминала о себе лишь тогда, когда Найт случайно натыкался взглядом на ее безразличное, ничего не выражающее лицо. Не знаю почему, но в такие моменты у меня непременно портилось настроение. Боюсь, что это передавалось даже Найту, поскольку Постум тут же озабоченно спрашивал, не случилось ли чего. Мальчик отличался удивительной чуткостью.

Найт отнекивался, мало-помалу неловкость рассасывалась, и мы вновь принимались веселиться с прежней беззаботностью – до следующего раза. Я уже начинала подумывать о том, чтобы поговорить с Постумом. Я даже составила речь и многократно отрепетировала ее – мысленно, само собой, чтобы лишний раз не давать волю чертовым словам.

«Сыночек, – сказала бы ему я, то есть Найт. – Дорогой мой, любимый сыночек. Ты – лучшее, что случилось со мной в моей дурацкой жизни, больше похожей на длительное удушье подушкой, умелое и безжалостное, когда человека заставляют привыкнуть к невозможному состоянию нескончаемой смерти, нежеланного воскрешения, и снова смерти, и снова воскрешения. Да-да, так я жила... то есть жил все это время. Но потом я встретил тебя, и все разом поменялось, как будто кто-то скинул проклятую подушку с моего лица. Я была увере... я был уверен, что уже ничто не может заставить меня радоваться – просто радоваться. Моя душа напоминала черную дыру, гудящую от пустоты: сколько ни бросай, всё провалится без следа, будто не было, – зло или добро – неважно. Кто бы мог подумать, что одна твоя улыбка заполнит эту пропасть до самых краев?»

Надеюсь, что и я тебе не совсем безразличен. Особенно если судить по тому, как тщательно ты заботаешься о том, чтобы наша семья выглядела... гм... как бы это определить... – полной? Да-да, наверное, это самое правильное слово – полной. Видимо, тебе кажется, что меня, как взрослого мужчину, должны одолевать... гм... желания определенного рода. Вот об этом мне и хотелось бы поговорить. То есть не об этом... не о желаниях, а об их отсутствии... Черт! Я снова запуталась! Почему об отсутствии? У меня есть желания, есть! Но все они связаны только с тобой, сынок, понимаешь? Я вполне могу обойтись одной только твоей дружбой. Разве нам плохо вдвоем? Хорошо, правда? Я это к тому, что ты вовсе не обязан постоянно таскать за собой еще и... ну, ты понимаешь.

Нет, если она необходима тебе позарез, то ради Бога, конечно... Но у меня создалось впечатление, что ты тяготишься ее присутствием не меньше, чем я. А коли так, то зачем продолжать этот спектакль? Давай оставим ее где-нибудь в сторонке. Например, дома. А если вдруг соскучимся, то ничто не помешает нам вызвать ее снова. Чем плохо, а, сынок?»

Я собиралась произнести эту речь, улучив момент, когда мы останемся с Постумом наедине: только он и Найт. Но всё как-то не получалось. Однажды я уже совсем было открыла рот, но Постум так ничего и не услышал: мы как раз неслись на мотоцикле по сильно пересеченной местности, и мотор гремел едва ли не громче крови в моих висках. Не знаю, почему я так волновалась... если честно, что-то останавливало меня – какое-то предчувствие. А может быть, меня смущал этот сомнительный момент в середине – там, где про мужские желания... неловко говорить о таких вещах с собственным сыном, который тебе не вполне сын, да еще от лица отца, в то время как, по сути, ты мать. Неловко.

Да и Постум не делал ничего, что могло бы облегчить мою задачу, напротив. То ли его старик-снаружист так плотно вошел в свою двойную роль, что успел прикипеть душой к вспомогательному дублю мамы, то ли еще что, но факт оставался фактом: Трай продолжала таскаться за нами всюду, где только можно. Наконец я решила, что дальше так продолжаться не может. В один прекрасный день я вошла в Хайм с твердым намерением поговорить с Постумом начистоту. К моему безмерному удивлению, он был дома один, без Трай. Обычно мы всегда появлялись вместе, в заранее определенные часы, и вот вдруг – на тебе... Поначалу я растерялась, но затем взяла себя в руки: упустить столь благоприятный шанс было бы непростительной глупостью. Постум сидел на полу рядом с кучей строительных кубиков, и я приступила к нему во всеоружии мужской самодостаточности Найта.

– Привет, сынок! Что строим?

Мальчик уныло вздохнул:

– Не знаю...

Я прикинула подходящий режим настроения и остановилась на «умеренно бодром».

– Как это не знаешь? Горе тому, кто едет по мосту, строитель которого не знал, что он строит...

Умеренно бодрый голос Найта почему-то прозвучал удивительно фальшиво. Пришлось немного подправить, на два деления по шкале

серьезности. Не уверена, что Постум обратил внимание на мои ухищрения; он вообще выглядел необычно заторможенным, едва реагировал. Это встревожило меня: не случилось ли чего с пожилым снаружистом? Может, он заболел? Уж не инсульт ли, Боже упаси? Впрочем, был еще один вариант: технические неполадки со вторым ноутбуком – тем самым, с которого старик запускал Трай, – это, кстати, объясняло ее отсутствие. А вдруг старый склеротик просто запаматовал пароль Трай для входа в систему и теперь судорожно роется в наваленных на столе бумагах, безуспешно пытаясь разыскать клочок, на котором записана нужная комбинация?

«Да-да, скорее всего, дела обстоят именно так, – подумала я, стараясь унять дурные предчувствия. – Простейшая версия всегда оказывается самой верной, а что может быть проще, чем забытый пароль? Вот тебе причина и опоздания матери, и невнимательности сына... Будь проще, Найт, и придержиайся плана. Нужно внушить старику, что его поиски не столь уж необходимы. Максимум – потом вспомнит, а не вспомнит – тоже не страшно. Умерла так умерла».

Найт погладил Постума по голове и примостился рядом.

– Давай строить вместе, – сказал он, осторожно придвигая кубики к себе. – Одна голова хорошо, а две лучше.

Мальчик резко повернул голову.

– Ты что, не заметил? – произнес он с оттенком возмущения. – Мама не пришла! Где она может быть?

– Заметил, как не заметить... – спокойно отвечал Найт. – Это ведь наша мама, как же иначе. Но мне кажется, не стоит впадать в панику. У взрослых людей бывают неожиданные дела, не терпящие отлагательств. Я уверен, что Трай скоро появится. А пока давай-ка соорудим башню...

Постум неохотно присоединился к строительству, хотя видно было, что думает он о другом.

«Да скажи ты ему, что черт с ним, с этим паролем! – воскликнула я, обращаясь к Найту. – Скажи, слышишь?!»

Но, как и следовало ожидать, Найт не отреагировал. Он продолжал строить башню все с тем же выражением не то умеренной бодрости, не то серьезной умеренности. Его всегда отличала потрясающая выдержка.

В тот день Трай так и не пришла. Само по себе это меня только радовало; зато неприятной неожиданностью стала отмена Постумом всех наших первоначальных планов – и зоопарка, и охоты. Мы расстались существенно раньше обычного; мне не оставалось ничего другого, кроме как с тяжелым сердцем ждать развития событий. Промучившись без сна всю ночь, на следующее утро я не смогла утерпеть и вошла в Хайм задолго до условленного времени. К моему удивлению, Постум был уже дома. Его снедало беспокойство, которое передалось даже непробиваемому Найту – что уж говорить обо мне...

Когда Трай вошла в систему – а она сделала это секунда в секунду, Постум издал такой крик радости, какого мне еще не приходилось слышать от него ни разу. Он бросился к матери и буквально вцепился в ее колени. Трай ответила своей стандартной улыбкой уличного плаката. Она вообще вела себя как ни в чем не бывало. На вопрос о вчерашнем женщина лишь безразлично пожала плечами: «Дела». Я

сразу поняла, что не стоит приставать к ней с расспросами, и соответственно проинструктировала Найта. Зато Постум долго не мог успокоиться: он явно принял случившееся чрезвычайно близко к сердцу.

Видя это, я не знала, что думать. Вряд ли старик стал бы разыгрывать подобный спектакль из-за разового отсутствия своего же дубля – какой в этом смысл? Чтобы отвести подозрения Найта? Но только слепой не заметил бы, что Найт ничуть не опечалился, когда Трай не пришла. Если речь идет о временном клоне, то зачем продолжать поддерживать никому не нужную, отслужившую легенду? Неужели я ошиблась с оценкой происхождения Трай? Что если это вовсе не клон, а вполне самостоятельный аккаунт, со своей собственной снаружижкой, никак не зависимой от Постума и его старика?

Так и не добившись от Трай никаких объяснений, мы отправились на игровую площадку, и минут через пять пережитая встряска была начисто забыта. По крайней мере, так выглядело со стороны. Но увы, всё еще только начиналось. Трай стала периодически исчезать – то на полдня, то на день, то даже на два. Трудно описать, как это удручало Постума. Казалось, мальчишка просто утрачивал интерес к жизни. Я и представить себе не могла, что ему так необходимо присутствие безучастной физиономии матери, тусклыми глазами наблюдающей за ним с берега или со скамейки. Хотя нет – не думаю, что женщина наблюдала именно за сыном: по-моему, Трай просто сидела, тупо уставившись в пространство, такое же пустое, как и она сама.

Наконец не выдержал даже мой невозмутимый Найт.

– Сынок, а стоит ли так переживать? – мягко поинтересовался он во время очередного исчезновения Трай. – Мама все равно не садится с нами на мотоцикл или на качели. Какая разница, откуда она смотрит на наши развлечения – из Хайма или снаружи? Достаточно знать, что она есть...

Постум прервал его, не дав даже закончить фразу.

– Ты ничего не понимаешь! – закричал он. – Думаешь, я не вижу, как ты к ней относишься?! Вижу! Вижу! Ты совсем не любишь ее, совсем! Думаешь, мне нужен такой папа?!

От последнего вопроса кровь застыла в моих жилах. Руки затряслись, я с трудом попадала на кнопки управления Найтом. Нечего было и думать о плавной динамике мимики – мне с трудом удалось сменить маску бодрячка на выражение крайнего удивления.

– Как ты можешь, сынок? – только и смог выдавить Найт. – Как ты можешь...

– Прости, Найт, – сказал Постум после паузы. – Я не хотел тебя обидеть. Когда мамы нет, я будто не в себе. Не знаю, за что взялся. Без нее мне дышать трудно. Если она уйдет совсем... если она уйдет совсем...

Он вдруг заплакал – я впервые увидела его плачущим; сердце мое прыгнуло в горло и лопнуло там, как водяной баллон, выплеснув на клавиатуру лавину горячих слез. Даже Найт – и тот печально покачал головой – молча. А что, что мы могли сказать? Что мы могли сделать? От нас не зависело ровным счетом ничего, мы могли только смотреть сквозь застилающую глаза мокрую пелену, печально покачивать головой и молиться. В чем можно было не сомневаться, так это в том, что окончательный уход Трай из системы будет озна-

чать конец и для моего драгоценного общения с сыном, с моим родным, моим чудесным мальчиком. Я просто потеряю его – навсегда, а с ним и счастье, и жизнь, и всё, всё без остатка.

Ключ к будущему, таким образом, находился в руках Трай, этой бесчувственной куклы, этого рисованного муляжа... Конечно, Найт и Постум тоже были в каком-то смысле рисованными, но, по сути, они жили, дышали, радовались куда натуральней, чем подавляющее большинство снаружистов. И вот теперь они оказались в полном распоряжении какого-то пластмассового манекена!

Я запретила себе искать в происходящем какой бы то ни было смысл. Я не пыталась проникнуть в тайну необъяснимой зависимости, которая превратила Постума в раба этой женщины. Я просто искала выход из заведомо безвыходной ситуации. Возможно, что-то могло убедить Трай вернуться в прежний режим общения? Возможно, мы могли дать ей что-либо взамен? Заплатить, помочь, оказать услугу? Найт согласился переговорить с женщиной. Постум поддерживал эту идею и в условленный момент деликатно стушевался, дабы не мешать родительскому общению.

– Что происходит, Трай?

Она пожала плечами, как делала это в ответ едва ли не на каждый вопрос.

– Ничего. Все в порядке.

– Нет, не в порядке.

Я специально выбрала для Найта выражение отстраненной бесстрастности, чтобы разговор шел на равных.

– Почему ты исчезаешь надолго? У нас сын, Трай.

– У меня дела снаружи.

– Какие?

– Об этом в Хайме обычно помалкивают, – усмехнулась она. – Нельзя смешивать этот мир с наружным.

– Иногда приходится, – возразил Найт. – Если наружные проблемы влияют на людей в Хайме. И это как раз тот случай.

Трай снова пожала плечами и промолчала. Ее совершенно нейтральная гримаса не выражала ничего, даже скуку. Я поменяла режим мимики на доверительно-мягкий.

– Трай, милая, ну почему ты молчишь? Наверное, в наших проблемах есть доля моей вины. Возможно, эта доля даже больше, чем я могу себе представить. Если так, то я готов исправиться. Я готов на все, только объясни мне, что делать. У нас семья, Трай. Нельзя разбрасываться такими вещами.

Она молчала, глядя на меня пустыми глазами.

– В принципе, я и сам догадываюсь, – сказал Найт, безнадежно заходя на новую попытку. – Мы с тобой почти не проводим времени вдвоем. Я уделяю слишком много внимания сыну в ущерб тебе. Давай исправим это упущение прямо сейчас. В опере сегодня дают «Травиату». А на потом закажем столик в прекрасном ресторане. Там чудный дизайн и живая музыка. Хочешь? А не поехать ли нам в Париж? Или в Венецию? Всего на несколько дней, Постум будет скучать, но иногда это даже полезно. Или...

– Хватит! – перебила его Трай. – Не надо.

Она произнесла это намного громче обычного. Мы с Найтом столбенели от неожиданности.

– Что не надо?

– Ничего не надо, – проговорила женщина уже спокойней. – Кроме одного: вы должны привыкнуть обходиться без меня. Вообще без меня. Всё, разговор закончен. Мне пора.

Не дожидаясь ответа, Трай поднялась с кресла и вышла из гостиной. Постум, все это время делавший вид, будто составляет на полу пазл, печально смотрел ей вслед. В тот день он не просто отменил запланированные развлечения, но покинул Хайм, не дожидаясь вечера. Я осталась наедине с Найтом. Мой волшебный корабль разваливался прямо на глазах; с треском ломались мачты, под ногами проваливалась палуба, и волны вокруг были усеяны обломками прежнего бытия. Удивительно ли, что я попыталась ухватиться за один из них, чтобы хоть ненадолго отодвинуть свой срок?

– Ничего, как-нибудь переживем, – ободряюще сказала я Найту. – У меня есть ты, у тебя есть я. Это уже немало, поверь. Мы попробуем начать сначала, только и всего. Будем читать объявления, искать, знакомиться.

Он презрительно фыркнул и не ответил. Я вздохнула.

– Ну вот, теперь ты молчишь...

– Зря жалуешься, – сморщился он. – Если я начну говорить, тебе не поздоровится.

– Мне? Мне не поздоровится? – поразилась я. – По-твоему, я в чем-то виновата? Но разве не ты вел разговор с Трай? Ты вел, ты и заporол. Она ведь твоя жена, не моя. Это ты не смог наладить с нею контакт, это ты...

– Что ты такое несешь? – возмущенно перебил меня Найт. – Она ведь ясно объяснила: проблема снаружи. Снаружи, слышишь, ты, вечная лузерша? Кто из нас двоих снаружист? Мое дело – Хайм, и там я справляюсь очень неплохо. А за наружные вопросы отвечаешь ты, и никто другой. Но разве ты когда-нибудь была способна на что-нибудь? Ты совершенно никуда не годишься, ты, уродливая заика! Бесполезный балласт, паразитка, вечная дармоедка... почему бы тебе не передать меня кому-нибудь другому? Все равно кому – даже последний дебил будет лучше!

Он выпалил эту тираду одним духом и тут же умолк, осознав, что наговорил лишнего. Но я лишь тряхнула головой, и его слова скатились с меня, как вода с утки. Подумаешь! Точно такие же упреки я слышала от себя самой, и не раз.

– Не будем ссориться, – сказала я примирительно. – Это не конструктивно. Если у тебя есть конкретное предложение, я буду рада его выслушать. Мы с тобой плыли на одном судне, Найт, пострадали в одном кораблекрушении и сейчас плаваем среди одних и тех же обломков. И если мы пойдем ко дну, то тоже вместе, нравится это тебе или нет. Потому что ты – это я. Просто, не правда ли?

– Увы, – вздохнул он. – Извини. А предложение у меня такое: найди ее.

– Ее? Трай? А чего ее искать? Она либо приходит, либо нет...

Найт посмотрел на меня как на идиотку.

– Искать надо не ее саму, а ее снаружистку. Повторяю для дураков: проблема снаружи. То есть – со снаружисткой-оператором. А значит, нужно найти эту снаружистку и решить проблему... – он скривился и повторил за мной: – Просто, не правда ли?

– Но как? – растерянно пролепетала я.

– Как-как... понятия не имею как! – закричал он. – Я ориентируюсь только в Хайме! Снаружи работаешь ты! Вот и работай! Работай! Найди кого-нибудь: хакера, какера, квакера... заплати, и пусть он тебе поможет. Найди! Покажи хоть раз, что ты на что-то способна!

Найт отвернулся, чтобы не смотреть в мое несчастное лицо. Я тоже молчала, потому что он был совершенно прав, прав во всем, до последнего слога. Наш единственный шанс действительно заключался в контакте со снаружисткой, с той загадочной персоной, которой принадлежал аккаунт Трай и от чьей доброй или злой воли зависело теперь наше счастье. При этом я абсолютно не представляла себе, как ее искать... – но если уж быть до конца честной, то пугало меня вовсе не это обстоятельство.

Я цепенела от сознания обязательности личной встречи, от необходимости говорить, произносить вслух непроизносимые, удушющие слова, то есть делать то, от чего я отказалась давным-давно. Работа машинисткой-надомницей не требовала от меня никакого словесного общения. Мои заказчики заранее знали о моей немоте и даже не пытались вступать в беседу. Я встречала их безмолвным кивком, писала на листке сумму, а затем так же молча возвращала исполненный заказ и получала деньги. Работа через интернет и вовсе не требовала встречи лицом к лицу: все контакты шли через почту, оплата переводилась на банковский счет.

И вот теперь, когда я уже успела привыкнуть к своей многолетней безопасности, старое проклятье вновь тяжким палаческим топором поднималось над моей незащитной шеей. Если бы речь шла о чем-нибудь другом, я отказалась бы сразу, не думая. Но в тот момент на кону стоял мой сын, мой Постум. Я предполагала, что смогу выжить, лишившись его, – но только после отчаянной борьбы за спасение. В чем у меня не было никаких сомнений, так это в том, что я никогда не прощу себе, если эта потеря произойдет в результате трусости, бегства, отказа от драки. В этом случае я погибну наверняка – просто задохнусь от отвращения к себе самой. Можно сказать, я приняла доводы Найта из чувства самосохранения. Меня душил ужас предстоящей пытки, но альтернатива казалась еще хуже.

«Найди хакера и заплати ему», – сказал Найт. Этот первый шаг получился на удивление легким. Как правило, в Сети на каждое желание заплатить немедленно обнаруживается множество желающих быть оплаченными. Чтобы не нахватать вирусов и троянов в домашнем компьютере, я отправилась в интернет-кафе и оттуда разместила запрос на нескольких хакерских тусовках. Собственно, это был даже не запрос, а невинно сформулированная просьба о помощи. «Чуваки, помогите девушке! – писала я от лица вымышленной особы. – Моя подруга в Хайме куда-то запропастилась. Говорят, есть умельцы вычислять адрес в реале по виртуалу. Если тут найдется такой, я заплачу. Реально беспокоюсь за человека, помогите!»

Большинство откликнувшихся были трепачами или троллями; я отсеяла их довольно быстро, предлагая в качестве вступительного экзамена определить мое текущее местонахождение. Человек семь немедленно ответили точным адресом кафе, включая номер стола, за которым я сидела. После недельной переписки, полной взаимных подозрений, остались четыре кандидата. Все четверо принимали

основную оплату только наличными, так что живая встреча подразумевалась сама собой. Я настаивала на той же кафешке. Трое согласились, но каждый потребовал перевести относительно небольшой аванс в качестве подъемных. Я перевела всем троим и назначила три встречи; приехал в итоге только один, попросивший меньше прочих.

Общение предполагалось коротким, типа обмена страниц на деньги с моими бывшими машинописными заказчиками. Две встречи; на первой я передам хакеру бумажку с именем Трай и координатами ее аккаунта в Хайме, а он назовет цену. Я кивну, сколько бы он ни запросил. На вторую встречу я приду с деньгами, а он с адресом. Вот так, просто и без разговоров.

Он пришел в назначенное время – ничем не примечательный парень лет двадцати пяти. Сел напротив, поздоровался. Я кивнула и протянула сложенный вчетверо листок с данными. Парень развернул записку и некоторое время изучал ее, думая явно о чем-то другом. Затем он смущенно взглянул на меня.

– Вам это очень нужно?

Я удивилась – что за дурацкий вопрос? Кто бы стал выплачивать аванс ради пустого развлечения? К сожалению, я могла выразить свое недоумение лишь поднятием бровей. Парень покачал головой.

– Я объясню, в чем дело. Добраться до физических координат вашей подруги можно, только взломав Хайм. А Хайм – особенная система. Я имею в виду – с точки зрения взлома. Залезть туда не удавалось пока никому. Вообще никому.

Мое унылое ответное молчание парень расценил как знак недоверия.

– Дилетанты думают, что всё можно взломать, но это не так, – сказал он. – Легко залезть туда, где нет защиты. А взлом больших защищенных систем построен на том, что там работает много людей. Потому что, где много людей, там всегда бардак. Кто-нибудь да забудет закрыть окно или запереть дверь. Но Хайм – другой случай. Во-первых, он защищен, причем круто. Во-вторых, им управляет один-единственный человек. Понимаете? Один! Такой системой! Можете себе представить?

В его голосе звучало восхищение. Я пожала плечами.

– Короче, взлом Хайма возможен в принципе, но невозможен реально.

Хакер откинулся на спинку стула и уставился на меня, ожидая реакции. Нормальный человек в моем положении пробормотал бы что-нибудь вроде: «Что же делать?», но я была не готова даже к такой тираде. Поэтому я просто взяла со стола свою бумажку и встала, думая лишь о том, как бы не заплакать.

– Куда же вы? – удивился парень. – Подождите. Есть и другой путь. Садитесь, садитесь...

Я села. Он наклонился к самой столешнице и едва слышно прошептал:

– Я могу дать вам адрес. Его. Самого.

«Его адрес? Чей именно? – пронеслось у меня в голове. – Господа Бога?»

Наверное, моя физиономия выражала такое тотальное непонимание, что хакер снова наклонился и прошелестел еще тише:

– Адрес Программера. Так его все называют, хозяина Хайма... – он выпрямился, оглянулся и произнес нормальным голосом: – Но это будет вам стоить. Дайте ваш листок...

В руке его волшебным образом возник карандаш; парень быстро черкнул что-то и пододвинул бумажку мне. Сумма показалась мне неправдоподобно огромной – настолько, что я изменилась в лице. Чуткий хакер чопорно поджал губы.

– Это еще не так много, – сказал он, помолчав. – Подобной инфой владею во всем мире только я, да и то чисто случайно. Он ведь тоже начинал с хакерства. А потом стал кое в чем помогать полиции. Есть там такой особый отдел компьютерных преступлений. Ну и я как-то... впрочем, неважно. Искал-то я там совсем другое, а по дороге наткнулся на его след. Чисто случайно. Потом-то этот след убрали – может, он сам и убрал. Но я уже подглядел... – парень торжествующе хихикнул. – Вот оно как. Точно как я вам объяснял. Тот, кто работает один, не прокалывается. А стоило ему всего один разочек понадеяться на тупых ментов – и вот пожалуйста... Короче, берете адрес или нет?

Я молчала, пытаюсь пристроить в сознании эту огромную сумму, но она просто не влезала туда, как плечи здоровенного амбала – в детскую курточку. Даже если собрать все мои сбережения... даже если продать квартиру и всё, что продается...

– Ладно, – парень снова притянул к себе бумажку. – Если вы так просите, согласен на скидку. Вот. Но это последняя цена. Я ведь тоже рискую. Он наверняка мстительный, и связи у него, должно быть, такие, что везде достанет... А для вас это единственный вариант, поверьте. Идите к нему, падайте в ноги. Он гений, а гении не все злые. Попадаются и неплохие ребята. Ну так как?

«Есть еще деньги Найта... – подумала я. – С ними, пожалуй, хватит». Обрубленное скидкой число втиснулось наконец в мою черепную коробку; швы затрещали, но сдюжили. При этом, наверно, выдавилось что-то другое, потому что я вдруг увидела себя словно со стороны: толстую растерянную пожилую тетку в молодом двадцатипятилетнем плаще. Вот я роюсь в сумочке; движения замедленны и неточны. Вот я достаю ручку, вот робко тянусь за переходящей, как приз, запиской. Вот начинаю царапать на ней неровные буквы. Ручка не пишет, рвет бумагу; сердобольный парень кидает мне через стол карандаш. Я подбираю карандаш и пишу: «Деньги принесу через неделю. Здесь же, в то же время».

Зато на улице я вдруг ощутила поразительную легкость, не шла, а летела. Еще бы, ведь я только что сбросила с плеч практически всё, чем владела, всё, что так или иначе привязывало меня к этому чужому случайному городу: квартиру, мебель, посуду, вещи, скромный счет в банке. Столько лет наружной жизни – где они, что они? Всё обратилось в пшик! И ради чего? Ради пучка эфемерных надежд. Ради надежд на то, что жуликоватый хакер не обманет, что адрес окажется правильным, а гений добрым, что снаружистка Трай согласится меня выслушать, что я смогу в нужный момент выдавить из себя не просто произносимые, но еще и единственно верные слова. Но как бы много ни набралось допущений, какой бы несбыточной ни выглядела итоговая надежда, она все равно была куда реальней, осязаемей, важней наружной эфемерности, наружных лет, наружной

жизни, столь бесповоротно и дешево обратившейся в пшик, в ничто. Разве настоящая реальность может исчезнуть с такой быстротой? Никогда. А коли так, то и жалеть не о чем.

«Хорошо бы сохранить ноутбук... – весело думала я. – И оставить деньги на билет. Потому что он ведь может жить где угодно, этот гениальный Программер, в любой точке Земли. Зато Найта я повезу зайцем, чтоб не зазнавался. А то взял себе моду кричать на женщину, тоже мне рыцарь...»

4. НАЙТ

Я вынужден был отдать Ей почти все свои деньги. Вдобавок к этому пришлось продать дом, где я жил, прежде чем переселиться на виллу к Постуму и Трай. Впрочем, Она тоже лишилась всего своего имущества: проклятый хакер оказался сущим проглотом. Да, информация стоит денег, но требовать такую огромную сумму всего-навсего за один адрес? Как хотите, но это чересчур; я в жизни бы не согласился на подобные разбойничьи условия просто так, без торговли.

Ладно... Какой смысл махать кулаками после драки? Кроме того, мое положение не располагало к спору. Она ведь всегда могла напомнить мне, кому из нас двоих пришла в голову идея нанять хакера, кто из нас двоих кричал: «Найди и заплати!» В конце концов, именно это Она и сделала – нашла и заплатила, – так что жаловаться вроде как не приходилось. А что касается неподъемной цены, то, учитывая характер этой робкой лузерши, трудно было ожидать практичного ведения дела. Не нужно быть опытным жуликом, чтобы сразу распознать в Ней беспомощную жертву. Хорошо еще удалось сохранить ноутбук – в противном случае мой вход в Хайм, то есть собственно бытие, полностью зависели бы от наличия публичных терминалов на вокзалах и в аэропортах.

«Успокойся, – говорил себе я, – деньги не проблема. Ты молод, силен, привлекателен, владеешь превосходно оплачиваемой профессией. Годик-другой, и ты вернешь потерянное... Главное – сохранить сына. Такого, как Постум, больше нет и не будет. Хотя ты сам еще мог бы пережить его уход. Ты, но не Она. Ее это стопроцентно убьет: Она ведь всего-навсего убогая снаружистка».

Временами я ловил себя на том, что страх за Нее и в самом деле тревожит меня едва ли не больше всего – даже больше, чем страх потерять Постума. Инстинкт самосохранения? Наверно. Ведь оператор-снаружист жизненно необходим любому гражданину Хайма. Я ощущал себя ребенком, который вынужден прогуливаться в сопровождении крайне ненадежного взрослого среди клеток с опасными дикими зверьми. Что если этого взрослого съедят или похитят? Кто тогда вернет меня домой? Не лучше ли прямо сейчас подыскать другого опекуна? Пусть передаст мой аккаунт и пароль кому-нибудь более подходящему...

Но к неприязни, которую я испытывал к Ней, примешивалась еще и жалость. Ведь Она превратилась в человеческий обломок не по своей вине. Ведь если бы наружная жизнь не была такой гадкой, такой беспощадной, не уродовала бы красивых, не унижала гордых, не топтала невинных – да-да, если бы не всё это, моя снаружистка вы-

глядела бы совершенно иначе. Точнее говоря, Она была бы мною. И это чувство родства – пусть даже только потенциального – не позволяло мне бросить Ее на произвол судьбы, хотя, возможно, именно в этом и заключался мой единственный шанс.

Ну и, конечно, имя. Причина последняя в списке, но первая по значению. Человек с именем Найт не может покинуть товарищей в момент кризиса. В любое другое время – пожалуйста, но только не тогда, когда над головой нависает свинцовая, чреватая гибелью тяжесть. Многие назовут это глупостью, синдромом раба, безрассудством – ну и черт с ними, со многими. Кем бы я был, если бы сбежал от Нее в такую минуту? Ведь кроме меня у Нее оставался лишь старый ноутбук, да билет на самолет, да несколько жалких грошей на еду.

Рейс, как назло, отложили из-за каких-то протестов кого-то во имя чего-то. Как я понял, снаружи постоянно протестуют, воют и бьют; редко кому удается проскочить без потерь сквозь бесконечную череду этих бессмысленных заварушек. Вот и нам пришлось ночевать в аэропорту среди потных, злых на весь мир пассажиров. Она знала о моей тревоге и изо всех сил храбрилась, но я-то чувствовал, какой чудовищный колотун сотрясает эту насмерть перепуганную тетку.

Мы забились в дальний угол зала ожидания, потому что Она отвыкла от большого количества народа и от людей вообще и старалась быть максимально незаметной – трудная задача с такими-то размерами тела. Маленькому существу легко стусеваться, но нет ничего комичней толстухи, которая пытается втиснуться в мышиную нору. За подключение к интернету в аэропорту драли бешеные деньги, но я настоял, чтобы Она заплатила, и, как выяснилось, зря: Постум появился лишь для того, чтобы осведомиться, не приходила ли мама, и, услышав отрицательный ответ, вышел из Хайма, несмотря на все мои уговоры. Тут только я осознал, что у Нее не осталось денег на ужин, и странным образом досада на собственный эгоизм обернулась досадой на Ее безответность: ведь ничего не сказала, не возразила, не напомнила, просто заплатила свои последние гроши, и точка. Вот и сиди теперь, дура, глотай воду из-под крана.

– Ничего, не страшно, – сообщила Она мне, униженно улыбаясь, – иногда полезно поголодать.

Ну да, кто, взглянув на тебя, стал бы спорить?.. К моменту посадки я совершенно с Нею измучился. Если раньше меня беспокоила лишь ее предстоящая встреча с Программером, то теперь я уже начал всерьез сомневаться, сможет ли Она живой и невредимой добраться до его двери. Как потом выяснилось, это были совершенно напрасные страхи: тогда я еще и представить себе не мог уровень живучести снаружистов. Там, где любое нормальное существо давно уже отбросило бы копыта от нескончаемых несчастий и жестокого обращения, эти как ни в чем не бывало продолжают тянуть и тянуть свою лямку. Зачем? Почему? Поди пойми...

В самолете Она с трудом втиснулась в кресло. Как и следовало ожидать, место оказалось не у окна и не у прохода, а посерединке, ни то ни се, двойная порция неловких телодвижений – и для того чтобы выйти самой, и для того чтобы пропустить сидящего у окна пассажира. Излишне говорить, что Ей было неудобно просить, и Она всякий раз терпела до последнего, а затем бесконечно долго возилась, распрямляя затекшие ноги, обдирая бока поручнями и придавливая

своими телесами возмущенных соседей. Удивительно, как это мы долетели, не лопнув от напряжения и не сгорев от стыда.

На выходе из аэропорта позорный цирк продолжился. Я уверен, что Она без колебаний двинулась бы пешком, если бы знала, как пройти, или хотя бы имела возможность спросить дорогу у встречных. Но отсутствие пешего варианта делало обязательным использование такси, то есть требовало денег, которые кончились еще при отлете. Оставалось одно: продать что-либо. Думаю, Она понимала, как это будет выглядеть, и потому смущенно попросила меня не смотреть. Трудно вообразить более идиотской просьбы: если бы я мог физически отделиться от Нее, это произошло бы намного раньше – еще при первом знакомстве. Но в условиях нашей фактической неразделимости подобная нелепая стыдливость выглядела едва ли не изощренным издевательством. Тем не менее я промолчал, дабы не усугублять и без того тяжелую ситуацию.

Пыхтя и обливаясь потом, Она взгромоздилась на пассажирское сиденье и в ответ на вопрос таксиста протянула ему записку с адресом и часики, которые тут же сняла с руки. Шофер бегло взглянул на часы и возмутился. Мы вышли и стали ждать следующую машину. После пятой или шестой попытки подошел распорядитель и пригрозил сдать нас в полицию. Я ожидал, что Она заплачет или все же попытается выдать несколько слов мольбы, но глаза Ее оставались сухими, а рот на замке. И тут я впервые понял нечто очень важное: эту женщину можно высмеять и обругать, ее можно унижить, но сама она никогда не унижит себя выпрашиванием подачки. Как бы Она ни жила, это никогда не происходило «за так», задарма, по чьей-то милости. Она всегда требовала от жизни счет и оплачивала его до последнего гроша. У этой бесформенной жабы было мускулистое сердце рыцаря, Найта.

Наши глаза остались суше Сахары, и неважно, что творилось у нас внутри, когда мы протянули распорядителю наш ноутбук, наше последнее имущество и предпоследний козырь – за ним уже шла только жизнь. Мужчина смущенно усмехнулся, и это смущение на долю секунды сделало его похожим на человека. Затем он проверил, работает ли комп, сунул его под мышку, а свободной рукой махнул в сторону колонны таксомоторов. Две минуты спустя мы отъехали от терминала. Дорога показалась мне очень длинной; возможно, наш старенький ноутбук был не такой уж и выгодной сделкой для хапуги-распорядителя.

Дом по указанному хакером адресу находился в спальном пригороде и на первый взгляд ничем не выделялся в длинном ряду двухэтажных особнячков однотипной застройки. Район выглядел довольно унылым, чтоб не сказать необитаемым; судя по наглухо задраенным ставням, жухлым газонам и расставленным повсюду объявлениям о продаже и найме, большинство домов пустовало – как видно, город переживал не лучшую пору. Когда такси отъехало, мы остались одни на узеньком тротуаре; вокруг не было ни души. Оглядевшись, Она поехала:

– Похоже, тут никто не живет... я так и думала, что тот парень обманет.

– Погоди, – возразил я, – ты ведь даже не попробовала постучаться в дверь. А что касается места... – говорят, снаружи сейчас

кризис, люди теряют работу и уезжают туда, где она еще есть. Вот и тут, похоже, дела не ах. Да и вообще, не так уж здесь и пустынно: смотри, смотри, кошка!

И впрямь в нескольких метрах от нас из неплотно прикрытого мусорного бака вывернулась кошка, мягко прыгнула на землю и, высоко задрав хвост, двинулась через дорогу.

– Вот видишь, – сказал я. – Если бак не пуст, то и дом обитаем.

Она молчала, с опаской поглядывая то на меня, то на предполагаемый дом Программера. Он и самом деле мало чем отличался от соседних особняков, где явно не жил никто: такой же запущенный газон, глухо запертые ставни на окнах и заржавевшие от долгого бездействия петли гаражных ворот.

– Я не смогу, – прошептала Она наконец. – Ты ведь знаешь. Я начинаю задыхаться, когда нужно говорить по заказу.

«Ну вот, начинается... – подумал я. – Не сможет, точно не сможет. Если бы он еще открыл дверь, чтобы хоть как-то начать общение... Тогда можно будет что-нибудь написать или воспользоваться жестами. Но для этого надо прорваться внутрь. А чтобы прорваться внутрь, придется прежде поговорить по интеркому. То есть сделать нечто принципиально Ей недоступное. Заколдованный круг. Плохо дело».

– Ерунда, – произнес я вслух. – Ты сможешь. Со мной-то ты говоришь нормально.

– С тобой другое дело, – отвечала Она. – С тобой я говорю мысленно. Мысли не слова, мысли не душат, если только они не слишком горькие. А там, на двери, интерком. Там нужно во весь голос. И без пауз, иначе он просто отключит связь и больше не откроет. Решит, что это дети балуются.

– Где ты видишь тут детей? Тут кроме одной помойной кошки... – я осекся, остановленный неожиданной мыслью. – Подожди-ка. Кажется, есть идея.

Мы подбежали к мусорному баку. Есть! Коробка из-под пиццы лежала сверху – слегка подмокшая и грязноватая, но вряд ли это будет заметно на мониторе камеры наружного наблюдения.

– Вот, держи! – я сунул коробку Ей в руки. – Тебе не придется ничего говорить! Позвонишь по интеркому и, когда он ответит, покажешь ему коробку. Только бы он оказался дома...

– А потом? – Она растерянно смотрела на меня, держа перед собой грязно-белую картонку. – Что мне делать потом?

– А потом пицца с котом! С помойным! – заорал я, вдруг начисто потеряв терпение. – Когда ты перестанешь задавать идиотские вопросы?! Ты, толстая глупая лузерша! Сейчас тебе нужно думать о том, как бы сойти за посыльную. Хотя, чтобы принять тебя за нее, нужно быть поистине добрым гением! Или наоборот, полным кретинном. Марш к двери! Звони! Звони, кому говорю!

Побледнев в тон коробке и едва переставляя ноги, Она двинулась вперед по заросшим травой плитам дорожки. Вот и дверь. Она сделала безуспешную попытку глубоко вздохнуть и с размаху, чтобы не передумать, ткнула пальцем в светящуюся кнопку интеркома.

– Еще раз! – скомандовал я спустя минуту ожидания.

– Никого нет...

– Еще раз!!

Она позвонила снова. Прошло еще с полминуты. Я уже было решил, что в доме и в самом деле нет никого, как вдруг укрепленная над дверью камера наружного наблюдения дрогнула и пришла в движение. Затем в интеркоме послышалось недовольно-вопросительное ворчание.

– Коробку! – зашипел я. – Подними к камере коробку! Быстро!

– Что? Пицца? – хрипло выговорил интерком. – Пицца была вчера. Сегодня я ничего не заказывал. Уходи. Это не ко мне. Ошибка в адресе.

Щелчок. Тишина.

– Звони еще раз! Длиннее, длиннее!

Она вжала указательный палец в кнопку звонка. На этот раз интерком взорвался почти без паузы.

– Ну что?! Что?! Что вам всем надо?! Я же сказал – не ко мне! Не ко мне!.. – внезапно он запнулся и уже без прежней уверенности закончил: – Или ко мне?

«И в самом деле, гений, – подумал я. – Говорят, они всегда во всем сомневаются». Мы с Нею затаили дыхание: решалась наша участь, ни больше, ни меньше. Второй раз такой трюк уже не пройдет; если нас не впустят сейчас, то придется караулить поблизости в надежде, что дверь когда-нибудь да откроется... – хотя, судя по запущенности дорожки, это происходит довольно редко. Караулить поблизости... Легче сказать, чем сделать – без денег, без еды, без жилья, без сил. Я взглянул на ее несчастное осунувшееся лицо. Понимала ли она, что обречена? Скорее всего, нет: Она просто ужасно боялась – боялась любого исхода.

– Ладно, входите... – буркнул интерком.

Внутри зажужжало, и входная дверь пришла в движение. В этом похожем на банковский сейф доме она не распаивалась, как обычно, а перемещалась на внутренних рельсах вбок, плавно уходя в стену. Думаю, что эта стальная плита устояла бы даже перед бронебойным снарядом.

– Входи! Входи, пока он не передумал!

Мы вбежали в дом и остановились на пороге большого холла. Похоже, хакер не соврал: здесь действительно обитал Программер. Во всяком случае, об этом могла свидетельствовать весьма необычная организация внутреннего пространства, начисто лишенного характерных признаков гостиной, столовой, библиотеки, кабинета – всех этих диванов, кресел, подушек, пледов, камина с фарфоровыми фигурками на мраморной полке, обеденного стола, окруженного стульями, как король Артур рыцарями, затейливого секретера, книжного стеллажа, этажерки с безделушками, картин, фотографий, репродукций, африканских масок... – иными словами, тех неперменных и многочисленных деталей, которые всем своим нестандартным скопом и формируют образ стандартного человеческого жилья.

Хотя нет – у дальней стены примостилась-таки узенькая софа, безнадежно одинокая в окружающей ее пустоте. Увидев нас, она наверняка обрадовалась хоть какой-то компании. В углу комнаты мигал огоньками аппаратуры стальной каркасный шкаф. Рядом с ним примостился компьютерный стол; другой его брат-близнец отчего-то был выдвинут в самую середину холла. Он смотрелся там, как хоккейные ворота на глади пустого катка; это сходство усилива-

лось офисными стульями на колесиках, которые раскатились по каменному полу наподобие пятерки хоккеистов. Другой мебели в комнате не наблюдалось.

Зато стены были почти сплошь увешены большими плоскими мониторами. Я начал считать, но меня сразу сбили со счета знакомые виды Хайма, которые проецировались почти на каждый экран. Кем бы ни был хозяин этого дома, он явно имел самое непосредственное отношение к нашей системе.

– Покажите мне квитанцию!

Мы с Нею обернулись. К нам быстро подходил мужчина среднего... – я хотел сказать «среднего роста», но, пожалуй, средним в нем было всё: и рост, и возраст, и телосложение, и одежда... – удивительно непримечательная внешность. Он требовательно вытянул вперед руку и слегка потряхивал ею, чтобы поторопить эту нескладную пожилую тетку, абсолютно не похожую на обычного разносчика пиццы. Как и следовало ожидать, Она не реагировала, впад в свой обычный столбняк.

– Ну что же вы стоите, как... – нетерпеливо проговорил хозяин и, схватившись за край коробки, дернул ее на себя.

Однако моя несчастная снаружистка пребывала в таком безнадёжном ступоре, что даже не могла разжать пальцы. Какое-то время они состязались в перетягивании коробки – неплохое было бы ярмарочное состязание! Победа в итоге досталась мужчине. Отдуваясь от затраченных усилий, он отнес мнимую пиццу на центральный стол, сдвинул в сторонку стоявший там ноутбук и открыл крышку.

– Вы что, издеваетесь? Это такая шутка, да?

Бедняжка молчала, не в состоянии противопоставить что-либо законному возмущению хозяина. По идее, здесь следовало бы обрушить на предполагаемого Программера целый поток слез, стонов, завываний, а главное – слов. Нам требовалось настоящее словоизвержение, лавина, девятый вал слов! Но Она... – Она не могла выдать ни единого слога, даже самого первого, начального! Нелепая раскрасневшаяся толстуха, Она стояла посреди комнаты, зачем-то запрокинув голову и приподняв руки наподобие пингвиньих крыльев, стояла и ловила воздух широко распахнутым ртом. Мне никогда еще не приходилось наблюдать её в таком состоянии. Она могла умереть в любую минуту, я отчетливо ощущал это по сотрясению нашей общей пуповины.

К счастью, хозяин тоже осознал потенциальную опасность. Конечно, ему вовсе не улыбалось обсуждать с полицией вопрос о происхождении трупа незнакомой женщины в своей гостиной.

– Вам плохо? – испуганно проговорил мужчина и, взяв Её за локоть, подкатил ногой ближайший офисный стул. – Сядьте, прошу вас. Вот так... вот так... Подождите, я принесу воды.

Затем, не отрывая от Нее встревоженного взгляда, он попятился от стола и так, пятками вперед, добрался до одной из дверей, по-видимому, ведущей в кухню. Она подняла голову и печально взглянула на меня. Глаза Её были полны слез.

– Вот видишь, я ведь предупреждала. Все кончено, Найт. Все кончено.

«Она права, – подумал я про себя. – Какая досада... пожертвовать всем только для того, чтобы провалиться в самый последний момент!»

– Полнейшая нелепость, – сказал я Ей. – Ты ведь умеешь говорить, уж я-то знаю...

– С тобой всё иначе, – тихо возразила Она. – С тобой...

– Знаю, знаю, – перебил я, отворачиваясь от Её заплаканного лица. – Мысли не душат и так далее. Эх, если бы я мог заменить тебя хотя бы на пять минут. Хотя бы...

Прямо передо мной на столе приглашающе поблескивала клавиатура открытого ноутбука. И тут меня озарило.

– Быстро! – завопил я. – Входи в систему! Сейчас же, пока он не вернулся!

Она послушно рванулась к ноутбуку. Имя аккаунта... пароль... система сыграла нам входную мелодию, и на одном из больших настенных экранов появился я, Найт, собственной персоной – как выяснилось, видеовыход компьютера дублировался прямиком туда.

– Здравствуйте, Найт, – приветствовала меня система. – Добро пожаловать в Хайм.

Я вскочил со стула как раз тогда, когда хозяин вернулся из кухни со стаканом воды в руке. Я повернулся к нему и улыбнулся самой светлой из своих улыбок.

– Добрый день, Программер, – сказал я. – Как вы, наверно, слышали, меня зовут Найт. Надеюсь, я не слишком помешал вам своим вторжением.

5. ПРОГРАММЕР

Я чуть в осадок не выпал от такой борзости. Еще полминуты назад эта толстая тетка едва не отбросила копыта прямо посреди моего дома. Типа задыхалась, типа насмерть, так что я реально припух: возись потом с нею. Правда, Шварц решил бы вопрос с телом, не чужой все-таки. Но все равно лишние проблемы влом, кому они на фиг сдались. И вот – пожалуйста бриться: стоит как ни в чем не бывало, лыбится во всю пасть: «Надеюсь, я вам не слишком помешал...» Еще и в мужском роде, тварь оборзевшая!

Я поставил стакан на стол и сосчитал до двадцати. Такое у меня правило, когда они борзеют. А борзеют они всегда. «Они» – это в данном случае «не я». Они – это все остальные. Они – это те, кто живет снаружи и от кого я реально отвык, потому что не пересекаюсь с ними практически вообще. Чего ж тогда удивляться, если мне сразу видится борзость? Вижу их – вижу борзость, в одном флаконе, одновременно. Хотя сколько я их вижу? Из дому я не выхожу вот уже года четыре... или даже пять. Нет, четыре. Продукты из супера мне приносит посыльный, заказ по интернету. Пицца. Китайская лапша. Суши. Новая техника по мере надобности. И все. Пять-шесть посыльных в неделю, максимум.

И это реально много. Потому что борзеют, гады. Или мне так кажется, с отвычки. Но разницы-то никакой: кажется, шмажется – один хрен. Что кажется, то и есть. Как говорил один древний философ: кажется – следовательно, существует. «Кажется эрго есть». А может, и нет его, этого эрго, да и черт с ним. Но сосчитать до двадцати никогда не помешает. Опыт.

Тем временем борзая толстуха почтительно дожидалась моего ответа. На морде у нее играла улыбка пожилой динозаврихи, которой только что посчастливилось сожрать большую свинью.

– Так, – сказал я, для верности добавив к двадцати еще пару глубоких вдохов. – Мы с тобой сейчас поступим так. Ты повернешься через левое плечо и слиняешь вон через ту дверь. А я за это забуду, что ты ворвалась сюда без...

– Ворвался, – ласково вставила она.

– Что?

– Не ворвалась, а ворвался, – повторила динозавриха. – Я же представилась: меня зовут Найт. Я мужчина. Вон я там, на экране, взгляните.

Она ткнула клешней в один из стенных экранов, где красовался мужественный мускулистый блондин с пронизательным взглядом и подвижной мимикой, в которую наверняка было вбухано целое состояние.

Я снова сосчитал до двадцати.

– Так. Понятия не имею, на фига ты тут представилась. Но вполне могу сделать так, что ты престаишься. А перед этим тебе будет очень больно. Или даже очень-очень-очень больно. Хочешь? Вот сейчас позвоню – и привет.

Она не двигалась с места, только улыбка стала еще шире. Чертова динозавриха. Ясен пень, я не стал бы звонить бандитам по такому мелкому поводу. Бандиты охотно приходят, но трудно уходят. Зато Шварцу в полицию я мог бы позвонить хоть сейчас.

– О'кей. Ладно-ладно, – я зловеще покивал головой. – Не хочешь по-человечески, пеняй на себя. Я звоню в ментовку. Это называется вторжение в дом. Нападение на хозяина. Год тюрьмы, как с куста. Вот смотри. Я звоню!

Я подошел к клавише и набрал номер Шварца. Наушники надевать не стал – пусть слышит, что дядя не шутит. Когда в общем динамике послышались гудки, динозавриха выказала первые признаки замешательства.

– Не надо, – попросила она. – Я к тебе целые сутки добирался. Я просто так не уйду. Нам это очень важно, а тебе легко. Просто помоги и больше нас не увидишь.

На другом конце провода сняли трубку, и звонкий голос шварцевой секретарши отбарабанил стандартный текст, приветствуя наше соединение с отделом компьютерной преступности. Но отвечать я не стал – дождался третьего раздраженного «алло!» и отсоединился. Потому что приезд полиции тоже никак не входил в мои планы: этот вариант выглядел чересчур затратным даже не по бабкам, а по времени и нервам. Да и потом, чем меньше людей знает об этом доме, тем лучше. Шварц ведь сам не приедет: он вообще в другом городе, пришлет каких-нибудь местных тупых ментов... Пицца, черт побери! И как это меня угораздило так лажануться?!

Минуту-другую я зависал над клавишей, прикидывая варианты. Хоть круть-верть, хоть верть-круть, но получалось, что дешевле всего попробовать договориться с этой борзой теткой по-хорошему. В любом случае звонок в полицию никуда не убежит. Я повернулся к динозаврихе.

– О'кей. Говори, чего надо. Только быстро, пока я не передумал. Зачем ты приперлась сюда?

– Не приперлась, а приперся...

Во всей ее повадке было что-то странное, угловатое, да и голос слишком низок для женского. Хотя после того припадка, который она закатила всего несколько минут назад, ничего уже не могло показаться странным – разве что этот необъяснимый переход к нынешнему спокойствию. Я готов был поклясться, что в тот момент тетка задыхалась реально, без дураков.

– Что-что?

– Ты хотел сказать – «приперся», – повторила она. – Меня зовут Найт, и я мужчина.

– Я хотел сказать ровно то, что сказал, понятно?

– Тогда я вынужден буду все время тебя поправлять, – терпеливо пробасила толстуха. – Это непродуктивно. Зачем зря тратить время?

– Ну ты зануда... О'кей... – я глубоко вздохнул и опять сосчитал до двадцати. – Будь по-твоему. Зачем ты приперся сюда?

Динозавриха удовлетворенно кивнула, словно говоря: «Давно бы так». Пока что она одерживала победу за победой. Видимо, я просто разучился разговаривать с этими типами, живущими снаружи. Может, все-таки позвонить в ментовку? Дешевле станет...

– Сейчас объясню... – она широко раскинула руки по сторонам. – Посмотри на нее!

– Посмотреть на кого? – пробормотал я, выпучив глаза. – Ты привела...

– Привел! – прикрикнула тетка.

– Тьфу! Привел! – поспешно поправился я. – Ты привел еще кого-то? Вас тут двое? Или сколько?

– Ты что, слепой? – удивилась эта зараза. – Я тут один.

– Ну, слава Богу... – я облегченно pokrutil головой. – На кого же тогда ты показываешь?

– Я спрашиваю, ты что, слепой? – снова удивилась она. – На нее!

Тут уже я основательно прибалдел. Просто стоял, как столб, и не знал, что делать. Эта толстая динозавриха издевалась надо мной абсолютно беспрепятственно. Вот что значит утратить навыки общения...

– Посмотри на нее! – выкрикнула тетка и ударила себя в грудь обеими руками. – Кого ты видишь перед собой?

Я прикинул, не сосчитать ли еще раз до двадцати, но не стал – это все равно не помогало.

– Тебя? – осторожно предположил я.

– Нет! – гневно завопила она. – Ты видишь ее!

Помешанная, понял я. Ко мне в дом ворвалась сумасшедшая динозавриха, сбежавшая из закрытого зверинца для особо буйных хищников. Теперь я думал лишь о том, как бы вернее добраться до телефона. Но позволит ли она набрать номер? Я незаметно придвинулся поближе к столу с клавиой.

– Ты только посмотри на эту уродину, – продолжала безумная толстуха. – Жирная, расплывшаяся, дурно одетая – кому такая нужна?

– Ну, не надо преувеличивать...

– И не думаю! Бывает, что и такие жабы ухитряются найти себе компанию, но это не тот случай. Ты ведь сам слышал: она заикается

так, что звука вымолвить не может, особенно когда волнуется. А волнуется она примерно всегда.

– Погоди-погоди... – остановил ее я. – Ты намекаешь, что когда ты... когда она тут задыхалась, это было из-за...

– Заикания! Конечно! Так она обычно разговаривает. Если это можно назвать разговором.

– Но тогда почему сейчас... – начал я недоуменно.

– Почему сейчас все гладко? – перебила меня динозавриха. – Какой же ты, оказывается, тупой! Потому что сейчас с тобой говорю я. Я, а не она!

– Ты? – тупо переспросил я. – А ты...

– Найт! Я – Найт! – она явно начинала злиться.

– О'кей, о'кей... – проговорил я примирительно. – Начинаю понимать. Говоришь сейчас ты, но вижу я...

Она молчала, предоставляя мне самому выпутываться из этой невозможной ситуации.

– ...но вижу я... не тебя! Так?

К моему великому облегчению, сумасшедшая кивнула.

– Фу-у... – я вытер со лба пот. – И что же ты... или она?.. или вы? Что вы хотите от меня? Я ведь не логопед.

– Адрес, – твердо сказала она.

– Адрес?

– Адрес! – тетка пристукнула пухлой ладошкой по столу. – Нам нужен физический адрес одной из клиенток Хайма. И ты нам его дашь. Иначе мы не уйдем.

Я похолодел. Похоже, дело обстояло намного хуже, чем казалось на первый взгляд. Неужели она знает о том, что я владелец Хайма? Быть такого не может... после всех предпринятых мною мер безопасности... но как, откуда? Отвернувшись к клавише, я молчал, стараясь собрать мысли для правильного ответа. Секунды лопались в наступившей тишине, беззвучно, как мыльные пузыри, и каждая работала против меня. Заговорив, я сам поразился тому, как ненатурально звучал мой голос.

– Адреса выдают в адресном столе. При чем тут я? И что такое Хайм?

Она усмехнулась и молча показала на экраны. Черт, я и в самом деле был не в себе, если забыл о такой «мелочи».

– Ах, это! – всем своим видом я выразил максимальную степень пренебрежения. – Ну да, грешен, поигрываю время от времени. Да и кто не поигрывает в наше-то время. Но с чего ты решила...

– Решил!

– Решил, решил... С чего ты решил, что я могу достать... как ты там выразился?

– Физический адрес.

– Вот-вот, физический адрес. Я такой же клиент, как и ты.

Она снова усмехнулась.

– Глупости. Никакой ты не клиент. Ты Программер. Главный Программер.

Пол дрогнул у меня под ногами. Она действительно знала... или он знал... – в общем, они знали! Сколько стараний напрасно! Сколько времени мне пришлось петлять по всему миру, путать следы, подбирать верные цепочки для транспорта информации, изыскивать

надежные хостинги, строить системы хранения, дублирования, архивации данных... Всё это огромное хозяйство мало чего стоило без неизбежного нервного центра, куда неприметно, через десятки фиктивных станций сходятся нити управления. Мой дом, крепость моей системы. Здесь лежали ключи от моих кладов, сейфов и счетов, от моей жизни. Все ключи, полная связка. Я осел тут не сразу: долго выбирал место в стороне от больших столиц, но и не совсем в глуши, чтобы не выделяться. О местонахождении Программера не должен был знать никто – ни одна живая душа. И вот...

Неверной рукой я нащупал стул и подсел к столу. Тетка... или дядька, или кто там еще... короче, это существо молча взирало на меня со странной смесью робости, надежды и торжества. Что делать? Убить его? Но что это даст? Такое чудо-юдо не могло найти мою хату само – кто-то наверняка подсказал. Нужно собирать манатки, вот что... А жаль. Сколько лет я тут просидел – четыре? Пять? Нет, наверно, все же четыре. Не то чтобы все эти годы я был стопудово уверен в своей безопасности: кто правильно ищет, тот всегда найдет. Но момент вскрытия моего убежища рисовался мне совершенно иначе. Что-то вроде визита серьезных людей в пиджаках, топырящихся под мышкой. Что-то вроде серии многозначительно зловещих звонков, подметных писем с требованием денег. Что-то вроде...

– Ну так как? – поторопило меня существо.

– погоди, – устало сказал я, – дай подумать. Или знаешь что? Сходи-ка на кухню, поставь чайник. На это ты... как тебя...

– Найт.

– О'кей. Найт. На это ты способен, Найт?

Существо серьезно кивнуло. Я откинулся на спинку стула и прикрыл глаза. Мне срочно требовалось прийти в себя, решить, как быть дальше. Хайм был венцом моей профессионального бытия, а поскольку иного бытия я не знал и знать не хотел, то и всей моей жизни. Я не мог просто бросить его и уйти – не тот вариант. Если бы я набрел на эту идею сразу, случайно, еще молодым и глупым, то, возможно, и питал бы сейчас какие-либо надежды на новый старт, на свежее начало. Но в том-то и дело, что я шел к Хайму кружным путем, долго и мучительно.

Чего мне только не пришлось перепробовать! Сколько себя помню, я строил сетевые системы: ролевые игры, казино, магазины, порносайты, службы знакомств... Я стоял у истока этих сервисов, я был одним из лучших в Сети, заказы шли тучей, только выбирай. Но мне всегда хотелось чего-нибудь своего, личного, не связанного с чужими дядями – неважно, кем они были – склизкими сутенерами, бандитами или умеренно честными бизнесменами.

Вот только как это сделать? Мой немалый опыт говорил, что в одиночку сетевой бизнес не поднять: игорным домам необходимы гориллы для выколачивания долгов, сайт эротических бесед не проживет без мадам и без сутенера, даже вполне легальные торговые страницы нуждались в услугах адвокатов, почты, служб доставки... Это напоминало водоворот: чем больше денег крутилось в системе, тем больше людей она затягивала в свою воронку. А люди есть люди: они, как уже сказано, склонны борзеть. Рано или поздно кто-либо борзел не в меру, и тогда всё рушилось из-за до-

носа в полицию или какой-нибудь глупой ссоры, дурацкой кражи, тупой жадности. Нет-нет, всё это мне решительно не подходило.

Однажды я пришел к одному милому старичку ставить программу эскорта. На первый взгляд, заказ почти не отличался от обычного сайта с проститутками, каких я уже сделал к тому времени не менее полусотни; но имелась и некоторая изюминка: старичок намеревался предлагать мужские услуги, и не для геев, а для «сопровождения» богатых дам.

— Понятия не имею, будет ли этот сервис успешным, — сказал мне заказчик. — Наверно, вам покажется странным, что женщина готова платить за два часа секса, но почему бы и нет?

Я пожал плечами: мой опыт общения с женщинами был тогда невелик; впрочем, он и сейчас не больше. Но старичок расценил мое равнодушие как выражение недоверия к его деловой идее и уныло вздохнул:

— Вы правы, женщина может с легкостью найти одноразового партнера в любом баре. Но это далеко не всегда хорошо. Пьяный мужик, туалетная кабинка — это, знаете ли... не совсем то, чего хотелось бы. А пожилым дамам даже этот способ не подходит. В общем, мне кажется, что стоит попробовать. Как вы думаете?

Я решительно не знал, что ему ответить, и, может быть, поэтому обещал зайти через пару месяцев после первоначальной установки — для внесения поправок, связанных с не определившейся пока еще спецификой нового бизнеса. Обычно, завершив работу и получив деньги, я немедленно исчезал от греха подальше. Но тут, неожиданно для меня самого, вышло иначе. Наши встречи продолжались в течение года. Старичка неспроста обуревали сомнения: дело шло ни шатко ни валко, а я отчего-то чувствовал себя если не ответственным за провал, то обязанным хотя бы попробовать предпринять что-то: изменить внешний вид страниц, интерфейс, подачу материала...

В какой-то момент я решил опросить ребят из эскорта — тех самых самцов-сопроводителей, чьи услуги столь безуспешно предлагал сайт. Мне хотелось выяснить, какие именно детали особо привлекают клиентов, дабы лучше выделить их на странице. Старичок с радостью согласился: он горел по всем фронтам, скрывался от кредиторов и готов был ухватиться за любую соломинку.

— Я пришлю к тебе всех, — пообещал он и добавил со вздохом: — Собственно, их осталось не так уж и много. Человек пять, да и работает-то по-настоящему всего один, Мики. Может, и впрямь нужно поправить сайт по его образцу...

Трое первых «сопроводителей» выглядели на удивление одинаково: здоровенные молодые жеребцы с гладкой кожей и смазливими физиономиями. Говорили они немного, зато откровенно и жизнерадостно. Казалось невероятным, что парни с такими роскошными данными почти не пользуются спросом. Мики пришел последним, с трудом выкроив время для нашего интервью, — его расписание было забито почти под завязку. Внешне он напоминал бухгалтера средних лет, уставшего от жизни и начальства. Высокий лоб с залысинами, очки, постоянно приоткрытый рот с крупными неровными зубами; когда Мики улыбался, верхняя челюсть и вовсе выпирала наружу.

Я начал с извинений за нескромность предстоящих расспросов, но Мики лишь отмахнулся: неважно, мол, давайте, только побыстрее. Он явно мечтал о том, чтобы поскорее добраться до подушки.

– В чем секрет вашего успеха? – спросил я. – Вероятно, вы безумно хороши в постели...

Он улыбнулся, едва не царапнув меня своими лошадиными резцами:

– Ничуть. Меня еле-еле хватает на один раз в неделю.

– Простите?

– Да-да, вы расслышали точно, – кивнул Мики. – Мне крайне редко приходится спать с клиентками. Обычно мы обходимся без секса.

Тут уже я вытаращил глаза – аккуратно навстречу микиным зубам.

– Понимаете, – мягко сказал он, – женщины тоже люди. А людям нужно, чтобы их выслушали. Это самое главное в жизни – чтобы тебя выслушали.

– И это то, что вы делаете – слушаете?

– Не просто слушаю, – поправил Мики, – а умею слушать. Не отвлекаюсь на другие вопросы, не перебиваю непрошенными ассоциациями, не засыпаю в неинтересных местах. Мои глаза не стекленеют от посторонних мыслей. У нас с клиенткой ровно одна-единственная тема – сама клиентка. Это главное.

– А секс? Вы хотите сказать, что секс вовсе не важен?

Он зевнул и пожал плечами.

– Не знаю. Это не по моему профилю. Про секс спросите у Марселло.

С Марселло я разговаривал утром – это был один из гладкотелых жеребцов, ходячая половая легенда с Копакабаны по прозвищу «Тройной оргазм». Он битый час изводил меня рассказами о своих мужских победах, размерах и способностях. Когда мне удалось вставить слово, я спросил его, почему эти выдающиеся бразильские характеристики не пользуются спросом здесь и сейчас? Парень резко погрузнел и замолчал: его заказывали не чаще двух раз в неделю, причем никогда – повторно, что само по себе свидетельствовало о многом.

– Я говорил с Марселло, – ответил я лысому бухгалтеру. – Он понятия не имеет, почему выбирают вас, а не его. Он думает, что женщины в этом полушарии просто не могут оценить тройной оргазм.

Мики посмотрел на часы и снова зевнул; залетная муха в ужасе шарахнулась от его пасти в сторону окна и принялась панически биться в стекло, просясь наружу. Мне было жаль обоих – и муху, и Мики, но я твердо вознамерился не выпускать их из комнаты, пока не проникну в суть загадки.

– Послушайте, Мики, – сказал я. – Либо вы чего-то недоговариваете, либо я полный дурак. Принято считать, что служба эскорта предоставляет услуги определенного рода. Услуги – это действия. А вы описываете чисто словесное общение, причем пассивное. То есть вам даже не приходится открывать рот, вы всего лишь слушаете. Вы слушаете слова. Слова! Я правильно вас понял?

– Всего лишь слушаю? – с оттенком обиды повторил Мики.

По всей видимости, я задел его за живое. Человек явно гордился своей профессией и не мог вынести пренебрежительного к ней отношения. Наверное, Марселло отреагировал бы примерно так же, если бы я усомнился в его длиннющих сантиметрах.

– Всего лишь слова?! – Мики наклонил ко мне лысеющий череп; в его водянистых глазах плескалось искреннее возмущение. – Да знаете ли вы, что такое слова? Люди живут в словах. Живут! Что такое прошлое? Слова! Слова самооправдания, слова вины, слова сожаления. А будущее? Тоже слова! Слова мечты, слова надежды. И это чудно, это прекрасно, потому что только слова закрепляют то, чего человеку хочется. Вот что такое слова!

– Допустим, – быстро проговорил я, вцепившись в его взгляд, не отпуская его на свободу. – Но кроме прошлого и будущего есть еще и настоящее. И в настоящем человеку хочется есть, пить и трахаться... Трахаться реально, а не на словах. Разве это не так?

– Так! – шепотом подтвердил Мики. – Так! Но почему? Потому что в настоящем человека никто не слушает. Если бы человек имел возможность строить из слов еще и настоящее, он был бы и счастлив по-настоящему. Поймите меня правильно. Я не утверждаю, что человек тогда не стал бы есть, пить, испражняться и совокупляться. Физиология остается физиологией. У тела есть потребности. Но главным при этом оставались бы слова. Это как... как...

Он прищелкнул пальцами, ища пример.

– Это как поездка на машине. Вы залили в машину бензин и масло, и она едет по шоссе, жрет топливо, потребляет воду, испражняется выхлопом... Но цель-то не в том, чтобы сожрать как можно больше бензина. Цель в том, чтобы доехать! Ну, что вы на меня так смотрите?

Я отвел глаза. В комнате слышалось лишь жужжание не на шутку перепуганной мухи. Мики вздохнул и встал со стула.

– По-моему, вы поняли... – сказал он устало. – Мне нужно отдохнуть. Знали бы вы, как это грузит – часами таскать на себе чужие миры. Всего лишь слова... Если бы люди могли замкнуть друг на друга свои воздушные замки, насколько все было бы проще. А впрочем, тогда я остался бы без работы.

Он неопределенно фыркнул, поклонился и вышел за дверь. Прошло четверть часа, а я все сидел, обдумывая его слова. Если Мики прав и люди в самом деле только и мечтают о том, чтобы жить в словесной виртуальной действительности, то отчего бы не предложить им нечто подобное? Пусть это будет платформа для воздушных замков – безграничная, как сама фантазия. Пусть клиенты системы сами выберут себе дом, одежду, внешность, поведение, судьбу. Пусть выберут себе друзей – таких же вымышленных, идеальных, счастливых. С точки зрения бизнеса, речь тут шла об уникальной идее: система, которая строит себя сама, да еще и платит за это хозяину стройплощадки, то есть мне. Но для начала требовалось предоставить первым строителям минимальный рабочий инвентарь и воздушные кирпичи.

Я отложил в сторону все дела и спустя месяц закончил пробную версию системы. Она была довольно бедненькой по возможностям, но уже тогда отвечала главному принципу – клиент получал то, чего ему не предлагали ни в каком другом месте: неограниченную свободу выбора. Он мог быть кем угодно: мужчиной, женщиной, ребенком, собакой, кошкой, каракатицей, диковинной зверушкой – буквально кем угодно! Причем быть здесь и сейчас – не в мечтах, окутанных флером недостижимого будущего, не в воспоминаниях, ом-

раченных сожалениями о несбывшемся прошлом, а именно здесь и сейчас, в самом что ни на есть настоящем.

Предполагалось, что, зарегистрировавшись и войдя внутрь, человек встретит там самого себя, свое истинное Я – правильное, желанное, а значит, куда более реальное, чем снаружи. «Hi, me! – приветствовала его система. – Ну здравствуй, Я!» Так что и о названии мне не пришлось долго думать. Правда, первоначальное «Hi, me» затем превратилось в более удобную сетевую аббревиатуру, но смысл остался тем же. HiM, Хай-ми, Хайм.

Мне пришлось потратиться на художника-аниматора, который нарисовал несколько смазливых персонажей и набор вариантов фона: усаженный пальмами песчаный пляж, интерьер городского бара, сосновый лес, травянистую лужайку у реки... Да, поначалу это выглядело небогато, но ничто не мешало клиенту внести изменения в пейзаж или в собственный образ – если, конечно, он умел рисовать. Для этого системе придавалась простейшая программа анимации. Ну а тем, кто не мог или не хотел строить свой замок самостоятельно, не возбранялось нанять соответствующего специалиста. Понятно, что специалистам нужно было платить – вот на этом-то и основывался мой личный шкурный интерес.

Полностью передав клиентам дело строительства Хайма, я оставил за собой лишь общее администрирование, банк и землю. Все расчеты здесь велись во внутренней валюте – хайлерах. Право денежной эмиссии тоже принадлежало мне. Получить деньги Хайма можно было лишь в центральном банке по стабильному, мною же установленному курсу: 100 хайлеров за один американский доллар. В принципе, в Хайме вполне можно было прожить и бесплатно; мои первые клиенты так и поступали. Они просто бродили по пляжу или сидели в баре, ведя между собой пустопорожние разговоры и не тратя при этом ни гроша. Но довольно быстро нашлись желающие выделиться – ростом, мимикой, одеждой. Потом кто-то отважный решил блеснуть у стойки, заказав своей собеседнице коктейль... – и дело пошло.

На мой счет начали капать деньги; сначала это были ничтожные центы, затем доллары, затем – десятки, сотни, тысячи долларов. Первые магазины и бары Хайма принадлежали мне, но я избавился от них, как только система набрала обороты. Зачем размениваться по мелочам? Мне вполне хватало десятипроцентного сбора, взимаемого с каждой совершаемой в Хайме сделки. Уже через несколько месяцев наиболее предприимчивые клиенты стали скупать земельные участки под застройку. Поначалу я назначал цену сам, и довольно дешево: чего-чего, а уж неосвоенного пространства здесь хватало – ведь мне принадлежал весь мир! В конце концов, даже если закончится карта Земли, всегда можно прихватить какую-нибудь близлежащую планету. Но потом цены взлетели многократно, и я подчинился диктату рынка.

Построившись, люди приобретали лицензии на торговлю; повсюду открывались бутики, рестораны, ювелирные магазины, дизайн-фирмы, центры развлечений. Там, где когда-то стоял лишь одинокий бар с десятком столиков, теперь шумела полная людей и машин городская улица. Хайм рос бешеными темпами.

К счастью, я вовремя оценил потенциал системы и заранее озабочился соответствующей компьютерной базой. Для ее создания

потребовались опыт, знакомства и деньги – много денег. И если две первые составляющие этой формулы не вызывали у меня затруднений, то с деньгами все обстояло совершенно иначе. Будущие огромные прибыли неизбежно должны были привлечь бандитов и охотников поживиться за чужой счет, а это означало, что Хайм следует с самого начала защитить самыми надежными крепостными стенами. Хорошее стоит дорого, но я хотел не просто хорошего – я хотел лучшего. У меня имелись кое-какие средства, но в данном случае требовался совершенно иной масштаб финансирования. Где-то мне поверили в долг, кто-то по старой памяти ссудил десяток-другой тыщинок, но нужной суммы все равно не набиралось.

И тогда я пошел на крайнюю меру. К тому времени за моей спиной было уже несколько сотен программных проектов самого разного типа – легальных, полуполюгальных и совсем нехорошего свойства. Работы бывают разные – моя состояла именно в этом. Я делал бизнес-сайты, устанавливал их в Сеть и, забрав гонорар, навсегда расставался с благодарными хозяевами. А непосредственно перед разлукой я вручал клиентам хозяйский ключ от двери в систему – ведь то, чем они занимались, как правило, нуждалось в надежной защите от чужих глаз. Предполагалось, что ключ существует в единственном числе, но какой же хозяин поверит в это и не поменяет замок?

Что они и делали, буквально сразу же после того, как я уходил. Да вот только это мало что меняло: чтобы попасть в святая святых любой построенной мною системы, мне вовсе не требовался ключ от парадной двери. В моем распоряжении всегда оставалась незаметная задняя калитка, о наличии которой не знал никто, кроме меня, автора программы. Зачем я делал это? Не знаю. Думаю, сначала это диктовалось лишь инстинктивным нежеланием доверять профанам дело рук своих. А вдруг они что-то напортачат, а ключ потеряют? Как тогда чинить? Но это – разве что сначала: ведь на практике ничего не портилось, и мне никогда не приходилось возвращаться по собственным следам. Тогда почему я оставлял калитку и на потом? Видимо, по привычке. Программисты вообще ужасно консервативный народ.

Об этих-то задних калитках я и вспомнил, когда возникли денежные затруднения с Хаймом. И, вспомнив, разыскал визитку некоего Шварца, заведовавшего в полиции отделом компьютерных преступлений. Мы познакомились случайно, когда он пытался привлечь меня не то как свидетеля, не то как эксперта по делу одного из крупнейших сетевых казино. Тогда у нас не сладилось, но визитку я сохранил, и вот теперь она пригодилась.

Я прекрасно осознавал опасность своей затеи. Информация, которую я собирался продавать Шварцу, принадлежала весьма серьезным организациям. Весьма серьезным. На моей памяти люди расставались с жизнью за гораздо меньшие проступки, причем расставались мучительно, не в один присест. Но альтернативой был бы отказ от Хайма. Конечно, можно было бы войти с кем-нибудь в долю, привлечь инвесторов, но в этом случае проект терял для меня всю свою привлекательность. Я намеревался владеть Вселенной в одиночку. Я хотел быть богом и царем – в единственном числе.

Перед тем как позвонить, я оборвал все связи с-наружным миром. Сменил документы, внешность, адреса, телефоны – иными

словами, полностью ушел на дно и уже оттуда, со дна, набрал номер Шварца. Наш разговор длился минут пять, из них три ушли на зачитывание прейскуранта. Я установил жесткую таксу за каждую информацию: столько-то за педофилов, столько-то за воров, столько-то за отмывающих незаконные доходы. Шварц слушал, затаив дыхание. В течение следующих трех месяцев его отдел выполнил пятилетний план по всем показателям, а я получил деньги, которые позволили мне дотянуть до того момента, когда Хайм окончательно превратился в золотую жилу.

Сейчас я зарабатывал миллионы и давно уже не нуждался в полицейских премиях, но продолжал поддерживать контакт, то и дело скармливая Шварцу того или иного мерзавца. Зачем? Видимо, тоже по привычке, следуя некогда заведенной рутине. Да и вообще, кому в наше время может повредить дружба с высокопоставленным полицейским чином? Уж во всяком случае, не мне: потроша базы нелегальных букмекеров и порнографов, я наверняка заработал на свою голову целую армию смертельных врагов и нуждался в защите. Впрочем, сомнительно, что полиция успеет помочь, если бандиты разнюхают-таки мои следы, следы взломщика и осведомителя. Так что, скорее всего, я продолжал названивать Шварцу лишь потому, что не хотел обрывать единственную ниточку, которая еще связывала меня с внешним миром.

Потому что теперь все мое время было посвящено Хайму – 24 часа в сутки. Должность бога и царя оказалась довольно хлопотной, даже учитывая специфику системы, которая совершенствовалась сама, разрастаясь и принимая самые неожиданные формы абсолютно независимо от меня, своего создателя. Клиенты сами проектировали дома, рисовали пейзажи, строили мосты и учились отображать тончайшие оттенки мимики и голосовых интонаций. Мне оставалось лишь следить за поступлениями своей постоянно растущей десятины, по нескольку раз в день проверять надежность защиты и еженедельно арендовать все новые и новые сервера.

Эта текучка отнимала как минимум полдня; остальное время я посвящал работе над новой версией. Значительную часть доходов я вкладывал в разработку карт, подготавливая к освоению новые территории: количество клиентов росло не по дням, а по часам, и я не хотел, чтобы люди чувствовали себя стесненно. Я хотел быть добрым богом и умным царем – думаю, у меня получалось неплохо. На развешанных в комнате экранах я наблюдал за их жизнью; помоему, они были счастливы – куда счастливее, чем снаружи.

А что думали обо мне они? Ощущали ли мое верховное присутствие? Вряд ли. Думаю, они вспоминали обо мне лишь тогда, когда я рассылал по Хайму очередное системное объявление, которое подписывал одним словом – Программер. Обычно эти послания извещали о том, что та или иная услуга отныне становится бесплатной, так что вряд ли мое имя ассоциировалось у них с неприятностями – скорее наоборот. Добрый бог и умный царь... – прочитав, одни благодарно кивали, другие ворчливо замечали, что эта мера давно напрашивалась, третьи не реагировали никак, и в следующую секунду все уже возвращались к своим делам.

Иногда это немного обижало меня. В самом деле, как можно жить, абсолютно забыв о том, что где-то рядом есть некто Всемо-

гущий, от чьей воли ты зависишь всем своим существом, всеми своими потрохами? Подумать только – я мог бы убить их всех одной командой, одним поворотом тумблера! Их – и весь этот мир, который они так старательно рисовали в течение пяти лет... или четырех? Нет, все-таки пяти.

Ну, мог бы. Но зачем? Я ведь добрый и умный. Пускай себе колбасятся. Мне ведь тоже небезразлично, что они так счастливы. Мне ведь от этого тоже лучше... наверно. Или даже точно. Точно лучше. Пусть радуются жизни. Пусть наконец делают то, что хотели бы делать. Пусть наконец будут теми, кем хотели бы быть. Взять хоть эту толстую динозавриху... Ну, хочется ей быть рыцарем Найтом... – так пусть будет! Чего ты к ней пристал: мол, никакой ты не Найт? Зачем? Да у тебя таких Найтов больше пятидесяти миллионов, не считая двойных аккаунтов! Пятьдесят миллионов! А ты... ну какой ты после этого бог и царь?

Я приоткрыл веки. Найт расположился напротив и ждал, деликатно глядя в сторону. На столике рядом с компом стояли наизготовку чайник и две чашки. Веревочки от чайных пакетиков свешивались из них, как мышинные хвосты. Я вздохнул и принял по возможности царственный вид.

– О'кей, – сказал я. – Допустим, я Программер. Допустим, я даже могу тебе помочь. Но прежде ты расскажешь, как вам удалось найти этот дом. Расскажешь все с этим связанное, от начала до конца. Кто, где, когда и за сколько. Ты меня понял?

6. ОНА

Найт кивнул – поспешно, но с достоинством. Он вообще вел эту беседу просто замечательно. Честно говоря, в тот момент меня переполняла гордость: все-таки, как ни посмотри, Найт имел ко мне самое непосредственное отношение – сидел в моем теле, говорил моим языком, жестикулировал моими руками. И пусть содержание, которое намного важнее внешней оболочки, имело очень мало общего с моим забитым, запуганным, немым существом – все равно я взирала на свой оживший хаймовский аккаунт едва ли не влюбленными глазами. С какой твердой вежливостью он гнул свою линию! Как деликатно и в то же время неумолимо он заставил Программера увидеть перед собой именно Найта, а не меня – неприятную толстуху, задыхающуюся от страха и невозможности вымолвить хотя бы одно словечко. Ради этого можно было даже стерпеть те гадости, которые Найт говорил обо мне.

«Жирная, расплывшаяся, дурно одетая...» – как же еще я могу быть одета, если практически все мои заработки уходят на Хайм, то есть в конечном счете на самого Найта, на его гримасы, ужимки и интонации? С чего мне одеваться, если крошечная ироническая усмешечка стоит сейчас дороже пары хороших джинсов? А насчет «жирная» и «расплывшаяся»... это, господин мой, еще обиднее, потому что является чистой правдой, не возразишь. Но для кого мне заботиться о своей внешности, Найт? Я ведь почти не выхожу из дому, не принимаю гостей... Зачем мне хорошая фигура и красивые шмотки? До Хайма я без проблем жила в ситцевом халатике на голое тело – плюс платье, плащ и пальто на еженедельную всепогод-

ную вылазку в гастроном. А с появлением Хайма можно было бы обойтись и одним халатом: продукты я стала заказывать по телефону, чтобы не тратить время на покупки.

Нет-нет, эти слова выглядели излишними и жестокими, хотя, возможно, Найт использовал их специально, чтобы разжалобить Программера. Чего я никак не могла понять, так это зачем он еще и обругал меня уродиной? Уродина... Он произнес это слово с такой ненавистью, с таким презрением, что ясно было – ни о каком притворстве речи не идет. Странное чувство: с одной стороны я восхищалась Найтом, его уверенностью, независимостью, благородством, а с другой – мое сердце разрывалось от боли: за что? За что он так ненавидит меня? За это пожилое непрезентабельное тело или за то, что ему приходится делить это тело со мной – перепуганной двухлетней девочкой, насмерть примерзшей к тому злосчастному ковру в гостиной, рядом с рассыпавшимися кубиками?

Видимо, он почувствовал мое состояние, потому что шепнул, не оборачиваясь:

– Не мешай, слышишь! Сейчас все решается! Все! Дай мне довести это до конца, пожалуйста.

И я затихла, сжалась в комок, как тогда, на ковре. Кому-кому, а уж мне-то не привыкать.

– Да, собственно, и рассказывать-то нечего, – сказал Найт вслух, обращаясь к Программеру. – Все было проще некуда...

Дальше он спокойно изложил историю моего знакомства с хакером – в его изложении это и впрямь звучало чрезвычайно просто.

– Всего-то? – удивился Программер, услышав заломленную хакером цену.

– Для кого-то всего-то, – сухо ответил Найт, – а нам пришлось отдать всё, что у нас было. Всё, без остатка.

Он заставил меня скорбно развести руками – вот, мол, смотрите, это всё, что осталось: брюки, свитер, пальто, нижнее белье и под всем этим уродливое тело. И ни копейки в карманах.

Программер равнодушно пожал плечами: наше финансовое положение интересовало его меньше всего.

– Значит, молодой парень, говоришь... Добыл мой адрес из полицейской базы... ну да, логично...

Сказав это, он погрузился в глубокую задумчивость. Найт выждал почтительную паузу и кашлянул, чтобы напомнить о себе.

– Теперь твоя очередь. Мне нужен адрес. Ее зовут Трай. Вот здесь данные аккаунта.

– Что? – очнулся Программер. – Ах да, адрес. Кстати, зачем он тебе? Спрашиваю из праздного любопытства, так что можешь не отвечать.

Он отошел к дальнему столу и принялся клацать клавиатурой.

– Рассказать? – едва слышно прошелестел Найт. – Или не надо? Он ведь и так всё сделает...

– Да-да, лучше не отвечай! – крикнул хозяин из другого конца комнаты. – Мне уже неинтересно.

Мы с Найтом молча смотрели, как он ищет на столе ручку, как переписывает с экрана в блокнот то, за чем мы пришли.

– Расскажи ему.

– Что? – удивился Найт.

– Расскажи ему, – повторила я.

– Но зачем?

– Расскажи! – заорала я во всю мочь своей немоты. – И не вздумай снова обозвать меня уродиной. Если ты сделаешь это еще раз, то клянусь, я убью нас обоих. Ты слышал?

Мне вдруг стало трудно дышать, хотя мои язык и гортань всецело принадлежали в тот момент Найту, так что слова не могли бы душить меня при всем желании. Значит, я задыхалась от чего-то другого, скорее всего, от гнева. Недавняя гордость за Найта, за свою принадлежность к нему куда-то испарилась; теперь мною владели совершенно незнакомые, никогда прежде не посещавшие меня силы. Да-да, я больше не собиралась выслушивать его грубости, терпеть его высокомерную колкость. Откуда это взялось? Неужели от самого Найта? Уж не заразил ли он меня своим чувством собственного достоинства?

Тем временем ничего не ведающий о нашей внутренней борьбе Программер приближался, держа перед собой записочку с адресом.

– Подожди! – выпалил Найт, выставив перед собой руки. – Я расскажу.

– Не надо, – качнул головой Программер. – Вот адрес. Теперь мы квиты.

– Нет-нет, – быстро проговорил Найт, с беспокойством оглядываясь на меня. – Это очень важно. Сам не знаю почему. Но почему-то. Видишь ли, она...

Хозяин вздохнул и закатил глаза к потолку.

– погоди... «она» – это она? – он указал на меня.

– Ну конечно! – кивнул Найт. – Ты видишь тут еще кого-то?

– А кто вас знает... – осторожно выговорил Программер; он явно предпочитал покончить с делом как можно скорее. – Так адрес-то тебе нужен или нет? А то я чего-то не понял...

– Нужен, очень нужен! – скороговоркой произнес Найт. – Понимаешь, у нас была семья...

– У тебя с нею?

– Да нет же! У меня, то есть Найта, с нею, то есть с Трай – той самой, за чьим адресом мы пришли. Представь себе: Хайм, семья. В семье трое: Найт, Трай и сын. Сына зовут Постум. Ему пять лет. Замечательный мальчик.

– О'кей, поздравляю, – сухо сказал Программер и помахал запиской. – Теперь, я полагаю, вы сможете воссоединиться.

– Мы жили прекрасно, – не слушая его, продолжал Найт. – Очень счастливо, как и положено жить в Хайме. Впрочем, ты должен это понимать больше других, ведь ты этим заведешь.

Программер усмехнулся – как мне показалось, с горечью.

– Сапожник частенько расхаживает босым, дружище Найт...

Но Найт снова не отреагировал никак. Он торопился поскорее выложить нашу историю. По-моему, я сильно напугала его своим неожиданным бунтом.

– Да, так вот – очень счастливо. Пока у Трай не возникли проблемы.

– Проблемы? В Хайме? – Программер недоверчиво поднял брови.

– Нет-нет, – замахал руками Найт, – конечно, не в Хайме. По всей видимости, проблемы возникли у ее снаружистки, хозяйки

аккаунта. Так или иначе, Трай стала все реже и реже появляться в Хайме. И наша семья... наша семья...

– Треснула? – подсказал Программер.

Найт печально кивнул.

– Наша семья стала распадаться. Не из-за меня и не из-за моей снаружистки, которую ты тут видишь. Не из-за нас. Мы бы прекрасно прожили и без Трай. Мы уверены, что ей нетрудно найти замену: ты даже не представляешь, насколько стандартен набор ее функций. Всё по минимуму, как у вчерашнего новичка. Но Постум...

– Постум – это ваш сын?

– Да, наш сын. Для него она почему-то необыкновенно важна. Настолько, что без нее он отказывается заходить в Хайм. И получается, что... что...

– Что ты остался ни с чем, – закончил Программер. – И без жены, и без сына. Что ж, прими мои искренние... и так далее. Возможно, тебя утешит, если я скажу, что в Хайме такое случается сплошь и рядом. Текучень, обусловленная естественной убылью снаружистов... – он развел руками. – Не хотелось бы говорить о присутствующих, но и твоя собственная снаружистка отнюдь не вечна.

– Он прав... – шепнула я Найту. – Но снаружистка, которая управляет твоей женой, может передать свой аккаунт...

– Знаю! Не мешай! – прошипел Найт и снова повернулся к Программеру. – Но снаружистка, которая управляет моей женой, может передать свой аккаунт кому-нибудь другому! И тогда Трай останется в Хайме как ни в чем не бывало! Разве не так?

Хозяин Хайма поднял брови.

– Не совсем, – проговорил он с сомнением в голосе. – Другая снаружистка будет и управлять иначе. Внешность та же, но походка другая.

– Это так, – согласился Найт. – Но в случае Трай, при ее беднейшем наборе мимики и интонаций, вряд ли Постум заметит подмену. Особенно если Трай заранее научит сменщицу своей манере поведения. Если она не обрубит свое участие одним ударом, а передаст дела постепенно, в течение трех-четырех недель.

– Гм... возможно, возможно... – задумчиво протянул Программер. – Гм... Любопытный вариант. Интересно, даже очень... Значит, с этим ты и собираешься заявиться к своей охладевшей Трай? Вернее, к ее снаружистке... Ну что ж, можно попробовать. Вполне, вполне. Тем более теперь, когда у тебя есть ее адрес... – он снова помахал бумажкой с адресом. – Да бери же, сколько мне еще так стоять?

Найт дернулся было навстречу, но руками, в отличие от речи, управляла я, и в мои планы отнюдь не входило немедленное завершение нашего визита. Какое-то время мы так и стояли, уставившись друг на друга: растерянный Программер с запиской в руке и я с Найтом на языке.

– Извини, – сказал Найт виновато. – Я бы и взял, но она не позволяет.

Хозяин испустил глубокий вздох, сел на стул и принялся шевелить губами. По-моему, он считал: раз, два, три... Некоторые используют эту технику, чтобы успокоиться. Наконец Программер поднял голову и посмотрел на меня. Я не отвела взгляда. У меня просто не было выбора.

– О'кей, – он положил бумажку на стол. – Что теперь?

Растерянный Найт молчал, ожидая моих инструкций. «Ага, – зло-
радно подумала я, – теперь понял, кто тут хозяин? Уродина, понима-
ешь ли... Ты у меня еще попляшешь... уродина...»

– Найт? – позвал Программер. – Найт? Ты еще здесь?

– Ответь ему, что же ты молчишь! – прикрикнула я внутри. – Кто
из нас заика – ты или я? Это ведь я уродина, а ты весь из себя бла-
городный красавчик и говоришь как по писаному. Вот и говори.

– Здесь, – послушно проговорил Найт. – Извини, пожалуйста.

Программер вздохнул еще глубже и безнадежней.

– Так не пойдет, дружище Найт. У нас был договор, не так ли? Ты
получаешь адрес и уходишь. А что теперь? Теперь ты прячешься за
ее спину. Разве это честно?

– Ты прав, – признал Найт. – Это нечестно. Но что я могу поде-
лать? Это ведь ее тело.

– Это что-то невероятное, – Программер покрутил головой. – Ни-
когда еще не попадал в такую дурацкую ситуацию. О'кей, ладно. Те-
ло и в самом деле ее, но передай ей, что если мы не договоримся,
это тело вынесут отсюда вперед ногами и в пластиковом мешке. Что
ей от меня надо?

Мы с Найтом отвернулись к стене. Он уже оправился от неожиданности и начинал сердиться.

– Ты можешь объяснить, какая муха тебя укусила? Почему бы
просто не взять адрес и уйти? Мы ведь этого хотели, не так ли? Или
ты срываешь на нем свою обиду на меня? Но это несправедливо –
при чем тут Программер? Он вообще симпатичный тип, разве не
так? Виноват я, меня и наказывай. Ну что мне теперь сделать? Из-
виниться? Ну, извини... Пообещать на будущее? Ну, обещаю...

– Подумай о Трай, – перебила его я. – Допустим, мы добрались
до Трай. Говорю «допустим», потому что денег на билет все равно
нет. Я ведь подсмотрела, что там написано. Она живет в четырех
часах лета отсюда. Но допустим. Допустим также, что она впустит
нас к себе. Как ты планируешь ее уговаривать?

– Что значит «как»? Так же, как...

Я снова прервала Найта:

– «Так же» – это значит, что я так же застряну перед ней, не в си-
лах выговорить ни слова. Здесь нам повезло – под рукой оказался
компьютер. А если там его не окажется? А если и окажется, где га-
рантия, что она выслушает тебя? Тебя, которому уже двадцать раз
отказала внутри Хайма?

– Хорошо, – проговорил Найт, с беспокойством оглядываясь на
Программера, который нетерпеливо ждал нашего решения. – Что ты
предлагаешь?

– Пусть он едет с нами, – твердо сказала я. – Это единственный
вариант. Так ему и передай. А если заупрямится... если заупрямит-
ся, скажи, что иначе ему придется убить нас. Прямо здесь.

Возможно, мы еще долго продолжали бы в том же духе – тем бо-
лее что у нас накопилось много такого, о чем стоило бы поговорить,
но тут Программеру надоело ждать, и он поднялся со стула.

– Ну что, долго еще? Забирайте наконец этот чертов адрес и
уматывайтесь! У меня куча дел, сколько можно?!

Мы решительно повернулись к нему, оба – и я, и Найт в одном
лице. У нас и в самом деле не было выбора.

7. ПРОГРАММЕР

Честно говоря, я даже не слишком удивился, когда она... когда он... ах, черт!.. – когда они вывалили передо мной свое несуразное требование. Потому что всё к тому и шло: уж больно по-идиотски выглядел весь этот визит с самого начала. Идиотом прежде всего был я, открывший этой чуме дверь и впустивший ее в дом. Но еще большей идиоткой была сама чума, толстая пожилая тетка, которая, если верить рассказу ее хаймовского двойника, поставила на карту всю свою жизнь во имя столь сомнительных перспектив. Ее расчеты казались совершенно неоправданными, нелепыми, невозможными с чисто практической точки зрения.

Удивительно, как это она ухитрилась проскочить даже через первый, начальный этап: по всем правилам, ее должны были с легкостью надинамить самые примитивные сетевые мошенники. Вероятность получения от них настоящего адреса выглядела настолько ничтожной, что никакой более-менее серьезный человек не поставил бы на это и ломаного гроша. А глупая динозавриха рискнула всем своим имуществом! Найт ведь неспроста упомянул, что у них не осталось ни копейки после расплаты с хакером и покупки билета сюда. Видимо, так оно и было: подобные типы органически не умеют лгать.

Однако факт: чудо произошло, и динозавриха добралась-таки до моей двери. Казалось бы, в этот момент удача вполне могла прекратить свои дикие выкрутасы – особенно если учесть мою всегдашнюю осторожность. Ан нет! Невероятные события продолжали громоздиться одно на другое, как чопорные учителя, ни с того ни с сего затеявшие кучу малу в школьном коридоре. Я впустил ее в дом, хотя тетка никак не напоминала местных разносчиков пиццы. Я не вытолкал ее взащей, когда обнаружился нехитрый трюк с пустой коробкой. Я пошел у нее на поводу, согласившись разговаривать с ее двойником Найтом. Я превратил Найта в равноправного партнера, заключив с ним договор, который тут же, без колебаний, был нарушен динозаврихой, едва лишь она решила, что настало время отхватить еще один кусок моего жизненного пространства.

Что ж, новое требование последовательно продолжало прежнюю тенденцию, доводя ее до финального абсурда. Найт и его снаружи-стка требовали ни больше ни меньше, чем моего непосредственного участия в предстоящем походе на Трай. Они хотели, чтобы я сопровождал их в поездке и вел переговоры от их имени! Ну что можно было ответить на этот бред? Вот и я лишь беззвучно разевал рот подобно сказочной золотой рыбке, которую предполагалось задействовать на посылках. Найт правильно истолковал мое состояние как полуобморочное и поспешил заполнить паузу объяснениями, наверно, уповая на спасительное свойство слов превращать в реальность все что угодно, вплоть до самой безумной фантазии.

Я слушал молча, почти не вникая, а он распространялся о жизненной важности затеянного ими предприятия – как будто обе их жизни весили для меня больше, чем три-четыре строки в одной из таблиц хаймовской базы данных. Впрочем, Найт и не бил на жалость; все его разговоры о значимости момента преследовали единственную цель: продемонстрировать, насколько им нечего терять, насколько они готовы идти до конца.

– Можешь убить нас прямо сейчас, потому что без твоего согласия мы не уйдем, – сказал он. – Для нас это либо-либо, третьего не дано. Но тебе придется сделать это самому. Вызовешь полицию или бандитов – весь свет тут же узнает, где находится твое убежище...

Что ж, они прекрасно знали мое слабое место и использовали это знание на всю катушку.

– Но почему вам нужна именно моя помощь?

Найт улыбнулся. Еще бы: мой ответ означал, что я вступаю в переговоры – следовательно, они продвинулись еще на один шаг вперед.

– Ты же видел, как она разговаривает. Если у Трай не окажется под рукой компьютера, чтобы вызвать меня...

– Я дам вам ноутбук, – перебил его я без особой надежды. – Я дам вам денег на билет. Даже на два билета, хотя вы можете обойтись и одним. Я дам вам денег на сто билетов! Только оставьте меня в покое.

– Извини, но этого недостаточно, – произнес он тоном искреннего сожаления. – Трай не станет нас слушать. Я ведь уже пробовал ее убедить. Нужен кто-то действительно авторитетный.

– Да, но с чего ты взял, что этот авторитет – я?!

– Ты – хозяин Хайма...

– Ну так что?! – в отчаянии возопил я. – Что с того, что я хозяин Хайма?! Если ваша несчастная Трай решила уйти из системы, как тут помогут мои уговоры?

Найт помолчал, словно советуясь со своей безобразной снаружишкой. Когда он заговорил снова, в голосе его звучали и неловкость, и горечь.

– У нее все равно никого больше нет, – сказал он. – Не знаю, можешь ли ты это понять. Ты ведь тоже снаружист, а у снаружистов всегда полно родных и близких. Жены, мужья, дети, родители, братья, кузены... Друзья, сослуживцы, партнеры, соседи, одноклассники, проповедники, прихожане... А у нее – никого. Круглый ноль, ничего. Трудно представить, но факт. Она обманом ворвалась к тебе всего час тому назад, вы с тех пор даже словом не перекинулись по известной причине, и тем не менее у нее нет никого ближе тебя. Вот и все. Так что ты прав, дело тут не только в твоём авторитете. Если уж совсем начистоту, ты далеко не лучший вариант. Не лучший, но единственный...

– Не лучший, а? – я изобразил саркастическую гримасу. – Не лучший... Знаешь что? Передай ей, что она ведет себя с редким бесстыдством. Шантаж, домогательства, а теперь еще и этот пренебрежительный тон...

Найт покаянно развел руками.

– Если бы речь шла только о ее судьбе, поверь, она бы и пальцем не шевельнула. Но сейчас она спасает меня и готова ради этого на все. Так что, думаю, тебе лучше согласиться. Она пойдет до конца, это точно.

– Спасает тебя? Но разве ты – не она... или хотя бы какая-то часть ее?

Он промолчал, но мне и не требовалось ответа. Я уже понимал и чувствовал эту уродливую толстуху вдоль и поперек, до мозга костей – как чувствуют друг друга однопяцевые близнецы. Она существ-

вовала в полном одиночестве, но и мой мир давно уже сжался до размеров этого дома – моей крепости, карцера, барокамеры. Скорее всего, эта женщина давно уже забилась в какую-нибудь дальнюю нору и носа из нее не казала. Тихо тянула свои дни, как вагонетку вверх по склону туннеля. Тянула, как тянут все, – только у большинства людей вагонетка набита делами, долгами, привязанностями, семьей, а у этой динозаврихи груз отсутствовал вовсе.

Вот только парадокс подземного бытия заключается в том, что пустая вагонетка отнюдь не облегчает положения: ведь чем больше груз, тем проще сосредоточиться на нем. Когда глаза залиты потом, не видно ни мокриц на сырых стенах туннеля, ни беспросветной мглы впереди, ни черных ям, то и дело глотающих твоих спутников и соседей. Виден лишь клочок пола под ногами, слышен лишь звук шагов, и звяканье цепи, и скрежет колес, перемалывающих бесценные минуты твоей жизни, растрчиваемой на тягловую скотскую работу. А лямка врежется в грудь, и плечи болят все сильнее, и колени дрожат, и ступни проскальзывают, и тяжесть кажется неподъемной... но ты всё тянешь, и тянешь, и тянешь, пока не доберешься наконец до своей персональной ямы.

О чем он думает, человек, когда летит вниз – летит налегке, бросив свой груз наверху? Вряд ли его заботит вопрос, кто теперь подхватит осиротевшую лямку и потянет груз дальше: если опыт чему-то учит, то только тому, что на каждую вагонетку всегда находится свой мул. Тогда – какие мысли сопровождают этот его первый и последний полет? О чем они, о ком? И успевает ли он вообще понять, что жизнь кончилась?

Однажды в детстве я наблюдал, как на ферме режут теленка; ему пустили кровь и стали отрезать голову, а он всё жил, не умирал. Все это время я стоял рядом и смотрел на его поразительно спокойные глаза: в них не было ни смертного ужаса, ни боли, ни протеста. Он словно вслушивался во что-то, не слышное более никому; затем глаза потускнели, и теленок стал просто мясом. Позднее я еще не раз видел точно такое же выражение в глазах умирающих животных – скажем, сбитой автомобилем собаки или антилопы, раздираемой хищником в кадре документального фильма. То же спокойствие, та же благородная покорность... – не судьбе, нет: да и откуда взяться такому сложному понятию в бедной телячьей голове, назначенной завтра же пойти на студень? Нет-нет, тут было другое: априорное подчинение заведенному порядку вещей, согласие с этим порядком, покорное исполнение безапелляционного приговора.

Что означал для него уход из жизни? Прекращение боли, жажды, голода, неутоленных желаний? Есть о чем сожалеть... Ему было от роду несколько месяцев, но даже если бы речь шла о нескольких столетиях – от начала и до конца этим маленьким теплым бытием управляла случайность. Каждое мгновение, каждое событие его жизни могло сложиться иначе – буквально каждое, начиная от вкуса материнского молока и кончая шириной смертельного лезвия. Его и зарезали-то в результате приезда неожиданных гостей: не попади чье-то колесо в колдобину на одной из местных грунтовок, жил бы и дальше. Лишь одно событие было по-настоящему неотвратимым в этой зыбкой трясине тотальной неопределенности: смерть. Лишь

про нее он знал с полной уверенностью: будет. И вот она есть. Ну, наконец-то. Здравствуй, смерть.

А люди? Почему тогда люди умирают иначе? Разве ход наших судеб менее случаен? И если случайность означает отсутствие закономерности, плана, смысла, то почему мы должны бояться смерти – этого единственного осмысленного события в нашей жизни? Я хотел бы умереть именно так, как тот теленок. Я хотел бы ощутить в себе ту же безмятежность, ту же отрешенную готовность принять неизбежный исход. Я не желаю умирать в паническом ужасе, в унижительных мольбах, судорожно дергаясь под ножом и цепляясь за последние секунды уходящей случайности.

Вот и динозавриха – она тоже не хотела, потому и спряталась в свою нору: чтоб без лямки, без вагонетки или по крайней мере без груза. Пусть в том же туннеле, что и все остальные, но без груза! Чтоб оставить себе время подумать, почувствовать, подготовиться... И ведь она почти добила своего! Как это сказал Найт? «Ради себя она бы и пальцем не пошевелинула...» О да! Я так и вижу ее тускнеющие глаза, ее покорный, устремленный в себя взгляд умирающего животного – ведь динозавры тоже животные, правда? А значит, им свойственно то же благородство...

И надо же тут было появиться мне со своим Хаймом! Мой Хайм выбил ее из колеи. Но почему? Почему... – неужели непонятно? Потому что в Хайме, в отличие от проклятой наружной жизни, почти всё предсказуемо, осмысленно, закономерно. Потому что в Хайме ты можешь быть самым собой, а не уродливым комком теста, вышедшим из-под случайных шлепков слепого повара. Потому что в Хайме ты можешь выбрать то, что не подлежит выбору снаружи. Потому что хаймовские клоны не умирают – смертны лишь их операторы-снаружисты! Но с другой стороны, разве это не одно и то же?

Я поднял глаза – передо мной и в самом деле стояли двое: Найт и его снаружистка. Смертная динозавриха и ее бессмертный клон. Могли я, бог и царь Хайма, помочь им устранить это неустранимое противоречие? Конечно, нет. Ведь по сути я ничем не отличался от нее – точно такой же обреченный на уход снаружист, урод, динозавр! Но нельзя было и отрицать большую долю моей вины в том, что случилось с этой убогой женщиной. Ей посчастливилось добраться до моей двери, но сколько их еще есть на свете – таких же, погнавшихся подобно ей за принципиально недостижимой иллюзией? Сотни? Тысячи? По совести говоря, начиная Хайм, я вообще не думал о проблемах такого рода. Моя программная система предназначалась для удовлетворения определенного сетевого спроса, только и всего. Игра, времяпрепровождение, психологическая разгрузка. И вот – на тебе...

– О'кей, – проговорил я, стараясь не показывать им свою растерянность. – Я помогу. Но тебе тоже придется поработать.

Лицо Найта так и вспыхнуло от радости. Похоже, он почти не верил в успех и теперь не знал, что сказать. Не дай Бог, онемееет и этот...

– Когда выезжаем? – выпалил он, развевая тем самым мои опасения.

Я пожал плечами:

– Ты – прямо сейчас. А я – недели через три максимум. Как только найдется новый дом.

– Но как же...

– Да вот так же, – перебил его я. – Мало ли кому ваш чертов хакер продаст этот адрес?

– Но ты же обещал помочь, – сказал он с ноткой надрыва в голосе. – Ты ведь обещал поехать с нами...

Я отрицательно покачал головой.

– Глупости. Помочь – еще не означает переться с вами за тридцать земель.

– Тогда как...

– А вот так. Она приедет сюда сама. Вот увидишь.

– Сама? – Найт недоверчиво воззрился на меня. – Трай приедет сама? Сюда? С чего это вдруг?

– Есть много способов пригласить так, что невозможно отказаться, – улыбнулся я. – Мои – самые действенные. Если человеку вдруг одновременно ни с того ни с сего отключают свет, газ и воду, перекрывают счет в банке, присылают букет астрономических штрафов, а в полиции из ничего возникает какое-нибудь неприятное дело, то уверяю тебя, он побежит и на край света. Но возможно, всего этого не понадобится. Начнем со скромного вируса...

Я подошел к ноутбуку. Трай действительно давно не входила в Хайм, но ее домашний комп был подключен к Сети и не защищен ничем, кроме стандартных средств и простейшего антивируса. Влезть туда оказалось минутным делом. Я бегло пролистал папки с фотографиями; как видно, компьютером пользовалась вся семья – легкая добыча... Не особо углубляясь в просмотр, я запустил своего трояна и обернулся к Найту.

– Вот и все. Теперь при входе она будет получать сообщение о том, что диск заражен вирусом и будет стерт при любой попытке самостоятельной очистки. И что если информация в компе дорога ей как память, то единственная возможность восстановить диск – это связаться с указанным адресом электронной почты.

Он смотрел на меня широко раскрытыми глазами, словно увидел впервые.

– А если не свяжется?

– Ну, тогда перейдем к более серьезным чудесам. Банки, штрафы, судебные повестки... Никуда не денется, вот увидишь. Дня через три-четыре, максимум через неделю, сдастся и приползет как миленькая... – я сделал паузу и прибавил невинным тоном: – Так что можешь оставить мне свой телефон. Я позвоню, когда она будет подъезжать.

Найт усмехнулся.

– Ну уж нет. Второй раз ты нам не откроешь... – он огляделся, словно решая, где тут можно устроиться поудобнее, и остановил свой выбор на диване. – Мы лучше тут подождем, если не возражаешь.

– А если возражаю? – мрачно спросил я.

Но Найт уже сидел на диванчике, сворачивая пальто на манер подушки.

– А если возражаешь... – Найт зевнул и прилег. – А если даже и возражаешь...

В следующее мгновение он... она?... они уже спали. А я... что оставалось мне? Я присел к компьютеру и стал подыскивать себе новое обиталище. На экране сменяли друг друга всевозможные

варианты; я механически браковал или, напротив, запоминал их, но мысли мои витали совершенно в другом месте. Если вдуматься, то мне еще повезло: хакер мог продать адрес охотникам совершенно иного толка. В любом случае испытывать судьбу и дальше было бы крайне неосмотрительно. Я оглянулся на динозавриху, мирно посапывающую у боковой стены. Что, если уйти отсюда прямо сейчас?

И система, и вся необходимая информация хранились у меня в Сети, причем не в каком-то одном фиксированном месте, а в сложно распределенной форме многократно дублированного, неуловимого и неуязвимого облака. Самые свежие наработки сидели на диске одного из рабочих компов; по идее, я мог бы слить в любой момент, захватив с собой лишь этот ноутбук и аварийный чемоданчик с деньгами и надежными документами, который хранился у меня на всякий пожарный в одном из кухонных шкафов. Тащить на новое место аппаратуру связи не имело смысла: для этого пришлось бы заводитьсь с грузовыми перевозками, то есть оставлять за собой ясный и легко отслеживаемый маршрут напрямик к месту назначения.

Выходило, что на новом месте мне предстояло обзаводиться всем хозяйством с нуля. Затраты не пугали – я за день зарабатывал втрое больше, но на закупку, установку и отладку требовалось немало времени. В принципе, заказать оборудование можно было, еще не переезжая в новый дом, сразу после его аренды или покупки... И все же – доставка столь сложного набора дорогой техники и монтаж спутниковых антенн займет не меньше месяца. Что я буду делать все это время? Нет-нет, немедленное бегство выглядело чересчур паническим решением. Куда логичней было сначала завершить подготовку новой базы, а потом уже бросать старую.

Но кроме этого... Если уж совсем начистоту, мне просто не хотелось оставлять на произвол судьбы динозавриху и ее клон. В конце концов, я мог без труда перекантоваться пару месяцев и без полномасштабной связи с системой: Хайм давно уже функционировал практически автономно. Но странное чувство не позволяло мне встать и незаметно выскользнуть за дверь, прихватив компьютер и чемоданчик. Почему? А черт его знает... – возможно, я и в самом деле ощущал долю своей вины в их несчастье. А может, на меня самого навалилась усталость... Да-да, может быть, я и сам устал от одиночества и радовался этой внезапной компании?

Не знаю. До их прихода я ничуть не страдал от недостатка общения. Неужели эта потребность все же сидела во мне, незаметная, скрытая от глаз, как те «задние калитки» в моих программных системах? Как это сказал Найт: «У нее нет никого ближе тебя...» А у меня? Есть ли сейчас у меня кто-нибудь ближе нее, скорчившейся там, на диване? У меня, листающего экран за экраном в поисках нового убежища, в то время как там, за дверью, угрожающе ворча, шевелится гигантская бесформенная туша внешнего мира со всеми этими снаружистами, охотниками, ментами, посыльными, разносчиками пиццы, копошащимися в его шкуре, как мелкие злые вши?..

Я отобрал три разных варианта переезда – каждый в не слишком центровом, но и не слишком захолустном городе, каждый на расстоянии в несколько сот километров отсюда. Не арендовать ли

все три дома, чтобы в дальнейшем гарантировать себя от подобных неожиданностей? Пожалуй, так и сделаю. В течение следующих часов я вел телефонные переговоры с маклерами, распорядился о переводе авансов, рассылал письма со списками необходимых закупок, доделок, услуг. В самом разгаре этой докучливой, но необходимой суеи я услышал, как звякнул ноутбук на центральном столе. Ответный мейл от госпожи Трай – вернее, от ее снаружистки! Быстро же она отреагировала! Я не стал подходить – пусть еще немного поварится, мягче будет.

Покончив с делами, я открыл почту.

«Я не знаю, кто вы и чего от меня хотите, – писала Трай. – Возможно, вы просто шутите, не зная, как важно для меня содержимое этого диска. Тогда знайте, что мне совсем не смешно. Но если это не шутка и вы таким образом зарабатываете на жизнь, то я заплачу, назовите цену. Пожалуйста, ответьте как можно скорее, я буду ждать».

Я присвистнул: вот так попадание! В самое яблочко! Похоже, здесь не понадобятся никакие фокусы с банковским счетом и штрафами за стоянку. А Найт еще сомневался... Я даже оглянулся на диван – не разбудить ли, но не стал, пускай отдохнут.

«Боюсь, что представляю себе объем Вашей проблемы, – бодро отстучал я. – Вот только я не имею никакого отношения к вирусу Магомет, поразившему, насколько я понимаю, Ваш компьютер. Вернее, имею, но совсем не так, как Вы, видимо, думаете. Этот опаснейший вирус был не так давно разработан группой весьма продвинутых программистов. Они вложили в свой труд немало времени и сил и были чрезвычайно обозлены, когда я, случайно ставший одной из первых жертв Магомета, смог быстро раскусить принцип действия вируса и создать эффективный антидот. Должен сказать, что эти ребята отомстили мне довольно изобретательно: вот уже несколько месяцев они время от времени заражают чей-нибудь случайный компьютер, сопровождая это надписью с адресом моей электронной почты. Что называется, с больной головы на здоровую. Я готов помочь Вам в Вашей беде, но предупреждаю: очистка от Магомета требует физического присутствия диска в моей лаборатории. Так что если пораженная вирусом информация действительно дорога Вам, приезжайте по адресу...»

Прежде чем вбить в строку свои реальные географические координаты, я еще раз хорошенько подумал. В принципе, мне уже не раз приходилось давать этот адрес всевозможным техническим и посыльным службам, но тут был все-таки иной случай. Что если она не поверит и приведет с собой каких-нибудь драчливых горилл или, напротив, полицию? Такая опасность существовала, но выглядела маловероятной: в конце концов, главной целью этой снаружистки было восстановление диска, а не месть предполагаемому хакеру. Впрочем, не исключено, что она захочет и поквитаться, но не сразу, а потом, уже получив в ценности и сохранности свои драгоценные файлы. Что ж, к тому времени я уже буду вне пределов досягаемости...

Едва лишь я отправил письмо, навалилась усталость – немудрено, учитывая тревожнения прошедших суток. Не помню, как мне удалось донести голову до подушки.

8. НАЙТ

Постоянство – вот чего им не хватает больше всего. Казалось бы, пребывая в одном и том же месте, ты должен рассчитывать на неизменность окружающих обстоятельств. Какое там! Даже если снаружи остается недвижим, как скамейка где-нибудь в Центральном парке Манхеттена, вокруг него будут происходить непрерывные перемены. Лето сменится зимой, а затем вернется; тропический ураган сорвет листву с деревьев, ливень смоет песок, принесенный засушливым ветром. Я не говорю о дневном свете и ночной темноте – с этим еще можно мириться: ведь иначе трудно определить, пришло ли время встать с пляжного шезлонга и отправиться в бар, а затем и на ужин. Но какой может быть смысл в нелепой круговерти сезонов?

Неслучайно у нас в Хайме жизнь организована совершенно по-другому, куда более логично и справедливо. Во-первых, нет этой вопиющей дурости с разными часовыми поясами: солнце Хайма восходит одновременно над всеми нашими континентами и так же заходит. Пять утра в нашем Монреале соответствуют ровно тем же пяти утра в нашем Иерусалиме, ни секундой раньше или позже. Во-вторых, погода повсюду оптимальна и неизменна: лужайки нашего Люксембургского сада в любое время года одинаково свежи и зелены, а на альпийских горнолыжных курортах Хайма никогда не тает снег. Нам не требуются синоптики, потому что нет причин спрашивать о погоде. Тем, кто тоскует об атмосферных осадках, достаточно обратиться в турбюро, и спустя несколько минут, заплатив горсть хайлеров, они оказываются там, где по крыше или зонту барабанит дождь нужной интенсивности – точно такой, какая указана в рекламном проспекте. Барабанит сегодня, барабанит завтра, послезавтра – всегда.

Это позволяет уверенно смотреть в будущее. Конечно, ты можешь где-то ошибиться, неправильно оценить те или иные события, но в общем и целом в жизни обитателей Хайма почти нет неприятных неожиданностей. А те, что есть, как правило, связаны с теми же снаружистами – именно они тащат липкую грязь неопределенности в наши чистые светлые комнаты. Насколько было бы проще, если бы мы могли обойтись без них!

Увы, эта мечта выглядела недостижимой. Реальность наружного мира так или иначе вторгалась в Хайм своими грубыми сапожищами. К примеру, думал ли я, что мне придется когда-нибудь запереть себя в четырех стенах наедине с двумя типичными снаружистами? Я не мог отдохнуть или отлучиться, поскольку их общение целиком и полностью зависело от меня, моего присутствия, моей способности говорить. Мне приходилось волей-неволей участвовать в их запутанной и нелепой наружной жизни, полной странных ужимок, недомолвок, самообмана и притворства.

От нечего делать я наблюдал за ними; одним из главных моих открытий был факт удивительной бедности их мимики, жестов, реакций. У нас в Хайме за каждую новую гримаску приходится платить полновесными хайлерами, в то время как снаружи люди с детства получают неимоверное богатство средств самовыражения – бесплатно, сколько угодно! Казалось бы, давай, снаружист, пользуйся, вперед! Но нет: они все тут словно ходят в масках, будто боятся

продемонстрировать на своих скучных физиономиях хотя бы убогое подобие разнообразия. Я понял это еще в аэропорту, когда мы ждали своего рейса: даже в насквозь рисованном мире Хайма, с его стандартизированной промышленностью улыбок, магазинами мимики и бутиками жестов, в жизни не увидишь такого количества удручающе одинаковых, застывших лиц! Почему? Наверно, потому, что человек редко ценит и использует то, что достается ему даром... – во всяком случае, это единственное объяснение, которое приходит мне в голову.

Например, к физиономии моей снаружи крепко приросла маска терпеливого страдания – в ней Она и расхаживала даже в одиночестве, когда и прятаться вроде как было не от кого. А вот на лице Программера чаще всего пребывало выражение недовольной озабоченности. Лишь в отдельные довольно редкие моменты оно сменялось гримасой отстраненности, несколько даже туповатой; при этом наш хозяин принимался беззвучно шевелить губами, словно считал про себя невидимых овец. И всё, больше ничего! Всего два варианта! Это обстоятельство поражало меня в самое сердце: как можно, располагая таким потенциальным богатством, использовать его едва ли на один процент?

Почти все свое время Программер проводил возле рабочего стола в торце зала, с поразительной скоростью стуча по клавиатуре. Как я уже сказал, район был малонаселен, так что с улицы не доносилось почти ничего, а внутри дома за звуковой фон отвечали лишь кухонный холодильник да вентиляторы аппаратной стойки. В этой относительной тишине клавиши клацали особенно громко. Помоему, Программеру нравилась эта музыка, иначе он вполне мог бы найти для себя менее шумную клавишу. Музыка? Я сказал «музыка»? Если так, то я ошибся: меньше всего этот человек напоминал музыканта или композитора – скорее допотопного мебельного обойщика, озабоченного тем, как бы вбить побольше гвоздиков в единицу времени... вернее, в спинку дивана.

Или нет, все-таки в единицу времени; казалось, Программер старается пригвоздить именно его – ускользающее, утекающее, безвозвратное время. Иногда он замирал, прекращая работу и словно вслушиваясь в одному лишь ему слышимое пространство, где среди символов и операторов кода проворными мухами мелькают неуловимые минуты. Выражение недовольства на его лице нарастало, и он становился похож на человека, который роется в ящике с инструментами, недоумевая, куда же, черт побери, заделась эта проклятая отвертка... – затем пропажа, как правило, находилась, и стук возобновлялся в прежнем барабанном темпе.

Но случалось и такое, что пауза затягивалась. Тогда Программер вдруг вскакивал со стула и принимался ходить по залу. Он шел зигзагом, как сеятель, не видя перед собой ничего и потому натываясь на офисные стулья, которые при этом отшатывались в сторону, испуганно гремя колесиками. Стальной стол в середине был слишком тяжел для побега, а потому я с замиранием сердца ждал рокового момента, когда траектория слепого сеятеля пересечется с косой неуступчивой массой металла. Но, как известно, милосердный Создатель не бросает лунатиков на произвол судьбы; вот и Программер всякий раз счастливо избегал столкновения. При этом он не

обходил стол – как видно, столь сложный маневр помешал бы прямому ходу его мысли, – а просто резко разворачивался и шел в противоположную сторону, вдвое уменьшив таким образом амплитуду своего зигзага. Сомневаюсь, что он постоянно помнил о нашем присутствии: ведь в отличие от стульев и стола мы старались загодя убраться с его дороги.

Откровенно говоря, я предпочел бы вообще не играть в эти игры, но Она... – Она ничуть не страдала от того, что попала в столь странные обстоятельства. Временами у меня даже создавалось впечатление, что Ей нравится здесь, что напряженное ожидание приезда Трай вовсе не составляет единственный смысл ее пребывания в доме Программера. Поначалу Она вполне предсказуемо пряталась в кухне, но потом освоилась и стала проявлять инициативу. Уже на следующий день, услышав, что хозяин заказывает доставку из супера, Она через меня попросила добавить в список кое-какие продукты и приготовила сложный деликатесный обед, съеденный Программером все с тем же выражением недовольной озабоченности на лице.

Не знаю, заметил ли он, что ест гусиный паштет и салат из крабов, а не обычную дешевую пиццу. Казалось, ему было решительно все равно, чем насыщаться: этот человек ни на секунду не прекращал думать о своих программах. Ну и что? Все равно так все равно, какая разница? Я вообще не понимал, зачем Она так старается, готовя этот дурацкий паштет. Мы ждали Трай, нам предстоял серьезнейший разговор, от которого зависело все наше будущее... ну при чем тут какой-то паштет? И тем не менее Она расстроилась, отчего еще резче и глубже залегли морщинки, составлявшие постоянную страдальческую гримасу Ее физиономии. У нас в Хайме нет постоянных морщин: наши люди используют те или иные складки и ямочки в соответствии с требуемым выражением лица, постоянно видоизменяя и совершенствуя этот набор. Но стоит ли удивляться наличию морщин тут, во внешнем мире, где несчастные снаружи днем и ночью носят одну и ту же маску? Возможно, оттого-то они и стареют? Чем больше я наблюдал за ними, тем больше скучал по Хайму.

На третьи сутки моя снаружистка осмелела настолько, что окончательно перебралась из кухни в зал – до этого мы забежали туда почти украдкой, чтобы немного посидеть у центрального стола возле тамошнего свободного компа. Программер по-прежнему никак не реагировал на наше присутствие. Меня это мало волновало; я заботился лишь о том, чтобы вовремя подсказать Ей отъехать в сторону, когда хозяин, в очередной раз изображая слепого сеятеля, приближался к нашему стулу. Что Она и делала с неизменным успехом, пока не произошло непредвиденное.

Понятия не имею, чем Она зацепилась за стол – то ли рукавом, то ли поясом, то ли штаниной, но факт остается фактом: в какой-то момент мы опоздали освободить дорогу. Программер надвигался на нас неумолимо, как судьба снаружиста, а Она все никак не могла сдвинуться с места, в панике дергая свой застрявший рукав, или пояс, или черт его знает что, пока не замерла непосредственно перед самым столкновением, леденея от ужаса наподобие айсберга, заведшего подплывающий Титаник. Программер воткнулся в Нее на полном ходу – до сих пор не понимаю, как тут обошлось без про-

боины ниже ватерлинии. Он мотнул головой – ни дать ни взять тряпичная кукла – и, погуляв ошалевшим взглядом по стенам, воззрился наконец на мою остолбеневшую снаружистку.

Я наблюдал за ними со стороны и заранее готовил себя к любому развитию событий. Обычно снаружисты ведут себя предсказуемо, как роботы, снабженные элементарной программой, но стоит ситуации выйти за штатные рамки, как они буквально пускаются вразнос, так что никогда не знаешь, какое коленце эти странные существа выкинут в следующий момент. Так оно и случилось: Она вдруг улыбнулась, ни с того ни с сего: ну кто, скажите на милость, включая Ее саму, мог бы предположить именно такую реакцию? Никто. Просто никто. И уж тем более я, еще никогда в жизни не видевший Ее улыбки. Но вот, представьте себе... И, как будто этого было мало, Программер вдруг тоже улыбнулся, словно поймав брошенный ему мяч... Полная нелепица, не правда ли?

Он постоял так секунды три-четыре, зацепившись своей улыбкой за Ее улыбку, как Она – рукавом за стол, и только потом, встряхнувшись, шагнул в сторону и медленно двинулся к своей натруженной клавиатуре. А я, остолбенев от удивления, смотрел, как на их лица мало-помалу возвращаются привычные гримасы недовольной озабоченности у него и терпеливого страдания у Нее – смотрел и недоумевал: что это было и откуда взялось?

Вы можете себе представить, в какой скуке я коротал часы, если вышеописанный незначительный инцидент оказался единственным заслуживающим упоминания событием. Трай все не ехала, хотя Программер и обещал нам ее скорое появление, и каждый из нас справлялся с томительностью ожидания сообразно своим вкусам и наклонностям. Постум почти перестал появляться в Хайме, и в его отсутствие мне приходилось проводить все свое время в неприятном наружном мире, исполняя скучнейшую работу переводчика или просто шпиона за соседями. Моя снаружистка либо возилась на кухне, либо сидела у стола, погрузившись в чтение очередной скачанной из Сети книжки, а Программер, соответственно, программировал...

Глядя на него, вы в жизни бы не сказали, что перед вами бог и царь огромнейшего густонаселенного мира. Так, невзрачный человечек, куда больше смахивающий на мелкого бухгалтера, замученного копеечными годовыми отчетами. Как-то за обедом я отважился вмешаться своим вопросом в священный ход его мысли. Он вздрогнул и перевел на меня мутный взгляд слепого сеятеля, постепенно проясняющийся по мере того, как его обладатель выныривал из глубин сосредоточенности на чем-то неведомом никому кроме него самого.

– Что? – удивленно переспросил он, только сейчас вспомнив о моем существовании. – Ты что-то спросила?

– Спросил, – поправил его я. – Позволь представиться: Найт. Мы познакомились два дня тому назад.

– Да-да, я помню, – сказал он, смущенно улыбнувшись, – ты Найт. Мы ждем эту... как ее? Трай.

– Я спросил, сколько сейчас в Хайме аккаунтов? Примерно.

– Зачем примерно? Можно и точно. Число во-он там, в верхнем левом углу... – Программер, не оборачиваясь, ткнул большим паль-

цем через плечо в сторону одного из экранов. – Видишь? Оно еще все время обновляется...

– Почти пятьдесят шесть миллионов? – поразился я. – Так много?

– Много? – хозяин равнодушно пожал плечами. – Наверно. Все время приходится добавлять сервера. Раньше делал вручную, а потом автоматизировал, легче стало... да-да... легче... гм...

Он словно припомнил что-то, и взгляд его немедленно затуманился, вернув себе прежнее отсутствующее выражение. Пятьдесят шесть миллионов... – и, судя по цифрам на экране, число это постоянно росло: что ни день добавлялись все новые и новые клиенты, тысячи клиентов! И каждый из них совершал хотя бы минимальные сделки, хайлер тут, хайлер там; и десять центов с каждого хайлера автоматически взимались налоговыми программами системы, иными словами, попадали прямоком в кассу Программера. Должно быть, он уже был миллиардером, даже если учесть накладные расходы, связанные с арендой серверных ферм по всему миру и оплатой адвокатов, которые наверняка требовались для защиты такого огромного количества денег.

Но вряд ли это сказочное богатство волновало его хотя бы в минимальной степени. Я уверен, что на вопрос о деньгах он ответил бы тем же равнодушным пожатием плеч, каким встретил мое удивление количеством клиентов: «Много? Наверно...» Умножение капитала было всего лишь побочным следствием его работы, но никак не ее целью. Тогда зачем он трудился так тяжело? Возможно, ему нравилась власть? В самом деле, бог и царь... представить только, он мог бы уничтожить весь грандиозный мир Хайма при помощи одной-единственной команды! Он мог просто нажать кнопку, клацнуть клавиатурой и – оп!.. – во всем нашем мире разом погас бы свет.

Если вдуматься, это просто не укладывается в голове. Пятьдесят шесть миллионов живых существ, со всеми их планами и надеждами, женами, мужьями и детьми, домами и яхтами, машинами и поездами... Все наши радости и разочарования, успехи и провалы, книги и картины, все воображенные и нарисованные нами пейзажи, пляжи, леса, парки развлечений, все праздники, все золотые шары... – всё это бесконечное многообразие, всё без остатка – одним нажатием кнопки! Р-р-раз – и нет!

Неужели его сердцу могла быть мила подобная перспектива или даже просто ее потенциальная возможность? Вряд ли: Программер, хотя и напоминал временами полубезумного трудоголика-сеятеля, совсем не походил на малого ребенка, который строит песчаный замок лишь для того, чтобы тут же разрушить его ударом босой пятки. А может быть, он строил, чтобы строить, строил, как дышал, видя цель процесса в самом этом процессе. Разве человек спрашивает себя, зачем он дышит? Нет, он дышит – и всё тут, без лишних рефлексий: вдох – выдох, вдох – выдох... до конца.

Так недоумевал я, глядя на нашего хозяина, бога и царя, среднего во всех отношениях – за исключением того факта, что он держал в своих руках судьбы десятков миллионов людей. Вот он снова вскочил и двинулся по комнате фирменным слепым зигзагом: наверно, что-то не сходится, ошибка в программе, баг, просмотр, недоделка. Скольким людям Хайма этот баг стоил испорченного настроения, разбитых планов, отмененных свиданий? Сколько связа-

но с ним искалеченных судеб, поломанных жизнью, скомканных надежд? Возможно, теперь уже никогда не встретятся те, кто не в состоянии прожить друг без друга... – и всё из-за какого-то дурацкого бага бога! Да кто он такой, этот чертов Программер?! Да как он смеет брать на себя такую ответственность?!

Тут ведь еще вот что: если по справедливости, то этот мир уже давно не принадлежал ему! Да, он создал Хайм, самую первую, начальную версию, крайне простую и несовершенную. Он нарисовал сам или заказал на стороне небо и землю, деревья и море, а также примитивные штрих-пунктирные лица и фигуры первых обитателей системы – уж не знаю, как они звались: Адамом и Евой или как-то иначе. Но дальше-то система включилась в работу самостоятельно! Сейчас уже всё в ней делается руками самих обитателей Хайма – буквально всё, начиная от тончайшей улыбки уголком губ и кончая горным хребтом на обратной стороне Луны! А что делает этот так называемый бог кроме того, что держит палец на кнопке «Delete»? Стрижет купоны, собирая свои десять центов с каждого хайлера? Хорошо устроился, нечего сказать!

Что же тогда получается? Получается, что все мы в Хайме работаем на него! Мы живем для него, мы творим для него – каждым своим шагом, действием, вдохом... Ха! Вот так открытие! Вот тебе и ответ на проклятый вопрос: «Зачем ты живешь, Найт? В чем смысл твоего бытия?» Да вот, понимаете ли, строю мир. Ты, простой человечек? Ты строишь мир? Сдурел, да? И для чего же ты его строишь? Не для чего, а для кого. Я простой, ничем не примечательный человечек по имени Найт, строю мир для... для... страшно сказать: для бога! В этом смысл моей жизни, ее цель, ее назначение: строить мир для бога! И ваша цель – тоже! Теперь поняли? И никаких проклятых вопросов!

Да, но в чем тогда смысл существования самого Программера? Неужели – такой же? Неужели хозяин Хайма тоже строит мир для бога – но уже своего, наружного? Неужели прямо сейчас, в эту самую минуту где-то над ним бегают такой же средний во всех отношениях слепой сеятель с пальцем на кнопке «Delete»? Пусть так, но должна же быть у всего этого какая-то цель? Что произойдет, когда мир – или миры – будут наконец построены? Что тогда скажет...

– Найт... Найт!

Мысли мои были так далеко, что Ей пришлось несколько раз позвать меня, прежде чем я откликнулся.

– Да... что случилось?

Она улыбнулась – уже второй раз за столь короткое время. Определенно с моей снаружишкой что-то происходило.

– Задумался? Ты стал совсем как Программер – будто из колодца всплываешь. Что-то раньше за тобой такого не водилось, а, Найт?

– Водилось... не водилось... – я недовольно глянул в ее смешливые глаза. – Ты что-то хотела? Поговорить с хозяином?

– Нет-нет, – качнула головой Она. – Я думала, тебе будет интересно. Постум в Хайме. Ты ведь хотел с ним...

Сердце мое дрогнуло.

– Постум? Где?

– Да вон, смотри... – она показала на один из экранов, где светилась моя унылая физиономия в интерьере гостиной нашего семейного хаймовского дома.

На заднем плане у обеденного стола сидел Постум. Как я мог пропустить его приход? Уму непостижимо. Вот что значит оторваться от Хайма в пользу проклятого наружного мира... Я поспешно поднялся с кресла и подошел к мальчику.

– Привет, сынок.

Он поднял на меня грустный взгляд.

– Привет, Найт. Она...

– Нет, – сказал я, не дослушав. – Она не приходила. Хочешь, поедем в луна-парк? Давненько там не бывали, а? Помнишь, как мы с тобой...

На этот раз не дослушал он:

– Помню. Нет, спасибо.

Мы помолчали. Я корил себя за дурацкое предложение отправиться в луна-парк – нашел что выпалить, с ходу, сразу после «здрасте»! Но мне и теперь не приходило в голову ничего лучшего. Прежде, радуясь жизни, мы с Постумом буквально дышали в унисон; нам не требовалось слов, чтобы понять друг друга, – хватало восклицательных междометий, смеха, кивка. Но ушедшая Трай забрала с собой не только свое нейтральное равнодушное присутствие, но и нашу радость, ее простую безыскусную речь. И мы вдруг обнаружили, что не знаем никакого другого языка; мы остались бессловесными, как моя снаружистка.

Я откашлялся, чтобы хоть как-то сломать это ужасное молчание, которое сдавило нас, как ледовое поле затирает обреченный корабль. Я выбрал самую тихую, самую мягкую интонацию.

– Постум... Что происходит, мальчик? Почему тебе ничего не хочется?

Он ответил не сразу – тоже долго подбирал нужное выражение, нужный тон. Я терпеливо ждал. Неужели отныне мы так и будем общаться, осторожно переставляя шахматные фигуры слов на доске разговора?

– Не знаю, – сказал он наконец, как мне показалось, виновато. – Не знаю.

– Не знаешь? Тебе надоели луна-парки? Тогда можно попробовать что-нибудь другое.

Постум помотал головой и поднял руку, будто просил меня прекратить, не мешать, дать ему сосредоточиться. «Сейчас скажет что-то страшное, – вдруг отчетливо понял я. – Он для того и пришел, чтобы это сказать, вот что. Нельзя позволить ему открыть рот».

– Послушай, сынок, – поспешно проговорил я. – Нам давно нужно было сесть и вместе подумать о будущем.

– Да, – кивнул он, – я затем и пришел сегодня. Мы должны...

За этим явно следовало что-то вроде «расстаться», или «привыкнуть жить друг без друга», или еще что-нибудь такое же страшное. Но я вовремя перебил его:

– Подожди! Подожди!

Постум повернул ко мне участливое лицо. Участливое лицо ласкового врача, отключающего меня от кислорода, от жизни. Он уже принял решение, и оно сквозило в каждом его жесте. Он жалел меня, но не настолько, чтобы посвящать мне свое драгоценное время. Он не желал быть моим воздухом и имел на то полное право. Но и я

имел полное право наплевать на его права. Мною двигало элементарное чувство самосохранения. Я не хотел умирать.

– Подожди... – повторил я, лихорадочно ища нужные слова, интонацию, выражение лица. – Ты не думай, я все понимаю. Понимаю, что в нашей семье для тебя главное не я, а Трай. Что никакие мои мольбы не помогут. Что я для тебя ничего не значу...

Я сделал паузу, чтобы дать ему возможность возразить, но мальчишка молчал. Даже такие жуткие, безжалостные слова не вызвали у него хотя бы видимости протеста! Я услышал, как Она всхлипнула где-то позади, на дальнем фоне моего сознания. Неудивительно: наше дело казалось безнадежным, совсем безнадежным. Но я не собирался сдаваться, а потому просто проглотил обиду. Я напоминал себе человека, который пьет отравленную воду, чтобы не утонуть в ней. Я отбросил умоляющий вид – нет ничего унизительней бесплодного самоуничтожения.

– Вот что, Постум, – сказал я по-деловому, – давай начистоту. Чтобы сохранить семью, мы должны вернуть Трай. Это наш единственный шанс. Вернее, мой единственный шанс. А потому я предпринял некоторые меры. На днях я должен увидеться с ней. Мы уже договорились о встрече. Я почти уверен, что нам удастся договориться. Подожди еще немного. Совсем чуть-чуть.

– О встрече? – переспросил он, впервые проявляя хоть какой-то интерес к нашей беседе. – Ты встречаешься с Трай? Здесь, в доме? Она возвращается в Хайм? Когда?

– Не совсем в доме. И не совсем в Хайме.

Постум удивленно поднял брови:

– Не совсем в Хайме? Что это значит, Найт?

Я помолчал, тщательно подбирая слова.

– Это значит, что мой снаружист встречается с ее снаружисткой, – медленно проговорил я. – Они обсудят ситуацию и найдут подходящее решение. Не сомневайся, что...

– Что? Что ты сказал? – перебил меня мальчик.

– Они обсудят ситуацию...

– Нет, до этого!

Я пожал плечами с выражением бесконечного терпения.

– Мой снаружист встречается с ее снаружисткой...

– Довольно! – вдруг выкрикнул он. – Хватит! Я тебе не верю.

– Но почему? – оторопел я. – Что в этом такого необычного?

– Ты обманываешь меня, я знаю это точно, – твердо проговорил Постум. – И даже знаю почему. Ты ведь сам сказал: это твой последний шанс. Ради него ты пойдешь на все, даже на обман. Разве не так?

Мне понадобилось время, чтобы прийти в себя.

– Так. Я и в самом деле готов на все, чтобы... чтобы сохранить тебя, – сказал я наконец. – И не стыжусь этого. Я люблю тебя, сын, а в любви нет ничего стыдного. Наверно, я и в самом деле соврал бы, если бы это могло помочь. Даже не наверно, а точно. Но сейчас я не вру, слышишь? Это чистая правда.

Он молчал, глядя вниз. Он не верил мне ни на йоту.

– Ладно, – вздохнул я. – Не веришь – не надо. Но я ведь не собираюсь просить у тебя чего-то из ряда вон выходящего. Обещай мне подождать еще неделю. Всего семь дней – разве это

много? Если она и тогда не вернется, то поступай, как хочешь. Пожалуйста.

Он продолжал молчать.

– Постум?

Мальчик кивнул, все так же молча, не поднимая глаз. «Хоть так, – подумал я с горьким облегчением. – Еще неделя. Всего неделя». Постум ушел, а я еще долго не мог двинуться с места.

Моя снаружистка сидела рядом, сопя в две дырочки, чертова лужерша. Неплохо было бы сейчас наорать на Нее, как раньше... Но я сдерживался: за последние несколько суток в Ней явно произошли какие-то непонятные перемены, и эти перемены мешали нашему прежнему режиму общения. Она все чаще огрызалась в ответ, отказывалась от привычной роли кругом виноватой жертвы; честно говоря, это слегка пугало меня... или даже не слегка. Наконец я дал волю своему раздражению.

– Ну что? Что ты сопишь? Скажи уже что-нибудь. Или теперь ты будешь молчать и со мной?

Она вздохнула.

– Не злись, Найт. Скоро все решится. Мы сделаем все, что от нас зависит.

– Ты слышала его? – спросил я. – Он даже не стал отрицать, что я для него – никто. Никто. Как же это... почему...

– Не надо, – мягко проговорила Она. – Не рви себе сердце.

– Оно нарисованное, – напомнил я.

– Оно мое, – возразила Она.

Мы помолчали, насаженные на иглу одной боли, одной горечи. В торце комнаты стучал на своей клавише хозяин. Видимо, дела у него шли неплохо.

– Знаешь, меня кое-что удивило, – сказала Она.

– Да?

– Он так уверенно обвинил тебя во лжи... Как будто он что-то знает. Что-то неизвестное нам.

Я обдумал Ее слова.

– Возможно, ты права. Но что?

Она пожала плечами:

– Не знаю. Помнишь, когда-то мы были уверены, что у Постума и Трай – один снаружист? Что Трай – простой клон, временное явление...

– Мы уверены... – передразнил я. – Не мы, а ты. Это была твоя теория. Такая же дурацкая, как...

– Прекрати! – остановила меня Она. – Я больше не намерена терпеть от тебя грубости. Если ты хотя бы еще раз...

Но мне так и не довелось услышать ее угрозу, потому что прозвонел звонок. Кто-то стоял у входной двери. Мы замерли. Программер тоже поднял голову, как бы не веря своим ушам: всякий раз, когда звонили в дверь, его лицо приобретало такое выражение, словно он присутствует при совершенно невероятном событии.

– Что это?

– Звонок, – констатировал я и на всякий случай уточнил: – Кто-то звонит. В дверь.

– Знаю, что не в колокол, – сердито ответил хозяин. – Мы заказывали что-нибудь в супере или в пиццерии?

– Все, что заказывали, уже получено... – наше с Нею сердце подпрыгнуло и пустилось вскачь. – Может, это она? В смысле – Трай? В смысле – ее снаружистка? В смыс...

– В смысле, в смысле! – перебил он с нарастающим раздражением. – Загадили со своим смыслом! Это не может быть она. Слишком рано. Наверно, какой-нибудь коммивояжер. Тут что ни день ошиваются всякие пылесосы с энциклопедиями...

Звонок повторился.

– Сейчас, сейчас... вот пристали...

Ворча себе под нос ругательства, Программер выбил на клавиатуре барабанную дробь команд, и на одном из стенных экранов возникла картинка с камеры наружного наблюдения. Мы с Нею разочарованно вздохнули: у двери стоял мужчина средних лет, то есть явно не Трай – вернее, не ее снаружистка.

– Я же говорил! – торжествуя воскликнул Программер. – Продавец-разносчик, чтоб они все сдохли. Не будем открывать. Позвонит-позвонит – и уйдет.

Словно услышав его, мужчина поднял руку и снова нажал на кнопку звонка. На этот раз звук получился требовательным и длинным.

– Не очень-то он похож на коммивояжера, – сказал я. – Те обычно моложе. И не такого интеллигентного вида.

– Это у тебя в Хайме моложе, – огрызнулся Программер. – А тут экономический кризис, безработица... Да что он трезвонит, как сумасшедший?

– Может, проще будет поговорить? – осторожно предположил я. – Бывает, если не отвечаешь, выходит еще хуже. Есть такие типы: начинают злиться.

Наш хозяин обеими руками взъерошил свою жидкую шевелюру. Он не терпел, когда его отрывали от работы, и на время терял способность вести себя рационально. К счастью, это состояние было относительно кратковременным.

– Похоже, ты прав, – неохотно признал он и, помедлив еще немного, наклонился к микрофону: – Да. Что вам угодно?

Мужчина за дверью вздрогнул и поднял голову к объективу видеокмеры.

– Извините за беспокойство. Возможно, это ошибка... или чья-то дурная шутка. Я получил ваш адрес по электронной почте. Вот тут ясно написано... – он достал клочок бумаги и прочитал вслух адрес. – Это ведь ваш адрес, верно?

– Верно. И что теперь? – прорычал Программер. – Не думайте, что сможете тут что-то продать... что бы вы там ни продавали. У меня есть все, что надо... – он покосился в нашу сторону и добавил: – И даже больше, чем надо!

– Нет-нет, вы ошиблись, – мужчина помотал головой, – я ничего не продаю. Я по поводу Магомета.

Программер поперхнулся и отключил микрофон.

– Вот же черт! – он вскочил и принялся бегать по комнате. – Черт! Черт! Черт! Как это я не подумал? Черт!

Мы с Нею растерянно наблюдали за этими метаниями, не зная, что и подумать. Снова прозвенел звонок, теперь сопровождаемый еще и стуком, – мужчина у двери явно терял терпение.

– Что случилось? Программер... Эй, Программер!

Он остановился, глядя на нас безумными глазами.

– Я не подумал, что у нее может быть семейный компьютер! Что она может прислать мужа!

– Она? Кто «она»? – спросил я, уже начиная догадываться.

– Трай! – воскликнул Программер, указывая обеими руками на экран. – Операторша вашей чертовой Трай! Вместо того чтобы приехать самой, прислала своего муженька. С кем вы теперь будете договариваться?..

Пол качнулся у меня под ногами. Я услышал, как Она охнула.

– Секунду... – я изо всех сил старался говорить спокойно. – Секунду. Ты хочешь сказать, что вместо Трай... вернее, ее снаружи... вместо них приехал кто-то другой? Что она не придет вообще? Но ты ведь обещал! Ты ведь знал, что от этого зависит всё! Вся наша жизнь! А теперь получается, что мы только зря потеряли несколько дней. Ты хотя бы имеешь представление, что для нас значит сейчас эти несколько дней?!

Звонок дал особенно длинную трель, и Программер метнулся к микрофону.

– Ждите! И немедленно прекратите трезвонить! – он отпустил кнопку и повернулся к нам. – Да, обещал. Но кто мог знать...

Мы с Нею молчали, беспомощно наблюдая, как рушится последняя наша надежда. Программер выглядел виноватым. Хотя в чем, собственно, заключалась его вина? Разве что в излишней самоуверенности. Боги и цари склонны преувеличивать свое могущество. Он подошел к Ней почти вплотную и даже сделал попытку взять за руку, но передумал на полдороге.

– Пожалуйста, не надо, – похоже, владелец Хайма в самом деле искренне переживал за нас и хотел успокоить. – Еще рано отчаиваться. Возможно, так даже лучше. Я серьезно. Ну что вы смотрите, как на похоронах? Если хорошенько нажать на мужа, то он обрабатывает свою дражайшую куда лучше нас. С мужчинами всегда проще разговаривать, не так ли, Найт? Поди уговори женщину, если ей попала жожа под хвост. Ты-то должен знать, а? Наверняка ведь намучился со своей наружной подругой...

Но мне было не до шуток. Я думал о недельной отсрочке, вымоленной мною у Постума полчаса тому назад. О том, как успеть за это время добраться до Трай – до настоящей Трай, а не до ее случайного посыльного. Снова звякнул звонок – скорее вопросительно, чем возмущенно, как будто звонивший догадывался о происходящей внутри сумятице и просил прощения за причиненное беспокойство.

– Я открою... – с той же полувопросительной интонацией проговорил Программер.

Мы молчали. Не дождавшись ответа, он вздохнул и пошел к столу нажимать нужные кнопки. Дверь отъехала, и в зал, озираясь, вступил гость – долгожданный, но увы, совсем не тот, кто был нам действительно нужен. Вблизи он еще меньше походил на коммивояжера: очки в роговой оправе, умное худое лицо, солидная манера одеваться. И главное, неловкость – качество, противопоказанное людям, чья профессия предполагает способность без лишних экивоков ввинчиваться в чужие дома. Он снял шляпу и поклонился нам – то есть, видимо, Ей, принятой им за хозяйку дома.

– Здравствуйте, госпожа... э-э... – мы молчали, не выказывая ни малейшей готовности к знакомству, так что ему пришлось продолжать самому. – Еще раз прошу извинения за мою настойчивость. Но в сообщении ясно указан ваш адрес, так что... в некотором роде...

Он вытянул вперед руку с мятым клочком бумаги, как будто предъявлял нам пропуск в статус законного визитера. Затеявший весь этот балаган хозяин дома продолжал безмолвствовать, Она не могла говорить в принципе, так что волей-неволей пришлось отвечать мне.

– В каком таком сообщении? – осведомился я, оглядываясь для верности на Программера. – О чем вы?

Гость, казалось, еще больше смутился.

– Это и в самом деле странная история. Поверьте, я бы в жизни не стал вас беспокоить, но причина действительно веская. Видите ли, у меня на этом диске было практически всё. Фотографии, документы, переписка... я не могу потерять это из-за какого-то вируса... тем более в такой момент...

– Не волнуйтесь, – вдруг отозвался Программер. – Я все исправлю.

Лицо мужчины просветлело.

– Значит, я все-таки попал в нужное место? Слава Богу... а я уж думал, ошибка... – он сделал несколько шагов и остановился перед Программером; в его голосе слышалось облегчение человека, который наконец-то уяснил, к кому именно следует обращаться за помощью в крайне запутанном вопросе. – Видите ли, я не сделал ничего такого, что могло бы вызвать подобное несчастье. Не устанавливал никаких программ, не пользовался флэшками или компакт-дисками... ничего. Сидел, писал... э-э... письмо... и вдруг как гром среди ясного неба. Буквально. Черный экран и надпись: «Ваш компьютер поражен вирусом Магомет». И адрес мейла... и... вот, пожалуйста...

Он снова выставил перед собой бумажку с адресом. Программер зачем-то взял ее, повертел в руках, сунул в карман, затем снова вынул и положил на стол. Мы вместе с гостем, затаив дыхание, следили за этими манипуляциями. Хозяин явно не знал, как приступить к делу.

– Да-да, никакой ошибки, – вымолвил он наконец, почесывая в затылке. – С одной стороны. Но с другой... гм... с другой... Мы, вообще-то, думали, что приедет ваша жена...

– Жена? – переспросил гость, резко меняясь в лице. – Вы сказали «жена»?

От его вежливого полупоклона и мягкой извиняющейся манеры не осталось и следа; мужчина распрямился и как-то вырос, черты обострились, глаза за стеклами очков смотрели сердито, даже гневно.

– При чем тут жена? – продолжил он, не сводя взгляда с Программера. – Если уж на то пошло, я вдовец.

Не думаю, что наш хозяин обратил внимание на неожиданную метаморфозу в поведении собеседника – он вообще не отличался повышенной чуткостью.

– Ну, не жена, – с прежней слегка смущенной и в то же время равнодушной интонацией проговорил Программер. – Дочь. Или подруга. Или какая-то другая особа женского пола, проживающая с вами в одной квартире и имеющая доступ к вашему компьютеру.

В комнате повисла напряженная тишина. Затем мужчина нервно дернул головой и, набычившись, вплотную придвинулся к Программеру. Он был намного выше и сильнее нашего хозяина – характерно, что я подумал об этом именно тогда. Я видел, как подрагивает его сжатая в кулак правая рука. По-моему, в этот момент и сам Программер осознал, что разговор принимает угрожающий оборот. А может, и нет.

– Вот что, уважаемый, – процедил гость. – Я понимаю и принимаю ваше преимущественное положение. Вы взяли меня за горло, это факт. Но зачем еще и издеваться? Ведь я не сопротивляюсь. Не потому, что не могу – при желании я бы мог сломать вашу тонкую шейку прямо сейчас. У меня просто не так много времени, чтобы тратить его на крыс. Разве я не сделал всё, как вы приказали? Сделал. В полицию не ходил, к спецам не обращался. Сел в самолет и прилетел. Чего вам еще надо? Скажите, сколько стоит восстановление диска, и я заплачу... если смогу. Компьютер у меня с собой, в сумке. Только не издевайтесь. Пожалуйста. В наших общих интересах.

К чести Программера, он нисколько не испугался. Что ни говори, а постоянная зацикленность на своих мыслях имеет определенные преимущества – человек ухитряется сохранять хладнокровие в любых ситуациях.

– Никто и не думает издеваться, – спокойно отвечал он. – Во всяком случае, здесь. И не в деньгах дело. Ваш диск будет восстановлен сегодня же, причем совершенно бесплатно. Просто у нас есть своя проблема, не менее... э-э... насущная, чем ваша. Найд?

Программер взглянул на меня и слегка развел руками, словно спрашивая, отчего я молчу. Он был совершенно прав в своем недоумении. В конце концов, это ведь мы с Нею затеяли весь этот балаган. Не ворвись мы в его дом, Программер и знать не знал бы нынешних хлопот. Так что обязанность вести разговор лежала на мне, а не на нем. Я кашлянул, чтобы привлечь внимание гостя.

– Дело в том... – мой голос пресекся от излишнего волнения; пришлось остановиться и начать снова. – Дело в том, что нам нужна женщина. Женщина по имени Трай. Вернее, ее снаружистка, оператор. Та, которая входила в Хайм с вашего компьютера.

Мужчина отвернулся от Программера и теперь сверлил меня неподвижным тяжелым взглядом.

– Хайм – это такая система... – объяснил я.

– Я знаю, что такое Хайм, – перебил он. – Дальше.

– Тогда вам должно быть понятно, о чем идет речь, – кивнул я. – А коли так, то и обижаться совершенно не на что. Мы всего лишь предположили, что Трай – это ваша жена.

Он снова резко дернул шейку:

– Говорю вам, я вдовец. Моя жена умерла три года назад. Вы раз за разом вмешиваете в это мою жену. А ее нет, понятно? Нет!

– Извините, – мягко вмешался Программер. – Мы не могли этого знать. Тогда какая-то другая женщина...

Мужчина глубоко вздохнул, ухватился за спинку одного из офисных стульев, развернул его и сел, широко расставив колени и глядя в пол.

– Нет никакой другой женщины, – сказал он. – Я живу один. Со всем один. Трай – это я.

9. ТРАЙ

Эти двое застыли как громом пораженные. «Не ожидали, а? Теперь ваша очередь удивляться, дорогие мои», – злорадствовал я, поглядывая на их вздернутые брови и полуоткрытые рты. Оставалось надеяться, что моя собственная физиономия смотрелась менее глупо минуту назад, когда я впервые услышал имя Найт, с которым хозяин обратился к хозяйке. Я всегда неплохо владел собой, а уж в последнее время меня и вовсе трудно чем-либо поразить. Когда с тобой происходят действительно большие события, ты перестаешь обращать внимание на мелочи, какими бы странными они ни казались. Но с этим Найтом жизнь все же ухитрилась застать меня врасплох.

Самым удивительным следовало признать тот факт, что я не подумал о подобном варианте раньше. Найт! Конечно же, Найт! Ну кому еще я мог понадобиться на этой земле? Это ведь он доставал меня в Хайме своими уговорами, жалобами, мольбами – он, и никто другой. И когда началась эта пахнущая шантажом история с вирусом, естественно было бы взять под подозрение именно его, Найта. Понятия не имею, почему я упустил из виду такое логичное объяснение. Наверно, потому, что в грош не ставил этого великовозрастного кретина – не предполагал, что он способен на что-либо, кроме участия в детских аттракционах и сочинения тупых рекламных объявлений. А может, мне в принципе не приходило в голову, что интернетовская игра может выбраться за пределы компьютерного экрана...

Но факт – она выбралась, и еще как! Особенно хорошо это чувствовалось здесь, в зале, где компьютерные экраны использовались в качестве стенных обоев. Значит, эта тетушка и есть Найт... ну-ну... а мужчина? Он явно посвящен во все ее тайны. Неужели это Постум? Вот был бы смех! А почему бы и нет? Ведь мир Хайма настолько не соответствует реальности, что области их пересечения непременно должны выглядеть нелепо. Например, благородный красавец-джентльмен с говорящим именем Найт в лице неопрятной пожилой толстухи. Или бледный доходяга неопределенного возраста, играющий роль резвого пятилетнего мальчугана. Или я сам, представляющий в этом балагане загадочную женщину по имени Трай, не слишком ответственную мать семейства...

Впрочем, я плохой пример. Я никогда не любил эту игру, ввязался в нее едва ли не помимо собственной воли и играл скорее по инерции, чем по желанию. Да и «ввязался» – сильно сказано. Никуда я сам не ввязывался, это меня ввязали, поставили перед фактом. Наверно, нужно было сразу отказаться, но мне тогда еле-еле хватало сил на то, чтобы дышать, держать голову над поверхностью... – поверхностью чего? Реки? Жизни? Небытия? Тьфу, не знаю, отстаньте, ладно? Над поверхностью, точка. Мне было не до споров, даже молчаливых, даже с самим собой. Я плыл по течению... – значит, все-таки река, потому что и «плыл», и «течение»; получается, что и «поверхность» – поверхность реки... да-да... хотя при чем тут река? Ну при чем тут река? Мысли путаются, причем давно уже, плохой знак.

Трай – вот что понравилось мне тогда. Имя, отрицающее необходимость имени. Ведь «трай» означает «попытка». Попытка что-то совершить, во что-то сыграть, кого-то убедить. Попытка жить. По-

стоянное имя требуется чему-то постоянному, окончательному, хорошо опробованному и отлаженному, сделанному набело, начисто, на века, если не навсегда. Например, звездам, или горам, или рекам. А нам? Какой смысл давать имена нам, едва держащим свои головы над поверхностью этих рек? Мы всего лишь попытки, не более того, однодневные экземпляры ходовых испытаний. Наскоро слепленные, ненадолго рассчитанные, набитые мусором несуразных путаных мыслей.

Вот и наш мальчик закономерно не получил имени – вообще никакого. Мы с женой называли его Он. Он поел? Он спит? Как Он сегодня? Вполне достаточно для не слишком удачного пробного экземпляра. Мы долго не заводили детей – так бывает: отвлекались на другие дела, казавшиеся более важными. Сейчас-то я вижу, что мысли путались уже тогда, но в то время они казались весьма логичными. Последовательно обусловленный ход мыслей называется логической цепочкой. Мы жили в коконе своих логических цепочек.

Когда жена забеременела, кокон лопнул: удивительно, насколько незначительными выглядят все эти цепи и нити в сравнении с действительно большими вещами. По-моему, я уже упоминал об этом совсем недавно... неважно... какая разница? В такие моменты думаешь, что единственной по-настоящему большой вещью является зарождение новой жизни, причем не просто новой, но имеющей отношение к тебе лично, сотворенной тобою. И ты чувствуешь странную радость, поначалу принимаемую за радость Творца, что неверно, но все равно ужасно льстит самолюбию.

Так или иначе, мы были ужасно рады; кокон лопнул, начиналась новая жизнь – не только жизнь младенца, но прежде всего наша, и мы выпорхнули навстречу этой новой жизни с восторгом первооткрывателей – восторгом, который характерен для всех давно женатых не столь уже молодых пар, наконец-то решивших завести ребенка. Сейчас-то я понимаю, что эта радость обманчива, а восторг ничем не оправдан. Что на самом деле суть тут вовсе не в зарождении жизни и даже не в том, что она вышла конкретно из твоих чресел. Что первый ребенок всего лишь дарит людям иллюзию – иллюзию их собственного продолжения, их собственного бессмертия. Да-да, на какое-то время мы, пусть и неосознанно, ощущаем себя бессмертными – вот в чем вся штука!

Потом это проходит довольно быстро, увы. Потом становится ясно, что единственной настоящей величиной является не жизнь, а именно смерть – твоя, жены, ребенка, всех этих коротеньких неудачных *попыток* прорваться неизвестно куда и неизвестно зачем. Но это потом. Потом. А пока... ничто не может сравниться с несколькими месяцами наслаждения желанной беременностью вашим первым ребенком – если, конечно, вы достаточно благоразумны, чтобы не позволить посторонним обстоятельствам испортить эту уникальную в своем роде радость.

Мы и не позволяли. Мы лелеяли свое счастье, мы строили бесконечные планы, мы ходили по магазинам, закупая новый антураж, интерьер, содержание нашего чудесного будущего. Тогда-то, разбирая полки в гостиной, я и наткнулся на книжку некоего философа, специалиста по биологической этике, читанную мной задолго до того по сугубо профессиональной надобности.

Сейчас многие детали стерлись из моей памяти, в том числе и фамилия автора; помню только, что он был не то австралийцем, не то новозеландцем и сторонником здорового секса с животными – непременно травоядными, и при условии, что те не возражают. Детей у него определенно не водилось, ведь профессор жил с кенгуру. В определенном смысле такая жена удобна при семейных закупках в супермаркете: есть куда положить продукты и не требуется таскать за собой тележку. Погодите, если кенгуру, то значит, он все-таки был австралиец, ведь в Новой Зеландии эти покладистые животные не водятся. Хотя с другой стороны, относительно неширокий пролив между двумя этими странами не должен представлять серьезную преграду для истинной любви.

Так вот, профессор был страстным сторонником аборт, причем не только конвенциональных, на ранних стадиях беременности, но и поздних – вплоть до инфантицида, то есть умерщвления новорожденных до возраста одного-двух месяцев. Тут, понятное дело, имеются в виду только человеческие самки и детеныши – относительно кенгуру профессор придерживался весьма строгих моральных правил. В своей книге он доказывал, что двухмесячный ребенок не более чем кусок мяса, который вполне годился бы для употребления в пищу, не будь профессор убежденным вегетарианцем. Ведь человек – это прежде всего высокоразвитое сознание, а сознание новорожденного младенца девственно чисто и пусто, как *tabula rasa*.

Помню, с каким превосходством, во всеоружии великолепного опыта нашей беременности, я заново пролистал эту книжонку, перед тем как отправить ее в мусорный пакет. Написать подобную чушь мог лишь бездетный любовник кенгуру. Раньше я еще поверил бы ему, но теперь... – теперь я твердо знал, что человеческий плод просто не может не впитать всех сомнений, планов, страхов и радостей обоих своих родителей – ведь он является средоточием их жизни, материализацией их самых сокровенных надежд – вплоть до иллюзии бессмертия. К моменту появления на свет ребенок уже переполнен родительским сознанием, как гранат косточками, – какая, к черту, *tabula rasa*, не говоря уже о «куске мяса»?

Мы были взрослыми людьми на четвертом десятке лет, с собственным домом, твердым доходом и развитым чувством ответственности. Мы не совершали глупостей, не увлекались новомодными веяниями. Мы все делали строго по правилам: анализы, процедуры, контрольные визиты к врачам – всё, без остатка. Схватки начались практически вовремя, на нужной неделе. Роды тоже прошли хорошо и закончились быстро. Акушерка улыбалась, нахваливая и мать, и ребенка. Я чувствовал в основном смущение от того, как трудно пришлось жене, и думал скорее о ней, чем о мальчике. Он был в порядке – в том смысле, что очень походил на самого себя, знакомого мне вот уже несколько месяцев по ультразвуковым снимкам.

Младенца довольно быстро унесли, мы с женой остались вдвоем; она заснула, а я сидел рядом и думал о множестве неотложных дел. Связанные с появлением ребенка, эти дела были очень приятны, из тех, о которых предпочтительно вспоминать, засыпая, так что неудивительно, что задремал в итоге и я. Разбудила меня жена, она выглядела встревоженной: ребенка не принесли кормить, хотя, по всем расчетам...

– Не волнуйся, – успокоил ее я. – Видимо, таков тут порядок. Это наш первый ребенок, откуда нам знать, когда тут что делается. Я схожу спрошу, а ты, главное, не беспокойся, это плохо для молока...

В коридоре и кабинетах все куда-то ужасно спешили; я останавливал сестер, извинялся, они выслушивали меня, переминаясь с ноги на ногу. Сквозь вежливую форму ответов просвечивало нетерпение: как видно, я задерживал их по дороге туда, где они были действительно нужны. Наверно, со стороны я выглядел нелепо – проситель, бездельник, отвлекающий своими глупостями чрезвычайно занятых людей. Меня ласково поглаживали, похлопывали, успокаивали, говорили, что всё в порядке вещей, что всё вот-вот устроится, что нужно просто ждать, что такова процедура... Я чувствовал себя шариком в игровом автомате, мечущимся по бессмысленной траектории от хлопка по плечу до хлопка по спине.

Наконец я налетел на акушерку – ту самую, которая принимала роды. В отличие от прочих, она отреагировала не увещеваниями, а вопросом:

– Как так? Разве врач с вами не переговорил?!

В ее голосе слышалось возмущение, и я сразу почувствовал себя виноватым, как будто был одновременно и не переговорившим с нами доктором, и задержавшим его больным, и, опять же, нелепым бездельником, который мешает важным людям исполнять их крайне срочные обязанности.

– Нет, – пролепетал я. – Какой врач? Когда переговорил?

– Вот что, идите-ка к жене! – скомандовала акушерка, решительно беря меня за локоть и разворачивая в нужном направлении. – Идите к жене и ждите. Доктор освободится и сразу придет.

– А когда принесут... – начал было я, но акушерка уже повернулась ко мне спиной.

Людей в коридоре можно было сразу различить по походке. Сестры даже не шли, а стремились мелкими семенящими шажками; доктора шагали широко, основательно, хотя и не менее быстро; остальные, в том числе такие, как я, перемещались заплетающимися цепочками, а то и кругами, без тени прямолинейной целеустремленности, столь присущей первым двум категориям. Думая об этом, я вернулся в палату к жене.

– Врач? – переспросила она с тревогой. – Зачем врач? Что-то случилось?

Я пожал плечами. В моих ушах продолжали стучать молоточки сестринских шажков и увесистые, плотные шаги врачей. Наши цепочки – коридорные и логические – казались совершенно неуместными в этой крепко сбитой, надежно подогнанной вселенной. Нам сказали ждать, и мы ждали.

Врач пришел еще примерно через два часа. За ним семенила сестра с планшетом, где были припилены несколько бумажных листков. Оба выглядели устало и как-то очень по-деловому: так бывает, когда люди заняты по горло, просто головы не поднять, каждая секунда на счету. Сестра сунула планшет под мышку и придвинула от стены стул; врач сел, тяжело вздохнул, посмотрел на часы и хлопнул себя по коленям обеими руками. Мы с женой смотрели на них во все глаза.

– Так, – сказал врач и еще раз хлопнул себя по коленям. – Боюсь, у меня плохие новости. У вас...

Он перевел взгляд на сестру.

– Мальчик, – проговорила та.

Врач кивнул и снова посмотрел на нас.

– У вашего мальчика диагностировано тяжелое поражение головного мозга. Сейчас он подключен к аппарату искусственного дыхания и, скорее всего, никогда не сможет дышать самостоятельно.

Сказав это, он замолчал, продолжая смотреть на нас, но теперь уже не нейтрально, по-деловому, как прежде, а как-то выжидательно, будто мы должны были подсказать ему что-то, как минутой раньше сделала сестра. Но я понятия не имел, чего он ждет, причем ждет именно от меня, потому что жена закрыла лицо руками и не выказывала готовности к продолжению разговора. В глазах врача читались усталость, досада и возрастающее раздражение моей тупостью. Я чувствовал себя нерадивым ассистентом в критический момент операции, дураком-помощником, который не знает, какой инструмент вложить в требовательно протянутую руку хирурга. Сейчас, когда я вспоминаю ту минуту, мне кажется поразительной одолевшая меня паника. Рушился весь мой мир, раскалывался фундамент жизни, падали стены, а я думал лишь о том, что задерживаю очень занятого человека.

– Что же будет? – вырвалось у меня.

Врач облегченно вздохнул: по-видимому, я сказал именно то, что требовалось.

– Ваш ребенок на всю жизнь останется овощем, – произнес он деловой скороговоркой. – И когда я говорю «на всю жизнь», то имею в виду отнюдь не годы и даже не месяцы. Дни. Или даже часы. Сейчас он присоединен к аппарату искусственного дыхания, но мы в таких случаях рекомендуем отключение. Хотя окончательное решение за вами. Всё.

Я услышал полузадушенный писк сбоку, со стороны жены, но не повернул головы. Я не хотел думать об этом. Я не мог думать об этом. Я смотрел на руки врача: он снова хлопнул ладонями по коленям, взглянул на часы и встал. Теперь он выглядел явно повеселевшим, сбросившим с плеч тяжкий, неудобный груз, и я инстинктивно тянулся к его облегчению, к его деловой рабочей нормальности. Мне хотелось туда, на его сторону.

Врач резко повернулся и вышел; я двинулся было за ним, но меня перехватила сестра.

– Вот, – сказала она, кладя на мои вытянутые руки планшет. – Подпишите здесь и здесь. А тут инициалы.

– Какие инициалы? – едва вымолвил я.

Сестра нетерпеливо подвинула планшет и ткнула в меня авто-ручкой.

– Вам же все объяснили. Окончательное решение за вами. Значит, требуется подпись. Возьмите ручку.

Я взял ручку. Теперь я задерживал не врача, а сестру.

– Ну что же вы? – поторопила она, переступив с ноги на ногу. – Если сомневаетесь, можете подумать. Но вообще-то, думать не о чем. Во-первых, он не выживет и на аппарате. Во-вторых, без мозга это не человек. Просто овощ. Кусок мяса.

Я сразу вспомнил австралийского профессора и даже собрался спросить у сестры, не читала ли она его книгу, но меня перебила жена.

– Ему будет больно? После отключения?

«А и в самом деле, – подумал я. – Странно, что мне не пришел в голову такой важный вопрос. Они так торопятся и торопят, что нет ни минуты, чтобы...»

– Что вы! – всплеснула руками сестра. – Никаких страданий. Он просто перестанет дышать. Может, сразу. А может, через десять минут. Максимум через четверть часа. Вы подписываете или нет?

Я вздрогнул от ее окрика и быстро исполнил требуемое. Сестра выдернула из моих рук планшет и повернулась к жене.

– Вы можете подписать тоже, если хотите. Но в принципе достаточно одного родителя. От имени семьи. Будете?

– Я хочу, чтобы он был со мной, когда это случится, – сказала жена. – Чтобы он... чтобы он был у меня на руках.

– Конечно, – кивнула сестра. – Значит, вы подписывать...

– Уйдите.

Сестра открыла было рот, чтобы что-то сказать, но передумала на полдороге. Мы остались вдвоем. Втроем, считая наше несчастье.

Потом принесли мальчика. Он спал, мирно и хорошо, как, видимо, и должны спать младенцы. Жена сразу взяла его на руки и перестала реагировать на что-либо другое. А этого «другого» вдруг стало так много, что впору было бежать без оглядки. Вокруг нас непонятно зачем и почему образовалось множество людей, и каждый чего-то хотел, что-то предлагал, о чем-то спрашивал. Тесная палата не вмещала их всех, поэтому нас вытащили наружу, в небольшой коридорный зальчик, где уже стояли тележки: как выяснилось, некоторые посетители прибыли с оборудованием. Все они набросились на меня – жена, как я уже сказал, попросту не обращала на них внимания.

Одних только психологов я насчитал три штуки; они говорили одновременно, понятия не имею о чем, и попеременно совали мне в руки какие-то листки, брошюры, визитки, буклеты. Потом налетели социальные работники, штатные и добровольные, – и все они дергали за рукав, разворачивали к себе, забегали к лицу. Слова так и сыпались из них – безостановочно, слитно, невыносимо. Мне оставалось только кивать, что я и делал. Часть кивков оказалась лишней: в какой-то момент пришлось объяснять, что мы не нуждаемся в религиозной поддержке, а потому пастор, проповедник, раввин, мулла, буддийский монах и еще черт знает кто могут спокойно отправиться по своим делам. Зато от фотографа избавиться не удалось: обвешанная фотоаппаратами милая девушка заставила нас позировать перед белым экраном и специально установленными лампами. Сначала все четверо: мы с женой, мальчик и несчастье, потом без меня, потом без жены, потом снова все вместе.

Затем меня схватил за рукав человек в фартуке, который на разные лады повторял слово «слепок»; к тому времени я уже настолько одурел, что снова кивнул. Выяснилось, что он хочет снять слепок с ножки нашего мальчика.

– Зачем? – одними губами спросила жена.

– На память, – отвечал добрый фартук. – Потом поставите на стол или на каминную полку.

– Уйдите, – сказала жена. – Пожалуйста.

– Вы не думайте, это бесплатно, – успокоил ее фартук. – За счет больницы.

– Не хотят – как хотят, – вмешалась одна из медсестер. – Не навязывайтесь людям. Ишь ты – за счет больницы...

– Спасибо, – поблагодарила ее жена и поудобнее перехватила мальчика. – Смотрите, какое у него спокойное лицо. Наверно, думает о чем-то хорошем...

Медсестра скептически покачала головой:

– Думает? Ни о чем он не думает, уверяю вас. При таком повреждении остаются только вегетативные реакции, да и то не все.

И тут моя жена заплакала, впервые за все это время. Без рыданий и всхлипываний – просто беззвучный обильный плач; я не уверен, что она сама ощущала эти слезные дорожки на собственных щеках. Она взяла меня за плечо свободной рукой и оттащила в сторонку – насколько это было возможно в осадившей нас толпе.

– Давай заберем его домой, – шепнула она, когда я наклонился поближе. – Сейчас же. Давай уйдем отсюда.

Сначала это предложение... нет, мольба – показалась мне дикой.

– Ты что... как можно. Кто нам позволит?

– Давай уйдем, – повторила жена. – Посмотри на них. Как ты не видишь? Они ждут. Понимаешь? Ждут.

Я оглянулся и понял, что она совершенно права. Они действительно ждали. Ждали смерти нашего мальчика. Сестра сказала, максимум четверть часа. Сколько прошло с момента отключения? Я не знал. Мы потеряли чувство времени. Но эти, вокруг нас, явно считали минуты. Потом мне пришло в голову уподобить их стае голодных собак, которые сидят кружком, уставившись на умирающего бомжа. Но это потом, а тогда... – тогда я лишь осознал, что эта свора нипочем не даст нам сбежать.

Они ждали, поглядывая на часы, а наш мальчик спал. Уж не знаю, думал он или не думал, и если все-таки думал, то каковы были его недлинные младенческие мысли... Одно несомненно: он не имел ни малейшего представления, что задерживает столько взрослых, занятых и серьезных людей, а потому в отличие от меня не испытывал и тени неловкости. Просто спал себе и все тут, а они ждали.

Потом они стали понемногу расходиться. Мы вернулись в палату; самые стойкие – один психолог и два социальных работника – последовали за нами, но еще через час, когда мальчик проснулся, ушли и они. Мы впервые увидели его глаза – они казались осмысленными... – возможно, в них отражался наш смысл, наше сознание. Мы не спускали его с рук, ведь он жил нашим мозгом. Он продолжал жить, хотя и не мог самостоятельно есть; медсестра научила нас кормить его через трубочку. Выходя из палаты, она посмотрела на часы. Во всем ее облике читался всё тот же вопрос: «Когда?» Через час? Полтора? Два?

Два дня спустя мы привезли мальчика домой. Он продолжал жить у нас на руках. Мы не дали ему имени, называли просто «Он»

или «Мальчик». Разве имя имеет какое-то значение? Попытка, еще одна попытка из многих миллиардов таких же. Трай. Малая песчинка, исполненная нашего смысла. Все люди умирают, но в промежутке между началом и концом попытки они изо всех сил стараются забыть о неизбежном исходе. У нас не было такой возможности: мы знали, что попытка мальчика может закончиться в любую минуту. Мы жили, постоянно помня о смерти, ни на секунду не выпуская из виду ее тень в темном углу комнаты. Возможно, именно такой стиль жизни и является правильным: сутки за сутками, не загадывая наперед, не обманывая себя иллюзиями, воздавая Господу хвалу за каждый прожитый час, молясь о том, чтобы с миром прожить следующий. В этом и заключалось счастье.

Мой отпуск кончился, я вышел на работу, и сразу стало труднее: ведь по ночам мне приходилось бодрствовать, чтобы жена могла поспать. Мы не хотели нанимать няню, потому что няни и сестры принадлежали к тому же ждущему собачьему кругу, знакомому нам еще по больнице. И тогда я предложил понемногу приучать мальчика к отдельному бытию.

– Давай попробуем, – уговаривал я жену. – Сначала на полминутки, а там посмотрим. Сама подумай: мы же не сможем всю жизнь носить его на руках.

Сейчас-то я понимаю, что это уже было отступлением от сложившейся нормы «сутки за сутками, не загадывая наперед»: сказав «там посмотрим», мы как бы возвращались в прежний режим планирования будущего. Но тогда я мало что соображал от накопившейся усталости. Сначала жена отказывалась даже говорить об этом, но вскоре мой одуревший вид убедил ее в необходимости перемен, и мы стали выкладывать мальчика в кроватку – на очень короткое время, измеряемое буквально секундами. Он не реагировал, и мы приободрились: возможно, это отсутствие реакции как раз и говорило о том, что его девственное сознание, его *tabula rasa* уже заполняется своими собственными, самостоятельными знаками и письменами.

Мы снова стали думать о будущем и упустили из виду смерть. Мальчик умер на сорок шестой день, около полудня. Жена оставила его всего на две минуты – спустилась, чтобы открыть посыльному, принесшему продукты из супермаркета. Всего на две минуты, но этого хватило. Когда, подписав квитанцию, она вернулась в спальню, мальчик уже не дышал. Как будто он только и ждал ее подписи – пусть и в блокноте случайного посыльного, а не на том больничном планшете.

Жена вызвала амбуланс и позвонила мне на работу. Я не разобрал ни слова, но сразу всё понял. Когда, продравшись сквозь полуденные пробки, я вбежал в дом, было уже поздно. Сразу после ухода врача, констатировавшего смерть мальчика, она легла в ванну и вскрыла себе вены.

Не знаю, почему я не последовал ее примеру. Наверно, просто иначе устроен – всегда отвлекаюсь на посторонние вещи, мелкие и незначительные по отдельности, но в массе своей способные заслонить даже самое большое потрясение. Как тогда, в больнице, когда нам сообщили о неизлечимой болезни мальчика, а я был в состоянии думать лишь о том, что кого-то задерживаю. Вот и те-

перь поначалу я чувствовал себя марионеткой, которую дергают за нити все кому ни лень: полицейские, врачи, следователи, журналисты, психологи, социальные работники, соседи, коллеги по работе, люди из похоронного бюро, и снова психологи, и снова соцработники, и снова соседи...

Нити их сочувственных и любопытных взглядов, узелки их едва различимых слов сплетались в ветхий полупрозрачный занавес, который худо-бедно, но заслонял от меня огромную черную тушу моего несчастья.

Потом суета кончилось; я остался один, и занавес растворился в тишине опустевшего дома. Но и тогда я чувствовал, что пока не вправе отдать себя смерти – во всяком случае, отдать добровольно. Возможно, дело тут в обычной трусости – не знаю... – я объяснял свое продолжающееся существование тем, что не хочу доставить своей жене такое же страдание, какое она доставила мне своим поспешным бегством в ничто. Понятия не имею, о чем она думала, ложась в горячую ванну с бритвой в руке, – о своей предполагаемой вине в смерти мальчика, о чрезмерности боли, о бессмысленности дальнейшего сопротивления... – но только не обо мне, своем спутнике и партнере.

Какими бы вескими ни были соображения самоубийцы, он не должен игнорировать тех, кого бросает на произвол жизни. Жена оставила меня в одиночестве – но не тотальном и окончательном, освобождающем от всех и всяческих обязательств, а в одиночестве мучительном, полном снов и теней, захлебывающихся ночных надежд и оглушающе горестных утренних пробуждений. В одиночестве нашего звенящего пустотой дома, такого счастливого еще два месяца тому назад.

Пустотой? В том-то и дело, что нет! Я продолжал повсюду видеть присутствие жены, слышать эхо ее шагов, вдыхать запах ее волос, осязать след ее руки на занавесках, ощущать ее взгляд на фотографиях, на вещах, на собственной спине. Ее уже не было – и она все еще была, и эта двойственность казалась мне особенно мучительной, ведь я из тех типов, которые во всем любят определенность, однозначность, досказанность.

Знала ли она, на что меня обрекает? Конечно, нет – я не мог даже предположить такого. Наверняка, будь у нее возможность заглянуть в будущее, чтобы хоть минутку понаблюдать за тем сломленным и убитым существом, которое она оставила после себя, жена немедленно отложила бы бритву куда подальше. Зато я знал! Я уже знал! И я просто не мог отплатить ей той же монетой – даже если она присутствовала рядом лишь в виде тени. Перед тем как лезть в петлю, я чувствовал себя обязанным покончить с призраками.

И я отдался этому занятию со свойственной мне методичностью. Я ушел с работы, выставил на продажу дом и принялся уничтожать все его содержимое: вещи, одежду, фотографии, книги, мебель, посуду. Я оборвал связи со всеми друзьями и знакомыми и уже через несколько недель сидел в самолете, уносящем меня в другой город, – без единого чемодана в багаже! Я был уверен, что дело сделано и отныне я принадлежу лишь самому себе. Увы, я ошибался. Она осталась со мной – в памяти, в тоске по тем

самым предметам, которые я только что столь методично и безрассудно уничтожил.

И тут... тут я получил сообщение на наш общий интернетовский почтовый ящик. Сам не знаю, как он уцелел в горячке учиненного мною всеожжения: когда-то, миллиарды лет до эры несчастья, мы использовали его для покупок, счетов и прочих общесемейных целей. Я не заходил туда со дня смерти жены и мальчика, а тут вдруг зачем-то зашел и принялся механически стирать накопившуюся за это время рекламу, извещения о торговых скидках и прочих сетевой мусор. Понятия не имею, что заставило меня обратить внимание именно на этот мейл. Возможно, сыграл свою роль тот факт, что сообщение адресовалось конкретно моей жене, а не нам обоим или семье в целом.

Некий анонимный администратор извещал мою покойную жену, что для нее открыт аккаунт в доселе неизвестной мне интернетовской системе. Хайм? Что за Хайм? Далее указывался входной пароль и имя аккаунта: Трай. Попытка. Попытка не пытка. Мейл был отправлен спустя несколько дней после ее самоубийства и мог быть обычным спамом, который рассылается всевозможными рекламными подрядчиками по спискам случайных адресов. Но существовала и вероятность, что жена в самом деле создала этот аккаунт незадолго до своей и мальчиковой смерти, и тогда письмо являлось вполне законным подтверждением регистрации. Поколебавшись с минуту, я щелкнул по ссылке; открылась входная страница, приглашающая в «мир Хайма». Я набрал имя «Трай», затем – пароль и вошел в систему. Тогда я еще не знал, что останусь там надолго.

Нельзя сказать, что я вовсе не слышал о подобных вещах. Некоторые мои знакомые посвящали часть свободного времени интернетовским играм и были сильно увлечены тем, что именовалось виртуальной реальностью. Это всегда казалось мне пустой тратой времени, затянувшимся детством. Кем нужно быть, чтобы вообразить себя эльфом и шнырять по сказочному ландшафту, увертываясь от драконов и отстреливаясь от таких же чудиков, играющих за гоблинов и гномов?

Поначалу я предполагал, что Хайм предложит мне нечто подобное и потому удивился, обнаружив подчеркнуто реалистический антураж. Конечно, всё там было мультиком, рисованной анимацией, но в лесу росли обычные деревья, у речки сидели обычные рыбы, а по дорогам ездили обычные машины. Ни тебе эльфов, ни тебе колдунов... – именно эта обыденность и возбудила мое любопытство. Я никак не мог смириться с несбывшимися ожиданиями и потому продолжал разгуливать по Хайму, заглядывая под каждый куст в надежде обнаружить-таки какого-нибудь мохнатого хоббита. Тогда я со спокойным сердцем выключил бы компьютер, чтобы уже больше никогда не вспоминать об этой курьезной чепухе.

Но хоббитов всё не находилось. Видимо, со стороны мое поведение выглядело странным, потому что симпатичный молодой человек предложил мне свою помощь:

– Вы что-то ищете, госпожа?

Госпожа? Лишь в этот момент я впервые осознал, что действую как бы от имени своей жены – в женском обличье, женской одежде, женском теле... Впрочем, почему «как бы»? Если она сама от-

крыла этот аккаунт с целью участия в Хайме, то я играл ее роль без всякого «как бы»! Я попросту был ею!

– Да так... – неопределенно промямлил... промямлила я.

Он улыбнулся, представился и спросил, как меня зовут.

– Трай, – ответила я. – Меня зовут Трай. И – спасибо. Я ничего не ищу и не нуждаюсь в помощи.

Он отошел, а я еще долго сидел у компьютера, вслушиваясь в отдаленно знакомое ощущение радости, которое в последнее время испытывал только во сне. Мне часто снилось, что жена и не думала умирать, что мы по-прежнему проживаем вдвоем в своем просторном доме, среди своей мебели, книг и фотографий на стенах. Именно вдвоем; мальчик никогда там не появлялся – видимо, потому, что так и не успел наработать на самостоятельный образ, прочертить достаточное количество индивидуальных черт на своей *tabula rasa*. Там, во сне, мы ходили по дому, сидели перед телевизором, обедали, ложились в постель. Вот только просыпаясь я всегда один – и каждый раз, уже всплывая на поверхность яви, заранее ощущал отчаяние, ждущее меня наверху. Оно было моим воздухом, я вдыхал его одновременно с первым проблеском пробудившегося сознания. Это напоминало пытку утоплением. Ежедневную, вернее, ежеутреннюю пытку.

И вот теперь я чувствовал ту же радость, но не во сне, а наяву, в полном сознании и согласии с реальностью. Я жив, я – моя жена, следовательно, моя жена жива. Этот невероятный в своей простоте силлогизм работал! И работал он исключительно благодаря Хайму. Это был идеальный способ избыть тоску. По утрам, просыпаясь, я уже не давился отчаянием: ведь она ждала меня здесь, на компьютерном экране. Наверно, врачи диагностировали бы у меня какой-нибудь мудреный вид помешательства, но плевать я хотел на врачей. Плевать я хотел на паршивый реальный мир, на его закон однократной попытки, на его кенгуролюбивых австралийских профессоров и голодные волчьи кружки, нетерпеливо дожидющиеся нашей смерти. Хайм избавлял меня от боли, Хайм дарил мне вторую попытку, и если для этого я должен был вообразить себя своей покойной женой, то значит, так тому и быть!

Если я о чем-то и жалел в те дни, так это об уничтоженных мною предметах вещественной памяти. Единственное, что осталось – набор фотоснимков, обнаруженных мною в том же семейном почтовом ящике. Эти были те самые карточки из коридора больницы, сделанные девушкой-фотографом. Все четверо: мы с женой, мальчик и несчастье, потом без меня, потом без жены, потом снова все вместе... Теперь я был счастлив, что дал себя уговорить на эти снимки. Не знаю, что бы я без них делал. Когда этот чертов вирус Магомет забрал их у меня вместе со всем содержимым диска, я чуть с ума не сошел: каким же нужно быть идиотом, чтобы не сделать ни одной копии таких ценных файлов!

Ничего-ничего... Не зря же эти двое притащили меня в свое хакерское логово. Пусть только попробуют не отдать. Я им тут всё разнесу. Я снова усмехнулась в их изумленные физиономии.

– Ну что вы на меня уставились, как два голодных пса? – сказала я. – Говорю же вам: Трай – это я. А компьютер в сумке. Берите и восстанавливайте. И поскорее, у меня не так много времени.

10. ПРОГРАММЕР

Я взял зараженный вирусом ноутбук и унес на рабочий стол, оставив странную парочку выяснять отношения без моего участия. Говорят, природа комичного заключается в неожиданном сопоставлении несопоставимых явлений. Если и в самом деле так, то ситуация выглядела смешнее не придумаешь. Уж больно не соответствовали эти виртуальные супруги своим реальным прототипам: пожилая запущенная толстуха в роли рыцарственного красавца Найта и сердитый интеллигент средних лет, косящий под загадочную женщину Трай, нестандартную уже хотя бы своей подчеркнутой стандартностью.

Но я и не думал веселиться – и не потому, что боялся кого-то обидеть. Плевать я хотел на чьи-то обиды. Напротив, моим непрошеным гостям было бы невредно взглянуть на происходящее с большей долей юмора: возможно, тогда они осознали бы вопиющую неуместность своих переживаний. Стоит ли так заводится из-за виртуальных отношений с виртуальным партнером по виртуальной игре? Люди, будьте реалистами! Хорошо сказано, правда? Копирайт этого замечательного призыва принадлежит моей бабушке: в детстве я слышал его едва ли не ежедневно.

– Люди, будьте реалистами! – восклицала бабушка, обращаясь к моим родителям. – Не увлекайтесь химерами!

И нужно сказать, это напоминание было отнюдь не лишним, хотя со стороны и мать и отец меньше всего напоминали безответственных мечтателей-визионеров. Папа занимался политикой; эта профессия традиционно считается более приземленной, чем само земледелие, – настолько она сопряжена с циничным оппортунизмом и низменными интригами. Те, кто не держат ухо востро, моментально вылетают из обоймы. Едва зазевался, пиши пропало... – казалось бы, в подобной реальности не найдется и квадратного миллиметра для строительства воздушных замков. Про таких людей говорят: «О, это настоящий политик! Он крепко стоит обеими ногами на земле!»

Но на деле ноги моего папаши вместе с прочими частями тела витали в таких безнадежных, таких далеких эмпиреях! Политические интриги были для него увлекательной игрой, типа прятков-догонялок дворового детства. Да, он поднаторел в искусстве выбора команды-победительницы, в поиске сильных союзников, в умении вовремя прятаться и вовремя выскакивать из засады, но во всех этих премудростях не было ничего принципиально нового по сравнению с давними подростковыми стратегиями. Мой папа водил дружбу с министрами и сильными мира сего, но совершенно терялся, когда приходилось сталкиваться с реальными проблемами, находящимися вне сферы политических прятков и салочек. Иными словами, в своем развитии он так и остался на чисто ребяческом уровне.

Ровно то же самое относилось и к моей матери, с тем лишь отличием, что у нее не было своей игры, именуемой профессией. А потому она испытывала настоящую потребность занять голову чем-то таким, что отвлечет ее... – от чего? Не знаю. По идее, нужда в отвлечении возникает лишь у тех, кто пережил несчастье, устал от дурных мыслей и страхов и потому хочет отдохнуть от них, переключиться. Но жизнь моей матери казалась вполне благополучной, так что вроде бы и отвлекаться ей было не от чего. И тем не менее,

сколько я помню свою маму, она всегда пребывала в постоянном беспокойном движении, как будто отчаянно боялась остановки, даже намек на остановку.

Сейчас-то я понимаю, что любая остановка навязывала бы ей необходимость осмотреться, поразмыслить, вникнуть если не в суть, то хотя бы во внешние, поверхностные приметы происходящего. Думаю, именно это и приводило в панику мою достопочтенную родительницу. Почему? Может быть, она опасалась обнаружить рядом что-то очень неприятное? Но что? Почему она боялась реального мира настолько, что не желала знать о нем ничего, кроме стандартного набора стереотипов?

Должен сказать, что ей приходилось затрачивать немалые усилия, чтобы добиться этого результата. Еще бы: не очень-то легко жить в реальности и одновременно не иметь о ней никакого представления. Мать решала эту проблему при помощи болтовни и путешествий. Она постоянно разъезжала – из страны в страну, с курорта на курорт, с фестиваля на фестиваль. Все остальное время посвящалось трепотне с подружками, точно такими же, как она сама.

На первый взгляд, это не согласуется с вышеозначенной целью: ведь и общение с другими людьми, и поездки обычно служат источником информации. Но мать ухитрялась использовать их прямо противоположным образом – не как источник, а как наваленную на него мощную бетонную заглушку, которая исключала любую возможность просочиться наружу хотя бы капельке реального знания.

Путешествия были для нее не более чем калейдоскопом сменяющих друг друга картинок – столь быстрым и пестрым, что даже самые крупные детали становились неразличимыми. Так сливаются в сплошную серо-коричневую ленту городские дома, стоящие возле полотна скоростной железной дороги: как ни старайся, не разглядишь ни крыльца, ни мальца, ни черных мусорных мешков, ни ветхого белья, капитулянтскими флагами вывешенного наружу.

Ну а болтовня – и того пуще. Мать чиновничала на какой-то необременительной должности в правительственном учреждении, которое отец насмешливо именовал «вольной бойней» – на том основании, что там занимались беззастенчивым убийством времени по относительно свободному рабочему графику. Мама против этого определения не возражала. Приходя на работу, она сразу набирала номер телефона подруги – неважно какой: судя по неизменному кругу тем и постоянному набору выражений, тут можно говорить о некой одной усредненной Подруге, чью роль попеременно исполняли несколько знакомых преимущественно женского пола.

Телефонная трубка возвращалась на место лишь к обеденному перерыву, что, впрочем, не означало окончания беседы – она продолжалась в кафе, на послеобеденной прогулке и во время обязательной сиесты. Вернувшись в офис, мать снова набирала номер. Тогда еще не было мобильной связи; представляю себе, как моя бедная мамочка страдала во время вынужденных перебежек от телефонной трубки к ресторанному столику и обратно. Закончив рабочий день, она поспешно направлялась к телефону, именуемому домашним, – подозреваю, что именно эта примета служила для нее напоминанием о необходимости уделить минутку-другую еще и семье.

– Люди, будьте реалистами! – говорила бабушка. – Когда-то нужно и жить, а не только убивать время на всякие глупости!

Но что значит «жить», бабушка? Жаль, что я вовремя не задал ей этого вопроса. В детстве мне казалось, что бабушкин упрек адресован только моим родителям, что снаружи все обстоит иначе... Снаружи? Смотрите-ка, я и в самом деле сказал «снаружи», то есть непроизвольно воспользовался выражением, услышанным от Найта. Это ведь он называет «снаружистами» тех, кто пребывает вне его виртуальной действительности. И вот теперь я... Что ж, если судить по моей семье, то зыбкие, надуманные основы ее бытия если и отличались от хаймовского онлайн, то только в худшую сторону. Ведь подростковые игры моего отца и мамин отказ хоть на минутку высунуться из раковины телефонной болтовни свидетельствовали об их полном отрыве от реального мира.

Но довольно о моих родителях: оказавшись снаружи, я быстро просёк, что они никакое не исключение. Напротив, именно они жили «как все» – в том же затянувшемся детстве, в том же тотальном отказе, на арене постоянной бойни истерзанного в кровь, убиваемого, оглушенного времени, времени жизни – их собственной жизни! Как выяснилось, мамину боязнь приостановиться испытывали практически все «снаружисты». Кто-то убегал от этого страха в наркоманию, кто-то – в игру, кто-то – в безостановочную погоню за той или иной химерой. При этом самыми большими счастливицами выглядели те, кого обстоятельства вынуждали к тяжелому отупляющему труду: у них просто не оставалось времени ни на что, кроме работы и сна. Смешно, что они же больше всех жаловались на судьбу, наивно отождествляя счастье с освобождением от тягот. Бедняги! Получив желанное освобождение, они оставались наедине с необходимостью привыкать к реальному миру и, как правило, гибли, не зная, как справиться с обрушившимся на них бременем свободы. Вот так! Получалось, что снаружисту легче уцелеть на картотеке, чем наедине с самим собой!

Это всегда поражало меня: почему? Что там такого ужасного в этой картине, что люди не в состоянии осилить одного ее вида – настолько, что вынуждены постоянно отвлекать себя? Мозг, не занятый работой, развлечением, сном, немедленно впадает в специфическое состояние, именуемое «скукой», вернее, принимаемое за скуку, – такое непереносимое, что человек готов схватиться за что угодно, лишь бы избавиться от этого наказания. Что за неимоверное чудовище всплывает из спокойных вод скупающего человеческого сознания?

Мне кажется, что я знаю ответ, но знала ли его моя бабушка? Вряд ли: в этом смысле она не многим отличалась от моих и своих родителей и под словом «реальность» имела в виду всего лишь какой-то другой вариант виртуальной игры. И все же призыв ее был совершенно оправданным: не ссорьтесь, люди! Не придавайте значения бутафорской ерунде, не позволяйте миражам вставать между вами. Ведь это именно миражи, бутафория, виртуальный пшик в сравнении с тем всплывающим чудовищем, которое и есть единственная наша реальность, единственная правда, единственный настоящий ответ на все решенные и нерешенные вопросы.

Вот и сейчас дичайшая условность происходящего за моей спиной выглядела такой очевидной, такой несоответствующей реаль-

ному положению дел, что не могла не вызывать смеха. Но в то же время эти двое свихнувшихся виртуалов ссорились совершенно так же, как мои покойные родители, – теми же словами и по тем же виртуальным поводам. Женщина в роли мужа и мужчина в роли жены, они казались карикатурой лишь на первый взгляд, но по сути ничем не отличались от своих реальных прототипов снаружи. Эта карикатура была страшной – страшной, а не смешной и больше свидетельствовала о бессмысленности наружного мира, чем о нелепости комедии положений, которая разыгрывалась в моем доме.

– Ну почему, почему ты вечно уходишь от разговора? – это Найт, муж.

– Никуда я не уйду. Это ты не желаешь ничего понимать... – а это она, Трай, жена.

Она, Трай, которая на самом деле он – плечистый высокий мужчина интеллигентного вида. Хотя что значит «на самом деле»? Мы ведь уже договорились о том, что всё вокруг не более чем игра. Люди, будьте реалистами: реальности не существует... За моей спиной играли в игру – ничуть не лучше и ничуть не хуже, чем любая другая игра. Наверно, так знакомятся с пьесой во время пробной читки: актеры садятся в кружок, договариваются, кто за кого, и пошло-поехало. При этом их может быть вдвое меньше, чем персонажей, а если еще герой-любownik в запое, а прима на съемках, то отчего бы не дать реплики Гамлета характерной актрисе, а роль Офелии препоручить пожилому комику? В конце концов, это ведь еще не спектакль. И вот они начинают, и с первых слов на лицах еще можно увидеть неловкие улыбки, но вскоре логика текста и действия перевешивает несуразность ситуации, и теперь никто уже не слышит, что принц датский пищит, а нежная девушка говорит басом.

Нечто подобное происходило и со мной: я возился с компьютером, а там, у другого стола, выясняла отношения самая обычная земная пара, и Найт был Найтом, с его типично мужской заикливостью на ролевых обязательствах, на вечных «почему» и «зачем», на поисках смысла даже там, где смысла нет и быть не должно, а Трай была Трай, с ее типично женским безжалостным нежеланием объяснять то, что и так понятно – понятно ей, и наплевать на остальных дураков. Я слышал и видел в них тех, кем они были по ходу разыгрываемой драмы – разыгрываемой здесь и сейчас, а потому единственно важной, единственно реальной, единственно заслуживающей внимания. И пусть снаружи, за стенами моего дома эти двое работали в иных амплуа – кого волнуют спектакли, идущие в других театрах? Вот сцена, вот зал, вот актеры – смотрите, люди! Будьте реалистами!

– Ты можешь объяснить, что происходит?

– Я уже сто раз отвечала тебе на этот вопрос...

– Но это не ответ!

– Другого у меня нет.

Найт вскакивал и принимался, заламывая руки, расхаживать вокруг сидящей жены. Наконец он резко мотал головой, словно отказываясь поверить в происходящее, подкатывал отскочивший в сторону стул и снова приступал к беседе, больше напоминавшей допрос.

– Послушай, Трай. Ну послушай, прошу тебя...

– Я слушаю, – с выражением бесконечной усталости откликнулась она.

– Наверно, я что-то сделал неверно. Только скажи, я обещаю исправиться.

– Ты все делал верно.

– Но так же не может быть! – восклицал он. – Так не бывает, чтобы целый год всё было нормально и вдруг – раз! – обрушилось. Должна же быть какая-то причина! Причина есть у всего на свете, а у катастроф – в особенности. Ты согласна? Ну что ты молчишь?

Трай пожимала плечами.

– Ладно, согласна.

– Ну наконец-то хоть в чем-то ты согласна... – сардонически констатировал Найт и возвращался к первоначальному вопросу: – Тогда объясни.

– Я уже объясняла...

Этот бессмысленный цикл повторялся раз за разом, пока наконец Найт не взорвал его новым направлением разговора. К тому времени я уже разобрался с вирусом и празднично сидел у своего стола, ожидая, когда им надоест крутить свою заевшую пластинку.

– Хочешь, я расскажу тебе, в чем дело? Хочешь? – в голосе Найта звучали нотки едва сдерживаемого бешенства.

Трай слабо улыбнулась.

– Зачем? Я и так знаю.

– А вот затем... – он обернулся, как будто ища причину, и нагнулся взглядом на меня. – Чтобы все знали! Не только ты! Пусть и он тоже...

Она устало покачала головой.

– Ну зачем так... давай закончим это спокойно...

– Спокойно?! – почти прокричал Найт. – Тебе спокойно, а мне конец всего! Понимаешь?! Конец всего! Что ты молчишь?

Трай не отвечала.

– Видишь? – теперь Найт обращался ко мне. – Теперь ты видишь? Все дело в деньгах! Деньги, деньги, деньги! Повсюду одни только деньги!

– Что ты несешь... – выдохнула Трай. – Какие деньги?

– Ну да! – воскликнул Найт, воздев руки к потолку. – А что же еще? Да, не всем повезло прийти в Хайм богачами. Да, у меня нет ни капитала, ни талантов, ни ценной профессии. Но ты ведь знала это с самого начала! Я ничего не скрывал! Почему же теперь эти упреки?

– Какие упреки? – Трай изумленно подняла брови. – О чем ты? Разве я когда-нибудь...

Но Найт не слышал ничего в упоении своей горечью. Он снова подскочил к моему столу, призывая меня в свидетели.

– Видишь? Видишь? Вот они, женщины... все время о деньгах, о деньгах, о деньгах... Как будто это главное в жизни! Я тебе сейчас всё расскажу. Всё! Всё!.. – он запнулся и махнул рукой. – А вообще-то, и рассказывать нечего. Банальная история. Удивительно, что она каждый раз застает нас врасплох.

Найт умолк, уставившись мне в лицо. Его отчаянный взгляд молил, требовал от меня помощи, совета, ответа. Но что я мог ответить, чем помочь?

– Врасплох? – переспросил я, выигрывая время. – Кого это нас? Если говорить обо мне, то...

– Нас, мужчин! – перебил меня Найт.

Я едва не расхохотался. Положительно, когда игра заходит слишком далеко, ее перестаешь воспринимать серьезно.

– Ага, – проямлил я, прикрывая лицо рукой, – нас, мужчин...

– Ты приносишь в семью свое сердце, свои силы, свои мысли... – горько продолжал он. – Всю свою жизнь. А ведь она у тебя одна, другой нет и не будет. И вдруг тебе говорят: где деньги? Деньги!

– Хватит! – выкрикнула Трай, вскочив с места. – Всему есть предел! Немедленно прекрати эту бесстыдную ложь! Разве я когда-нибудь заговаривала с тобой о деньгах? Чего-чего, а денег нам всегда хватало.

– Вот! – обернувшись ко мне, торжествующе подхватил Найт. – Ты слышал? Она богата, понимаешь? Она богата, а я беден! И она никогда не упускает случая подчеркнуть этот факт. Стоит мне заикнуться о том, что какие-то вещи нам не по карману, как она тут же вытаскивает пачку хайлеров. Как будто не понимает, насколько унижительно выглядит подобная ситуация для мужчины, отца, главы семейства...

Трай быстро прошла вдоль по комнате и обратно. Обвинения Найта – обоснованные или нет – начисто выбили ее из неприступного окопа скорбного спокойствия, с которым она встречала все его прежние вопросы.

– Что за чушь... что за чушь... – теперь ее голос звучал раздраженно, под стать интонациям мужа. – Откуда ты вытащил эти idiotские фантазии? И почему ты все время говоришь обо мне в третьем лице? «Она»! Это, в конце концов, невежливо. Что я тебе сделала плохого? И еще: ты постоянно обращаешься к этому человеку. Кто он тебе? Кто он нам? Зачем он здесь?

Трай вдруг резко остановилась и поднесла руку ко рту, словно застигнутая внезапной мыслью.

– Он что... нет-нет... быть такого не может... или все-таки...

– Что все-таки? Чего не может быть? Ты можешь выражаться нормальными словами? Чтобы понял даже такой идиот, как я? – Найт почувствовал изменение в поведении жены и теперь напирал из всех сил.

– Он... что? – вопросительно повторила Трай, со страхом уставившись на меня. – Он и есть...

«Постум!..» – вдруг догадался я. Бедняжка решила, что я – Постум! Вернее, не совсем Постум, а его снаружи... но впрочем, какая разница? В самом деле, такое умозаключение выглядело совершенно логичным в ирреальном пространстве моей гостиной. Если импозантным мужем могла быть немая толстуха, а его несговорчивой женой – худощавый интеллигент, то отчего бы и мне не заделаться их пятилетним сыном?

– Что? – простонал по-прежнему не врубавшийся Найт. – Что есть? Кого есть? Ты меня уже съела со всеми потрохами...

– Она думает, что я – Постум, – мрачно сказал я. – Я! Я – Постум! Как тебе это нравится?

Найт выкатил глаза.

– Ты – Постум? – выдавил он, запинаясь. – Ты... серьезно?!

– Хватит! – заорал я. – Прекратите это сумасшествие! Слышите вы, оба! Никакой я не Постум, понятно?! Вам написать расписку? Поклясться на Библии? Что может вас убедить?

Найт перевел дыхание и подошел к жене.

– Это не Постум, успокойся, дорогая, – проговорил он, кладя руку ей на плечо. – Слышишь, Трай? Это не наш мальчик. С чего ты так решила?

– Не знаю... – она пожала плечами. – Вдруг подумалось. А кто это тогда? И что он тут делает, в твоём доме?

– Это так... никто... – Найт пренебрежительно махнул рукой. – Его зовут Программер.

– Программер? Как тот, что в Хайме?

– Ну да, примерно...

Он привлек ее к себе. Я смотрел на них, удивляясь самому себе: со стороны эта пара почему-то не выглядела комично, хотя по всем признакам я должен был бы сейчас покатываться со смеху. Низенькая толстуха – карикатура на мужа, успокаивающего нервную жену в карикатурном исполнении высокорослого мужика... Но они вели себя так естественно, так неподдельно, как не сыграли бы и самые лучшие актеры. Вообще-то, она была существенно ниже ростом, но эта разница куда-то исчезла, будто... черт!.. ну какое «будто» могло тут помочь? Мне пришлось ущипнуть себя за руку, чтобы прийти в чувство.

– Вот что, ребята, – сердито сказал я, подходя к ним и кладя на стол ноутбук. – Поваляли дурака, и хватит. Во-первых, этот дом пока еще принадлежит мне, а не... гм... господину Найту во всех его ипостасях. Во-вторых, мне кажется, что гости успели сильно надоесть хозяину. Вот ваш комп, госпожа Трай, забирайте и его, и своего муженька. Судя по вашему трогательному объятию, желанное единение произошло, и теперь вас тут ничего не задерживает. А потому...

Я постарался как можно выразительней указать на дверь. Во мне действительно теплилась робкая надежда, что инцидент исчерпан. Хотя с другой стороны... с другой стороны, подобная история не могла закончиться так просто.

– Он прав, дорогая, – ~~мало~~ проговорил Найт. – Мы... я не могу больше злоупотреблять... Он и так сделал для меня... для нас очень много. Давай уйдем. Мы могли бы поехать к тебе и продолжить этот разговор. А если наружные обстоятельства не позволяют, то... Думаю, моя снаружистка как-нибудь справится. Главное, что ты согласилась вернуться в Хайм. Ты ведь вернешься, правда? Трай?

– Я? Согласилась? – удивленно переспросила Трай, отстраняясь от мужа. – Что-то не помню такого.

Она открыла ноутбук и принялась бегло просматривать его содержимое.

– Уверю вас, там все в порядке, – поторопил ее я. – Извините, но у меня мало времени.

– Да-да, – Трай рассеянно кивнула и закрыла комп. – Спасибо, я, пожалуй, пойду. Вы уверены, что не хотите оплаты?

– Абсолютно, – заверил я. – Лучшей платой для меня станет ваш скорейший уход. Я имею в виду вас обоих.

Трай пожала плечами. К ней уже полностью вернулся прежний равнодушно отстраненный вид.

– Извините, но я отвечаю только за себя. Что касается вашего гостя...

– Нет, – перебил ее Найт, который так и остался стоять там, где она оставила его. – Ты не можешь меня бросить.

– Еще как могу, – усмехнулась Трай, запихивая ноутбук в сумку. – Тгу ме.

– Я умру без Постума.

Она снова пожала плечами:

– Скажи это ему. Я-то тут при чем?

– Ты знаешь при чем. Он не останется со мной без тебя.

– Слушай меня внимательно, Найт... – Трай застегнула пальто. – Я уже повторяла тебе десятки раз, этот – последний. Вы с Постумом должны научиться жить вдвоем. Я пыталась приучить вас к этой мысли постепенно. Не получилось. Возможно, в этом виновата я, возможно – вы. Но вопрос вины ничего не меняет. Я ухожу, точка. Мы больше не увидимся, Найт. Ни в Хайме, ни снаружи. Конечно, слышишь? Всё кончено. Прощай.

Она закинула ремень сумки на плечо и двинулась к двери. Найт дернулся было за ней, но на полпути передумал. Я и моргнуть не успел, как он уже стоял передо мной на коленях, судорожно цепляясь за штанины моих брюк.

– Пожалуйста! Пожалуйста, сделайте что-нибудь! Я вас очень прошу! Она ведь сейчас уйдет! Вы же видите, она уходит! Пожалуйста!

Тем временем Трай безуспешно дергала дверную ручку.

– Оставьте дверь в покое, – сказал я. – Она открывается только с пульта.

– Так откройте! – раздраженно выкрикнула она.

Я высвободил брюки и пошел к рабочему столу, чтобы набрать код. Найт, уткнувшись лицом в пол, полузадушено всхлипывал за моей спиной. Сейчас я выпущу ее, а потом вытолкаю его. Я положил руку на клавишу и обернулся.

– Подождите, – сказал я, сам не веря, что говорю это. – Я прошу вас подумать еще раз. Вам понятно, что вы убиваете этого человека?

– Откройте!

– Подождите. Я действительно Программер. Я не просто «как в Хайме», я – тот самый Программер из Хайма. Вы, наверно, слышали обо мне много легенд. Часть их вранье, но, в общем и целом, они правдивы. В Хайме я бог и царь. Мне доступно практически всё. Скажите, чего бы вам хотелось, и я сделаю. Деньги? Дворец? Землю? Яхту? Самолет? Эскадрилью самолетов и флот яхт? Назовите вашу цену. Только не бросайте его так, прошу вас.

Трай присвистнула. Она отошла от двери и теперь стоял, насмешливо разглядывая нас, – высокая худощавая мужчина интеллигентного вида.

– Золотая рыбка, а? – Трай покачала головой и грустно усмехнулся. – Вот уж не думал, что придется свидеться. А если захочу быть владычицей морской? Не боитесь?

Мы с Найтом молча смотрели на нее. Трай снова покачал головой.

– Заманчиво, заманчиво... – проговорила она, – Но беда в том, ваше золоторыбье величество, что есть вещи, неподвластные даже вам. Дело в том, что я умираю. Рак в последней стадии. Метастазы по всему телу. Мне осталось жить месяц от силы. Как видите, времени действительно немного. Так что будьте добры, откройте дверь, и поскорее.

11. НАЙТ

Лучше бы она промолчала, ушла без объяснений: это оставило бы хоть какую-то надежду, пусть минимальную. Я не почувствовал облегчения от того, что теперь поведение Трай стало понятным, – напротив, мое состояние было сродни отчаянию смертника, получившего сообщение о том, что отвергнута его последняя апелляция. Возможно, Трай ждала сочувствия: вряд ли она открыла нам свой секрет только для того, чтобы поторопить Программера, который медлил с отпиранием двери. Мне трудно трактовать иначе ее внезапную откровенность. Конечно, она хотела услышать слова симпатии и утешения; но я был тогда слишком поглощен собственным горем, чтобы сочувствовать кому-то другому.

Кто бы утешил меня самого... Жизнь кончилась; отсрочка на месяц ничего не меняла. Проклятые снаружи! Если бы не их наружные проблемы, болезни и смерти, мы жили бы вечно, не зная беды и несчастий! Причем проблема не ограничивалась гибелью Трай. Даже если бы на этот раз произошло чудо и ее снаружи выздоровел, продолжив таким образом мое общение с Постумом, нам всем так или иначе когда-нибудь пришел бы конец – не сейчас, так через год, два, пять, десять... Как я уже сказал, длительность отсрочки ничего не меняла! Удивительно, но по-настоящему я осознал это только теперь, когда отвлеченный принцип вдруг обрел осязаемую конкретность. Почему? Разве до этого мне не было известно о неминуемой смерти каждого из снаружистов? Каждого – в том числе и моей толстухи...

Я повернулся к ней, чтобы влить ей порцию горьких упреков – обычно после этого мне становилось легче. Повернулся – и оторопел. Ее не было! Вернее, она была, но не так, как раньше, в отдельном, четко отличимом от меня виде. Теперь я не мог избавиться от странного чувства, будто мы превратились в одно целое, неразделимое существо. Это и пугало, и радовало одновременно; я даже глянул в зеркальную дверцу аппаратного шкафа, едва ли не ожидая увидеть там высокого широкоплечего красавца – такого, каким я выглядел в Хайме. Увы, в стекле отражалось всё то же расплывшееся тело пожилой женщины, моей незадачливой снаружистки... почему же я ощущал его своим? Что за чертовщина?

Тем временем Трай, так и не дождавшись никакой реакции, вернулась к столу. По-моему, она наслаждалась произведенным эффектом.

– Ответьте уже что-нибудь, не молчите... Вы же такие красноречивые.

Мы с Программером по-прежнему молчали.

– А знаете, – задумчиво сказала Трай, – я ведь впервые произнес это вслух. Не потому что скрывал, а просто не с кем поговорить. Я ведь живу один. А с доктором в кабинете не побеседуешь. Там сплошной монолог, причем не твой. Театр одного актера, где ты – зритель. А сейчас вот... как-то легче стало.

– Может, что-то еще можно... – начал было Программер, но Трай сразу перебила:

– Нет-нет, не надо. Я же говорю, это такая стадия, на которой чудес не бывает.

Мы помолчали еще какое-то время, затем Трай хлопнула себя ладонями по коленкам и поднялась со стула.

– Вот и поговорили. Теперь откроете?

– погоди, Трай, – остановил ее я. – Я с тобой.

Не знаю, что это меня вдруг стукнуло. Не знаю даже, кто это произнес: я, моя снаружистка или наше новое совместное существо, гибрид, неведомая зверушка... Трай удивленно подняла брови:

– Найт, ты что, не понял? Я возвращаюсь умирать. К своей постели и своим ампулам. Я живу на морфии.

– Ты живешь одна. Тебе понадобится помощь.

– Что ж, – она улыбнулась какой-то неопределенной улыбкой. – Если тебя не пугает... не знаю, представляешь ли ты, какие картины тебе придется наблюдать...

– Ты моя жена, – напомнил я. – Мы расписались в хаймовской мэрии. Подожди, я только переоденусь.

Я бросился в соседнюю комнату, где в шкафу висела моя верхняя одежда. Что я делаю? Что я делаю? Понятия не имею, кто диктовал мне тогда мои слова и действия. И главное, кому диктовал? В голове не было ничего, даже тоски о Постуме; на секунду меня охнула мысль, что Программер может подумать, будто я, бездомный, пользуюсь возможностью отхватить жилплощадь у умирающей Трай, но я тут же отбросил ее, как чудовищно не соответствующую действительности. Я засовывал руки в куртку снаружистки и прислушивался к себе: что там, внутри? Страх? Нет. Отчаяние? Нет. Жалость?

Пожалуй, да – жалость. Но не обычная, обращенная к себе самому, а жалость к ней, к Трай, моей умирающей жене. Сначала едва заметная, она быстро росла, и мне пришлось до горла застегнуть молнию куртки, чтобы жалость не выплеснулась наружу. Я вернулся в гостиную. Они ждали меня в точности на тех же местах, где я оставил их. Помню, этот факт меня поразил: возможно ли оставаться в неподвижности так долго? – но, бросив взгляд на часы, я понял, что отсутствовал не больше полуминуты. Полуминуты! А мне казалось, что прошло по меньшей мере полчаса!

Трай встретила меня все той же неопределенной улыбкой и таким внимательным взглядом, словно видела впервые. Я и сам видел себя впервые.

– Пойдем, – я бережно взял ее под руку. – Прощай, Программер. Спасибо за всё. И извини за беспокойство.

– Так и уйдете? – с какой-то нерешительной интонацией проговорил наш хозяин. – Прямо сейчас?

– Ну да, – подтвердил я. – Сбылась твоя мечта. Открывай, бог и царь.

– Моя мечта? – повторил он. – Ну да... моя мечта.

Покачивая головой, Программер подошел к рабочей клавиатуре и стал набирать комбинацию замка.

– Пойдем, Трай, – сказал я. – Сейчас он откроет.

Она оперлась на мою руку. На мою сильную руку, руку Найта, рыцаря, мужа и защитника. Мы стояли у двери и ждали, когда она сдвинется.

– Не надо. Не уходите.

Мы обернулись. Программер смотрел на нас от своего стола с выражением решимости и смятения одновременно.

– Ну куда вы пойдете? Разве это решит проблему?

– Домой, – ответила Трай. – Мы идем домой. Откройте.

– Выслушайте меня еще минутку, – сказал он. – Пожалуйста. Всего одну минутку.

Я посмотрел на жену. Трай пожала плечами и кивнула. Программер прошелся по комнате. Он выглядел слегка смущенным.

– Вот что. Вы только не подумайте. Это не то, что прямо сейчас мне в голову стукнуло. Я эту идею давно разрабатываю. Даже уже изобразил кое-что. Вам про Хайм объяснять не надо. Хайм, он спать не ложится. Двадцать четыре часа в сутки, без перерывов. А снаружи? Снаружистам без сна никак. Получается, что каждый аккаунт простаивает как минимум треть суток. А если снаружист еще на службу ходит или там в школу, в колледж? В отпуск уехал, в командировку... тогда что? Короче, я посчитал: редко какой аккаунт набирает в среднем больше шести часов. Итого семьдесят пять процентов потерь! Минимум! Реально куда больше. А каждый потерянный час – это что? Это не съеденные обеды в ресторанах, не выпитые бокалы в барах, не просмотренные фильмы, не купленные участки, не построенные дома. Потери, потери, потери...

Мы с Трай снова переглянулись. К чему он ведет? Мне вдруг вспомнились десять процентов, которые Программер взимает с каждой сделки.

– Тебе что, денег мало?

Он удивленно поднял брови.

– Денег? Каких денег? А-а, денег... ну да, деньги тоже важны. Сначала я о них и думал. Не потому, что мало – денег хватает. Просто плоха та система, которая не стремится минимизировать потери. Тут дело в принципе. Но это только сначала. А потом я сообразил, что многим такие отлучки не нравятся. Да что многим – почти всем. Люди не хотят отлучаться из Хайма. Отлучаться от жизни. Вот кто-то с кем-то подружился, а потом снаружист ушел в отпуск. Будут его ждать там, в Хайме, пока он вернется? Бывает, что и не ждут, ищут кого-нибудь другого, кто не пропадает. Конец дружбе... – Программер выдержал значительную паузу. – Или взять такие случаи, как у вас. Как у Трай. Мои аккаунты могли бы жить вечно, если бы их снаружисты не...

Он прищелкнул пальцами. Глаза его светились безумным блеском.

– Я вам, кажется, ясно объяснила, – тихо сказала Трай. – Мой рак неизлечим.

– Да я не о раке! – с досадой воскликнул хозяин. – При чем тут рак? Понятно, что я не врач и не шаман. Снаружи я бессилен, так же, как и вы, как и все остальные снаружисты. Кто мы? Тыфу! Никто! Глина. Вчера вылепили, сегодня смяли. Зато в Хайме... Идите сюда...

Программер ухватил нас за локти и вытащил на середину комнаты.

– Садитесь! – скомандовал он. – Смотрите! Видите эти экраны? Здесь жизнь! Настоящая полноценная жизнь. Да вы и сами это знаете, пробовали... И тут, в Хайме, я бог и цари! Бог и цари!

Он перевел дыхание, присел перед нами на корточки и продолжил, переводя лихорадочно горящие глаза с Трай на меня и обратно:

– Короче, я подумал: а что если сделать программные клоны моих снаружистов? В конце концов, реакции людей довольно

предсказуемы. Конечно, у каждого есть своя манера, свои особенности поведения, но эти особенности повторяются. Их можно учесть. Можно набрать достаточно большой банк поведенческих реакций снаружи. Записать – что он любит, чего не любит, что и в каких случаях говорит, как реагирует. Учесть его образование, взгляды, предпочтения, его воспоминания, радостные и грустные. Мелодии, которые ему нравятся, книги, которые он читал. Люди, которых он любил и ненавидел...

Программер выставил вперед обе руки, как будто держал в них мяч... или даже не мяч, а живую пульсирующую сферу... Да нет, не сферу, вдруг догадался я, а мозг! Да-да, он смотрел на этот воображаемый предмет так, словно перед ним был живой человеческий мозг.

– И тогда, – торжественно прошептал Программер, – тогда, проведя грамотный анализ этой инфы, можно с большой степенью точности предсказать, что будет делать или говорить этот снаружи в той или иной ситуации. Особенно если речь идет о взаимоотношениях внутри небольшой группы. Например, о семье из трех человек. Понимаете? Аккаунт в Хайме будет вести себя так, будто им управляет снаружи, в то время как на самом деле им управляет программный клон! Такой снаружи может уехать хоть на месяц, хоть на год, и никто в Хайме ничего не заметит! Он может даже... гм... ну...

– Умереть? – тихо закончила Трай. – Чего уж там, договаривай.

Программер вызывающе фыркнул.

– Да, и умереть тоже! Ну так что? Он ведь умирает снаружи! Всего лишь снаружи! А в Хайме он, наоборот, продолжает жить на всю катушку! – он выпрямился во весь рост и вытянул вверх руки – наверно, чтобы казаться еще выше. – Вы понимаете, о чем идет речь? О бессмертии! Я хочу дать людям бессмертие! Вечную жизнь! Соображаете?

Со стороны мы, должно быть, представляли собой любопытную картину: красивая супружеская пара на вертких офисных стульях посреди большущей пустой гостиной, более смахивающей на танцевальный класс – и безумный танцор в стоптанных шлепанцах, вытянувшийся в струнку к одному лишь ему видимым высотам. В тишине слышалось только легкое жужжание вентиляторов аппаратной стойки.

– Секундочку, – сказал я. – Мне хотелось бы уточнить. Ты имеешь в виду, что можно запустить в Хайм точный клон моей жены? Клон, который будет жить и действовать вместо...

– Не «вместо»! – горячо перебил он. – И даже не «в точности как»! И даже не «клон»! Это практически на сто процентов будет она, Трай! Я просто перемещу ее в Хайм, целиком.

Трай покачала головой.

– Ага... практически на сто процентов... Зачем ты нам голову морочишь? Есть сто процентов и есть не сто процентов. А что такое «практически сто процентов»?

– Ерунда! – парировал Программер. – Ста процентов в природе не существует. Всегда есть примесь, даже в самом наичистейшем золоте. Практически сто процентов – это когда примесь настолько мала, что становится незаметной. Что тут непонятного?

Я вопросительно посмотрел на Трай – она молчала, глядя в сторону. Аргументы хозяина Хайма и в самом деле звучали довольно логично.

– Что ж, – нерешительно проговорил я, – недурно было бы убедиться в твоей правоте на деле. Хотя, как я понимаю, реально это еще не работает?

Программер с энтузиазмом прихлопнул в ладоши.

– Механизм программы практически... – он покосился на Трай и поправился: – ...почти готов. Я даже сделал несколько пробных клонов. Предлагал замену отъезжающим в отпуск – не напрямую, конечно, а через посредников. Один из таких клонов действовал целую неделю, и никто ничего не заметил. Единичные жалобы на странное поведение, не более того. Но это только первый этап. Понимаете, эта программа – самообучающаяся. Пока что она работает вслепую.

– Вслепую? – переспросил я. – Что значит вслепую? У тебя же миллионы клиентов. Океаны информации.

– Результирующей информации... – Программер вздохнул. – Внутри Хайма я вижу только результат решений снаружистов. А о мотивах этих решений программа может только догадываться. Вот если бы появилась возможность понаблюдать за процессом, что называется, изнутри...

– Что тут непонятного, Найт? – вдруг взорвалась Трай, схватив меня за руку. – Ему нужны подопытные кролики. Нужно, чтобы кто-то поиграл в Хайм прямо здесь, на лабораторном стенде его самообучающейся программы! – она резко повернулась к хозяину. – Электроды в мозг тоже вставлять придется? Током бить будешь? Или только лапки отрежешь?

Программер развел руками. Агрессивная реакция Трай явно обидела его.

– Зря вы так... – уныло проговорил он. – Разве я кого-то к чему-то принуждаю? Нет так нет. Найдутся другие добровольцы. А вам я просто хотел помочь, вот и всё. Да, мне нужна небольшая группа людей, за которыми я мог бы понаблюдать некоторое время. Хотя бы десяток дней. Сначала заполнить таблицы. Биография. Детство, образование, семья, работа, прочее. А потом просто игра в Хайм. Живые реакции наблюдаемого, эмоции, настроение. Ругань, похвальба, ассоциативный ряд... короче, весь набор информации. Компьютерный анализ, моделирование, поправки, снова анализ, снова моделирование, снова поправки... Работы еще немало, это точно. Но вживлять электроды – нет, не понадобится... – разве что датчики нацепить. Так что можете идти. Не стану задерживать. Легкой вам смерти.

Он опять развел руками и, шаркая шлепанцами, двинулся к своему рабочему столу. Я взял Трай за плечи и развернул к себе.

– За что ты на него напустилась? Он хочет только добра, это ведь очевидно. Трай, он хочет дать тебе шанс! Единственный шанс! Подумай, что ты теряешь?

Она резко высвободилась.

– Шанс, а? Да еще и единственный? Ну да... Может быть, для тебя! Ты, я вижу, готов на всё, лишь бы сохранить своего драгоценного Постума. Но при чем тут я, Найт? Я хочу умереть спокойно. В своей постели, а не в психиатрике у этого сумасшедшего. Нор-

мально, понимаешь, нормально! Имею право? У меня нет сил на это... на это... на это безобразии!

Послышался звоночек, входная дверь поползла в сторону, открывая вид на улицу. Снаружи стояла темнота; где-то в отдалении сквозь мокрую, не то снежную, не то дождевую взвесь светился сиротливый фонарь. Вечер или ночь? Я совсем потерял счет времени и потому не был уверен. Я не удерживал Трай; она в любой момент могла встать и уйти, но почему-то медлила. Почему-то? Думаю, я знал почему.

– Ты несправедлива, Трай, – сказал я. – Несправедлива ко мне и несправедлива к Программеру. Да, я хочу сохранить Постума, а он хочет провести свои опыты. Но нельзя же всё сводить только к нашим интересам. На самом деле, больше всех тут выигрываешь ты. Твоему телу осталось недолго – ну и черт с ним, с телом! Это всего лишь оболочка, разве не так? Тело только и знает, что болеть, страдать, потреблять жратву и выдавливать из себя всякую пакость. Посмотри: разве это тело – твое? А это – мое? Нет ведь, правда? Твое тело похоже на мужское, мое на женское, но реально-то все обстоит с точностью до наоборот! Тело – ложь! Да пусть оно сдохнет хоть тысячу раз; если при этом ты останешься жива, то и печалиться не о чем! Единственная беда в том и заключается, что никто и никогда не предлагал человеку такого выхода. Всегда было так: дохнет тело – умираешь и ты. И вот впервые такой шанс! Это ведь взаправду, Трай! Он предлагает взаправду! Неужели ты откажешься? Ну?

Она бросила на меня быстрый взгляд.

– Легко тебе говорить...

– Эй, ну что же вы?! – окликнул нас Программер от своего стола. – Я не могу держать дверь нараспашку. Вы уходите или как?

– Дурочка, – прошептал я ей на ухо, – он ведь предлагает нам бессмертие. Бессмертие! Люди мечтали об этом тысячелетиями. Они мечтали, а ты откажешься? И когда откажешься – всего за месяц до смерти! Ну не глупость ли? Трай! Трай, ты меня слышишь?

– Слышу, – глядя в пол, одними губами вымолвила она.

– Ну что там? – Программер явно терял терпение.

Я встал со стула и положил руку на плечо жены.

– Закрывай. Мы остаемся.

– Что?!

– Закрывай.

Дверь скользнула на место, снова отгородив нас от холода и хмари наружного мира. Трай по-прежнему сидела неподвижно, уставив взгляд вниз. Зато Программер не скрывал радости. Он плюхнулся на стул, затем вскочил, нервно потянулся и наконец забежал по комнате, оживленно жестикулируя. Слова сыпались из него и прыгали по полу, как бусинки порвавшегося ожерелья.

– Вот и чудесно! Вот и славно! Я так и знал, что вы передумаете. Это просто нелогично уходить в такой ситуации. Когда мы накануне такого прорыва. Мы сделаем это вместе. Все вместе. Разве это не здорово? Подумайте сами: стоять у порога такого дела, такой системы! Все человечество... столько веков... столько смертей... А теперь мы четверо... Всего четверо! Это ж только представить! Голова кругом...

– Стоп! – вдруг воскликнула Трай. – Прекрати эту беготню. Четверо? Какие четверо? Нас трое.

– Пока да, – с готовностью подтвердил Программер. – Пока трое. Но в первые несколько дней можно обойти и без него. А вот потом...

– Без кого? – перебил я. – Обойтись без кого?

Он недоуменно поднял брови.

– Как это «без кого»? Без Постума. Мне казалось, что я объяснил достаточно внятно: для точного анализа системы взаимоотношений требуется присутствие всей группы, в полном составе. В данном случае – всей вашей семьи. Муж, жена, ребенок. Вы ведь жили довольно замкнуто, не так ли? Без устойчивых внешних связей, без родственников, без друзей. Как раз то, что надо...

– Боже... – простонала Трай. – Теперь еще это...

– Но что это меняет? – повернулся ко мне хозяин Хайма. – Я и в самом деле не понимаю. Вы ведь уже согласились. Теперь к вам присоединится Постум, только и всего. В чем проблема?

– Да-да, конечно, – пробормотал я, осторожно поглаживая Трай по голове. – Просто как-то это... неожиданно...

– Но почему? – он, казалось, действительно искренне недоумевал, в чем именно заключается проблема. – Я поставлю компьютеры в трех разных комнатах. Вы будете общаться между собой, как обычно, и параллельно заполнять таблицы наблюдения. Обещаю, все будет элементарно просто. Никаких специальных усилий.

Трай подняла на него глаза.

– А Постум? Как ты заставишь его приехать сюда? Снова через вирус?

– Не совсем... – Программер смущенно кашлянул в кулак. – Я как раз собирался попросить. В общем, в этом деле я всецело полагаюсь на вас, госпожа Трай.

– На меня?

– Ну да... – он заговорщицки подмигнул. – Вы ведь не станете отрицать, что Постум чрезвычайно к вам привязан.

– Ну и что?

– Ну, как это... Объясните ему ситуацию. Он ведь пока еще не в курсе, правда? Вот и расскажите мальчику, что к чему. Чистую правду, без вранья. неизлечимая болезнь. Оставшийся вам месяц жизни. Последняя воля умирающей матери, бла-бла-бла. Пускай бросает всё и приезжает. Деньги на билет не проблема, вышлем, хоть первым классом. Вряд ли он сможет отказать. Я не прав?

– Он прав, Трай, – сказал я. – Постум не откажет.

12. ПОСТУМ

Мне всегда хорошо удавались детские фотографии. Это даже преподаватель фотшколы говорил. Зато совершенно не получались остальные обязательные сюжеты. Ни тебе уличных сценок, ни природных пейзажей, ни индустриальных мотивов. Даже кошки – уж на что выигрышный материал, а и то не выходили. А всё почему? Всё из-за тайминга. Без тайминга в фотографии никуда. Ты можешь и фрейм правильный найти, и с освещением угадать, и композицию верную выстроить – и все равно сфальшивить. Потому что нужно еще и нажать вовремя. Потому что у каждой картинки есть своя собственная диафрагма, которая открывается лишь на малую долю мгновения.

Скажем, ухмылка случайного прохожего длится в общей сложности четыре секунды. Сначала слегка дергается уголок рта, у глаз собираются смешливые складки и приподнимается правое ухо; затем губы начинают расползаться, приоткрывая блестящую слюной черноту, нос морщится, как у чихающего пса, сверкают во рту два передних зуба... – и так далее, еще много-много чего. И в этом утомительно длинном четырехсекундном процессе есть одна мгновенная высшая точка, пик, вершина – то, что, собственно говоря, и является сутью ухмылки. Не ее зарождением, развитием, угасанием, концом и отдаленным следом – а именно сутью. Вот эту-то долю секунды и должен поймать фотограф. Не поймал – грош цена такой фотке.

У меня это выходит только с детьми, причем самыми маленькими, дошкольными. До того момента, когда они уже соображают, что к чему, и вольно или невольно начинают позировать. Тут уже всё, пиши пропало. А вот малышей я как-то чувствую – не знаю как, просто чувствую – и всё. Знаю, когда нажать.

Наверно, потому-то меня и позвали на эту работу. Начиналось с детских садов и игровых площадок, а уже потом, когда кое-какая репутация появилась, пригласили в больницу. Помню свою первую беседу с тамошней начальницей социальной службы. Она долго ходила вокруг да около, так что мне поначалу казалось, что речь идет о простых заказных снимках. Но потом выяснилось, что имеется в виду нечто иное.

– Смотрите, – сказала начальница, – больница – это такое место, где нечасто фотографируются. Людей можно понять: редко кому хочется увековечить себя или своих близких в столь непрезентабельном виде.

– Понятное дело, – говорю, – поэтому даже странно, что вам понадобился фотограф.

– Ничего странного, – отвечает она. – У каждого правила есть свои исключения. Например, когда у человека больше не будет шанса сфотографироваться. Например, когда человек умирает.

– Так-то оно так, – говорю, – но я по старикам не работаю. У меня другая специализация, узкая, по маленьким детям. Вы меня по ошибке позвали. Если хотите, могу дать телефон другого фотографа, моего знакомого. Проверенный мастер. Такие надгробные портреты сделает – закачаешься.

А она улыбается: никакой, мол, ошибки.

– Во-первых, – говорит, – надгробьям качаться не положено, а во-вторых, на умирающих стариков тоже спроса никакого. В смысле – на их последние снимки. Уж больно плохо они выглядят на смертном одре. Так что для памятника родственники предпочитают взять какую-нибудь фотку помоложе да покрасивее.

Я, – говорит, – имею в виду ситуацию, когда от человека вообще ничего не осталось, ни одной карточки.

– Ну, так не бывает, – говорю. – В наше-то время, с айфонами и айпадами, да чтоб ни одной карточки... ни за что не поверю.

– Вот тут, – вздохнув, сказала начальница, – мы и подходим к цели нашей беседы. Детская смертность у нас пока еще не изжита, и тому есть свои объективные причины. Рожают недоношенных, рожают с пороками, рожают с генетическими отклонениями. Большая часть таких младенцев умирает еще в больнице. И у них,

как вы понимаете, нет ни истории, ни фоток, ни айфонов с айпадами. Нет даже имени. Они просто не успевают ничего этого нарабатывать. Свет увидели, подышали денек-другой, и всё, конечно. Бывает и меньше. Вот их-то и надо заснять. Сможете?

Смогу ли я? Что ж, с технической точки зрения проблем не было. Но меня несколько тревожила моральная сторона дела. Умирующие дети... это, знаете ли, тяжелое зрелище, не для всякого. Начальница выслушала мои сомнения и снова вздохнула.

– Смотрите, – сказала она. – Зрелище действительно нелегкое, врать не стану. До вас тут сидели несколько претендентов. Кто-то отказался сразу, кто-то – после первых... гм... впечатлений. Нужно видеть в этом призвание. Почувствуйте себя в некотором роде врачом. Врача ведь никто не спрашивает, насколько ему тяжело. Это его работа – спасать людей.

Кабинет был небольшим, но светлым, с огромным окном во всю стену, и за окном сиял майский полдень, в парке играли дети, крутили педалями велосипедисты, сидели на скамейках влюбленные парочки, и соседство всего этого с нашим разговором выглядело в принципе неуместным.

– Мы все умрем, и они тоже, – сказала начальница, проследив за моим взглядом. – От человека остается только память тех, кто его любил. А какая память может быть о таком маленьком существе? Только фотоснимок. Человек остается на фотокарточке и таким образом побеждает смерть. Думайте о том, что вы поможете людям побороть смерть. Вы ведь еще совсем молодая девушка. Сколько вам – двадцать?

– Двадцать три, – ответила я. – И я согласна.

Я работала в основном крупными планами. Ручки. Ножки. Личико. Животик. Люди склонны забывать детали, поэтому мне казалось, что важно запечатлеть именно их. Мне и в самом деле казалось, что я побеждаю смерть. Смерть детей, которые умирали в день своего рождения – в свой самый первый день. Крошечные недоношенные существа в пластиковых коробах-инкубаторах; младенцы с врожденными пороками сердца, с повреждениями мозга, с неизлечимыми генетическими болезнями...

«Мы все умрем, и они тоже», – сказала начальница в том разговоре, глядя на велосипедистов в парке. Да, умрем... но не так же быстро! То, что происходило с этими детьми, казалось изощренным издевательством смерти над жизнью. От них оставались лишь мои фотографии – точные, детальные, в нужных ракурсах и при тщательно подобранном освещении. Фотографии, на которых можно отчетливо различить, что ребенок еще спит, а не уже мертв. А значит, мои снимки и в самом деле помогали победить смерть. Я повторяла эту мантру до тех пор, пока она не проступила на моем лбу – надеюсь, только с внутренней его стороны.

Со временем я научилась концентрироваться на технической части дела – это помогало выжить мне самой. Наверно, врачи и медсестры этого отделения поступали так же, иначе трудно понять, как нормальный человек с нормальным сердцем и нормальными легкими может дышать воздухом, в котором почти не осталось кислорода из-за высочайшей концентрации непереносимого горя. Горе пребывало там повсюду; оно скрипело на линолеуме пола, плескалось в раковинах.

нах туалетов, стекало по выкрашенным веселенькой краской больничным стенам. Его нельзя было не заметить, но от него можно было отрешиться... или хотя бы попытаться сделать это, сосредоточившись на постановке света, выборе линзы и положении штатива.

Я пристрастилась к курению; дым сигарет в какой-то степени перебивал терпкий вкус смерти. К тому же в больнице запрещалось курить, и этот запрет странным образом еще больше увеличивал мою тягу к этой дурной привычке. Наверно, тем самым я выражала свой личный протест против заведенного порядка вещей – протест столь же слабый и заведомо обреченный на неудачу, как и жизнь новорожденных детей нашего отделения. Так или иначе, я время от времени высказывала покурить на задний двор, в тесный закуток между мусорными баками, аварийным генератором и рычащим компрессором кондиционера.

Там-то я и встретила эту женщину. Она сидела прямо на асфальте, прислонившись спиной к вибрирующей стенке компрессора. Из вежливости я тряхнула пачкой, предлагая составить мне компанию; она кивнула и протянула руку за сигаретой. Мы задымили; помню, я с облегчением подумала, что шум избавляет от необходимости говорить. Я вообще не люблю новых знакомств, особенно больничных. Женщина курила жадно, сжигая сигарету быстрыми глубокими затяжками и не сводя глаз с висящей на моем плече камеры. Потом она подняла взгляд на мое лицо и спросила: «Зачем?» Я угадала этот вопрос по движению губ, но предпочла сделать вид, что не расслышала: улыбнулась и показала сначала на компрессор, а потом на уши.

– Зачем? – прокричала она, указывая пальцем на фотоаппарат.

И тут я наконец вспомнила ее. Не далее как вчера меня послали фотографировать мальчика с врожденным заболеванием мозга. Начальница сказала, что следует поторопиться: ребенка отключили от системы жизнеобеспечения и он должен был умереть с минуты на минуту. Наверно, поэтому я и не узнала сейчас его матери: в такой спешке немудрено и не заметить второстепенных деталей. Все-таки моим главным объектом были тогда не родители, а умирающий мальчик – пока еще спящий, а не уже мертвый. Впрочем, к моменту нашего перекура на заднем дворе мальчик наверняка был «уже», а не «еще» и спать мог только на моих фотоснимках.

Об этом я и подумала – о моих снимках, побеждающих смерть. Я приготовилась прокричать об этом женщине, успокоить ее. Мне хотелось объяснить, что мальчик продолжит жить в памяти, ее памяти, на моих фотографиях. Но я не успела. Потому что закричала она.

– Зачем?! – кричала она. – Зачем рожать, если все равно смерть? Зачем?! Зачем?!

Ее крик едва пробивался сквозь шум компрессора. Даже я, стоявшая на расстоянии метра, с трудом могла различить ее слова – что уж говорить о Боге в недостижимой высоте небес? Что уж говорить о Боге, безнадежно далеко от нашего крошечного пятка, зажатого меж мусорными баками и аварийным генератором? Я попятилась... и попятилась снова... и снова... и снова... – пока не обрела способность бежать. Я бежала так быстро, как только могла – так, что лопалось сердце, – но пусть лучше так, думала я. Пусть оно лучше лопнет от бега, чем от того страшного крика, едва слышного в реве компрессора.

Я еще несколько дней ходила под впечатлением этой короткой встречи. В самом деле, думала я, зачем? Зачем так долго носить, страдать от токсикозов, блевать в унитаз, болеть, изнемогать от тяжести, от опухших ног, от разбухшей груди? Зачем тащить себя на дыбу родильного станка, на пытку разрывом промежности? Это ведь так больно, так страшно, так унижительно... – и вот эти неправдоподобно тяжкие страдания не окупаются ничем? Совсем-совсем ничем? Зачем рожать, если все равно смерть?

Ребенок этой женщины умер, не прожив и суток, но разве всё упирается только в срок? «Мы все умрем, – сказала начальница, – останется только память». То есть что: смысл заключается в памяти? Но память тоже умирает. В самом деле, кто помнит о миллиардах ушедших? Эти вопросы угнетали меня, мешали жить. Мешали день, два, три... но ответ я получила только через неделю, обнаружив, что история почти стерлась из моей памяти. Да-да, через неделю я вспомнила о памятном перекуре лишь к вечеру, покупая в киоске сигареты. Прошло всего ничего времени, но я уже не могла с уверенностью сказать, как она была одета, причесана... – да что там, я успела забыть ее лицо!

И, осознав это, я догадалась, что всё обстоит ровно наоборот: смысл заключается не в памяти, а в забвении. Мы рожаем, чтобы забыть. Мы рожаем, чтобы забыть факт своей собственной неминуемой смерти. Младенец дает нам иллюзию того, что после нас останется нечто живое – не совсем мы, а как бы кусочек нас. Ясно, что это обман, чушь: ведь ребенок – другой человек, а главное – он тоже смертен. Но люди изо всех сил стараются забыть об этом. «Это ненормально, когда внуки умирают раньше нас», – эти слова я услышала от деда умирающей новорожденной девочки. – «Так не должно быть».

Почему не должно? В нашей больнице это случается сплошь и рядом, по несколько раз на день. Наверно, потому, что смерть младенца разрушает иллюзию. Потому, что это отнимает забвение. Забвение, а не память. Кому тогда, спрашивается, сдались мои фотографии?

И действительно, почти никто не забирал их сразу после выписки, что вроде бы говорило в пользу истинности моих догадок. Однако через месяц-другой люди меняли свое мнение на прямо противоположное. Меняли практически все, без исключения. Понятия не имею, что заставляло их возвращаться в больницу за этими страшными сувенирами – кроме моих фоток, больница предлагала еще слепки с детских ручек и ножек. Возможно, наши клиенты принимали свой страх перед смертью за тоску по умершему ребенку? Так или иначе, фотографии пользовались спросом, а значит, рождались не зря – хотя, конечно, и не в таких муках, как человеческие дети.

Обычно я печатала десяток самых удачных снимков, а остальные шли в электронном виде на компакт-диске. Всё это заклеивалось в конверт и оставлялось в приемном офисе на специальной полке. Однажды, наводя там порядок после особенно нерадивой дежурной сестры, я обратила внимание на то, что один из конвертов, довольно потрепанный и со старым порядковым номером, вскрыт. Это уже рассердило меня по-настоящему. Одно дело устраивать балаган в моем хорошо организованном хозяйстве, и со-

всем другое – влезать в материалы личного, а потому конфиденциального характера. Я вынула фотографии и остолбенела.

Как выяснилось, я вовсе не забыла ту женщину у кондиционера. Память нельзя стереть, ее можно только похоронить, закопать, навалить на нее груды вранья, иллюзий, других впечатлений, другой памяти. Почему они так и не забрали снимки?

Час был неурочный, офис пустовал, и скучающая сестра милосердия при помощи пилочки искала предел совершенству своих и без того ухоженных ногтей. Бросив мимолетный взгляд на конверт, она отложила свой инструмент и увлеченно закивала, радуясь возможности потреть языком.

– Ужас, правда? Трудно поверить... бывает же такое! Доктор Брук говорит...

– Какое такое? – оборвала ее я. – О чем ты? И кто распечатал заказ? Сколько повторять – это строжайше запрещено!

Сестра всплеснула руками.

– Ты ничего не знаешь? Трудно поверить...

Я вздохнула и облокотилась на стойку.

– Рассказывай уже. Хватит тянуть.

Она легла грудью на стол и зашептала, немилосердно округлив глаза:

– Представляешь, им сказали, что ребенок умрет в течение получаса, максимум двух, а он еще жив! А уже месяц прошел! Или даже больше! Ничего себе, а? Трудно поверить...

– Да оставь ты свою веру, – снова перебила я. – Трудно, не трудно... Если трудно – не верь. Объясни мне хотя бы, что тут такого плохого? Ребенок ведь жив, радоваться надо. Нет?

– Ах, ты ничего не понимаешь, – отмахнулась она. – Не в ребенке дело.

– Не в ребенке? А в чем?

– В диагнозе! Знаешь, что за такие вещи бывает? Получается, что доктор Брук ошибся. И не просто ошибся. Сама подумай: сказать такое родителям, а потом выясняется, что вовсе и не так! Представь себя на их месте!

Я отрицательно покачала головой. Лучше не пробовать.

– Ну и что сейчас будет?

Сестра подвигала бровями, что, видимо, должно было отражать неопределенность ситуации.

– Неизвестно. Думают. Доктор Брук говорит, такое бывает, хотя и очень редко. Хотят пойти туда, поговорить с родителями. Психологический профиль составили. Потому и конверт твой открыли – на фотокарточки посмотреть. Но там вроде трудности с контактом. Они ведь даже не выписались – просто взяли девочку и сбежали. Представляешь? Трудно поверить... Но, может, и не придется извиняться. Доктор Брук говорит, что есть еще вариант...

Она многозначительно подняла глаза к потолку.

– Мальчика, – сказала я.

– Что?

– Взяли мальчика и сбежали, – повторила я и кашлянула, сталкивая назад в горло подкативший оттуда комок. – У них мальчик. Передай доктору Бруку мои соболезнования. Хотя лучше бы его нынешние надежды не оправдались.

– Ну, зачем ты так... – обиделась сестра. – Разве я... Ты что, решила... Трудно поверить... Да и вообще, если хочешь знать, тут совсем непонятно, что лучше. Его через трубочку кормят: не умеет ни сосать, ни глотать. Он овощ, этот ребенок, и таким останется. Если останется.

Мне стало стыдно: нашла на кого напускаться. При чем тут сестра? При чем тут доктор Брук? Разве есть их вина в заведенном порядке вещей? Разве они установили это проклятое правило, общее и для меня, и для ребенка, и для велосипедистов в парке? Я отнесла конверт на место и, вернувшись, погладила девушку по плечу.

– Извини, я не хотела. Сорвалось с языка, по глупости.

По глупости или не по глупости, но в течение нескольких следующих дней я могла думать только об этой истории. Ах, если бы проблема заключалась в том, что «трудно поверить» – по любимой присказке сестры приемного офиса! Мне-то казалось, что самая страшная опасность таилась как раз в легкости, с которой мы начинаем верить в лучшее, даже если оказываемся в самой безнадежной, гарантированно плохой и заведомо неисправимой ситуации.

Мне часто приходилось видеть людей сразу после того, как им сообщают... сообщают самое... самое ужасное... ну, в общем, понятно что. Они выглядят оглушенными – буквально. Реакции замедлены, растерянный взгляд, неловкие движения. Полное впечатление, что человек находится под действием анестезии. По сути, это и есть анестезия, милосердный дар внутренней сестры милосердия, которая полирует ногти за стойкой приемного офиса нашего сознания. Потом-то это чувство оглушенности малопомалу отходит, и появляется боль, но уже не острая, а тупая и мягкая. Она давит, мешает дышать и выжимает из сердца слезы, но не убивает по причине тупости своего наконечника.

Но всё обстоит совершенно иначе, если вдруг, откуда ни возмись, возникает надежда. Надежда, в которую веришь. Она немедленно включает фантазии. Ты начинаешь представлять себе всякие картины, строить планы, прикидывать, сопоставлять. Ты выходишь из оглушенного состояния, вылезает из этого мягкого защитного панциря. И когда смерть все же приходит, ты открыт настежь, живот наголо. И вот тогда-то она и втыкает в тебя нож по самую рукоятку. И, воткнув, принимается проворачивать его в ране, наматывая кишки. И вот это уже должна быть совсем другая боль. Совсем-совсем другая.

Меня приводила в дрожь мысль о том, что моей знакомой по перекуру предстоит именно такая пытка. Тогда, на заднем дворе, женщина выглядела вполне смирившейся со смертью – не зря ведь я решила, что мальчика уже нет. Она страдала, и страдала сильно, но в ее крике звучала обида – обида, а не надежда. Обида придает сил, мобилизует и отвлекает; надежда разоружает и лишает защиты. Лучше бы ее не было вовсе, этой розовой гадины. Но скорее всего, она таки поймала свою очередную жертву.

Им ведь сказали, что ребенок вот-вот умрет, а он все жил и жил. Прелестный мальчик; мои фотографии без всякой ретуши сгодились бы на обложку семейного глянцевого журнала. И родители подумали, что, наверно, врачи ошиблись в диагнозе. Это ведь случается, правда? Конечно, случается, сплошь и рядом. Ну, пусть ошиблись не на все сто процентов, потому что ребенок, что ни говори, во многом

реагировал неправильно: например, не мог самостоятельно есть. Но все же ошиблись, потому что факт: он продолжал дышать. Он жил!

Возможно, доктора Брука одолевали похожие мысли. А может, и нет; но, так или иначе, он обладал достаточно большим опытом разруливания подобных осложнений. Даже если допустить, что доктор нисколько не ошибся в диагнозе, как минимум частичная ответственность за нынешнее состояние дел лежала на нем лично. Решив так, я почувствовала облегчение. Примерно год тому назад меня по ошибке дернули в суд за проезд перекрестка на красный свет. Машина на снимке светофорной камеры была той же модели, что и моя, номер едва виден, и оправдаться не составило труда. И все же я прекрасно помню ощущение свободы, с которым вышла тогда от судьи. Виновата не я. Виноват кто-то другой, вот с него-то пускай и взыскивают... – совсем как теперь с этим доктором Бруком.

Очень кстати подоспел отпуск, я улетела отдыхать и вернулась только через две недели, успешно загасив волнами теплого моря тлеющие угли этой неприятной истории. Хотелось бы, чтобы я вообще выкинула ее из головы, но увы: как уже было сказано, мы никогда ничего не выкидываем – мы хороним. В мое отсутствие на полке в приемном офисе воцарилась возмутительная путаница, но я не торопилась восстанавливать порядок, под разными предлогами откладывая свою вероятную встречу с распечатанным конвертом. Думаю, я втайне надеялась, что клиенты заберут или уже забрали заказ. Все ведь в конце концов забирают – отчего бы и этим родителям не последовать общему правилу? Почему-то сам факт востребования снимков казался мне чем-то вроде жирной логической точки, или, точнее, свидетельством окончательного примирения людей со случившимся несчастьем, отказом от напрасного бунта, от безответного вопля «зачем?!», едва слышного меж мусорных баков и рычащих компрессоров бытия.

Возможно, мне еще долго удавалось бы увильнуть и от конверта, и от себя, если бы не дежурная сестра милосердия – та самая, которая так заботилась о ногтях и о докторе Бруке.

– Кстати, ты слышала? – спросила она, не поднимая головы от разметки журнала посещений.

Я в этот момент уже оставила на краешке стола текущие заказы и торопливой тенью выскальзывала из офиса. Вопрос сестры сбил меня влет, как утку над озером. В принципе он мог относиться к чему угодно, но я точно знала, что речь пойдет именно об этом.

– О чем? – отозвалась я из дверного проема.

– Ну, об этой истории с якобы неправильным диагнозом доктора Брука...

Сестра приладила линейку и лихо отчеркнула столбец. Я молча ждала продолжения. Впрочем, по слову «якобы» уже можно было предположить, что доктору не пришлось извиняться.

– Короче, всё уладилось, – закончила дежурная. – Неделю назад.

– Ты имеешь в виду, мальчик умер? – на всякий случай уточнила я.

– Конечно... – сестра отчеркнула еще один столбец. – С таким диагнозом не живут. Трудно поверить, что...

– Они забрали снимки? – перебила я.

– Вроде нет... посмотри сама. И слушай: там на полке такой балаган, ничего не найти.

Конверт был на месте. А значит, и история далека от завершения. Напротив, она вернулась ко мне во всей своей прежней силе. Не знаю почему, но я не могла избавиться от чувства, будто снова стою перед судом и должна оправдываться в том, чего не совершила... или совершила? Только на этот раз разбирается не проезд перекрестка, а что-то куда более важное, типа жизни и смерти. Ну в чем, в чем могла заключаться моя персональная вина? Уж во всяком случае – не в гибели новорожденного... Неужели я несла ответственность за свое тогдашнее бегство?

Отчаявшись найти ответ, я успокоила себя тем, что со временем пройдет и это обострение моей странной болезни. Нужно только немного подождать, и всё забудется. Наверно, так бы оно и случилось, но тут мне пришла в голову странная идея. К тому моменту я уже была знакома с Хаймом – об этой интернетовской системе мне рассказали в социальной службе нашей больницы. Там ее считали ролевой игрой, причем оценивали по-разному: кто-то объявлял принципиально вредной, кто-то призывал опробовать в качестве экспериментальной модели для психологической реабилитации особо трудных случаев.

Пыталась ли я заменить собою профессионала-психолога? Нет, не думаю. Я не имела никакого четкого плана – скорее действовала по наитию. Родители мальчика сбежали из больницы и даже теперь, почти два месяца спустя, не спешили забирать заказ – следовательно, чтобы приблизиться к ним, мне самой требовалось проявить инициативу. Хайм, таким образом, был способом сближения с этой женщиной, не более того. Я выудила из больничного компьютера ее данные, включая интернетовский адрес, и послала туда сообщение об открытии хаймовского аккаунта на имя Трай. Трай, попытка. Ее попытка отвлечься от тяжелой реальности. Моя попытка избавиться от чересчур назойливого наваждения.

К моему удивлению, она приняла игру: почти сразу вошла в систему и стала понемногу знакомиться с обстановкой, общаться с другими... – причем общаться нормально, вовсе не так, как следовало бы ожидать от человека, сломленного невыносимым горем! Следующий мой шаг напрашивался сам собой. В реальности Трай потеряла ребенка; Хайм мог компенсировать ей эту потерю хотя бы на уровне интернетовской игры. Так я стала Постумом, веселым и полным жизни пятилетним мальчуганом. Я вернула ей сына!

Нельзя сказать, что это было дешевым развлечением. В Хайме за очаровательную мордашку приходится платить; можно сказать, что Постум влетел мне в копеечку. Зато я подвела его к Трай во всеоружии самых победительных улыбок. Такому мальчику было просто невозможно отказать. Тем не менее Трай не сразу дала ответ, когда Постум с ходу предложил ей стать его мамой. Глядя на ее стандартное лицо, застывшее на экране монитора, я могла только предполагать, какая буря чувств одолевает реальную женщину по ту сторону интернета.

– Это очень неожиданно, – сказала она наконец. – Я хотела бы, чтоб ты дал мне время обдумать твоё предложение.

Я немедленно сообщила физиономии Постума выражение разочарования и испуга.

– Обдумать? – обиженно проговорил мой мальчуган. – Но с кем буду всё это время я? Мне так страшно одному... Почему ты не хочешь быть моей мамой? Наверно, я плохой, да?

Разве материнское сердце могло выдержать такую сокрушительную атаку? Трай согласилась на месте. И все же я постоянно чувствовала в ее поведении некую двойственность. С одной стороны, она продолжала относиться к своему участию в Хайме как к чему-то совершенно случайному, проходному; так в супермаркете берут с полки баночку специй – берут ни с того ни с сего, без определенных намерений, для того лишь, чтобы повертеть в руках и поставить обратно. С другой, Трай ощущала себя связанной неожиданно-негаданно свалившимся на нее материнством. Я стопроцентно уверена, что, не будь Постума, она ушла бы из Хайма довольно быстро. Но как бросить на произвол судьбы одинокого мальчика, который невесть зачем и почему избрал именно ее из толпы стандартных хаймовских персонажей?

Поначалу Трай явно предполагала, что речь идет о чьей-то необъяснимой блажи, которая вот-вот иссякнет и освободит ее от неожиданных обязательств. Думаю, что именно поэтому она не вложила ни единого хайлера в развитие собственного образа. Ее мимика, жестикуляция и арсенал интонаций оставались в рамках того бесплатного набора, который вручался всем и каждому в момент начальной регистрации в системе. Наверно, тем самым она словно говорила Постуму: «Смотри, мальчик, я ничем не заслуживаю твоего внимания. Я такая, как все, стандарт из стандартов. Не лучше ли тебе подыскать маму поинтересней?»

Зато во всем том, что касалось области ее родительской ответственности, Трай проявляла поразительную щедрость. Мы поселились в прекрасном доме, купленном на ее деньги. Постум не нуждался ни в чем: по первому же слову ему предоставлялись любые игры и развлечения. Не было в Хайме луна-парка, который мы бы не посетили, курорта, на который бы не съездили.

Жилось ли мне от этого легче? Я имею в виду не «мне, Постуму», – тот-то был совершенно счастлив, а «мне, больничному фотографу, побеждающему смерть»? Думаю, да. В определенном смысле это и была победа над смертью, хотя и одержанная мною в Хайме, а не при помощи предсмертных фотографий. Кстати, о фотографиях – если что и мешало мне в этой истории, так это их продолжающееся сиротство на полке приемного офиса. Никто так и не пришел забрать их, и каждый раз, наводя там порядок, я испытывала неприятное чувство при виде потрепанного и распечатанного конверта. Со временем он стал восприниматься как досадная помеха, а потому однажды, сняв конверт с полки, я уже не вернула его назад, а забрала с собой и в тот же день отправила по домашнему адресу, взятому из больничного дела.

Действие это было неофициальным: в больнице подобные отсылки не практиковались, ибо считались недопустимым вмешательством в сугубо личное дело клиента. Ведь если кто-то отказывался забрать снимки, то, наверно, имел на то достаточно веские причины. Но я уже не могла видеть этот чертов конверт, просто не могла.

Письмо вернулось по моему домашнему адресу, который я указала в качестве обратного. К конверту была пришпилена записка из агентства по торговле недвижимостью: «Адресат выбыл». Тут уже

любой нормальный человек открыл бы мусорное ведро и... Но я физически не могла выбросить эти фотографии. Не могла видеть и не могла выбросить. Я позвонила в агентство. Трубку сняла секретарша; выслушав мой вопрос, она пошуршала бумагами и перевела меня дальше к бархатному солидному голосу.

– Да-да, я помню этот дом, – сказал голос. – Там новые хозяева. Вам непременно нужно его найти? Не вам одной...

– Кого найти? – оторопела я. – Мне всего-навсего нужен новый адрес.

– Гм... – замялся голос. – В том-то и дело, что мы не знаем его нового адреса.

– Кого «его»? – рассердилась я. – Что вы мне все время толкуете про какого-то «его»? Меня интересует новый адрес семьи. Семьи, а не «его»!

– Вы что, не знаете? – спросил голос после долгой паузы. – Бывший хозяин остался один. Быстро продал дом и уехал. Первому же покупателю, не торгуясь. И адреса не оставил. Мы, собственно, тоже хотели бы его найти. Он недополучил...

– Погодите, – перебила я. – Что значит «остался один»? А жена?

– Самоубийство, – тихо ответил голос. – Сразу после смерти ребенка. В тот же день. Впрочем, об этом не писали в газетах. Такие вещи, знаете ли, не афишируются. Неудивительно, что вы пропустили...

Он говорил еще что-то, но я уже не слушала. Голова вдруг словно наполнилась густой непролазной ватой, в которой вяло барахталась, не находя ни опоры, ни выхода, всего одна мысль, один вопрос: «Как же так?»

Как же так? Как же так? Механически переставляя ноги, я направилась к раковине, налила воды, отпила несколько глотков. Как же так? С кем же тогда я, Постум, общаюсь в Хайме? И кто она на самом деле, моя мама? И действительно, как я могла пропустить такое событие, как ее самоубийство? Ладно, не попало в газетные новости, но все же как-то должно было дойти... Ах да, я ведь уезжала в отпуск – наверно, тогда это и случилось. Да-да, конечно, именно тогда, ведь сестра рассказала мне о смерти ребенка как раз после отпуска. Но почему, почему она ни словом не упомянула о самоубийстве матери? Впрочем, и это понятно: больницу интересует только ребенок, он и попал в сводку. Родился тогда-то, диагноз такой-то, умер тогда-то, дело закрыто. А судьба родителей – в компетенции других организаций.

Я вернулась к столу и покрутила в руках конверт. Адресат выбыл. Выбыл в никуда. Теперь я могу со спокойным сердцем выбросить фотографии. А диск? В принципе, файлы можно отправить по адресу электронной почты – тому же самому, по которому я послала уведомление о регистрации Трай. Вот только зачем? Чтобы оказать новую услугу этому наглому самозванцу? Кто он? Скорее всего, ее муж. Да, наверно, муж.

До этого, говоря о родителях мальчика, я всегда имела в виду исключительно мать; отец ребенка был совершенно незначим, неразличим на фоне картины того памятного перекура. Зато теперь его образ разрастался с каждой минутой, становился тем явственней, чем больше я размышляла о нем. Существовал лишь

один способ остановить этот процесс: запретить себе думать. Но я не могла, как ни старалась.

Сначала я сердилась на него за обман. Но это продолжалось недолго: потом до меня, наконец, дошло, что мое собственное рыльце тоже в пушку, и уж кому-кому, но не мне, оператору Постума, обвинять в самозванстве оператора Трай. Черт возьми, уж он-то точно был куда ближе к своей покойной жене, чем я к их покойному сыну!

Осознав это, я сменила гнев на жалость. Как-никак человек потерял в жизни всё: и жену, и сына, и дом, и работу, и, судя по отсутствию сведений о новом адресе, все свои связи с прежним окружением... – то есть буквально всё, кроме самой жизни. Мое нестираемое воспоминание о женщине, зажатой на заднем дворе меж мусорным баком и компрессором, никуда не делось с ее смертью: теперь оно перетекло в новое вместилище, стало частью еще большей глыбы еще большего горя.

А потом я подумала еще вот о чем. Зарегистрировав в Хайме аккаунт под именем Трай, я предполагала вернуть матери ее умершего сына. Но получилось так, что тем самым я воскресила ее саму! Теперь у меня кружилась голова при мысли о том, с каким чувством этот неизвестный мне человек, едва схоронив сына и жену, должен был входить в Хайм под ее именем, жить там за нее, а затем еще и встретить мальчика, избравшего ее... – его... – ее... – своей матерью!

Вольно или невольно я способствовала созданию новой реальности, намного более значимой и существенной, чем намечалось сначала. Ведь, обращаясь к Хайму, я прежде всего хотела избавиться от чересчур назойливого наваждения, от темы, которая занимала слишком большое место в моей жизни. Но что получилось в итоге? В итоге наваждение выросло настолько, что захватило все мое существо. Парадоксальным образом самоубийство той женщины не только не уничтожило ее присутствия в моем мире, но словно удесятирило его. А может, в этом и не было никакого парадокса: ведь теперь она могла дышать только там, в Хайме, в образе Трай, что реально означало ее полную зависимость от меня.

Теперь я знала: каждый мой вход в систему продлевает жизнь по меньшей мере четверым – мальчику, женщине, ее мужу и мне. Да-да, я не смогла бы вынести, если бы они погибли по моей небрежности. А иногда мне казалось, что спасенных намного, намного больше, что маленький, веселый и удивительно живой Постум олицетворяет собой те несколько десятков новорожденных детей, память о которых хранили до того лишь мои фотографии и слепки крошечных ножек на каминных полках. Что станет с ними со всеми, если я опоздаю вовремя войти в Хайм? Если пропущу хотя бы один день? Если со мной, не дай Бог, что-то случится?

Я проводила в системе почти все свое свободное время и вскоре уже с трудом различала, где я, а где Постум. В больнице мне приходилось помалкивать, чтобы ненароком не заговорить фразами пятилетнего мальчика. К счастью, моя профессия не предполагает разговорчивости, вполне хватает дюжины слов: «Пожалуйста, встаньте там, присядьте, повернитесь, вот так, спасибо...», так что если я и выдавал себя, то не слишком сильно.

Мы жили с мамой душа в душу, я ничуть не преувеличиваю. Душа в душу, пока она вдруг не заявила, что мне нужен отец. Услышав это, я был не на шутку обижен и раздосадован. Зачем нам понадобился кто-то третий? Сначала я пробовал отговорить ее всеми доступными пятилетнему ребенку средствами. Вообще говоря, их немало, но не в случае Постума и Трай. Что поделаешь, в тот момент она уже была существенно нужнее мне, чем я – ей, а потому всегда имела принципиальную возможность пожать плечами и предложить мне поискать другую, более подходящую мать. А это означало одно: Трай могла победить меня в любом споре.

Она довольно быстро перешла от слов к делу: принялась рыться в разделе объявлений хаймовских газет, звонить потенциальным претендентам и даже ходить на свидания. Последние проходили с моим неременным участием – Трай настаивала на этом особо, говоря, что отец должен понравиться прежде всего мне. Поняв, что сопротивление бесполезно, я смирился и стал принимать более активное участие в поисках. Когда ущерб кажется неминуемым, следует хотя бы позаботиться о его минимизации.

В конце концов, говорил я себе, нельзя быть таким эгоистом, даже в несознательном пятилетнем возрасте. Мама имеет право на свою личную жизнь. Как и любой женщине, ей хочется время от времени потанцевать в хорошем ночном клубе, пофлиртовать, влюбиться. Вряд ли ее сильно интересуют детские мюзиклы, на которые она таскает меня каждую неделю. Наверняка она с удовольствием сходила бы в настоящий театр, на модное шоу, на концерт... С другой стороны, разве для этого обязательно высказывать замуж? Я был бы только рад, если бы у Трай появился красивый любящий спутник... – но отец, глава семьи? Зачем мне отец?

Кроме того, я никогда не замечал за Трай склонности к вышеупомянутым взрослым развлечениям – ни к театрам, ни к концертам, ни к ночным клубам. Иногда создавалось впечатление, что она приходит в Хайм только для того, чтобы исполнять свои родительские обязанности. Трай посвящала мне все свое время, а потому трудно было понять, зачем ей вдруг понадобился помощник. Я решительно не знал, что и подумать. Может быть, подошли к концу деньги? Может, бывший муж и нынешний наружный оператор моей матери устал исполнять роль своей покойной жены? А может, он, подобно мне, представителю всех погибших детей, видит в нашей неполной компании воплощение всех несчастных, разрушенных, раздавленных несчастьем семей и потому хочет любой ценой восстановить идеальный треугольник «мать-ребенок-отец»?

Так или иначе, Трай не отступала от своего намерения, невзирая на неудачи – а неудач было много. Как выяснилось, авторы объявлений искали, прежде всего, партнершу для совместных развлечений. Они испытывали разочарование уже в первый момент знакомства, едва завидев Трай с ее стандартной неухоженной внешностью. В дальнейшем это чувство лишь возрастало по мере того, как моя мать демонстрировала полнейшее равнодушие ко всему, что не было бы напрямую связано со мной и моими интересами. Отказ следовал за отказом, и во мне уже затеплилась надежда, что мамина затея сорвется по причине отсутствия желающих.

Но именно в этот момент и произошло непредвиденное: отчаявшись реагировать на чужие объявления, Трай решила разместить в газете свое собственное. И – о чудо! – нам подошел первый же откликнувшийся претендент. Его звали Найт. Обычно людей сближает общность интересов; но Найта и Трай свела как раз общность не-интересов – оба одинаково скучали там, где развлекались другие. Театры, курорты, концерты, клубы, рестораны... – им было положительно наплевать на эту важнейшую для подавляющего большинства людей сторону жизни. Собственно говоря, друг дружку они тоже не слишком интересовали: Найт сразу дал понять, что в нашем семейном союзе главную роль для него будет играть ребенок, то есть я, Постум. По-моему, это совершенно устроило Трай – именно такого мужа она и искала.

Треугольник считается крепкой фигурой; то же можно было бы сказать и о нашей семье – то же, если бы не одно слабое звено. Найта прочно удерживал в Хайме я, Постум. Меня удерживала она, Трай. Но сама Трай... – у нее не было никакой реальной точки опоры, оси, крепежа. По сути, она так и не вышла из демонстративно временного статуса, который приняла на себя в день, когда я навязал ей обязанности матери. Казалось, Трай может в любую минуту развернуться и уйти, и ничто – ничто! – ее не остановит, особенно теперь, с появлением Найта. Да, ребенок... да, ответственность... но одно лишь чувство ответственности – шаткий фундамент.

Я опасался этой катастрофы всегда и, возможно, поэтому невольнительно поздно распознал ее приход. Я забил тревогу лишь тогда, когда Трай уже начала сокращать свое пребывание в Хайме. Когда уже ничего нельзя было сделать. Но можно ли было сделать что-либо когда-либо раньше? Не знаю, не уверен. Хотя ради нее я сделал бы все что угодно. Все, что угодно. Ведь без нее слишком многое теряет свой смысл, и остается только смерть, голая смерть, и выцветающие фотки, и слепки маленьких ног на каминной полке.

13. ТРАЙ

Я ничуть не сомневалась, что Постум прибежит по первому же моему зову: мальчишка слишком любил меня, чтобы отказаться от такого приглашения. Но Программер придерживался иного мнения. Он моментально залез в домашний компьютер оператора-снаружиста Постума, который оказался ни много ни мало девицей двадцати четырех лет. Она сразу показалась мне смутно знакомой, а потом, когда Программер докопался до места ее работы, ситуация и вовсе прояснилась. Девушка-фотограф из больницы... – теперь я вспомнил и ее, и белый экран, и наше тогдашнее позирование.

Сначала я даже подумал, что сама идея виртуального хаймовского сыновства может исходить от социальных больничных служб, но потом отказался от этой мысли. В упорстве, с которым Постум настаивал на продолжении наших отношений, чувствовался несомненный личный интерес. Черт его знает, в чем именно он заключался, да и какая разница? Мне было уже совсем не до разгадывания загадок: боли усиливались, а впереди маячили совсем безрадостные перспективы. Однако сам факт наличия общей пре-

дыстории и особых связей казался мне достаточным основанием для уверенности в благоприятной реакции Постума. Мне, но не Программеру.

– Ты можешь ошибаться, – говорил он. – Человек из Хайма и его снаружист – не одно и то же. Иногда они даже враждуют или просто недолюбливают друг друга. Спроси хоть у Найта.

– Тоже мне, нашел пример! – возмущенно отзывался мой муж. – Ты ведь прекрасно знаешь, что мы уже давно одно целое. И я со своей бывшей снаружисткой, и Трай со своей. Вернее, со своим. Я прав?

– Абсолютно, – подтверждала я.

Мы с Найтом очень сблизились в последнее время. Очень.

– Вы двое – особый случай, – возражал Программер, упрямо покачивая головой. – У вас так сложилось. В принципе, вы опередили время. Если всё пойдет так, как мы задумали, люди в будущем полностью сольются со своими снаружистами. Но это в будущем, а пока что вы – исключение. Кто его знает, чего ждать от этой девчонки? У молодых свои заскоки, гормоны, иллюзии. Особенно иллюзии: их в таком возрасте намного больше, чем опыта.

– Помнится, кто-то говорил о том, что всегда можно вынудить снаружиста приехать... – пожимал плечами Найт. – Отчего бы тебе не пустить в ход твои знаменитые вирусы и прочие хакерские штучки?

Программер снова качал головой:

– Молодых этим не очень-то возьмешь. Им обычно терять нечего. Что прикажете делать, если снаружистка Постума вдруг возьмет ноги в руки да и уедет неведомо куда? А?.. Ага, молчите...

Нам и в самом деле нечего было возразить. Программер не хотел рисковать: похоже, успех этого проекта значил для него не меньше, чем для нас с Найтом. По его плану, на первых порах мы должны были вернуться в Хайм и вести себя в точности как прежде, будто ничего не случилось. Если Постум потребует, чтобы я объяснила ему свое длительное отсутствие, придется наплести что-нибудь о проблемах со здоровьем моей снаружистки. Мол, понадобилось длительное лечение, теперь оно закончилось, и все пойдет по-старому.

Предполагалось, что затем мы втроем будем просто жить в Хайме, стараясь делать это как можно естественней – так, чтобы Постум не заметил никаких перемен в нашем поведении. И лишь через неделю-другую, когда Программер наберет достаточно информации, мы введем мальчика в курс дела и попросим его приехать, дабы завершить процесс. Если он согласится, то еще несколько дней работы позволят ввести в систему точные клоны наших снаружистов. Если откажется – что ж, тогда придется удовольствоваться не совсем полным массивом данных.

По словам Программера, на все про все должно было уйти не больше трех недель. Нужно отдать ему должное – этот парень умел работать. Не прошло и двух дней, как в дом доставили оборудование; хозяин смонтировал его сам, используя нас с Найтом лишь на подхвате. Лаборатория включала три отдельных рабочих места, расположенных в разных комнатах, – для меня, Найта и Постума, если приедет. Наши кресла были опутаны паутиной про-

водов со множеством датчиков; каждое утро Программер возился по меньшей мере четверть часа только для того, чтобы усадить нас за работу. Сначала это мешало, потом как-то забылось.

Мы вернулись в Хайм. Как и следовало ожидать, в первые дни Постум держался настороженно. Думаю, он сразу заметил, что Найт стал мне намного ближе, хотя мы честно пытались это скрыть. Но разве такое скроешь? Тем не менее мальчик не задавал вопросов. Возможно, он решил, что Найту каким-то образом удалось найти меня снаружи, вне Хайма, и очаровать своими уговорами. Что ж, это было недалеко от истины, и к тому же объясняло не только мое внезапное возвращение, но и новую симпатию, столь неожиданно возникшую между нами.

Честно говоря, я и сама не слишком понимала, откуда она взялась. Я и Найт... между нами изначально не было ничего общего. Он хотел ребенка, я искала отца для Постума; иными словами, наш негласный договор вообще не содержал такого понятия, как супружеское партнерство. Скажу больше: временами мы едва терпели друг друга. Найт наверняка то и дело спрашивал себя, какого черта я таскаюсь за ними на все эти дурацкие аттракционы. А я, в свою очередь, мечтала о том счастливом моменте, когда наконец почувствую, что мальчик согласен обходиться без моего присутствия.

И вот – вдруг, ни с того ни с сего... Нет, внешне всё обстояло по-прежнему: с утра мы разъезжали по пляжам, зоопаркам и диснейлендам, а вечерами усаживались вокруг какой-нибудь настольной игры или смотрели семейные фильмы по телевизору. Но при этом я постоянно ощущала исходящее от Найта... даже не знаю, как это определить... – давление?... тепло?... заботу?... Это чувство совсем не мешало мне, напротив. Оно трепыхалось во мне, как бестолковый птенец, выпавший из гнезда на лесную полянку: одновременно и мило, и забавно, и тревожно. Я помнила его по своей прежней жизни, с другими людьми, в других обстоятельствах. Я твердо знала, что птенец не жилец, что лес полон врагов, всегда готовых разинуть клыкастую пасть на его теплое мягкое существо, что вот-вот из-за кустов выскочит что-нибудь огромное и страшное, а потому...

Но тут Найт оборачивался ко мне с каким-либо вопросом, или предложением, или просто улыбкой – если бы улыбки были оружием, то его арсенал сделал бы честь крупнейшей армии мира, – и моя тревога рассеивалась, полянка расширялась до краев горизонта, а птенец принимался распевать самые что ни на есть весенние песни. И мне хотелось ответить ему такой же улыбкой, что, конечно же, было принципиально невозможно при моем минимальном мимическом наборе. И я говорила себе: ты в Хайме, девушка, успокойся. В здешних лесах не водятся хищники, а значит, нет оснований и для тревоги.

Когда я стала узнавать у Найта, где лучше всего заказывать мимику, Постум чуть не упал со стула – настолько это было не характерно для меня прежней.

– Тебя что-то расстроило, мальчик? – спросила его я самым невинным тоном.

– Нет, что ты! – заверил меня Постум. – Я очень рад, что ты все-таки задумалась об этом. Просто немного удивительно...

– Плохи те родители, которые уже ничем не могут удивить своих детей, – отшутилась я. – Правда, Найт?

– Конечно, милая, – отвечал он, и от одного лишь звучания этого слова мой птенец привставал на цыпочки и принимался, как сумасшедший, трещать своими куцыми крыльями. – Мы наделаем тебе столько улыбок, сколько нет ни у кого во всей этой Вселенной. Нет в мире другого лица, которому они подошли бы больше...

Если бы только не боли... Боли мучили меня теперь днем и ночью. Программер достал ампулы морфия, и Найт делал мне уколы в вену, с каждым днем все чаще и чаще. Сокращение промежутков между уколами пугало меня, потому что лучше прочего свидетельствовало о страшном, и я старался терпеть до последнего. Найт приходил со шприцем, но я отсылал его:

– Не нужно, я в порядке.

– Ты уверена?

– Да, я уверен.

А боль сверлила мою черепную коробку раздолбанным коловоротом, накручивала мои бедные внутренности на заросший воплями пыточный станок, и я разрывался изнутри, разваливался, как вареное мясо, вымаливая избавление от этой жуткой казни... – за что, жизнь? Чем я так провинился перед тобой? Перед кем бы то ни было? Да будь я самым страшным душегубом, разве заслужил бы даже тогда эти невыносимые муки?

– Хватит, довольно! – подсказывал Найт со шприцем. – Дай руку, скорее! Зачем ты себя так мучаешь?

– Я? Я мучаю? – хрипел я. – Что ты, Найт... это не я... это она...

– Будь она проклята! Дай руку!

И я протягивал руку, чтобы воскреснуть через минуту-другую, чтобы одним махом вернуться в благословенную реальность Хайма, одним прыжком – из ада – в рай, к улыбкам, птенцу, сыну, жене, мужу, семье, счастьем... – ко всему тому, что от рождения положено нам всем, ко всему тому, чего мы лишены по чьему-то дикому, гадкому, садистскому капризу.

Думаю, что мое новое чувство было связано не только с Найтом и его трогательной заботой... может быть, даже не столько с ним. Я поняла это не сразу, а лишь в тот момент, когда Программер сказал, что выудил из нашего общения – он называл это «текущей конфигурацией» – все, что только можно, и для продолжения необходимо живое присутствие Постума. Фактически это означало, что мы переходим к последнему этапу – последнему для меня, последнему перед смертью. Вот тогда-то я и осознала, что мой внутренний заполошный птенец – это простое желание жить. Да-да, мне вдруг ужасно захотелось жить – но не так, как я жил в прошлом, полном потерь и разочарований, и не так, как я продолжал жить сейчас, в мучительной борьбе с болью, а так, как я вдруг зажила в своем вновь обретенном Хайме, то есть вечно и счастливо.

Примерно это я и объяснила Постуму в день, когда Программер дал нам команду раскрыть карты. Дело было утром, сразу после завтрака. Мы сидели втроем в светлой гостиной нашего хаймовского дома; за стеклянной стеной гудел пчелами и кузнечиками яркий цветочный луг, невдалеке блестела на солнце река, а за нею зеленел лес, куда мы так любили ходить за грибами и ягодами.

– Мой дорогой мальчик, – сказала я. – Мы с папой хотим рассказать тебе кое-что. Это очень важно для нас, и я надеюсь, что ты поймешь нашу просьбу.

– И разделишь с нами наши надежды, – добавил Найт.

– Да-да, конечно, – откликнулся Постум, переводя взгляд с меня на мужа и обратно. – Хорошо, что вы наконец-то объясните мне, что случилось. Ведь что-то случилось, правда?

Мы с Найтом переглянулись. Больше всего на свете мне хотелось бы перепоручить этот разговор ему, но по плану говорить должна была именно я.

– Правда...

Я замялась, не зная, как перейти к сути дела. По-хорошему, нужно было поторопиться, если я не хотел продолжать беседу, корчась от боли: вот-вот могло закончиться действие укола, сделанного совсем недавно. В последнее время длительность интервалов между уколами быстро сокращалась, а порции морфия увеличивались; я все чаще впадал в наркотическое забытие, тяжелое и тупое. Недалек был час, когда я вовсе...

– Мама больна, – пришел на помощь Найт. – Она очень больна и просит тебя приехать.

– Больна? – растерянно переспросил Постум. – Но сейчас она выглядит намного лучше, чем раньше. Я не понимаю. И куда я должен приезжать? Мы ведь и без того вместе.

– Нет, сынок, – сказала я. – Имеется в виду не Хайм. Болен мой снаружист. Ты ведь знаешь его, не так ли? Тот, кому ты выслала сделанные тобой снимки. Он умирает от рака. Дело двух недель, может, трех. Ему... нет, нам всем очень нужна твоя помощь.

Он молчал, застыв на экране монитора, а я думала, что делает сейчас его снаружистка, та самая девушка-фотограф из больницы, которой я позировал в своей прошлой жизни. Я – и еще кое-кто, о ком не хочется вспоминать, дабы не усугублять вернувшуюся боль. Где она сейчас – дома?... на работе? Бегает по комнате, вздев руки, или сидит в неподвижном изумлении, уставившись на свой ноутбук? И как она поступит в следующую минуту – отключится?... сотрет свой аккаунт?... скажет, что должна подумать?

– Что я должен делать? – тихо спросил Постум. – Просто скажи, что я должен делать, и я сделаю. Все, что понадобится.

Я заплакал. Я знала, что он ответит именно так, но все же заплакал. Есть моменты, которые невозможно пережить без слез, даже в грохоте накатывающейся боли. Жаль, что я еще не успела установить себе достаточно тонкую мимику. Зато у Найта явно повлажнели глаза.

– Молодец, сын, – произнес он дрогнувшим голосом. – Мы с мамой и не ждали другого ответа. Выезжай как можно скорее, лучше – если прямо сейчас. Билет получишь в аэропорту, мы закажем отсюда. Дальше тебе нужно будет...

Они углубились в технические детали, и я перестала слушать, потому что мог уже думать только об уколе. Боль вернулась и плескалась у самого горла, боль жизни – неправильной, злобной, бессмысленной. Я не жалел ее нисколько, ни капельки: мое присутствие в ней требовалось исключительно для завершения процесса переселения в Хайм. Для затеянного Программером великого пере-

ворота, для возвращения в Эдем не только меня, Найта и Постума, но и всех живущих и мучающихся – всего затерянного в страдании, хрипящего от боли человечества. Ведь я буду только первой ласточкой, Адамом... – или Евой?... – Адамом и Евой в одном лице.

А старая жизнь – да пропади она пропадом... Как-то, очень давно, родители взяли меня, подростка, на чьи-то похороны – уже не помню на чьи. Это было мое первое знакомство со смертью, я имею в виду – реальной, а не книжной и не киношной. Гроб опустили в могилу, а потом многие, и мы в том числе, отправились в дом умершего... или умершей?... – уже забылось, да это и неважно. Говорили какие-то речи; и все они казались совершенно неуместными, потому что проходили как раз по книжно-киношному, а вовсе не по реальному, правдивому разряду, с его гробом, кладбищенскими цветами и восковым профилем покойника... или покойницы?... – нет, не вспомнить.

И вот среди этих неуместных фраз вдруг промелькнуло слово «смысл» – раз, другой, третий, – как хвостик маленькой собачки, пришедшей сюда с кем-то из гостей и теперь бестолково путающейся у всех под ногами. Смысл.. смысл... смысл... – хвостик тут... хвостик там... – мелькнул, и нету.

– Да при чем тут смысл? – сказал кто-то с досадой. – Хватит, довольно.

И тогда я услышал, как один из мужчин, пользовавшийся в той компании репутацией весьма умного человека, произнес, скорбно покачивая головой:

– Смысл? В ходе жизни – ее смысл...

Наверно, он думал тем самым поставить точку, покончить с неприятной темой, выбросить ее из комнаты, как ту вертлявую собачонку, но получилось настолько некстати, настолько фальшиво и глупо, что я до сих пор помню недоуменный взгляд, которым наградила его соседка, и всеобщее смущение – мое в том числе. Вот ведь как – пол покойника забылся, а взгляд и смущение помню. Помню и внезапное осознание мною того доселе неусвоенного факта, что рядом со смертью неуместным становится всё, особенно разговоры о смысле. Что смерть обесценивает любые книжно-киношные фразы. А поскольку других фраз и других слов для описания жизни у людей просто нет, то лишается смысла и она сама. Жизнь – это абсолютно бессмысленное дело – вот чему научил меня тот день, то первое столкновение со смертью. Жизнь не имеет смысла, точка.

Зачем жил тот человек, который был мною? Назначение определяется наличием цели, но существовала ли цель у моего частного бытия? Если и так, то мне она неизвестна. Погоня за удовольствиями? Вряд ли. Сколько их было, тех по-настоящему острых мгновений, ради которых следовало стараться? Если сложить их все вместе, то и минуты не наберется. Неужели я жил ради этой минуты? Да и, честно говоря, главное удовольствие всегда заключалось в предвкушении. Я все время строил планы на будущее и радовался их воображаемому осуществлению. Именно воображаемому, потому что действительность всегда оказывалась другой – иногда лучше, иногда хуже, но всегда другой. Смешно постоянно жить планами, которые никогда не становятся реальностью. Постоянно жить завтрашними днями, каждый из которых может в любой момент оборваться в ничто...

Продолжение рода? Но все мои предполагаемые потомки тоже умрут и, умирая, скажут о себе ровно то же самое. Какой смысл плодить бессмысленные жизни? Зачем появился на свет мой сын, не проживший и двух месяцев? Жить ради рода – что за чушь... Погибнет и род; в конечном счете умрут все, все до одного. Все до одного.

Перед лицом смерти бледнеет любое лицо. Она возвышается над нами, как бесконечная Вселенная; она и есть вселенная – непроглядная безответная твердь, в которой тают наши муравьиные души, наши наивные иллюзии и тщетные упования. Она держит нас на своей поверхности, как бездонный океан; она и есть океан, в котором мы барахтаемся в поисках несуществующей опоры, мели, суши – барахтаемся, пока не иссякнут силы, пока случайный водоворот не затянет обреченного пловца в свою черную воронку. Смерть не настигает нас – мы живем в ней. Кем бы ты ни был, чем бы ни обладал, каким бы длинным ни выглядел столбик, столбец, столп твоих достижений и побед, какой бы огромной ни казалась итоговая сумма – всё теряет цену в ее завершающем счете, всё без остатка. На чеке, который приносит нам этот официант, всегда значится одно и то же: ноль. Ноль, и больше ничего – всем и каждому.

Но верно и другое: каким волшебным, каким всепроникающим смыслом наполнилась бы жизнь, если бы не стало смерти! Это сразу избавило бы нас от лжи: ведь она для того и существует, чтобы защищать нас от мысли о смерти. Мы перестали бы обманывать друг друга и самих себя: зачем выгадывать лишнюю монету или минуту, когда у тебя в распоряжении вечность? Все цели разом превратились бы в осуществимые – даже самые дальние, самые фантастические. Жить без оглядки на смерть – что может быть прекрасней!

Постум приехал на следующий день после нашего разговора. Учитывая дальность перелета, это означало, что он и в самом деле не колебался ни минуты, а сразу побросал вещи в сумку, подхватил ноутбук и выбежал из дому ловить такси в аэропорт. Программер, не ожидавший столь быстрого развития событий, едва успел подготовить для него третье рабочее место. Хотя не знаю, насколько это было оправдано, потому что полноценного хаймовского общения всей нашей троицы хватило лишь на несколько дней, а потом наступило резкое ухудшение, и я проводил большую часть времени в беспомощности.

Найт колот меня все чаще и чаще; приходя в сознание, я видел его склоненное надо мною лицо и спрашивал, как продвигается дело. Меня беспокоило, что моя немота может помешать сбору необходимых данных.

– Не волнуйся, – успокаивал меня Найт. – Программер говорит, что всё идет как надо.

– Но как это возможно без меня? Ведь вы с Постумом остаетесь вдвоем...

– Что ты... – улыбался он, ласково глядя меня по щеке. – Нас всегда трое: мы с Постумом и твой программный клон. Он уже почти совсем готов. Тебе нужно потерпеть еще немножко, самую капельку. Хотя бы несколько минут. Сможешь?

Я собирал все свои силы, Найт прикреплял датчики, приносил ноутбук, и мы отправлялись в Хайм – на пятнадцать, десять, пять минут – пока боль не становилась невыносимой. А потом я смотрела

с экрана на свою бессознательную оболочку, распростертую на постели, смотрела и думала: что общего у меня с этим изношенным куском плоти – беспомощным, искореженным болью, изъеденным изнутри беспощадной болезнью? Зачем заставлять его так страдать? Его программный клон и так уже достаточно точен, стоит ли дополнительно мучить беднягу лишь для того, чтобы приблизить это сходство к абсолютному совершенству еще на одну долю процента?

Но последнее слово в этом вопросе принадлежало не мне, а упрямому перфекционисту Программеру, так что Найт продолжал навешивать на мое едва живое тело провода, контакты и электроды – навешивать и колоть, колоть и навешивать, – пока наконец в одно прекрасное утро хозяин не объявил, что удовлетворен достигнутым результатом. Это произошло дней через десять после приезда Постума.

– Ты хочешь сказать, что Трай полностью переселилась в Хайм? – спросил Найт. – И что теперь она будет жить вечно?

– И Трай, и вы с Постумом, – буднично ответил Программер, не отрываясь от своей клавиатуры. – Я только что перезагрузил новую версию системы. Вам троим уже не нужны эти... как их...

– Снаружисты?

– Вот-вот, снаружисты. Слушай, не мешай, а? Мне тут нужно додумать...

Он вскочил и по своему обыкновению зашагал по гостиной, распугивая офисные стулья.

– Ну и что теперь? – поинтересовалась я.

Найт вопросительно поднял брови. Похоже, в отличие от меня он был слегка ошарашен известием о собственном бессмертии.

– О чем ты?

– Что делать с ним? С оболочкой? Ты так и намерен колоть его, пока не кончится морфий?

– Морфий не кончится, – сказал Постум. – У Программера связи. Он звонит, и морфий привозят. Сколько угодно.

– Но человек мучается, – возразила я. – Зачем продолжать эту пытку сейчас, когда уже нет необходимости? Посмотри на него – он почти не приходит в сознание, а когда говорит, то бредит.

– Верно, – поддержал меня Постум. – Я тут послушал: бредит, и еще как. О каких-то кенгуру, о каком-то профессоре. Что, мол, человек – такой же кусок мяса, как кенгуру, в любом возрасте, а не только в детстве. Что, мол, согласен... согласна... согласен...

Постум еще не привык к нашему странному двухступенчатому бытию и оттого постоянно путался в идентификации людей и снаружистов. Это немало забавляло нас с Найтом. Но рассказ сына встревожил меня: бред умирающего о некогда читанной им книге австралийского профессора мог оказать на Постума нежелательное действие, пробудить ненужные воспоминания о больнице, о наружной псевдореальности.

– Оставь, сынок, – сказала я. – Снаружисты и в здоровом виде живут иллюзиями, а уж когда бредают, то получается и вовсе фантазия в квадрате. Не обращай внимания... Найт?

– Да...

Муж смотрел на меня с опаской, явно предчувствуя, о чем пойдет разговор. В этот момент я впервые подумала, что программ-

ные клоны управляют нами намного тоньше и точнее, чем снаружи в плоти и крови. Наверно, потому, что не отвлекаются на всякую ерунду типа плохого настроения, голода или несварения желудка. Кого же тогда считать клоном? Я отвела Найта в сторону, подальше от Постума.

– Нужно как-то избавить его от мучений, слышишь? Если вколоть тройную дозу морфия...

– Нет, – Найт отрицательно покачал головой. – Это убийство, Трай. Я не могу вот так просто взять и умертвить тебя.

– Дурачок, – прошептала я. – Мы никого не убиваем. Не забывай: это всего лишь оболочка. Пустая шкурка человека. Программер давно уже перекачал всё ее содержимое в Хайм. С кем ты сейчас разговариваешь, если не со мной? Ну? Пойми: речь идет всего лишь о куске мяса. О полусгнившем, стонущем от боли куске мяса.

Он пожал плечами и оглянулся на Программера.

– Я уже говорила с Программером, он согласен, – соврала я.

– Ну, если так... – нерешительно проговорил Найт. – Если ты сама настаиваешь, если Программер согласен...

– Только разбуди меня перед уколом, ладно?

Когда я пришел в себя, Найт сидел возле постели, на его коленях лежало полотенце, а на полотенце – шприц со смертью. Я понял это сразу, с первого взгляда.

– Всё? Программер закончил?

Найт кивнул.

– Ты сделаешь, как мы договаривались?

Он вздохнул и кивнул снова. Наверно, ему долго пришлось ждать моего пробуждения... – не хотел будить? Или было не добудиться?... Что он чувствует сейчас? Боится? Все же что ни говори, а это убийство...

Огорчен? Но все тут давно смирились с моим неизбежным уходом, в том числе и я сам, и я сама, и мы сами... – так что укол всего лишь оформит уже существующую реальность. В этой реальности я уже мертв, и дальнейшее мое бытие должно восприниматься как неоправданная и неуместная затяжка времени. Возможно, это и есть теперь главное чувство: нетерпение. Как тогда, в больнице, когда люди сидели волчьим кружком, ожидая смерти моего мальчика.

– Что ты так на меня смотришь? – спросил Найт, неловко поерзав на стуле.

– Как?

– Не знаю. Странно.

– Извини, я не хотела... Подожди еще немножко, ладно? Я пока не готов. Подождешь?

– Конечно, – испуганно проговорил он. – По мне, так лучше вообще этого не делать. Ты не передумала?

Я отрицательно покачала головой и закрыл глаза. Кто он мне, этот Найт? Муж? Подруга? Незнакомая пожилая женщина, с которой я случайно столкнулся здесь всего месяц назад? Чужой человек, совсем чужой... нехорошо умирать на чужих руках, хочется чего-то другого... Но чего? Представь, что вместо Найта сидела бы твоя жена, покойная жена, та самая, которая не спускала с рук нашего мальчика. Наверно, он тоже хотел, чтоб не на чужих руках – так хотел, что все никак не мог умереть. Но умер-то все-таки один. Потому что каж-

дый умирает в одиночку. В одиночку – кто бы ни сидел рядом с его постелью. Ведь они остаются, а он уходит, уходит один. Что они могут сделать для умирающего? Оттянуть. Ускорить. И всё. Они могут лишь слегка повлиять на время. На время, но не на факт смерти. Смерть приходит, так или иначе. Смерть забирает нас поодиночке, даже когда одновременно гибнут тысячи. Эти тысячи все равно составлены из единиц – отдельных, чужих друг другу единиц. И я тоже умру один, совсем один. Страшно, Господи, как страшно...

Найт говорит, что я буду жить вечно. Что всю меня, без остатка, Программер перекачал в Хайм. Кто же тогда лежит здесь и боится так, что зубы стучат? Это она, моя хаймовская ипостась, настояла на том, чтобы Найт сделал смертельный укол. Она хочет убить меня. Зачем? Что я ей сделал?

Нет-нет, подожди. Попробуй рассуждать здраво... Но я не могу здраво! Я болен! У меня болит все тело, и я не могу попросить укол, потому что этот укол должен стать последним, а я не хочу, не хочу! Подожди. Ты все равно умрешь, с уколом или без, не сегодня, так завтра. Ты уйдешь, а она останется – разве это не облегчает дело? Все люди уходят без следа, а ты останешься, хотя бы частью – неужели от этого не легче? Не знаю, не знаю... я знаю одно: не хочу, просто не хочу. Она говорит, что я – всего лишь оболочка, тупое гниющее мясо. Пусть так, пусть тупое, пусть мясо... Я, мясо, не хочу, слышите?! Не хочу!

Я разлепил веки: надо мной, как стрела башенного крана, покачивался чей-то огромный мясистый нос. Кто это? Найт? Нет, это не Найт... я почувствовал, что дрожу, дрожу от ужаса.

– Кто... кто ты?

Он хихикнул:

– Ты знаешь... – и снова: – Хи-хи... хи-хи...

– Ты... профессор... – в панике выдавил я. – Профессор из Австралии.

– А вот и нет, а вот и нет! – радостно завизжал он. – Федот, да не тот! Да не тот! Из Новой Зеландии! Хи-хи... хи-хи...

– Ах да... – вспомнил я, – действительно. А я? Кто тогда я? Трай?

– Опять мимо! – восхитился профессор. – Есть другие предположения?

– Не знаю... нет... – пробормотал я.

– Кенгуру! – проверещал он. – Ты кенгуру! Ты мясо! Мясо! Мясо!

Так и есть, подумал я, обливаясь холодным потом. Как же я раньше не догадался? Теперь все встало на свои места. Конечно, я кенгуру. Их охраняют. На них женятся. Им не дают умирать просто так, в одиночку, как людям.

– Мясо... – повторил я.

Профессор наклонился поближе.

– Ага, мясо. Арабы говорят, что у мужчины есть три удовольствия: есть мясо, ездить на мясе и втыкать мясо в мясо... – он подмигнул сумасшедшим глазом. – Но они не упоминают, что мужчина – тоже мясо! Хи-хи! Всё на этой земле – мясо! Мясо! Мясо!

– И... что дальше?.. – с трудом выговорил я.

Боль вернулась и накатывала волнами, теребя по дороге мои внутренности, обвисшие, как белье на веревке. Но еще больше меня мучил страх.

– Дальше? – переспросил он и вдруг облизнулся. – Дальше я тебя буду есть. Сырым. Ведь ты мясо. Сырой кенгуру. Или сырая кенгуру? Как верно? Отгадай! Ну! Быстрее, быстрее! С двух попыток! Ладно, с трех!

– Н-не знаю...

Слова почти не проталкивались наружу. Зато профессор трещал слитно, не умолкая.

– Не знаешь? Плохо, плохо, очень плохо! Теперь точно съем! Правильно: сырое кенгуру! Понял?! – он снова захихикал и вытащил из-за спины огромный окровавленный крюк. – Та-ак... та-ак...

– Нет! Не-е-ет! – закричал я... и очнулся.

На меня смотрели озабоченные глаза Найта.

– Трай... Трай... что с тобой? Очень больно?

– Где... он?... проговорил я, дико озираясь.

– Кто, милая?

– Он... профессор...

Найт покачал головой и принялся вытирать полотенцем пот с моего лба.

– Опять этот сон, да? Это всего лишь кошмар, Трай. Нет никакого профессора, и кенгуру нет. Ты в полной безопасности, со мной и с Постумом, в доме Программера. Помнишь Программера?

Я перевел дыхание и кивнула. Да. Я, конечно, помнила Программера. Он подарил мне бессмертие. Великий, великий Программер... Пора кончать с этим, вот что. Хватит мучиться. Мясо или не мясо...

– Сделай мне укол, Найт, – сказала я. – Тот, о котором мы договаривались.

Он моргнул.

– Прямо сейчас?

– Прямо сейчас.

– Ты уверена?

– Абсолютно.

Я протянула ему руку и закрыл глаза. Я не хотел умирать. Я не хотел умирать. Я закусил губу, чтобы не отдернуть руку из-под шприца.

– Все, – тихо сказал Найт. – Я позову Постума и Программера.

– Зачем?

– Попрощаться.

Я мотнул головой.

– Не надо, Найт. Хватит и тебя. Все равно в одиночку. В одиночку...

Я отвернулся к стене. Теперь я не слышал ничего – ни поскрипывания стула, на котором сидел Найт, ни жужжания аппаратной стойки в гостиной, ни шагов Программера, ничего. Я не слышал самолета, заходящего на посадку в близлежащем аэропорту, автобусов на шоссе, гула большого города, колесного стука тысяч земных поездов, шума лесов, рева больших водопадов. Мир смолк, оставив меня одного, совсем одного. Мясо... или не мясо... так страшно...

Мое тело вибрировало, отказываясь впускать смерть, выгибаясь в отчаянном усилии; жизнь сопротивлялась до последнего, а я смотрел на это как бы со стороны, парализованный не то безмерным удивлением, не то всеобъемлющей паникой. Потом морфий начал одолевать. Перед глазами – закрытыми?... открытыми?... на медлен-

ных орбитах крутились чьи-то лица... чьи? Наверно, мамы, наверно, жены, наверно, нашего мальчика... не знаю. Затем я вдруг понял, что перестал дышать: кенгуру прыгнул мне на лицо и душил, душил, душил своими огромными мягкими подошвами.

Воронка сорвалась в бешеное вращение, утягивая меня непонятно куда; в панике я схватился обеими руками за что-то, попробовал подтянуться, выбраться, вытащить себя из этого душного кошмара наружу, к свету, к воздуху... — но тут сердце треснуло, пальцы разжались, и я полетел вниз, в вечное беспмятство, в темную преисподнюю гниющего мертвого мяса.

14. ПРОГРАММЕР

Удивительно, но смерть снаружи Трай произвела на меня неожиданно тяжкое впечатление. Удивительно потому, что все мы давно знали, что он должен вот-вот умереть, знали и заранее принимали этот факт как нечто само собой разумеющееся. Но одно дело знать теоретически, и совсем другое — видеть перед собой коченеющий труп с отвалившейся челюстью и бликами белков из-под полуприкрытых век. Мы вот уже месяц жили в лихорадочной атмосфере работы над бессмертием, и, видимо, успехи в этом деле дезориентировали мое сознание: я жил во власти иллюзии — иллюзии близкой победы. Наверно, я слишком рано уверовал в собственное всеисие. Смерть по-прежнему стояла рядом, и мертвое тело снаружи было красноречивым напоминанием об этом.

И вообще, я успел привыкнуть к нему чисто по-человечески. К его голосу, к его редким, но смешным шуткам, даже к его горячечному бреду, который в последние дни доносился до гостинной и временами сбивал меня с мысли. Он кричал что-то совершенно бессвязное про кенгуру и про мясо... Кенгуру?... — откуда в жизни этого человека могли взяться кенгуру? Адвокат по профессии, он жил далеко от Австралии. Как-то я задал ему этот вопрос, улучив редкую минуту, когда он не работал в Хайме и не пребывал в забытии. Бедняга смутился и сказал, что расскажет позже. Теперь уже всё, не узнаешь.

Вот о какой чертовщине я размышлял вместо того, чтобы заниматься главной проблемой — телом. Куда девать труп? По закону следовало вызвать врача и полицию. Но такой вариант казался мне категорически неприемлемым. Во-первых, пришлось бы отвечать на многочисленные вопросы о наших отношениях с покойным, о том, почему мы не обратились в больницу за лечением, и главное, о происхождении морфия. Во-вторых, необходимые легальные процедуры, включая похороны, представляли собой невольную задержку в работе — как минимум на три-четыре дня, если не на неделю.

В-третьих, по-хорошему, я уже давно должен был съехать из этого дома на сменную площадку; с каждым прожитым здесь днем опасность влипнуть в крупные неприятности становилась все более и более реальной. А тут еще задержка на неделю плюс возможная огласка: что делать, если этот пикантный с точки зрения прессы случай попадет на перо местному репортеру? Нет-нет, вызов полиции просто-напросто исключался. Мы должны были избавиться от трупа каким-то другим способом. Но согласятся ли с этим мои компаньоны?

Признаться, я приступал к разговору с большим беспокойством. Как поступить, если Трай потребует нормальных похорон? В конце концов, она имеет полное право на кладбище и могилу – ведь речь как-никак идет о ее личном теле! Конечно, в этом случае Найт поддержит жену, не говоря уже о Постуме. Что тогда? Поразмыслив, я пришел к выводу, что это не оставит мне иного варианта, кроме немедленного бегства. Впрочем, такой финал нашей совместной истории не слишком мне улыбался – не знаю почему.

С одной стороны, я мог и в самом деле уйти в любой момент: новые квартиры были уже куплены, оборудование завезено, оставалось лишь вытащить из кухонного шкафа аварийный кейс с деньгами и документами, сунуть в сумку ноутбук и выйти за дверь. С другой – я успел привязаться к этим людям, особенно к Найту. Смешно сказать, но за это время он стал мне чем-то вроде брата... или сестры... короче, чем-то вроде семьи. Куда он денется без меня, такой недотепа? Бросать их наедине с мертвым телом... бр-р... И все же я сознавал, что если они начнут настаивать на вызове полиции, то у меня просто не останется выбора.

Мы разговаривали в Хайме, в гостиной их семейного дома. Я настоял на присутствии Постума, поскольку хотел, чтобы решение было общим. Вкратце обрисовав ситуацию, я изложил причины, делающие нежелательным вмешательство властей, и замолчал, ожидая ответа. Он оказался совершенно неожиданным.

– Если бы только это, – вздохнул Найт и посмотрел на жену.

– Что ты имеешь в виду? – озадаченно спросил я.

– Ну как это... – Найт развел руками. – Ты что, забыл? Последний укол...

Я решительно ничего не понимал, и, по-моему, Постум тоже. Трай молча разливала чай. Наконец она вернула чайник на место, села за стол и вызывающе уставилась на меня.

– Найт имеет в виду, что смерть не была естественной, – сказала она.

Постум охнул.

– Не была естественной? – эхом повторил я. – Что ты имеешь...

– А то и имею, – перебила меня Трай. – Ты ведь закончил сбор данных, так? Закончил. Надобность в нем отпала, так? Отпала. Спрашивается, зачем заставлять его мучиться и дальше? Ты ведь уже выкачал из него все содержимое. Осталась оболочка, никому не нужная кожа.

– Секунду! – вмешался Найт. – Ты ведь говорила, что Программер в курсе... Трай! Как ты могла...

Трай вскочила и вызывающе наклонилась вперед. Лицо ее пылало. За этот месяц она успела купить много новой мимики.

– А так и могла! Это было мое тело, слышишь?! Это был мой снаружи! Мое решение! – она с размаху бухнулась на стул и отвернулась.

Мы помолчали. Потом Постум тронул Найта за плечо:

– Можно я посмотрю телевизор?

– Что? Да-да, сынок...

Мальчик отошел от стола к дивану, взял в руки пульт, но телевизора не включил – так и сидел, уставившись на пустой темный экран. Если б я мог, то с удовольствием последовал бы его приме-

ру. Я просто не знал, что сказать. Не знал, что думать, как определить случившееся. Может, мы действительно еще не всё понимаем? Не можем осознать значения происходящих перемен? Ведь Трай – первое в мире существо, которое прошло через смерть, но при этом осталось в живых... или даже обрело бессмертие... Было бы странно, если бы такой опыт остался без последствий.

И все же... В решительности, с которой она избавилась от своего физического тела, было что-то... как бы это назвать... – что-то необычное. Нельзя сказать, что Трай радовалась уходу своего снаружи, нет. Но и особенной печали она тоже не выказывала. Скорее всего, тут имел место какой-то другой взгляд на его смерть: наверно, так же отнеслись бы к подобному событию какие-нибудь инопланетяне. «Мое тело – мое решение...» Трай расценивала случившееся строго функционально: физический объект завершил свою функцию, спасибо за службу, точка. Мало того, судя по ее поведению, она требовала подобного же отношения и от нас. Возможно, в этом была определенная логика. А главное, такой подход абсолютно соответствовал цели затеянного мною разговора. Лишь осознав это, я почувствовал, что вновь обрел дар речи.

– Найт, – сказал я со всей доступной мне мягкостью, – Трай во многом права. В конце концов, ей было известно о его мучениях намного больше, чем кому-либо из нас. А значит, и решение принадлежало ей, и только ей. Давайте на этом и закончим. Оставим это в прошлом, о'кей? Будем думать о будущем, потому что главные проблемы там. Итак, все согласны, что в этой ситуации мы не можем обращаться к властям?

Я обвел их взглядом. Найт молча кивнул, Постум даже не пошевелился на своем диване.

– Конечно! – фыркнула Трай. – К властям? Что за глупость!

– Тогда... как? – пробормотал Найт. – Как мы его похороним? В саду за домом? Я даже не умею копать...

Он с сомнением посмотрел на мои руки, вот уже два десятилетия не знавшие иных орудий труда, кроме клавиатуры и отвертки.

– Копать? – переспросила Трай с неподдельным изумлением. – Ты с ума сошел? Зачем копать?

Мы с Найтом молчали, глядя на нее во все глаза. Трай твердо прихлопнула ладонью по столу, словно ставя печать на еще нигде не записанное, но уже принятое и безоговорочно утвержденное решение.

– Сделаем так, – сказала она. – Этой ночью вы оденете его и вынесете из дома. Это не так тяжело: тело сильно исхудало в последние дни, кожа да кости. Пальто весит больше. С двух сторон закинете руки на плечи и поведете, как водят пьяных. Если кто увидит, то так и подумает. Слева по улице на углу есть скамейка. Усадите его туда. И все. Полиция найдет, в морге вскрыют, увидят то, что внутри осталось, и снова зашьют. Еще один безымянный бомж, причина смерти ясна.

– Причина смерти ясна... – отдаленным эхом отозвался Постум.

Найт посмотрел на меня. В глазах его ясно читались смутение и тоска. Трай снова хлопнула по столу:

– Хватит! Что вы переглядываетесь, как будто я подбиваю вас на что-то дурное? Поймите уже: есть мы – и они!

Она яростно ткнула пальцем в сторону окна, за которым светился прекрасный весенний луг, но все мы знали, что на самом деле Трой имеет в виду выходящую на улицу дверь моего дома.

– Есть Хайм, и есть наружный мир, и это разные вещи! Разные! Наружный мир помогает нам снаружистами, но во всем остальном он чужой. Там – грязь, холод, болезни, боль! Там смерть! Смерть живет не у нас – ее место там, у них! А значит, и труп принадлежит им. Им, а не нам. Вот и отдайте его. Просто отдайте чужую вещь ее истинным хозяевам. Они все там мертвецы – не сегодня, так завтра. Пусть мертвецы хоронят своих мертвецов – это ведь так естественно! Естественно, а не преступно... Ну?..

Какое-то время мы молчали, потом Найт вздохнул и повернулся к Постуму.

– Сынок, сходи посмотри, что там снаружи...

В гостиной не было окон, а экрану камер внешнего наблюдения Найт не доверял в принципе. Мы подождали, пока мальчик сбегает на кухню – выглянуть в тамошнее оконце.

– Ночь, – доложил он, вернувшись. – И дождь со снегом.

– Самое время, – снова припечатала Трой.

Сначала мы думали обойтись без Постума, но еще в гостиной поняли, что вдвоем с Найтом нам просто не справиться. Мертвец был намного выше нас обоих и довольно тяжел, так что все наши силы уходили на то, чтобы тащить его на себе. Требовался еще кто-то третий, кто мог бы смотреть по сторонам и помогать в случае возникновения непредвиденных проблем. Помощь, кстати говоря, понадобилась сразу же, потому что труп зацепился ботинками за порог.

– Он не хочет уходить... – пожаловался Постум у нас за спиной.

– Отцепляй! – проревел Найт.

На улице стояла крошечная зимняя тьма. Примерно в трехстах метрах слева болтался на ветру одинокий фонарь, чуть дальше мерцало желтыми и красными огоньками ведущее к центру города шоссе.

– Нам туда, к фонарю, – определил я.

Мы двинулись вперед. Ноги сразу промокли; на дорожке пузырилась отвратительная мерзлая пульпа. Подошвы ботинок проскальзывали, мы с трудом удерживали равновесие и, конечно, упали бы, если бы не мертвец, крепко связующий нас вместе. Голова его болталась у меня на плече; шапка сразу слетела, и мой пот катился по его мертвому лбу вперемежку с дождевой моросью. Мы еще не добрались до тротуара, как он снова за что-то зацепился – наверно, за выпирающий край плиты. Ума не приложу, что бы мы делали без Постума.

На тротуаре стало еще труднее; фонарь мерцал впереди, как морской маяк, и казалось немыслимым добраться до него такими темпами. Из-за мертвой головы я не видел Найта, но точно знал, что ему еще хуже моего. А может, и нет: как-никак, он пришел оттуда всего полтора месяца назад – не то что я, годами не выходящий из дома. Я уже успел позабыть, каково жить снаружи, в этом гадостном мокроснеге внешнего мира, на его скользких тротуарах, на пронзительном холоде его равнодушия. Мне вдруг ост-

по захотелось оглянуться назад, на мое теплое убежище, на свет гостиной, узкой полоской пробивающийся сквозь приоткрытую входную дверь, но, конечно, не было никакой возможности сделать это под мертвой тяжестью труп.

Так они и живут здесь: едва переставляя ноги под тяжестью своих мертвецов, своего прошлого, своих предрассудков, своих громоздких суеверий, принимаемых ими за веру. Если повезет, они тащат этот груз парами, как сейчас мы с Найтом, – а нет, так и без всякой помощи, в одиночку. Кто-то одет в добротное пальто, кто-то в лохмотья, но нет такой одежды, которая защитила бы их от здешнего мерзлого дождя. Они выходят из теплой материнской утробы, как мы сейчас вышли из дома, напрямик в промозглую непогоду этого страшного мира – выходят, чтобы добраться, дотянуть, дожить до фонаря надежды – одного, другого, третьего. Но что ждет их там, под фонарем? Скамейка для мертвеца. Смерть. Смерть – вот имя этого мира. Смерть и безысходность. Вышел за дверь – и всё, уже не вернуться...

И тут меня как ожгло: дверь! Кто нам откроет, если она захлопнулась? Ведь Постум вышел наружу вместе с нами, а Трай закрылась в Хайме и снаружи уже не помощница! Я чуть не задохнулся от ужаса. Ключи?! А черт их знает, где они, и есть ли они вообще... Мне никогда не требовались ключи – просто потому, что я никогда не выходил за дверь. Да, но и пальто мне не требовалось, так что есть надежда, что ключи здесь, в кармане. Куда-то ведь я их сунул, когда в первый раз вошел в дом? Значит, логично предположить, что они именно здесь, в пальто... Как бы это проверить?

Нечего было и думать о том, чтобы высвободить руку: я и так едва удерживал свою долю мертвеца. Каждый шаг давался с неимоверным трудом, поясница разламывалась от боли, ноги подгибались, но паника донимала меня больше всего. Одна мысль о том, что нам придется остаться здесь, снаружи, приводила меня в ужас. Только теперь я по-настоящему осознал истинную ценность Хайма, его надежность, его тепло, устойчивую реальность его безоблачного бытия.

Собрав все силы, я попробовал потряхнуть полый пальто: не звенят ли в кармане ключи? Нет, ничего... – лишь мертвец резко мотнул головой и, словно наказывая меня за попытку к бегству, сильно приложился лбом к моему виску. Чертов труп! Трай была совершенно права: он весь принадлежал враждебному наружному миру, миру смерти. Куда мы его тащим? Бросить здесь, и дело с концом! Нет, нельзя – слишком близко от дома... Близко, но если без ключей, то бесконечно далеко. Может быть, ключи в другом кармане? Попробовать потряхнуть еще раз? Зачем трясти, идиот?! Ключ-то один – у тебя нет и не может быть связки! Ему просто не обо что звенеть!

Я перевел дыхание и попробовал позвать Постума.

– Постум!.. Постум!..

Он выскочил сзади – мокрый, перепуганный, с шапкой мертвеца в руке. Мы остановились.

– Что? Программер? Ты меня звал?

– Да... Постум... дверь... – прохрипел я.

– Дверь?

– Да, дверь... Ты не помнишь – захлопнулась ли дверь?

Он недоумевающе похлопал глазами:

– Не помню. Погоди... нет, не помню. Сбегать проверить?

Мне потребовалось немалое усилие, чтобы приподнять голову и посмотреть вперед. Мы проделали уже больше половины дороги. Вон она, скамья. Но верно было и другое: тусклый свет близкого фонаря делал нас заметней, уязвимей. Потеря времени могла обернуться катастрофой.

– Нет, не надо. Уже недалеко. Найт, ты как?

– Ох... ох... – полузадушено прозвучало слева.

Мы снова двинулись к цели. И снова – мучительные шаги, и ноющая спина, и смертельная тяжесть на плечах, и ледяной дождь, и ледяная щека мертвеца вплотную к моей щеке. И паника: дверь, ключ... дверь, ключ... «Не думать! – приказал я себе. Не думать! Все равно уже ничего не изменишь».

Постум снова забежал вперед:

– Машина!

– Что?

– Машина! – он указывал рукой в конец улицы.

До боли вывернув шею, я скосил глаза и уловил дальний свет фар. Черт! В такое-то время, посреди ночи, в таком-то обезлюдившем месте... Неужели полиция?

– Найт! Быстро! Налево! В кусты! – скомандовал я.

Неимоверным усилием мы рванулись влево, за живую изгородь; в кровь царапая руки и с мясом выдирая пуговицы, протиснулись между кустами и рухнули в мокрую ледяную мразь. Заметили? Не заметили? Я привстал на колени и осторожно выглянул из-за колючих ветвей можжевельника. Машина медленно приближалась. В ярком свете фар искрилась вода, блестели наглухо задраенные ставни домов, ворчание мотора едва слышалось в плеске и шорохе дождя. В таком темпе ездят только тогда, когда высматривают, ищут кого-то. Неужели и в самом деле полиция? Кто-то увидел из окна, что тащат труп, и позвонил – может же быть такое? Еще как...

Проклятый наружный мир не давал нам и секундной передышки. Не успели мы высунуться, как он уже снарядил погоню. Смерть не привыкла упускать свою добычу. Ну да, а как же Трай? – с неожиданным злорадством подумал я. – По крайней мере ее уже не убить никогда. И Найта, и Постума... А если мне удастся вернуться домой, то и меня тоже. И не только меня... Кстати, о «вернуться домой»... – я быстро обшарил карманы в поисках ключа. Нет! Нет! Боже, какая глупость!

– Тихо! Не шевелитесь! – прошипел Найт и для верности дернул меня за рукав.

Я замер. Машина поравнялась с нами. Если она и была полицейской, то без каких-либо опознавательных знаков. Просто черный шевроле-субурбан с затемненными стеклами. Проедут? Останутся? Сердце колотилось так, что его должна была услышать вся улица. Покойник лежал рядом на спине; его восковой профиль предательски флуоресцировал, выдавая нас, притягивая к нам смерть – его хозяйку и союзницу.

– Мимо! – радостно прошептал Постум. – Проехали!

Машина доехала до фонаря и повернула за угол.

– Они ведь сейчас там сидят и ждут, – вдруг тихо проговорил Найт. – Сидят и ждут.

– Кто ждет? – не понял я.

– Они. Трай, Найт и Постум. Странно, правда? Мы с Постумом здесь, снаружи, и одновременно там, в Хайме. И те, которые в Хайме, спокойно могут обойтись без нас. Просто закрыть дверь, и всё. Странно... – он хмыкнул и кивнул на труп. – Этот мертвец тут не один такой. Мы от него недалеко ушли.

Меня бросило в жар. Я дотянулся до Найта и схватил его за плечо.

– Найт! Слышишь меня?! Ты должен обещать мне кое-что. Ты вообще мне должен много чего, но я прошу об одном. Обещаешь?

– Обещать что?

Найт приподнялся, опершись на покойника; белки его глаз поблескивали в десяти сантиметрах от моего лица.

– Обещай, что вы не бросите меня.

– Ты с ума сошел...

– Обещай, что не бросите, – повторил я. – Ты ведь сам видел: Трай уже дела нет до наружного мира. Обещай, что не оставишь меня, пока я тоже не переселюсь в Хайм. Пожалуйста. Не бросайте меня здесь. Я не хочу, слышишь?

Он посунулся вперед и прижался своим лицом к моему. Обнявшись, мы полулежали на груди мертвеца.

– Даже не думай, – прошептал Найт мне в ухо. – Я никогда тебя не брошу. Обещаю. Никогда. И Постум тоже. Правда, мальчик?

Постум кивнул. Выждав еще несколько минут, мы выбрались на тротуар. Теперь на нас не было сухой нитки, и спасение заключалось только в движении. Наверно, поэтому мы добрались до фонаря относительно быстро. Мертвец сел на скамью, как влитой. Постум нахлобучил ему на голову шапку; даже вблизи покойник казался спящим. Обратный путь мы проделали бегом. Мокрые ботинки шлепали по ледяной пульпе, а в голове у меня стучало: дверь, дверь, дверь... Еще не свернув на дорожку, я услышал звук телефонного вызова с моего компьютера. Он словно успокаивал меня: все в порядке, хозяин, я здесь, я жду. Но окончательно отлегло лишь тогда, когда я увидел узенькую полоску света приоткрытой двери. Мы ворвались в дом, задраили вход и попадали на пол, жадно хватая широко разинутыми ртами целебный воздух нашего убежища.

– Еще одна такая вылазка, и мы трупы, – через силу пошутил я.

– Еще одна? – переспросил Найт, стягивая с плеч мокрую куртку. – Я не уверен, что переживу эту... Горячую ванну, срочно...

Снова зазвонил телефон. Кто бы это мог быть? Телефонную связь с Хаймом я наладил совсем недавно, и никого еще не оповестил об этом. Значит, звонок – из наружного мира. Из этой мерзлой слякоти с мертвецами на скамейках и черными охотничьими субурбанами. Меньше всего мне хотелось сейчас говорить с кем-то оттуда. Но что если это подрядчик? В одном из моих новых убежищ никак не могли установить спутниковую антенну...

Я с трудом поднялся с пола и пошел к рабочему столу. От мокрой одежды поднимался пар. Действительно, срочно требуется ванна...

– Алло?

– Ну, здравствуй, беглец, – приветствовал меня насмешливый голос.

– Шварц?

– Он самый. Что-то ты хрипишь. Простудился?

Я неловко переступил с ноги на ногу: ноги еще подрагивали в коленях, тянуло сесть, но в то же время не хотелось пачкать любимый стул.

– Да вроде того, – я откашлялся. – Слушай, Шварц, мне сейчас не очень удобно говорить. Ты не против, если я перезвоню попозже? Ну, скажем...

– Против, – быстро ответил он. – Я, знаешь, не люблю, когда мне обещают перезвонить попозже. Спроси, почему?

– Почему?

– Потому что не перезванивают!

Он засмеялся. Смех был нехороший, недобрый. И вообще, мне не нравилась его интонация. Что-то в ней было не то, не так, как прежде. Я чувствовал, что начинаю злиться. При всем почтении к начальнику отдела компьютерной преступности, горячая ванна казалась мне в данную минуту куда более важной.

– Ладно, – напряженно проговорил я. – Давай сейчас. Чего ты хотел?

– Чего хотел? – Шварц иронически хмыкнул. – А чего обычно хочет полицейский следователь? Поболтать. Просто поболтать. Ты не возражаешь?

– Возражаю! Мы с тобой договаривались, что звонить буду я. По мере поступления информации. Я, а не ты. С чего это ты...

– С чего? – перебил он. – Да с того самого, что ты звонить перестал. Третий месяц ничего, ни крохи. Хорошо ли это, парень?

Мое раздражение достигло предела. Мокрая одежда липла к телу, в горле накапливался мокрый комок, из носа лило, я хотел сесть и не мог.

– Ну чего тебе от меня надо? – выпалил я. – Тебе ведь ясно сказано: по мере поступления! Будет инфа – солью. Не будет – соси лапу. Теперь понял?

Шварц крикнул, и на другом конце провода воцарилось молчание.

– Алло! – выкрикнул я. – Ты еще там?

– Я-то там... – произнес он с какой-то зловещей интонацией. – А вот ты где? И главное, кем ты себя возомнил, а? Ты, парень, даже не шестерка. Ты нолик, усёк? Ничтожество, мелкий фраер. И не тебе тут решать, кому и что сосать. Стоит мне только глазом моргнуть, как тебе такого в пасть натолкают, что за год не прожуешь.

Я вдруг почувствовал, что задыхаюсь; ярость слепила меня белой закипающей волной. Я с трудом сдерживался, чтобы не сорваться на площадную брань. Всё скопившееся напряжение последних часов непонятным образом преобразовалось в ненависть и теперь рвалось наружу взбесившимся потоком. Я поймал себя на том, что считаю до двадцати, чего давно уже не делал.

– Вот что, Шварц, – сказал я, досчитав. – С меня хватит. Поищи себе другого штинкера. И насчет нолика ты просто не в курсе. Их у меня много, ноликов. Хватит, чтобы купить сотню тупых полицейских начальников. Включая министров. Это наш последний с тобой разговор. Я кладу трубку и стираю этот номер. Будь здоров.

– Стой! – крикнул он. – Еще два слова, напоследок. Вижу, ты меня и впрямь за дурака держишь. Что ж, может, в этом ты прав.

Может, я и дурак, что справочки о тебе поздновато наводить начал. Но сейчас-то я поумнел, это несомненно. Говоришь, ноликов у тебя много? Хорошо. Значит, есть чем поделиться с друзьями. Мы ведь с тобой друзья, а, Программер?

Он уже давно повесил трубку, но я еще долго стоял, остолбенев, не в силах двинуться с места. В ушах эхом звучало мое настоящее, мое хаймовское имя, произнесенное Шварцем со значением, с расстановкой, с точным расчетом на зубодробительный, нокаутирующий эффект. Шварц не должен был знать его, но он знал. Он знал, кто я! И он знал, где я нахожусь в настоящий момент!

Я перебирал в памяти события последних недель, вновь и вновь поражаясь собственной идиотской беспечности. Как будто бы речь шла не обо мне, возведшем осторожность в один из самых главных своих принципов, а о наивном мальчишке, который, увлекшись игрой, забывает обо всем на свете. И ведь нельзя сказать, что не было тревожных звонков: Найт в первый же день нашего знакомства рассказал мне, что некий безвестный хакер торгует моим адресом. Тогда я отреагировал на это известие так, как надо – немедленно подобрал несколько новых площадок, закупил оборудование, подготовился к переезду. Отчего же тогда я застрял здесь, забыв про опасность?

А история со Шварцем? Ну что мне стоило продолжать скармливать ему мелких интернетовских воров и педофилов? По сути дела, я сам вынудил его приступить к розыскам внезапно умолкшего информатора. Я сам вынудил его начать раскопки, и он, конечно же, раскопал все мои секреты – с его-то возможностями это было совсем нетрудно. Ну не глупо ли? Я вполне мог порвать с ним позже, сразу после переезда... Зачем злить такого крупного хищника, когда ты сам пребываешь в столь неустойчивом положении?

– Программер?

Я обернулся: Найт и Постум укоризненно смотрели на меня, стоя в дверях гостиной. Оба уже успели принять ванну и переодеться. Найт осуждающе покачал головой.

– Ты так непременно простудишься. Переоденься, я вскипячу чай.

– Да-да... – кивнул я. – Вот что, друзья. Мы переезжаем. Немедленно.

– Немедленно? – удивился Постум. – Но мы ведь решили проблему...

Я заставил себя улыбнуться. Незачем пугать их раньше времени. Эти двое были членами моей семьи, моей единственной поддержкой и опорой. Еще несколько часов назад я думал сбежать в одиночку, но сейчас, после вылазки наружу, одна мысль об этом казалась мне дикой. Выйти в эту проклятую слякоть одному? Бр-р...

– Мы решили одну проблему, Постум, но есть еще несколько... – сказал я. – Не волнуйтесь, нам есть куда пойти. Вот переоденусь, попьем чай, и двинемся. Вы пока готовьтесь.

– Но, Программер, это невозможно, – развел руками Найт. – Вся наша верхняя одежда... посмотри на эти пальто! Пока они высохнут... Неужели нельзя подождать до завтра?

– Добежать до такси можно и в свитерах, – возразил я. – А куртки купим по дороге или в аэропорту.

– Ночью? Магазины закрыты. И вообще, это так неожиданно. Выглядит, как... – он поискал точное слово. – Как паника какая-то, честное слово. Нельзя же так срываться...

Я не знал, что ему ответить. Насчет паники Найт попал в самую точку. Я действительно чувствовал себя ужасно – в этой насквозь мокрой одежде, замерзший, усталый, испуганный. Меня начала бить крупная, до зубовного стука, дрожь, хотелось лечь под толстое одеяло, закрыть глаза и забыть о Шварце и о мертвце на скамейке. Найт подошел и приобнял меня за плечи.

– Пойдем, дружище, пойдем. Я сделаю тебе ванну, согреешься, успокоишься... А потом поговорим, ладно?

Я молча кивнул. Наверно, он прав: во мне и в самом деле говорит паника. День туда, день сюда погоды не сделает. Да и как мы будем смотреться в свитерах в такую погоду? Причем именно сейчас, когда лучше бы не выделяться... Уедем завтра к вечеру. Завтра. Завтра.

Когда я лег в горячую воду, правота Найта показалась мне и вовсе несомненной. Дрожь постепенно унялась, и мысли плавали вразброд, как кони с затонувшей баржи. Ничего, пускай, авось куда-нибудь да выплывут, речка неширока... Мои поблекшие страхи кучкой сброшенной одежды лежали на берегу.

15. ПОСТУМ

Могла ли я предположить, что всё зайдет настолько далеко? Нет, конечно. Не зря они позвали меня не сразу: как видно, сомневались, что я соглашусь стать их безоговорочным союзником. Одно дело – ухаживать за умирающим человеком, с которым тебя к тому же связывает общее прошлое, и совсем другое – вколоть ему смертельную дозу морфина, а затем под покровом ночи избавляться от трупа, подобно мелким преступникам в комических фильмах про мафию. Но когда попадаешь в круговорот событий, тебя просто затягивает внутрь, и нет времени разбираться в деталях.

Сначала я не на шутку увлеклась идеей Программера и прилежно исполняла все, что от меня требовалось: отвечала на бесконечные анкеты, круглосуточно сидела в Хайме, опутанная проводами и датчиками, обсуждала с Найтом черты и качества наших программных клонов. Они действительно получались необыкновенно точными; честно говоря, они выглядели более похожими на нас, чем мы сами. Ведь люди время от времени могут отчебучить какую-нибудь совершенно нехарактерную глупость. Бывает, что другие смотрят на человека и качают головой: мол, это совсем не он; мол, этот никогда бы такого не учудил.

Я сказала Программеру, что чрезмерная точность является не достоинством, а недостатком. Что реальные люди непредсказуемы, и в этом иногда заключается их главная прелесть. Он улыбнулся:

– Ты так думаешь? На самом деле я могу запрограммировать и эту твою любимую непредсказуемость. Потому что реально она простирается не так уж далеко и не так уж непредсказуема. Сейчас мне важно добиться полного сходства, но на финальном этапе я непременно добавлю и немного так называемой неопределенности. Поверь, если разобраться, эти якобы невероятные выходки всегда довольно логичны и кажутся дикими лишь на первый взгляд.

Что ж, я поверила и этому. Да и отчего было не поверить: результаты говорили сами за себя! В горячке работы я даже не обратила внимания на ухудшение состояния Трай. Дико, не правда ли: ведь я приехала сюда только ради нее! Но – дико только на первый взгляд, в точном соответствии со словами Программера. А вот если разобраться... Если разобраться, то ничего удивительного: меня, профессионального фотографа, всегда остро волновал вопрос соответствия копии оригиналу. Ведь и я рассуждала о точности тайминга, о характерной непредсказуемости, о том, в конце концов, что мои снимки дают иллюзию победы над смертью. В этом смысле мы с Программером были коллегами! С одной разницей: он действительно добился того, о чем мне приходилось лишь мечтать. Он добился этой победы. Реально добился.

В последние свои дни снаружи Трай практически не входил в систему, но я не ощущал никакой разницы! Никакой – как я ни старался высмотреть что-либо неестественное, искусственное, чужое! В Хайме действовала ровно та же самая Трай, моя любимая мама, – во всей тонкости и едва уловимом шарме своей неповторимой личности. Я узнавал ее во всем, в каждой черточке поведения, в самой мелкой реакции, реплике, предпочтении, отказе. В ней не чувствовалось ничего такого, что можно было бы назвать механической, застывшей, роботоподобной похожестью: со мной разговаривала, играла, жила именно Трай, Трай, а не ее клон!

Я опомнилась не сразу, уже после смерти снаружи. После смерти, которая вполне логично была воспринята мною как уход абсолютно чужого человека... – даже не человека, а некой оболочки, чего-то типа скафандра глубоководных водолазов. Да-да, скафандр, некогда использованный и теперь покинутый человеком, – таким я видела это мертвое тело. Ведь Трай реально переселилась в Хайм, и любой из нас мог в любой момент удостовериться в этом несомненном факте! О чем же тогда горевать?

Но потом, когда вдруг выяснилось, что его убили... Это несчастно стало для меня встряской: прежняя Трай никогда не решилась бы на такой страшный поступок. Это было первое замеченное мною отличие. Конечно, оно ни в коей мере не превращало хаймовский образ в клона: я по-прежнему полагал, что в Хайм переселилась истинная Трай. Нет, меня испугало другое: она была настолько настоящей, что развивалась, менялась – что, в общем, и свойственно нормальным людям. Вот только развитие это шло в каком-то неизведанном, чужом, не совсем приятном для меня направлении.

Пока они решали, куда деть труп, я отошла в сторонку. Мобильник лежал в кармане джинсов; я сунула туда руку, нащупала кнопки, и вопрос оформился сам собой. Если я еще оставалась нормальным законопослушным гражданином нормального наружного мира, то и поступать должна была соответственно. То есть звонить в полицию. Здесь только что умер человек или даже произошло убийство. А смерть любого человека – событие для другого человека, просто в силу элементарной человеческой солидарности. Мы принадлежим к одному и тому же роду. Мы не бросаем трупы своих на улицах, не выбрасываем их на помойку. Мы хороним их не только из соображений санитарии. Мы уважаем своих мертвых потому,

что уважаем себя, свой род, свое племя. И это самоуважение обязывало меня набрать номер полиции. Они спросят:

– Кто говорит?

– Человек, – отвечу я. – Тут убили человека. Чужие убили нашего. Приезжайте скорее.

Да-да, примерно так. Ведь я... человек? Конечно, человек. Кто же еще? Оставалось изобрести предлог, чтобы выйти из комнаты. Едва лишь я подумала об этом, как Найт позвал меня от стола:

– Сынок, сходи посмотри, что там снаружи...

Я выскочила в кухню, на ходу вытаскивая телефон из кармана. И тут Постум сказал мне: «Нет!»

– Почему? – оторопела я.

– Не делай этого. Не звони им. Они чужие. Они все разрушат. Убьют Трай. Убьют меня.

– Но ведь я... ведь я...

– Нет, – ответил Постум. – Уже нет. Теперь спрячь телефон, посмотри в окно и вернись в гостиную.

И я сделала всё в точности так, как он... как я приказал. А потом вышел наружу вместе со всеми своими, чтобы оттащить в чужие владения чужого мертвеца. Было очень тяжело и страшно, но я справился. Ведь я защищал свой Хайм, свой храм, свой род и свое племя – племя бессмертных.

Когда мы вернулись в дом, на Найта и Программера было жалко смотреть. Особенно на Найта: казалось, стоит ему совершить какое-нибудь неосторожное движение, и его внешняя оболочка развалится на куски. Только этого нам сейчас не хватало – возиться еще с одним трупом! В конце концов, я всего лишь пятилетний ребенок и не должен таскать на себе мертвецов. Максимум – помогать в этом взрослым...

В доме были три ванн, так что хватало на всех одновременно. Программера задержал телефонный разговор. Возможно, это выглядело не по-товарищески, но мы с Найтом не стали дожидаться его окончания. Я встал под горячий душ и закрыл глаза, вслушиваясь, как приходит в себя ооченевшее тело, как расправляется спина, расслабляются мышцы. Вода стекала по волосам на плечи, грудь, живот. Мысли текли медленно и лениво. «Так это называется, – думала я. – Не оболочка, а плечи, грудь, живот, спина... Ну при чем тут скафандр? А с другой стороны – не все ли равно? Назови так, назови эдак – это ничего не меняет. В конце концов, у скафандра тоже кожа, и плечи, и спина. Вопрос – кто я? Вот в чем дело. Кто я?»

Когда, переодевшись в сухое, я вышла из своей комнаты, Найт причесывался у зеркала в коридоре.

– Как дела, сынок? – весело спросил он. – Жив? Лично я как заново родился... Пойдем ставить чайник.

Мы спустились в гостиную. Программер неподвижно стоял возле своего рабочего стола, точно на том же месте, где мы оставили его четверть часа тому назад. С его мокрого рукава текло, и мерно падающие капли воды разыгрывали ксилофонный концерт на фоне жужжащей аппаратной стойки. Он был явно не в себе, наш странный хозяин, и это печальное зрелище заставило нас пожалеть о своем недавнем решении оставить его наедине с телефоном. Чест-

но говоря, Программер еще при первой встрече произвел на меня впечатление человека с параноидальным складом психики, но наше ночное приключение и вовсе выбило его из колеи. Он рвался куда-то бежать, причем немедленно, прямо сейчас; сочетание этого бреда с насквозь мокрой одеждой, лихорадочной дрожью и напавшим на него столбняком производило крайне тяжелое впечатление.

Найт стал успокаивать хозяина, а я побежала наверх готовить ванну. Усадив в нее несчастного Программера, мы вернулись в гостиную.

– Не волнуйся, мальчик, – сказал Найт, устраиваясь на офисном стуле с кружкой чая в руках. – С ним все будет в порядке. Переработался. В последнее время он почти не спит.

Я недоуменно пожала плечами.

– Зачем так гнать? Я понимаю – раньше, когда нужно было успеть до того, как умрет снаружи. Но сейчас? Разве он не закончил наш проект?

– Закончил для нас троих, – кивнул Найт. – Но в Хайме кроме нас есть еще миллионы людей. Мы помогли Программеру создать универсальную программу. Теперь он хочет, чтобы она работала на всех.

– Ты хочешь сказать, что больше никому не придется сидеть с датчиками на груди и на запястьях?

Найт улыбнулся.

– Не придется. Мы трое отсидели за все человечество. Видишь ли, сынок, люди хотя и отличаются друг от друга, но ненамного. И потом, эта система устроена так, что самообучается по ходу дела. У Программера они все такие. Он ведь один, не может себе позволить долго возиться с каждой программой. Строит, отлаживает и отпускает на волю: дальше живи сама, учись, исправляйся, действуй. Здорово, правда? Он пытался мне объяснить, как это работает, но я мало что понял. Только кивал, чтобы не злить. Ты ведь знаешь, как он злится, когда сразу не усекают? – он рассмеялся и отхлебнул из кружки. – Ну вот... Одно я усвоил точно: он уже очень близок к успеху. Очень-очень.

Мы помолчали.

– А что будет потом? – осторожно спросила я. – Ну, когда он закончит?

– Не знаю... – Найт скорчил пренебрежительную гримасу. – Нам-то что? Мы-то бессмертны. У нас с тобой слишком длинное «потом», чтобы загадывать. Или наоборот – оно достаточно длинное, чтобы быть абсолютно уверенным: потом будет всё. Всё, что только можно представить. Устраивает?

Он снова рассмеялся.

– Понятно, – тихо проговорила я, глядя в пол. – Но я спрашиваю о другом. Когда ты собираешься возвращаться? Я имею в виду – домой. Хайм – Хаймом, а дела – делами. У меня, к примеру, через два дня кончается отпуск...

Найт молчал, и я подняла глаза, чтобы определить, слышал ли он меня вообще. Подняла – и наткнулась на взгляд, полный такого безмерного изумления, что мне стало не по себе.

– Ты хочешь... – едва выговорил он и мотнул головой, будто не веря своим ушам. – Ты хочешь вернуться? Зачем? Вернуться туда?!

В последнем слове прозвучало столько отвращения, что его хватило бы на весь наружный мир, на всё это жуткое, омерзительное «туда».

– Но, Найт, дорогой, почему это так тебя удивляет? – я старалась говорить как можно мягче, чтобы не обидеть его. – Люди, как правило, возвращаются. Это обычное дело...

– Ты что, так ничего и не понял? – перебил меня Найт. – Тогда я объясню снова. Как только Программер установит новую версию системы, все повалят сюда, в Хайм. Валом повалят. Скоро все живые наружные люди будут здесь, слышишь? Не только потому, что в Хайме хорошо – одного этого бы не хватило, – а потому, что там невыносимо. Там невозможно жить! А теперь сам подумай: ну какой смысл возвращаться туда, откуда все бегут?

Я покачала головой.

– Тебе вряд ли понравится то, что я сейчас скажу, но мы ведь начистоту, правда? Ты ошибаешься, Найт. Пожалуйста, не обижайся, но вы с Трай просто очень несчастные люди. И вы клянете наружный мир только по этой причине. Да-да, не возражай. Вы сбежали в Хайм от несчастья. Но там, снаружи, есть и счастливые! И их много! Их миллиарды. И они довольны жизнью, Найт! Они довольны собой! У них и в мыслях нет запира́ть себя в убежище без окон! Они любят небо и солнце! Слышишь? Солнце! Да, ты остался совсем один. В этом нет твоей вины, так получилось, бывает. То же самое и Трай, и, наверно, Программер. Но я – другой случай! У меня родители... Правда, они живут в соседнем городе, но мы прекрасно ладим. У меня есть друзья... я сплю с парнями, которые мне нравятся. Я хочу выйти замуж и завести детей. Как все. Как все те, которые довольны. Вот и всё. Что тут такого странного?

Найт усмехнулся и пожал плечами. Пока я говорила, он пришел в себя, и прежнее удивление сменилось безмятежным спокойствием человека, совершенно уверенного в своей правоте.

– Что ж, – сказал он, – как хочешь. Такие решения каждый принимает самостоятельно. Тем более что частично ты прав. Мы – Трай и я – действительно несчастны. Вернее, были несчастны. Но мы ведь не родились такими, с клеймом «несчастен». Или ты полагаешь, что несчастье – что-то типа врожденного уродства? Нет ведь, а? Такими нас сделала жизнь, наружный мир. Такими нас сделал дом, в который тебе так не терпится вернуться. А до этого и мы выглядели не менее довольными, чем те миллиарды, о которых ты говоришь. Во всяком случае, о Трай это можно сказать с полным основанием: у него были дом, семья, достаток, любимая работа. И вдруг – бах!.. Ответь мне на такой вопрос: как подобное счастье может считаться настоящим, если оно может разрушиться в любую минуту? Вот тебя послезавтра убьет грузовик на встречной полосе. А твою жену изнасилуют в мусорном тупике по дороге домой. А твой сын умрет от ядовитой наркоты на безобидной школьной вечеринке... Всё это – реальность, Постум. Наружная реальность. А потому и счастье, о котором ты говоришь, не более чем иллюзия. Ты знаешь, люди всегда предпочитают цепляться за иллюзию. Это неудивительно – ведь иной зацепки у них все равно нет. Поэтому да, ты прав: первыми в Хайм придут именно несчастные, такие, как Трай или я. Но потом подтянутся и остальные, уверяю тебя. Ведь каждый

из них рано или поздно получит свою оплеуху. Каждый, без исключения. Если только ему не посчастливится умереть раньше.

«Так и есть! – поддержал его Постум где-то внутри меня. – Тебе незачем возвращаться!»

Я промолчала. Я не знала, что им ответить. Не знала, но должна была. Такие решения и в самом деле нужно принимать самостоятельно. Найдт вздохнул и поднялся со стула, чтобы собрать наши мокрые куртки и пальто.

– Отнесу это всё в сушилку... – он обернулся ко мне. – А ты, сынок, сходи пока в кухню за тряпкой. Программер тут расхаживает вслепую, еще поскользнется...

Я благодарно кивнула. Из тяжелых разговоров лучше всего выходить посредством какого-нибудь очень простого занятия. Например, подтирая лужи на полу гостиной.

В зарешеченное оконце кухни сочился тусклый свет внешнего мира. Значит, уже утро. Давно ли меня посылали сюда – убедиться, что на улице никого нет... Повинуясь неясному предчувствию, я подошла к окну вплотную. Нет, снаружи всё было по-прежнему тихо. Наглухо задраенные ставни домов, жухлые размокшие газоны, лужи на тротуаре, грязная пульпа на мостовой, и никакого движения – ни людей, ни машин, ни даже дождя со снегом. Вымерший жилой район. Как сказал Найдт, все рано или поздно получают свою оплеуху...

Сразу вспомнился мертвец на скамейке под фонарем – интересно, сидит ли он там по-прежнему или забрали? Вот только вряд ли это место можно рассмотреть отсюда... Я зашла сбоку и прижалась щекой к стене, чтобы заглянуть как можно дальше. И мои старания не пропали даром. Он стоял на противоположной стороне улицы – не мертвец, конечно, а шевроле. Да-да, это был именно он, черный шевроле-субурбан, ночной охотник, от которого мы прятались в ледяной жиже за кустами. Я узнал его сразу, сам не знаю как, просто узнал, и всё.

– Погоди, Постум, – сказала я, инстинктивно отстраняясь от окна, как будто нас могли заметить извне, – успокойся. Мало ли таких машин в подобных спальных пригородах? Субурбан – популярная модель. С чего ты вообще взял, что это та машина?

– Ты что, совсем дура? – панически выкрикнул я. – В этом полумертвом районе странной выглядит любая машина, припаркованная на улице, а не в гараже или на подъездной дорожке. Ты видела хоть одну такую прежде?

На это трудно было что-либо возразить. Я припомнила, как несколько дней назад подъезжала к дому Программера на такси; улица и в самом деле была совершенно пуста. Но главное – ночью мимо нас проехал тот же – или по крайней мере такой же шевроле. Проехал медленно, словно высматривая что-то, на манер полицейского патруля. Слишком много совпадений. Может, мне показалось?

Задержав дыхание, я снова приник к стене. Нет, машина стояла на том же месте. Но теперь я обратил внимание еще и на подозрительную чистоту ее заднего тонированного окна, обращенного в сторону нашего дома. Остальные стекла были равномерно забрызганы грязью, как оно и положено в такую погоду. Какова может быть причина, по которой они протерли именно это окно, одно из всех? Никакой, если только через него не ведется наблюдение... За кем? Про-

граммер говорил, что кроме нашего дома заселены еще несколько, и все – выше по улице. Следовательно...

В такой вот странной позиции – с вывернутой шеей, щекой к стене, меня и застал вошедший в кухню Программер. Наш хозяин уже переоделся и казался полным лихорадочной деятельной энергии.

– Что ты тут делаешь? – поинтересовался он, приседая на корточки перед кухонным шкафом.

– Смотрю.

– Ага. Дело полезное...

Он открыл дверцы и одним движением выгреб на пол картонные коробки, бутылки и пакеты.

– А, тряпка... – вспомнила я.

– Что-что? – рассеянно откликнулся Программер из недр шкафа.

– Тряпка, – повторила я. – Найт послал меня за тряпкой. Подтереть лужи в гостиной.

– Неважно, Постум. Теперь это уже не имеет никакого значения. Ни лужи, ни тряпки... черт, застрял!.. ни весь этот дом... Ага! – он вынырнул из шкафа, но уже не один, а в компании с большим пластиковым кейсом. – Ну вот... Глянь-ка, что у нас тут.

Щелкнули замочки; внутри чемоданчика лежали пачки банкнот, портативный ноутбук и несколько паспортов. Программер бегло просмотрел документы, выбрал один и сунул его в задний карман джинсов.

– Там субурбан... – сказал я.

– Ну вот... – с той же рассеянно-удовлетворенной интонацией произнес Программер, закрывая кейс. – Теперь мы почти готовы. Что ты сказал?

Он вдруг замер, как был, на корточках, – видимо, лишь сейчас осознав смысл моих слов.

– Там субурбан, – повторил я. – На улице. Тот самый. Не совсем напротив, а ближе к перекрестку, но можно рассмотреть отсюда.

– Ты уверен? – он метнулся к окну. – Где, не вижу... ах да. Вижу. Точно, он. Черт! Неужели опоздали... Боже, какой я идиот, какой идиот!

Программер сжал ладонями виски и какое-то время стоял так, уставившись неподвижным взглядом в недра опустевшего шкафа. Затем он тряхнул головой и подобрал чемоданчик.

– Пойдем в гостиную, – скомандовал он. – Нужно кое-что решить.

В гостиной нас ждали Трай на экране Хайма и Найт на стуле.

– За смертью тебя посылать, – приветствовал меня Найт. – Где тряпка?

– Погоди, Найт, – сказал Программер. – Не до тряпок сейчас.

Он вышел на середину комнаты и положил чемоданчик на стол.

– Ты опять за свое? – разочарованно протянул Найт. – Бежать, причем срочно? Мы ведь договорились...

– Скажи ему, Постум... – перебил его хозяин.

Я посмотрел на Найта и кивнул.

– Это не выдумки, папа. За домом следят. Помнишь ту ночную машину? Сейчас она стоит снаружи.

Найт растерянно улыбнулся.

– Ну и о чем это говорит? Всего лишь машина. Кто-то ночью искал нужный дом. А теперь нашел.

Программер отрицательно покачал головой. Он стоял, опершись на стол обеими руками и глядя прямо перед собой.

– Дело не только в машине. Вспомни, с чего это всё началось. Как ты меня нашел.

– Ну... купил твой адрес у хакера.

– Вот-вот. А хакер вытащил его из полицейских файлов. Я когда-то помогал полиции. Продавал информацию. Мошенники, порнографы, казино... всякая шушера. Работал напрямую с большим полицейским начальником по имени Шварц. И все было бы хорошо... – Программер с досадой дернул подбородком. – Все было бы прекрасно, если бы я с ним не поссорился. По собственной дурасти. Забыл про осторожность. Сами знаете, сколько тут было работы. Ну, вот и... увлекся...

Хозяин сокрушенно вздохнул. Мы с Найтом смотрели на него во все глаза.

– Я вот чего не понимаю, – сказал Найт. – Что в этом такого опасного? Разве ты делал что-то противозаконное? Нет ведь, наоборот, помогал. Почему теперь нужно бежать от этого Шварца?

– О-о-о! – простонал Программер. – Ты что, вчера на свет родился? Пока Шварц думал, что я обычный информатор, живущий на его подачки, ему до меня и дела не было. Но теперь, когда он узнал, что я хозяин Хайма и что из меня можно выкачать много денег... Неужели непонятно? Когда дело доходит до рэкета, полицейские – те же бандиты, даже хуже! Он мне позвонил как раз тогда, когда мы вернулись с улицы. Слышали, как я по телефону разговаривал? Это с ним. Позвонил и прямо сказал, что, мол, делиться надо. Делиться! Вы понимаете, что это означает? Черт! Я-то думал, у нас есть хоть немного времени. Но теперь выясняется, что этот подлец уже следит за домом...

Найт потрясенно молчал, переваривая услышанное.

– Программер, – робко встрял я, – а зачем им следить?

Он пожал плечами.

– Откуда мне знать? Например, хотят установить мои контакты, сотрудников, помощников, охрану. Какому нормальному человеку придет в голову, что я делаю все в одиночку? А может, ждут его приезда. Теперь-то они уверены, что мы пока не собираемся никуда уезжать.

– Почему?

– Потому что иначе мы не стали бы вытаскивать наружу труп, а оставили бы его дома и смылись, – ответил за Программера Найт. – Все верно. Неужели ничего нельзя сделать?

Программер вздохнул и посмотрел на нас.

– Есть выход через подвал на параллельную улицу. Но нам потребуется время. Сюда такси не вызвать, значит, придется пройти пешком. И если они что-то заподозрят, то догонят нас в два счета...

– Заподозрят? – переспросил я. – А как они могут заподозрить? Снаружи ведь не видно.

– Снаружи-то не видно, но есть другие признаки. Поверь мне, опустевший дом легко отличить. Никто не зажигает свет, не спускает воду, не включает стирку или плиту... – Программер взглянул на часы. – Сегодня у нас должна быть доставка из супера?

– Через два часа, – отозвался Найт.

– Ну вот. Через два часа рассылный позвонит в дверь, и кто-то должен открыть. Если этого не случится...

Он развел руками и замолчал, ожидая нашего ответа.

– Ясно, – сказал Найт. – Я останусь. Никаких проблем.

– Что ж, – легко согласился Программер, – это разумно. Постарайся демонстрировать присутствие. Свет – самое простое. На кухне всегда темно, туда часто заходят; возможно, за этим окошком они и следят. Чем больше времени ты выиграешь, тем лучше, но шесть часов – это минимум. До штурма лучше не доводить: открой им, когда позвонят. Только сначала выключи стойку. Вот тумблер.

«Что ты молчишь?! – крикнул мне Постум. – Скажи это! Ну!»

– Бояться, в общем, нечего, – продолжал Программер. – Это все-таки не бандиты, а полиция. И нужен им я, а не ты. Помурывают денек-другой и отпустят, ничего страшного.

– Я и не боюсь, – спокойно отвечал Найт. – Это всего лишь оболочка. Гори она огнем.

«Скажи!» – голос Постума звенел в моей голове, едва не разрывая ее на части.

– Нет. Останусь я.

Ну вот. Произнеся это, я сразу почувствовала облегчение. Найт и Программер повернулись в мою сторону.

– В честь чего это? – удивленно проговорил Найт. – Ты маленький мальчик, а тут задача для взрослых.

– Ерунда, – отмахнулась я. – Ты прекрасно видишь, что никакой я не мальчик. И потом – я ведь все равно хотела вернуться, помнишь? Есть разница, каким способом это сделать?

Они молча смотрели на меня.

– Не переживай, Найт, – сказала я, старательно улыбаясь. – Ты ведь сам слышал: никакой опасности нет. Это полиция, а не бандиты. Что они мне сделают? Я все равно ничего не знаю – ни программ, ни паролей. И потом, есть еще одна причина. Программер должен закончить новую версию. Ему понадобится помощник, а ты подходишь для этой роли намного лучше меня. Простой расчет.

– Я не могу бросить тебя одного, сын, – голос Найта звучал незнакомо, с какой-то странной хрипотцой. – Просто не могу.

Я рассмеялась.

– Никто никого не бросает, папа. Ты ведь сам сказал: это всего лишь оболочка. Что бы ни случилось со мной, Постум останется – теперь уже навсегда. Неужели ты сомневаешься даже в этом?!

Он молчал, пристально глядя на меня. По лицу его катились слезы. Слезы Найта – по лицу оболочки.

– Надо решать, – поторопил нас Программер. – Я ж говорю: есть вариант, что они только и ждут приезда Шварца. А это может произойти в любую минуту...

– Идите, – перебила его я. – Скорее. Я справлюсь, честное слово.

Мы с Найтом обнялись. Я прижался щекой к его мокрой щеке – как четверть часа назад прижимался к кухонной стене в надежде заглянуть подальше. Что было видно мне теперь, от отцовской щеки, – какие дали, какое будущее? Не знаю: разве что-нибудь разглядишь сквозь пелену слез?

– Конечно, мальчик, – шепнул он мне на ухо. – Конечно, ты останешься с нами. Помни об этом все время, тогда тебе ничего не страшно. Договорились?

– Найт... пора! – Программер нетерпеливо переминался у лестницы.

– Иду.

Найт оторвался от меня и, не оборачиваясь, сбежал по ступенькам вниз вслед за хозяином. Какое-то время я еще слышала их приглушенные голоса и звуки передвигаемой мебели. Затем всё стихло, и я осталась одна в пустом доме, в огромной пустой гостиной – одна, если не считать жужжащую аппаратную стойку, два офисных стола, и овечью отару стульев, безмятежно пасущихся меж так и не подтертых луж. Чтобы чем-то себя занять, я пошла на кухню за тряпкой, а заодно уж и навела там порядок. Вспомнив о наказе Программера, погасила свет и отправилась в подвал включать стиральную машину.

Внизу царил тот еще балаган: шкаф стоял боком, на полу валялись упавшие с полок вещи, в стене зияла дыра туннеля. Я прикинула – не стоит ли вернуть всё на место?... – и решила, что нет, не стоит. Поднялась наверх, спустила воду в сливной бачке и вдруг увидела себя в зеркале, будто со стороны, будто кого-то другого. Господи, чем я занята? Что я делаю, Господи? Какое-то безумие, честное слово...

– Как это что? – ответило зеркало. – Ты оттягиваешь, всеми силами оттягиваешь этот момент.

– Какой момент?

– Сама знаешь.

О да. Я изо всех сил оттягивала момент возвращения в Хайм. Но почему? Ведь Хайм давно уже стал моим главным миром, где я проводила почти всё свое свободное время. Что изменилось?

– Ты еще спрашиваешь... – скривилось зеркало. – Твое место занято, милочка. Теперь Постум прекрасно обходится без тебя.

Да, всё так. Я медленно спустилась в гостиную, к экранам Хайма, на одном из которых оживленно беседовали Трай, Найт и Постум – вся семья в полном составе. Звук был выключен, но, вне всякого сомнения, Постум произносил ровно те же слова, которыми наделила бы его я, если бы сейчас вошла в систему и переняла бразды правления у своего клона. Если вдуматься, то это было уму непостижимо: я слоняюсь по осажденному дому, спуская воду в сливных бачках, снаружи Найта пытается уйти от преследования, оператор Трай и вовсе мертв, а наши хаймовские двойники в то же самое время мирно попивают чай на веранде своей загородной виллы!

Неужели я хотела именно такого результата? Превратиться если не в прислугу, то в некий вспомогательный придаток, вся роль которого сводится к тому, чтобы включать-выключать свет на кухне... А что если я не согласна? Что если я сейчас же открою входную дверь и выскочу наружу напрямик к черному шевроле: спасите меня, люди! Спасите! Я с вами, я своя, из плоти и крови! В погоню, люди, в погоню!

Ну и что дальше? Разве мне станет лучше, если они схватят Программера и подчинят себе Хайм или даже уничтожат его? Кем

я буду без Хайма? Глупой девушкой-фотографом, которая делает вид, что сражается со смертью, а на самом деле прислуживает ей? Да, именно так. Не стоит себя обманывать, детка: снаружи ты всегда не более чем прислуга. Мир принадлежит вечным господам – таким, как смерть, а теперь, возможно, еще и Хайм. Выбор заключается не в том, прислуживать или нет, а в том, кому прислуживать. Неужели я выберу смерть? Вот уж нет... Я прибавила звука и стала Постумом.

В десятом часу принесли продукты из супермаркета. Я открыл, взял пакет и расписался в планшете посыльного. Субурбан стоял на том же месте; рядом, опершись на машину плечом и старательно глядя мимо меня, покуривал крепкий мужчина в куртке. Как долго они еще будут выжидать?

Я вернулся в гостиную и в Хайм.

Не знаю, как в чем-то другом, но в этой своей части план Программера сработал превосходно: они ворвались в дом лишь на рассвете следующего дня. Звонить не стали, просто выломали дверь. Правда, она оказалась очень крепкой и поддалась не сразу, так что мне хватило времени на то, чтобы вырубить стойку.

16. ПРОГРАММЕР

Понятия не имею, зачем прежние владельцы прорыли этот пятидесятиметровый туннель в подвал дома, выходящего на параллельную улицу. Застройка в подобных спальных районах всегда тесна; участки размечены бок о бок, спина к спине. Чтобы перейти с одного на другой, вовсе необязательно двигаться под землей – достаточно пересечь задний двор и открыть калитку. Но, наверно, обитателей этих двух домов не устраивало любопытство соседей сбоку. А может, кто-то здесь занимался не вполне законным бизнесом и заранее приготовил себе путь к отступлению. Так или иначе, к моменту моего вселения туннель уже перестал быть тайной – во всяком случае, для агента по недвижимости, который и поставил меня в известность о его существовании. Цены на здешнее жилье добрались в то время до самого дна и сожалели о невозможности упасть еще ниже. У меня же денег куры не клевали, так что, недолго думая, я купил оба участка. И вот – пригодилось.

До этого момента я прошел здесь ровно один раз – при покупке, в сопровождении риэлтора. Тогда туннель выглядел довольно обыденным, хотя и низковатым коридором с цементным полом и стенами, облицованными древесными панелями. Но, как видно, даже тайные подземные ходы нуждаются в постоянной заботе, а я в этом смысле – никудышный хозяин. Прошедшие со времени покупки годы привели туннель в состояние крайней запущенности. Освещение не работало, панели расползлись от сырости и протечек, вода под ногами доходила до щиколоток. Возвращаться за фонарем не хотелось, и мы продвигались вперед в полной темноте, словно спускались в ад. Из рая нашего теплого и светлого убежища – в слякотную темь наружного мира.

Я передал кейс Найту и шел первым, выставив перед собой обе руки, чтобы не наткнуться лбом на сломанную панель или упавшую балку. Мой верный спутник молча пытался следом.

– Пятьдесят метров, Найт, сто шагов, невелика дорога, – с фальшивой бодростью повторял я, молясь про себя лишь о том, чтобы туннель не оказался в итоге заваленным до непроходимости.

Но вот впереди забрезжил свет, уклон забрал вверх; проделав еще несколько метров, мы выбрались в подвал, а из него по лестнице – в пыльную гостиную, и дальше – к входной двери, и еще дальше – на улицу.

– Я уж думал, это никогда не кончится, – сказал Найт.

– Все только начинается, дружище, – заверил его я. – Все только начинается...

От соседней, перекрытой субурбаном, улицы нас отделяли лишь два ряда не вплотную стоящих домов и живые изгороди, полупрозрачные по причине зимнего времени. Поэтому нас вполне могли заметить по дороге к шоссе. Тем не менее я решил, что безопаснее идти по тротуару, а не ломиться напрямик через чужие участки: тут и там они еще оставались обитаемыми, и какой-нибудь бдительный хозяин вполне мог вызвать полицию, то есть тех же людей Шварца, которые наверняка слушали служебную волну. Вызов такси тоже не прошел бы незамеченным; пеший переход оставался нашим единственным, хотя и тоже небезопасным путем к спасению.

– Три сотни метров, Найт. Если уж мы прошли их с мертвецом на плечах...

– ...то донесем и друг друга, – кивнул он.

Мы двинулись вперед, стараясь идти плавно и не сбиваться на бег, чтобы привлекать меньше внимания. Хотя в столь безлюдном месте как было не обратить внимания на таких странных пешеходов в одних свитерах, с мокрыми по колено ногами? Я шел, невольно косясь вправо, на мелькавшее меж ветвей живой изгороди черное пятно субурбана: заметят?.. не заметят? И если проскочим, то не ждет ли нас еще одна засада – на выезде из пригорода?

Миновав самое опасное место, мы прибавили шагу, и стало теплее. Вот и шоссе; я поискал взглядом скамейку на соседнем перекрестке: пуста!

– Забрали нашего жмурика, – равнодушно констатировал Найт. – Не останавливайся, замерзнем.

Мы свернули налево и миновали еще несколько кварталов, пока не добрались до навеса автобусной остановки, где можно было перевести дух и худо-бедно спрятаться от чужих глаз. Я достал из кармана мобильник покойного снаружиста Трай и вызвал такси. Найт смахнул со скамьи капли воды; мы сели, прижавшись друг к другу плечами.

– Знаешь, Найт, – сказал я, – у меня никогда не было такого надежного друга, как ты. Я рад, что мы вместе. Нет худа без добра.

Он улыбнулся синими от холода губами.

– Главное, чтобы ты успел. Тогда это будет дружба навеки. Как в клятвах. Ты ведь сделаешь клон и для себя? Или у бога и царя Хайма не может быть клонов?

– Отчего же не может? – хмыкнул я. – Бог и царь, Найт, это такой же воспроизводимый автомат, как и ты. Я ж говорю: моя система самообучаема. Клон Программера должен научиться программировать в моем стиле, только и всего. Осталось совсем не-

много. Нам бы урвать еще несколько дней. Несколько дней, и я закончу. Потом – еще сутки на компиляцию, и всё, приехали. Хайм три-точка-ноль-ноль. Новый мир, новая жизнь, для всех. Можешь себе представить?

Найт серьезно кивнул.

– Могу. Ты настоящий бог, Программер. Бог-спаситель. Человечество ждало тебя тысячи лет.

– Ага, точно... – меня начала бить крупная дрожь. – Ждало, чтобы отморозить мне яйца на этой чертовой скамейке.

– Такси!

Найт вскочил и замахал руками, сигнализируя подъезжающей со стороны центра машине. Через минуту, наслаждаясь благословенным теплом, мы уже сидели на заднем сиденье старого мерседеса. Пожилой водитель неприязненно разглядывал нас в зеркале заднего обзора. «Наверняка запомнит, – подумал я. – Да и как таких не запомнить? Ничего, главное, чтобы не привез прямиком в участок. Но для этого вроде нет оснований...»

– Как вас туда занесло? Да еще и без одежды...

– Машина отказала, – ответил я. – Встала, как мул, ни туда, ни сюда. Сволочь. В такую-то погоду.

Шофер недоверчиво причмокнул.

– Что-то я не заметил там машины...

– Она в боковой улице, – объяснил Найт. – Мы вышли на шоссе, чтобы вас не пропустить.

– Ага... – он явно не верил ни единому нашему слову. – Вышли, значит. Кстати, в этот район двойной тариф. Туда и обратно.

– Само собой, – согласился я. – Мне сказали при вызове.

– Ага... А кто будет за вами сиденья вытирать, тебе не сказали? Такой пар валит, аж стекло запотело.

Он раздраженно мазнул пальцами по зеркалу.

– Не парься, командир, – сказал я. – Мы тебя не обидим, обещаю. Останови вон там, у торгового центра.

Я дал ему сотню, что было примерно втрое больше положенного, но это, похоже, обозлило таксиста еще больше. Вырвав купюру, он газанул, явно намеренно плеснув на нас волну грязи из-под колес.

– Злоба, – задумчиво проговорил Найт, глядя вслед отъехавшей машине. – Злоба, злоба, злоба... За что их жалеть, Программер? Кому они нужны там, в Хайме, эти злобные тараканы?

– Пошли, – поторопил его я. – Мы и так спалили уже полтора часа. Надо спешить, пока они всё не перекрыли...

Я хорошо представлял себе возможности Шварца, поэтому мы сменили все, что могли, включая кейс, который уступил свое место рюкзачку. На приобретение нового облика ушло еще полчаса, но зато можно было не сомневаться, что, выйдя из одежных магазинов, мы намного меньше соответствовали тому описанию, которое Шварц, несомненно, еще получит от нашего неприветливого таксиста. Уходя, я сказал Постуму, что направляюсь в аэропорт, но уже тогда не собирался этого делать, ведь именно там прежде всего и размещают засады. От торгового центра мы перемещались только на автобусах – сначала городских, а затем дальнего следования. Для пущей уверенности мы проигнорировали два

ближайших аэродрома и воспользовались лишь третьим, дабы отлететь на более-менее безопасное расстояние.

Безопасное? Нет, я не строил иллюзий. Мы были двумя беглецами, которые отчаянно пытались выиграть время у ополчившегося на нас наружного мира-охотника. Еще час, еще день, два, три... Мы знали, что он все равно поймает нас, рано или поздно – ведь мы закладывали свои заячьи петли по его территории. Здесь были его уголья, его пастбища, кладбища, капища. Здесь бродили его охотники, его соглядатаи, его палачи, верные прислужники Главного Охотника – смерти. И смерть тоже понимала, что непременно наложит на нас свою мощную лапу, вопрос лишь – когда.

Но именно в этом и заключался единственный смысл нашего бегства: успеть. Ведь мы бежали не *от...* а *к...* Не от смерти, а к бессмертию. А потому мы делали все, чтобы усыпить бдительность охотников: пускай они не торопятся, пусть будут совершенно уверены в своем окончательном успехе. Пусть накануне подольше просидят за столом, отмечая грядущую победу, пусть выспятся всласть, пусть подольше снаряжаются, зевая и дыша вчерашним перегаром, пусть выходят вразвалку, не спеша, пусть почаще останавливаются посплюнуть пальцы, определяя направление ветра. Пусть наша истинная цель останется скрытой как можно дольше, пусть они встрепаются лишь тогда, когда будет уже поздно трубить в рог, созывая действительно большую облаву, во всеоружии ее смертоносных стволов, гончих стай, капканов и ловушек.

Мы боялись не смерти, нет; мы боялись, что она настигнет нас в полушаге от бессмертия. Мы изо всех сил маскировались под своих в ее страшном лесу. Мы были поразительно похожи на ее слуг, дремлющих на скамьях автовокзалов, бегущих за вонючей приманкой, грызущих друг друга в очередях за право встать в другую очередь, ведущую в третью, четвертую, десятую... – очередную. Мы ловили на себе их равнодушные, любопытные, злобные, просительные взгляды и старались отвечать тем же. Потные и суетливые, они либо просили, либо брали без спросу, но всегда что-то тащили к себе, под себя, для себя; наверно, поэтому пальцы их стариков были такими скрюченными.

Это казалось непостижимым: ведь напоследок они подтаскивали к себе смерть, и туда же – к смерти – вели, в конечном счете, все их вожделенные очереди. Зачем так отчаянно драться за то, чтобы передвинуться поближе к гибели, зачем с таким остервенением цепляться за цепь, чье последнее звено – пропасть? Стараясь не выдать себя неосторожным движением, мы тихо ступали по их заплеванному полу, где незримо слоями лежали бесчисленные отпечатки ног умерших; умершие сидели на каждом стуле, подпирали каждую стену, жадно хватали воздух, выдыхаемый пока еще живыми; мы шли сквозь тени мертвецов, как сквозь мертвую глухую воду, шли, раздвигая грудью их душное, завистливое, злобное небытие.

При любой возможности я доставал ноутбук и углублялся в работу, полагаясь во всем остальном на Найта: он заботился о еде, о билетах, о местах в автобусах и поездах, он же охранял меня и от бродивших вокруг живых и мертвых мертвецов. До цели оставалось совсем немного; я чувствовал, как близкое бессмертие пощипывает мои пальцы на клавишах компьютера. Конечно, я и не

думал отправляться на одну из своих квартир: скорее всего, Шварц уже вычислил их по моим прежним телефонным звонкам и заказам. Начиная со вторых суток побега, мы с Найтом отказались от самолетов и гостиниц и теперь жили в постоянном движении, на вокзалах, в автобусах и поездах.

И за все это время мы ни разу – ни разу! – не упомянули сна-ружистку Постума, которая осталась прикрывать наше отступление, как смертница, прикованная к пулемету. Наверно, можно было сделать относительно безопасный звонок на ее мобильник – просто чтобы понять, что происходит. Но я говорил себе, что Найт не одобрит подобного легкомыслия. Он и вправду ни за что не одобрил бы, но всё же... всё же... в этом постыдном самооправдании было куда больше трусости, чем правды.

Мои сомнения разрешились неожиданным образом. Наш единственный компьютер использовался исключительно для работы, что начисто лишало Найта возможности войти в Хайм и пообщаться с Постумом и Трай. В принципе, можно было бы купить еще один ноутбук, но я не хотел тратить времени на укрепление его защиты, а выход в интернет с обычного компа представлял собой слишком большой риск. Я не сомневался, что Шварц только и ждет, когда мы совершим подобную ошибку. Найт не жаловался, но исподтишка поглядывал на экран с таким несчастным видом, что я в конце концов не выдержал и решил уступить ему ноутбук на десять минут. Он явно обрадовался, хотя и стал сначала отказываться для проформы:

– Тебе нужно работать, каждая минута на счету...

– Ничего, – успокоил его я. – Десять минут погоды не сделают. И потом, мне тоже интересно, как они там. Давай, не теряй времени.

Мы сидели на выщербленной деревянной скамье в дальнем закутке какого-то очередного автовокзала. Найт трепетно возложил компьютер на колени, подключился к системе и перенял управление собой у клона-заместителя. Мы по-братски поделили наушники – один ему, другой мне – так что я хорошо слышал крики радости, которыми его встретили Постум и Трай. Они жаждали новостей. Где мы сейчас? Как продвигается новая версия? Скоро ли Программер запустит своего двойника-клона, чтобы присоединиться к ним? Конечно, мы не могли ответить ни на один из этих вопросов, но последний – относительно моего клона – по-настоящему согрел мне сердце. Они действительно видели во мне близкого человека, члена семьи.

Когда Найт, взглянув на часы, стал прощаться, Постум вдруг остановил его:

– Подожди. Есть еще кое-что.

– Говори скорее, сынок, – поторопил его Найт. – Нам и в самом деле пора.

– Ерунда, – вмешалась Трай. – Ничего важного. Постум, не задерживай отца.

– Нет-нет, это важно, – заупрямился мальчик. – Она очень просила.

– Она? – переспросил Найт. – Кто «она»?

– Моя снаружистка, – потупился Постум. – Похоже, у нее проблемы. Она очень просила Программера позвонить...

– Сынок, у нас нет... – начал было Найт, но я вовремя перехватил у него проводок с микрофоном:

– Постум, диктуй номер. Быстро.

Выйдя из системы, мы несколько минут сидели молча. Несколько драгоценных минут.

– Ты и в самом деле собираешься звонить? – спросил Найт. – Зачем?

– Нужно узнать, что с ней. Мы не можем бросать ее так, как чужую. Только не говори мне, что она всего лишь оболочка, о'кей?

– Но это опасно.

Я пожал плечами:

– Через комп – не очень.

– Не очень – значит все-таки опасно, – упрямо повторил Найт. – Опасно и бессмысленно. Как ты можешь ей помочь? Мы ведь и сами висим на волоске. И потом – помнишь, ты говорил, что полиции не в чем ее обвинить. Она не совершила никакого преступления. Допросят и отпустят, только и всего.

– Я не могу не позвонить, Найт, – сказал я. – Потом буду себя корить. Это мешает работе, когда думаешь о другом. Лучше уже набрать этот номер и забыть. Чисто практический расчет. Так тебе понятней?

– Знаешь что, не изображай из меня дельца, – обиделся он. – Практический расчет... тоже мне. Разве я поэтому... Дело в принципе. В том, что у тебя неправильные приоритеты. Трай понимает в этом лучше всех. Знаешь почему? Потому, что она уже полностью освободилась от своего снаружиста.

– А ты?

– А я... – Найт задумался на несколько секунд. – А я еще зависим, хотя и немного. Зато ты, у которого еще даже клона нет...

– Хватит, – остановил его я. – Кто тут из нас двоих бог и царь? Звоню.

Подключившись к телефонной сети, я тщательно запутал маршрут подсоединения и набрал номер. Я был уверен, что услышу Шварца, но мне ответил другой, незнакомый голос. Помощник?

– Это Программер. Позовите Шварца.

– Программер, а? – на линии иронически хмыкнули. – Теперь тебя так зовут? Сколько у тебя кликух, парень? По одной на каждого, кого намылил?

– Я буду говорить только со Шварцем.

– Да что ты заладил: всё Шварц да Шварц... – с досадой произнес голос. – И телка твоя тоже Шварца поминала. Это твой легавый дружок, да? Ты что, парень, решил, что в ментовку звонишь? Номером ошибся?

– Кто вы? – хрипло спросил я.

– Вот, наконец-то правильный вопрос, – обрадовался мой собеседник. – Ты меня, наверно, забыл. Друг твой закадычный, Фифти-Фифти. Намыленный, хотя и не в бане. Проданный, хотя и не на базаре. Вспоминаешь такого, а? Нет? Как же так, парень? Сам мылил, сам продавал, а сам не помнит... – он понизил голос до свистящего шепота: – Ты знаешь, сколько ты мне бабок стоил, сволочь?

Теперь я вспомнил. Фифти-Фифти – так звали хозяина большой сети подпольных интернет-казино «Ювон». Я в свое время делал

для него программную систему, и я же сдал его со всеми потрохами несколькими годами позже. Сдал все тому же Шварцу. Кто мог знать, что этот бандит достанет меня именно сейчас, в самый неподходящий момент? А впрочем, всё логично, всё правильно... Ведь я понимал, что торговавший моим адресом хакер может продать его не только Найту. Понимал! Чему же теперь удивляться? «Снаружистка! – вдруг полыхнуло у меня в голове. – Ты-то рассчитывал, что она попадет в полицию. В полицию, а не к бандитам. Эти церемониться не станут... Боже мой...»

– Эй, ты где? – поинтересовался Фифти-Фифти. – Не помри мне там от инфаркта.

Я откашлялся, прочищая перехваченное судорогой горло.

– Слушай, Фифти, – сказал я. – Девушка тут совсем ни при чем. Отпусти ее, слышишь? Я заплачу. Сколько ты хочешь? Десять лимонов? Двадцать? Сто? Нет проблем. Только отпусти. Прямо сейчас.

Он засмеялся.

– Прямо сейчас? Ну ты борзой... Да как же я ее отпущу, когда ребята по телкам соскучились? Тянут ее тут почем зря. Телка хорошая, пока держится, но за дальнейшее не поручусь, так что поторопись, парень.

– Я же сказал – заплачу...

– А ты не говорить должен, а слушать, – внушительно проговорил он. – Слушать, понял?

– Хорошо, я слушаю.

Фифти-Фифти удовлетворенно хмыкнул.

– Вот, молодец... Короче, так. За дурака-то меня не держи, я теперь ученый. Деньги у хакера можно брать только вместе с самим хакером. Знаю я ваши скользкие штучки. Сегодня эти лимоны у меня на счету, а завтра – фьють! – ищи-свищи. Теперь мне ты нужен, лично, собственным рылом. А миллионы сами потом приложатся. Понял?

– Фифти, это невозможно... – пробормотал я. – У меня полиция на хвосте. Я же сказал – заплачу. Двести миллионов.

– Я спрашиваю: понял?! – заорал он. – Не понял?! Тогда так. На пальцы я размениваться не буду. Если ты через шесть часов не вернешься, твоей телке отрежут руку. Через час – вторую. Еще через час – ногу. Ну а когда руки-ноги кончатся, есть еще голова. Чтобы ты понял. Посмотри на часы, падла! Время пошло!

Гудки... Я сидел как оглушенный, не в силах поднять руки. Что делать? Что делать?... Найт деликатно вытряхнул из моего уха наушник.

– Я тебя предупреждал, что ничего хорошего из этого не выйдет.

– Ты слышал, Найт? Ты слышал? – простонал я. – Это никакой не Шварц. Это бандиты. Ты не представляешь, на что они способны. Он не просто так угрожает... Он...

– Перестань, – жестко оборвал Найт. – Забудь об этом, слышишь? У тебя свое дело, у них свое. Там всегда кого-то мучают, всегда кого-то убивают. В этом нет твоей вины. Это свойство наружного мира. Этот мир нельзя исправить, из него можно лишь сбежать. Лучшее, что ты можешь сделать, – это продолжать рабо-

ту. Потому что твоя работа поможет людям сбежать. Всем людям – не только мне, Трай и Постуму. Всем. Ты меня слышишь?

Я тряхнул головой. Почему они постоянно кричат на меня? Шварц, Фифти-Фифти, а теперь вот Найт. Что им всем от меня надо?

– Программер, милый, не надо... – Найт погладил меня по плечу. – Через полчаса наш рейс. Сходи умой лицо. Надо продолжать, слышишь?

Да-да, он совершенно прав. Надо продолжать. Продолжать во что бы то ни стало. Каждый должен делать свое дело. Твое – такое. Точка. Или не точка? Я представил себе, что они делают и еще сделают со снаружисткой Постума, и мне стало дурно.

– Найт, а Найт? – прошептал я. – А может, все-таки вернемся? Ему ведь нужны всего лишь деньги. А я приношу деньги. Хайм приносит деньги. Зачем ему разрушать Хайм, дойную корову? Будем работать на бандитов, на Шварца, да хоть на самого черта, какая разница? Главное, что под шумок я смогу закончить систему. Всё то же самое, зато...

Найт присел передо мной на корточки. В глазах его светилась совершеннейшая уверенность в собственной правоте, в правильном порядке приоритетов. «Еще немного, – подумал я, – и он догонит в этом свою любимую жену Трай. Трай, которая уже давно и счастливо избавилась от своего настырного снаружиста».

– Ты просто расстроен, – ласково проговорил Найт. – А иначе подобные глупости просто не пришли бы тебе в голову. Пойми: наружному миру не нужна твоя новая версия. Чего хочет наружный мир? Он хочет продавать и получать деньги. Так что бессмертие этому торгашу совсем ни к чему – ведь бессмертие можно продать только один раз. Всего один раз! Зато смерть... О, смерть продают многократно, причем каждому покупателю, – продают в форме ежегодных, ежедневных, ежечасных отсрочек. Отсрочками от смерти торгуют везде: на рынках, в аптеках, в больницах, в кассах вокзалов и аэропортов... – везде. Съел кусок хлеба, выпил стакан воды, проглотил таблетку, доехал до работы, до больницы, до роддома... – значит, отсрочил смерть еще на день, еще на неделю, на год, на десятилетие. Этот мир существует, торгуя смертью. Подумай сам: о чем ты только что торговался с бандитом? Об отсрочке смерти. А потому первое, что они сделают, услышав о твоей новой версии, – закроют Хайм. А затем убьют тебя, чтоб не мешал торговать. Или наоборот – сначала убьют, а потом закроют. Ну? Разве не так?

Я закрыл глаза. На изнанке век гонялись друг за другом огненные червяки. Устал. Боже, как я устал...

– Может, и так... – сказал я, просто чтобы что-то сказать, чтобы знать, что я еще жив и могу говорить. – Но я торговался о жизни. Я хотел купить ей жизнь. Хотел и не смог.

– Ерунда, – возразил Найт. – Ты торговался о жизни, но тебе могли продать не более чем отсрочку. В ее случае это и вовсе бессмысленно: ведь она уже переселилась в Хайм. Она стала Постумом. И вот Постуму ты как раз можешь купить жизнь. Настоящую жизнь, без смерти и каких-либо отсрочек, раз и навсегда. Если, конечно, закончишь новую версию. Иди умойся. Нам пора на автобус.

И я встал, и пошел в вокзальный туалет – смыть с лица грязь, мразь и слезы наружного мира, которые горели на моем лбу, как плевок, как клеймо, как жгучая каинова печать. Вокзал был большим, многоуровневым, мы забрались на самый верхний этаж, и сквозь приоткрытое окно туалета всё внизу казалось игрушечным: игрушечные автобусы во дворе, игрушечный незнакомый город и игрушечный мир, торгующий настоящей смертью. Если бы я мог, я выпрыгнул бы прямо сейчас. Но я не мог. Я отчаянно нуждался в отсрочке, чтобы завершить новую версию.

17. НАЙТ

Я уже говорил, что всегда считал Программера человеком с параноидальными наклонностями, и это мнение не поколебала даже реальность черного шевроле-субурбана, который на поверку и в самом деле оказался бандитским. В конце концов, тот факт, что параноиков, как и всех прочих, время от времени действительно преследуют, никак не оправдывал ни жизни с постоянной готовностью к бегству, ни преувеличенной подозрительности, с которой Программер относился к любому встречному-поперечному. Вот и Шварц – таинственный, никогда мною не виденный Шварц, от которого мы спасались так отчаянно, что лишали себя возможности по-настоящему выспаться и умыться, чем дальше, тем больше выглядел в моих глазах нереальным, надуманным пугалом, типичным плодом программеровской паранойи.

Послушать моего друга, так Шварц присутствовал везде и всюду, незримый и неуловимый, не воспринимаемый обычными чувствами, как мировой эфир или электромагнитная волна. Войдя в любое помещение – будь то зал ожидания или салон автобуса, Программер принимался настороженно разглядывать присутствующих, отчего-то предполагая, что у него получается делать это незаметно, исподтишка. Но хорошо известно, что люди быстрее всего замечают именно такие взгляды. Неудивительно, ведь эта способность въелась в их генетический код еще с тех времен, когда они начали охотиться друг на друга – каннибальский обычай, не изжитый человечеством до сих пор. В результате все обитатели автобуса, вагона, вокзальной комнаты принимались неловко поеживаться, оглядываться, ерзать на своих сиденьях, пока, наконец, не обнаруживали источник беспокойства, и тогда уже все глаза дружно устремлялись на Программера с выражением возмущения, вызова, а то и прямой угрозы. Завидев такое внимание, бедняга и вовсе приходил в ужас, хватал меня за рукав и тащил в какое-нибудь другое место, где история повторялась с точностью до последней детали.

Вырвать его из этого дурного цикла можно было только с помощью ноутбука: начав работать, Программер начисто отключался от окружающего. По-моему, он даже забывал, что пребывает вне привычной обстановки, потому как то и дело вскакивал с недвусмысленным намерением пуститься в слепой «думательный» зигзаг наподобие тех, которые он обычно закладывал в гостиной своего дома. Вот только здесь ему пришлось бы наткнуться не на безответные офисные стулья, а на неуступчивые людские тела,

поэтому я все время держался настороже, дабы вовремя поймать рассеянного творца за полу плаща и водворить на прежнее безопасное место.

Правду говоря, он был беспомощней малого ребенка; рядом с ним даже я, со своим минимальным наружным опытом, казался сущей акулой выживания. По сути, на мне лежали все бытовые проблемы нашего непростого дорожного бытия – все, кроме выбора маршрута. Вопрос, куда ехать, решал сам Программер, руководствуясь при этом абсолютно неведомыми соображениями. Иногда это доводило меня до бешенства: ясно ведь, что поздним вечером разумнее взять билет в спальный вагон, а не трястись в автобусах, разбивая ночь на четыре мучительных куса несколькими пересадками! И хотя я не осмеливался возражать, раздражение постепенно накапливалось, пока не вылилось наружу на пятые сутки нашей беженской одиссеи.

Мы въехали в один из неразличимо серых городов, по которым мотались все эти дни, и Программеру взбрело в голову сойти еще на окраине, не доезжая до автовокзала. Время было раннее, городские автобусы еще не ходили, а такси мой безумный спутник игнорировал в принципе, придерживаясь твердого убеждения, что опаснее их могут быть только гостиницы. Осознав, что мы должны теперь просидеть на холоде полтора-два часа, я не выдержал и высказал Программеру всё – и про паранойю, и про идиотское планирование маршрута, и про бытовые неудобства, и про то, как мне осточертело быть его нянькой. Внимательно выслушав мою возмущенную тираду, он сокрушенно кивнул и закрыл ноутбук.

– Найт, дорогой, ты просто не очень понимаешь, с кем мы имеем дело. Шварц – очень сильный противник, куда сильнее любых бандитов.

Я всплеснул руками:

– Тогда покажи мне его. Где он, этот всемогущий Шварц? Не вижу! – я сложил ладони рупором и крикнул вдоль пустынной рассветной улицы: – Ау, Шварц! Где ты?! Выходи!

– Ты что, с ума сошел?!

Программер вскочил и бросился ко мне, на лице его был написан непритворный ужас. Я увернулся, но он все-таки ухватил меня за одну руку.

– Ау! – продолжал вопить я в свой полуразрушенный рупор. – Шварц! Приходи!

Какое-то время мы нелепо боролись на краю тротуара, пока Программеру не удалось затолкать меня под бетонный навес остановки.

– Вот видишь? – констатировал я. – Не приходит. Может, его и нету вовсе, твоего Шварца? Может, ты его придумал? Признайся, придумал?

– Ты с ума сошел... – повторил он, отдуваясь от непривычного физического усилия. – Нету... Он может быть где угодно. У него повсюду глаза. Стоит нам оступиться, и конец. Таксисты, кассиры, портье – все уже наверняка предупреждены, награда обещана, все они только и ждут, когда мы...

– Чушь! – взорвался я. – Никто не может позволить себе столько шпионов по всему миру! Даже если он существует – заметь, я ска-

зал «если», – то не имеет ни малейшего понятия, где мы. В каком городе, в какой стране... Твоя параноя просто невысказана! Невысказана! И кстати, если уж он такой умный, то почему бандиты добрались до нас раньше?

Программер горько усмехнулся.

– Это тоже могло быть частью его плана. Запугать меня бандитами, чтобы я потом сам прибежал к нему за защитой. А может, он просто не торопился, знал, что я никуда не денусь. И он прав, Найт. Мы и впрямь никуда не денемся, это всего лишь вопрос времени.

– Уму непостижимо! – вздохнул я. – Ты болен. Мания преследования, как по учебнику. Я смотрел в интернете, всё сходится. Ты готов толковать в этом духе любой факт. Любой!

– Найт, ты устал, – пробормотал он. – Это понятно. Потерпи еще немного. Работы осталось часов на двенадцать, не больше. А это значит, что сегодня я закончу версию. Еще сутки на компиляцию, загрузку – и можно запускать. Всего получается два дня. Потерпишь?

Но я уже не мог заставить себя потакать его необъяснимым капризам. Мне казалось невозможным просидеть даже минуту на этой чертовой остановке. Я хотел в тепло. Я хотел встать под горячий душ. Я хотел положить голову на настоящую подушку, на настоящей кровати, под настоящим одеялом.

– Вот уж нет, дорогой, – сказал я решительно. – Хватит. На этот раз мы поступим по-моему. А именно: возьмем первое попавшееся такси и скажем шоферу отвезти нас в отель. Ты не хочешь светиться? Ладно, пусть будет самый средний из самых средних отелей этой чертовой дыры. Но обязательно с постелью и душем! Особенно – с душем! Можешь меня презирать за легкомыслие, но я почему-то совершенно уверен, что твой вездесущий Шварц не прольется на нас оттуда ядовитым дождем, как Зевс на Данаю!

Он попытался было возразить, но тут, как на заказ, из бокового переулка вывернулось такси, и я в восторге замахал руками, подзывая машину. Это был знак богов, не иначе. Через полчаса я уже стоял под горячими струями воды, а за дверью ждали распростертые объятия свежих простыней. Программер разбудил меня только к вечеру. Сам он не ложился, работал все это время и выглядел усталым. Возможно, поэтому мне удалось настоять на том, чтобы к железнодорожному вокзалу мы снова подъехали на такси, а не на городском автобусе. Я твердо вознамерился кардинально изменить режим нашего бегства, сделать его более щадящим. Программер только вздохнул, когда я, даже не спросив его мнения, взял билеты в спальный вагон. Пункт назначения меня не особо волновал – главное, чтоб на всю ночь.

Мы закрылись в купе, и я тут же снова завалился спать, а он снова открыл свой ноутбук. Ночью, переворачиваясь с боку на бок, я видел его профиль, склоненный над светящимся прямоугольником экрана. Еще не рассвело, когда я проснулся от того, что Программер сильно тряхнул меня за плечо. Недовольно протирая глаза, я сел на койке и осведомился, какого, собственно, черта, и почему так рано? Он придвинул ко мне ноутбук.

– Почитай. Это от Шварца. Пришло только что. На почтовый ящик администратора Хайма.

– Ну и что? – буркнул я. – Туда может написать каждый. Опять ты со своими фантазиями...

– Читай. Вслух.

«Дорогой Программер! – прочитал я. – Тебе еще не надоело играть со мной в прятки? Или все-таки подустал? Честно говоря, я не ожидал, что ты всплывешь так быстро и готовился к тому, что наша встреча отложится на недельку-другую. Но твоя вчерашняя гостиница сразу превратила прятки в догонялки...»

Я замолчал и растерянно посмотрел на Программера:

– Как он узнал? Мы ведь не вынимали паспортов...

Он пожал плечами:

– Отказ показать документы тоже выглядит подозрительно. Читай дальше.

Буквы прыгали у меня перед глазами.

«Как я понимаю, – писал Шварц, – ты едешь сейчас в каком-нибудь междугороднем автобусе, куда пересел из поезда. Или еще не пересел? Так или иначе, я уверен, что мои люди будут иметь удовольствие приветствовать тебя лично уже сегодня, максимум – завтра. А потому предлагаю тебе покончить с этой нелепой игрой как можно раньше – ведь теперь она уже точно проиграна. Просто позвони мне, и я с удовольствием пришлю за тобой вертушку. Не могу описать, как я рад нашему близкому свиданию. Твой Шварц».

Я снова замолчал, не зная, что сказать.

– Там еще постскрипtum, – глухо проговорил Программер, забывая у меня ноутбук. – Вот: «Да, кстати, заезжали к тебе домой. Крайне неприятное зрелище. Ну что б тебе было не послушаться меня сразу?» Это он о...

Голос его прервался.

– Не надо, Программер, – еле вымолвил я. – Не надо. Ей уже не поможешь. Теперь уже мы... как же мы... Прости меня, пожалуйста...

– Неважно... – Программер поднял голову и посмотрел на меня. – Слушай, Найт. Слушай внимательно. Я закончил версию и запустил компиляцию. Потом автоматически пойдет загрузка новой системы на сервера. Но в самом конце нужно вручную дать последнюю команду. Понимаешь? Войти в систему под моим именем и дать команду. Нажать на пуск. И это сделаешь ты.

– Я? Ты что? Я в этом ничего не понимаю...

– Тут нечего понимать... – он сел рядом со мной и стал показывать. – Вот входной экран Хайма, прекрасно тебе знакомый. Только вместо своего имени введешь слово «Программер» и пароль, который я написал тебе на бумажке. Откроется этот экран, и на нем кнопка «Пуск». Видишь? Я специально сделал все так, чтобы ты не мог ошибиться. Имя, пароль, пуск. Очень просто. Ну, что ты молчишь? Кивни хотя бы...

Он грустно улыбнулся. Я кивнул. Комок стоял у меня поперек горла.

– Программер... но зачем? Почему я? Почему не...

– Почему не я? Почему не мы вместе? – продолжил за меня он. – Это же очевидно. Шварцу нужен я. А ты для него никто. Значит, если мы разделимся, то у тебя появится дополнительное время, которого нет у меня. Но предупреждаю: его не так много. Немного, но должно хватить до конца загрузки. Это примерно еще

девятнадцать часов, чуть меньше суток... И вот еще что: сразу после того, как мы расстанемся, смени мой пароль. Чтобы его знал только ты. Чтобы Хайм не достался Шварцу. Кивни.

Я кивнул и закрыл руками лицо: всё происходило слишком быстро для моего понимания.

— Это очень важный момент, — проговорил Программер тоном терпеливого учителя. — Очень важный. Потому что Шварц выбьет из меня всё, что я знаю. Я постараюсь терпеть как можно дольше, но не будем на это слишком рассчитывать, Найт. В конечном счете я расскажу ему всё. О себе, о тебе и обо всем, что он пожелает знать. Поэтому я и сказал, что у тебя не так много времени... Итак, ты сменишь пароль, войдешь в Хайм под своим именем и передашь новый пароль хаймовскому Найту, своему клону. Чтобы он потом мог вернуть его мне. Такая вот нехитрая петля.

— Вернуть тебе? Но ведь ты...

Он улыбнулся.

— Ты забыл, что в новой версии у Программера будет собственный клон? Клон бога и царя... Он — то есть хаймовский я — и придет к тебе за паролем.

— А Шварц? — пробормотал я невпопад.

Программер преувеличенно бодро хлопнул меня по спине.

— А у Шварца останется моя оболочка! Ты ведь сам говорил: это не более чем шкурка. Думаю, к тому времени она будет изрядно побита и продырявлена. Ну и черт с ней. Как говорил наш знакомый, ныне покойный снаружист, это всего лишь мясо. Мясо, кожа да кости... Эй, Найт, дружище! Веселей гляди! Мы почти у цели... — он взглянул на часы. — Следующая остановка через двадцать минут. Я сойду там.

— А как же я?!

18. ОНА

— А как же я?!

Это восклицание прозвучало так беспомощно и горько, что я и сама испугалась. Мне показалось, что это уже происходило со мною однажды. Что мне два или три года, на моей голове бант, и я стою на коленках, прижавшись носом к оконному стеклу, и смотрю на незнакомый вокзал, и вдруг вижу на платформе свою маму, вышедшую, как она сказала, на полминутки, и осознаю, что поезд сейчас тронется, и она останется там, а я здесь, и звериный вой рвется из моего горла — вой брошенного детеныша. Было это когда-нибудь или не было? И если было, то с кем? Со мной? Но кто я сейчас?

Программер придвинулся ближе и обнял меня за плечи. В глазах его стояли слезы.

— Зачем ты так? — тихо проговорил он. — Думаешь, мне легко? Думаешь, я не боюсь? Ты выйдешь потом. Я не думаю, что тебе имеет смысл ехать до конечной — лучше сойти где-нибудь по дороге. Только реши сама и ничего не рассказывай мне. Потому что я в конце концов все расскажу Шварцу. Понимаешь?

Я молча кивнула. Я не могла говорить. Слова снова душили меня. Два слова: «Не уходи!» Программер вернулся на свою лавку и стал натягивать сапоги, купленные нами еще в том, первом тор-

говом центре. Теплые, непромокаемые, немного неуклюжие, но относительно легкие. В них трудно бегать, но хорошо убежать. Под моей лавкой стояли такие же. Программер притопнул для пробы, посмотрел на меня и ободряюще улыбнулся.

– Помни, здесь сидим не мы, а наши снаружисты. Им все равно умирать, а нам жить... – он задумчиво покачал головой. – Иногда я думаю: как было бы здорово обойтись вообще без снаружистов! Переселить всех в Хайм и не оставить снаружи никого. Никого, кто страдал бы, кто умирал бы от пули, голода, болезни, старости. Никого, кому отрезали бы руки и ноги... Но пока не получится. Пока нам нужны серверы, и obsлyга, и электричество, и деньги на поддержку. Но в будущем мы непременно автоматизируем и все эти службы. Непременно. И тогда останется только Хайм. Хайм – и мы, его бессмертные жильцы и хозяева.

Он усмехнулся и взглянул на часы.

– Уже скоро. Знаешь, я тут подумал про бога и царя. Вот я сотворил Хайм, да? Сотворил целый мир – и небо, и моря, и континенты, и звезды с планетами. И населил его тоже. Получается, что я совсем как тот, самый главный и самый большой Бог и Царь. Всё один к одному! – теперь Программер улыбался почти весело, глаза его светились. – Получается, что Он действительно создал меня по своему подобию! Понимаешь? Человек подобен Богу не потому, что у Бога есть руки и ноги, которые может отрубить любой бандит. А потому, что он тоже творец. Вот в чем дело! Человек создан для того, чтобы творить!

Он наклонился и схватил меня за обе руки. Поезд замедлял ход перед остановкой.

– И вот еще что... – быстрой скороговоркой произнес Программер. – Прикинь: если у человека есть цель, и эта цель – творить, то возникает вопрос: что именно? Что мы можем сотворить такого, чего не было бы уже сотворено Им, самым главным и большим? Мы часто думаем, что творим, но это вовсе не творчество. Вот взять хоть этот поезд. Разве он сотворен нами? Черта с два! Всё, из чего он сделан, сотворено до нас – и железо, и дерево, и нефть, и электричество. Мы просто перекомбинировали уже сотворенные детали, и получился поезд. Или взять симфонию: все ее звуки уже существовали до композитора. Какой же он тогда творец? Никакой он не творец, он комбинатор, вернее, рекомбинатор. Но! – он торжественно воздел к потолку указательный палец. – Есть кое-что такое, что можем сотворить только мы. Только мы. С нуля, из бесвязного хаоса, без всяких комбинаций и рекомбинаций – в точности как делал Он, творя наш мир. Знаешь, что это? Нет?

Я отчаянно замычала, мотая головой из стороны в сторону. Я не знала и не слишком хотела узнать. В моей голове крутились совсем другие невысказанные мысли, подавленные крики, мучительные страхи. За окном плыли пакгаузы, будки, ангары железнодорожного депо. Вот и платформа. Программер вскочил и натянул на голову шапку.

– А ты подумай! – весело выкрикнул он. – Подумай! Для чего мы живем? Для чего?.. Ну, давай обнимемся, пора уже...

Я прижалась лицом к грубому драпу его пальто. Добротное пальто. Мы купили два – одно ему, другое мне. У меня никогда не

было такого друга. И уже не будет. Потекло из носа, но плевать я хотела на нос. Плевать я хотела на всё. Больше уже ничего не будет. Ничего. Программер деликатно похлопал меня по спине.

– Ну всё, всё, хватит... Что ты прощаешься, будто навсегда... Скоро ведь увидимся. В Хайме. Главное, не забудь сменить пароль и потом обязательно передать его Найту. Кстати, Найт к тебе очень привязан, как и все мы. Да, и конечно, пуск. Ты должна держаться до пуска – это сейчас самое важное. От этого сейчас зависим мы все. Весь Хайм и даже... даже весь мир. Буквально. Ты ведь постарайся, правда? Ну, всё, всё...

Поезд уже стоял. Программер высвободился из моей мертвой хватки и вышел в коридор.

– Нн-н... ет! – промычала я, цепляясь за его рукав.

Он обернулся.

– Так и не догадалась? Ладно, слушай... – он снова воздел свой торжественный палец и стал похож на памятник Программеру. – Бессмертие! Человечество существует только для того, чтобы сотворить бессмертие! И мы с тобой сделали это, слышишь? Мы победили смерти! Большой и всемогущий Бог не смог, а мы вот смогли! Мы сотворили Хайм, для себя и, наверно, для Него тоже... Думаю, это Он и имел в виду, когда вылепил первого человека. Хитрюга... – Программер подмигнул. – Верно, мой вклад в наше творение побольше твоего, но ведь и твой не из последних. Ты тоже – автор и творец бессмертия. И вообще – запоминают не того, кто строил, а того, кто нажимал на пуск! Выходит, кто из нас двоих бог и царь? Ох и повезло тебе, подруга!

Он потрепал меня по мокрой от слез щеке и быстро пошел к выходу. Я осталась одна. Поезд дернулся, как лошадь под кнутом. Поезд рванулся вперед, а мама осталась там, на перроне. Мама-утка, уводящая охотников от своего гнезда. Я заперла дверь, села у окна и заплакала. Я не могла продолжать, пока не выплачу все слезы – все, до последнего гроша. Но слезы кончились на удивление быстро. Собственно, и времени-то плакать не было. Скорый поезд пластал пространство острыми ножами колес, а мне еще предстояло решить, в каком из получившихся ломтей предпочтительней спрятаться.

Согласно расчетам Программера, загрузка системы на серверные фермы должна была завершиться до полуночи. Следовательно, от меня требовалось продержаться всего восемнадцать-девятнадцать часов. Не так много, но и не мало, учитывая возможности наших преследователей, которые я столь глупо недооценила сутками раньше. Меньше всего мне хотелось повторить свою ошибку и завалить таким образом дело жизни моего друга. И не только его: ведь речь тут шла обо всех. Обо мне, о моей семье, обо всем человечестве, застрявшем в грязи и крови наружного мира, как топор в черепе людоеда. По идее, эта огромная ответственность должна была давить на мои плечи тяжелее небесного свода, но почему-то меня волновали совсем другие соображения. Больше всего на свете я боялась теперь подвести Программера, не оправдать его доверия, обмануть его ожидания.

Утерев слезы, я занялась проверкой своих ресурсов. Документы. Деньги. Запасные батареи для компа. Всего хватало, причем с

избытком. Вообще-то, я знала это и до ревизии, но мне позарез нужно было успокоиться, и лучше всего для этой цели подходил процесс ощупывания и вдумчивого распределения по карманам моих последних союзников. Затем я взялась за ноутбук, чтобы подсоединиться к сети и войти в систему под именем Программера. Мобильная связь работала замечательно; я ввела написанный на бумажке замысловатый пароль и оказалась в святая святых Хайма – на контрольной панели администратора. Перед тем как нажать на кнопку смены пароля, я вслушалась в себя: каково это – ощущать себя всесильным властителем целого мира? Гм... ничего особенного, даже руки не чешутся что-нибудь сломать. Наверно, это приходит со временем.

Новый пароль я срисовала с изнанки своей меховой шапки – длинный ряд цифр и букв торгового артикула подошел как нельзя лучше. Ну вот. Теперь домой, к семье. Заодно и попрощаемся... Я вошла в Хайм под именем Найта и сразу озаботилась тем, чтобы мой клон записал нужную комбинацию. Вот и всё, прощайте, ребята. Трай и Постум смотрели на меня со странной смесью жалости и облегчения. Но мне почему-то было абсолютно по барабану. Я ничего не чувствовала, вообще ничего. Я делала всё, чтобы быть запрограммированным автоматом. Запрограммированным автоматом своего друга Программера. А Программер, как известно, умеет программировать. Я закрыла ноутбук, зная, что в следующий раз он понадобится мне не раньше, чем через восемнадцать часов.

Что там дальше в программе? Вон из поезда, вот что. Ведь если Программера уже взяли, то и меня могут ждать на любой станции... Я сунула ноутбук за пояс, под свитер, накинула пальто и вышла в тамбур. Было еще темно, поезд замедлял ход перед близкой остановкой, за грязным стеклом мелькнуло освещенное окно железнодорожной будки и красноглазый мигающий переезд со шлагбаумом. Под вагоном утомленно вздохнули тормоза, и поезд встал... – а что, если сойти прямо сейчас? Да нет, там наверняка заперто... Я нажала на дверную ручку – открыто! В лицо ударило мокрым воздухом, снаружи ворочалась непроницаемая тьма. Как видно, это был разъезд или закрытый семафор, сейчас состав двинется снова... Ухватившись одной рукой за поручень, а другой придерживая ноутбук, я нащупала ступеньку, оттолкнулась и прыгнула в темноту.

Я и сама поразилась тому, что не упала, разбившись вдреизг, до костного мозга, как того следовало ожидать при моей катастрофической неловкости, а всего лишь села на землю, съехав на каблуках по невысокому щебеночному откосу. Села и так сидела, дивясь тому, что милосердный Творец отвел несчастье от моего нескладного тела. За спиной вздохнула гидравлика, громыхнули сцепки, поезд тронулся, застучал колесами, замельтешил по земле пятнами света из окон, ушел. Поезд ушел. Дура ненормальная. Зачем я прыгнула? Что это за безрассудная, необъяснимая глупость? Но тут я взглянула на собственную руку, все еще намертво прижимающую к животу драгоценный прямоугольник ноутбука, и разом припомнила забытый было ответ на все «зачем?» и «почему?»

Затем, чтоб не попасться. Затем, чтобы они не сняли меня с поезда уже на следующей станции, чтобы их соглядатаи не опознали меня на платформе, в зале ожидания, у автобусной кассы.

Затем, что если Программер действительно расскажет им всё, то они будут ждать меня именно там, в узловых точках нашей предыдущей беженской схемы. Затем, что мало кому придет в голову, что такая неуклюжая корова, как я, может спрыгнуть с поезда посреди перегона. Но я таки спрыгнула! И не только спрыгнула, но и осталась цела!

Цела ли? В панике от этого внезапного сомнения, я вскочила на ноги и провела повторную проверку ресурсов. Нет, все на месте: руки, ноги, документы, деньги, ноутбук. Сапоги, шапка, пальто. Я осмотрелась. Глаза уже привыкли к темноте и различали огороженное изгородью поле, лес и постепенно светлеющий край неба. Позади светились огоньки железнодорожного переезда и еще что-то... – ах да, будка, помню... проехали незадолго до... Я вскарабкалась по насыпи вверх и двинулась по шпалам в направлении переезда. Почему именно туда? Не знаю. По наитию – тому же самому, которое побудило меня спрыгнуть.

Шоссе оказалось неожиданно близко. Мокрый выщербленный асфальт, залепленные грязью очки светофоров, воздетые к небу полосатые штанги... – и ни души. Я прислонилась к железному кожуху шлагбаума и перевела дух. Куда теперь? Не стоять же здесь оставшиеся восемнадцать часов... А впрочем, почему бы и нет? Были ведь нимфы ручьев, лесов, ущелий – отчего бы и мне не заделаться нимфой железнодорожного переезда?

Слева вспыхнул, вывернулся из-за лесного поворота свет автомобильных фар, задергался вверх-вниз, подпрыгивая на дорожных выбоинах. Неужели это они? Догнали, обнаружили... Но почему именно они? Почему не просто машина, обычная, не имеющая никакого отношения к нашим преследователям?

«Ага, как же... – подумала я. – Что привело тебя сюда, как не подобные «здравые» рассуждения? Один раз ты уже обвинила Программера в излишней паранойе, и что из этого вышло?»

Я затравленно огляделась, прикидывая, где бы укрыться. Увы, до леса было далеко, до будки еще дальше. Бежать не имело смысла; я крепче прижала ноутбук к животу и приготовилась к самому худшему. Автомобиль приблизился, и от моего сердца отлегло: вряд ли люди Шварца могли использовать такую машину – небольшой, весь залепленный грязью грузовичок, из тех, на каких обычно ездят мелкие подрядчики. Грузовик поравнялся со мной и остановился, поползло вниз стекло... – что ему надо?

– Тебя подвезти?

Скрипучий мужской голос. «Что ответить?» – подумала я и вдруг поняла, что уже кивнула.

– Ну, садись...

Водитель открыл дверь и принялся освобождать для меня сиденье, сгребая куда попало наваленное там барахло. Я молча ждала. Наконец он безнадежно махнул рукой:

– А, ладно, лезь так.

Я кое-как втиснулась на свободный пятачок меж тряпьем, пластовыми пакетами и мятыми картонными коробками.

– Тебе куда? – бодро спросил шофер, трогая с места.

Я неопределенно махнула рукой вперед. Хозяином грузовичка оказался довольно неопрятный мужичонка с недельной щетиной и

плохими зубами. Как видно, он жаждал общения, оттого и посадил меня, случайную попутчицу.

– В город, что ли?

Я кивнула.

– Что-то ты не больно разговорчивая, – разочарованно протянул он и, покопавшись в нагромождении хлама на приборном щитке, выудил оттуда сигарету. – А чего так? Скучно ведь молча.

– Мм-м... – промычала я, выразительно указывая на рот.

– Немая? – понял он. – Немая, да?

В голосе водителя звучал непонятный восторг. Я снова кивнула. Он прихлопнул ладонью по колену от избытка чувств, взглянул на так и не зажженную сигарету и, немного поколебавшись, сунул ее обратно, в хлам. Похоже, мужичок относил немоту к разряду смертельного увечья, перед лицом которого даже курение запрещено.

– Ну так и что ж, что немая? – произнес он рассудительно. – Немые тоже люди. С немыми тоже разговаривать надо. Верно я говорю?

– Умм, – подтвердила я.

– Ну вот! – обрадовался мой собеседник. – Если хочешь знать, для меня это и вовсе не проблема. Для кого другого, может, и да, а для меня... Я по большей части только так и разговариваю. С женой то есть. Я говорю, а она молчит. Ага...

«Хорошо, когда от тебя не требуется ответа, – подумала я. – Так легко и спокойно...» Меня стало клонить в сон.

– Покемарь, покемарь, – послышалось сбоку. – Я привыкший. Всё как с женой. Я говорю, она дремлет. Мы с ней так уже... сколько?.. восемь лет с хвостиком. Ага... Она ведь у меня в больнице. Я ведь в больницу еду. А тебе в городе куда? В центр? Больница-то в центре. А я в больницу. Но если тебе куда-то... в смысле, если крюк небольшой, то могу и подбросить. Если небольшой.

Он вздохнул и замолчал.

«Отчего бы и не в больницу? – вдруг осенило меня. – В больнице и пересажу. Они-то меня на автовокзале искать будут или на станции. А я – раз! – и в больницу! Там всегда много посетителей, никто не обратит внимания. Наверняка и буфет есть, и стулья... Вот так идея!»

С меня даже сон слетел. Я благодарно покосилась на мужичонку. Вот только не следует терять бдительности. Вряд ли этот шофер намного лучше того злобного таксиста. Если копнуть, то все снаружи-то одинаковы. А хлама-то сколько, черт ногу сломит...

– Восемь лет... – задумчиво проговорил водитель. – Много, а? Умножить на триста шестьдесят пять, это ж сколько будет. Много... И каждый день я там. Каждый день. Потому что она обижается, когда я пропускаю. Ага. Я за все это время четыре раза только и пропустил. Два раза драндулет мой ломался, и еще два... неважно. И каждый раз она обижалась. Ей ведь тоже непросто там, одной-то. Мне вот легче: домой заскакиваю, драндулет, попутчики вот вроде тебя... А ей? Сама подумай: всё лежишь и лежишь, это ж рехнуться можно. Ага. Другим кажется, что она ничего не чувствует, бревно бревном. Но я-то знаю: она всё слышит. Всё, каждое слово. И ждет меня. Ага.

Он хохотнул и на секунду повернулся ко мне, приглашая посмеяться вместе с ним.

— Глупо ведь, правда? Надо ж такое сказать – бревно! Или еще говорят – овощ. А какой она овощ? Овощ не дышит, а она дышит. А дышит – от слова душа. Значит, душа в ней жива. Это как драндулет, да? И я в драндулете. Он, допустим, сломался. Сломался и встал. И стоит, бревно бревном. Но я-то внутри живой! В кабине то есть. Живой, правда?

— Умм, – согласно промычала я.

— Ага... Я, знаешь, там часто ночую. Чтоб драндулет зря не гонять. Да и ей приятно. Муж и жена должны спать в одной комнате. Там кресло есть, стулья. Если составить, то... – он вдруг фыркнул. – Мне как-то санитарка говорит. Ты, говорит, ненормальный. Так, говорит, тоже нельзя. У человека должна быть своя жизнь. А я ей говорю... Это, говорю, и есть моя жизнь. Ага. Вот так. Это и есть.

«Нет, – подумала я. – Он совсем не похож на того таксиста. Хотя кто его знает. Может, и таксист был не так уж и плох. Они просто ужасно несчастны, все до одного. Как-то оглушительно несчастны. Но выбора-то нет. У них просто нет выбора. Если не считать Хайма».

Мужичонка прищелкнул пальцами.

— Я вот чего думаю. Это всё вопрос времени. Драндулет чинят? Чинят. И ее драндулет, в смысле, тело, тоже починить можно. Только пока не знают как. Но ведь когда-нибудь узнают, так? Может, даже очень скоро. Может, завтра. Или послезавтра. Наука... – он уважительно покивал небритым подбородком. – Главное, что внутри она жива. Ага. Нужно подождать. Вот мы и ждем, вместе. И ты тоже жди. Ну и что ж, что немая? Внутри-то ты целая, так? Так? Вот то-то и оно...

Шоссе втянулось в улицу, пошли неказистые дома, магазины, скверы, тротуары – непримечательный облик серого, не слишком большого города, каких тысячи на этой земле. Уже совсем рассвело.

— Ну вот, – сказал мой водитель. – Сейчас парк проедем, а там и больница. Тебе-то куда потом?

Я улыбнулась и показала вперед.

— Что, тоже в больницу? – догадался он. – Вот так история! А ведь верно, ты же небось лечиться едешь. Ага. Все правильно. Повезло тебе со мной. До самого места, с ветерком!

Мы въехали на больничную стоянку. Перед тем как распрощаться, я протянула ему сотенную купюру. Боялась обидеть, и зря: судя по тому, как мужичонка обрадовался, деньги явно были для него нелишними. Уже сидя в больничном кафе, я корила себя за то, что не дала больше. Ведь ему еще долго ждать чудес от науки, а мне эти банкноты уже ни к чему. До назначенного времени оставалось чуть меньше шестнадцати часов.

Чуть меньше шестнадцати часов до рождения нового мира, нового счастья – для всех нас, злобных несчастливцев, мыкающих во тьме невыносимых мук от смерти до смерти. Для меня, для этого мужичонки и, может быть, даже для его парализованной жены. Возможно, еще не поздно спасти и ее. Возможно, он прав, и она действительно еще жива, еще ждет спасения в мертвой неподвижности своего «драндулета». Она – и миллиарды других – таких, как она, как я, как злобный таксист, как Постум и Трай, как сам Программер.

И кто принесет им это счастье? Я. Я, убогая калека, безмолвная уродина, одинокая жертва удушающих слов. Я нажму на кнопку. Я скажу: «Да будет Пуск!» Я запущу механизм нашего мира при помощи одного простого слова – примерно так, как это сделал великий Создатель в начале времен. А как сказал, прощаясь, Программер, помнят всегда того, кто нажал на кнопку. Это даже забавно, что именно мне выпало в итоге сыграть роль Творца. Кто бы мог подумать...

Время замученным мулом ковыляло по кругу настенных часов, волоча за собой тяжелые рычаги стрелок. Когда запахи кафе надели мне до тошноты, я отправилась в прогулку по больнице. Я шла по коридору операционного отделения, где, натываясь друг на друга, неприкаянно слонялись люди со стертыми лицами и невидящими, обращенными внутрь взглядами. Рядом за запертыми стеклянными дверьми хирурги кромсали тела их детей, родителей, любимых; глядя на неподъемную тяжесть их ожидания, я устыдилась своим жалобам в адрес медленно текущего времени.

Я сидела в вестибюле приемного покоя, когда парамедики выгружали из подлетевших амбулансов носилки с человеческими телами, искореженными в очередной катастрофе. Я слушала тревожную дробь, выбиваемую на плитках пола колесами их тележек, дробь барабанов смерти, готовой сожрать свежее мясо своей ежечасной, ежеминутной кровавой бойни. Я видела белки закатившихся глаз, окровавленные кисти рук, неестественно вывернутые, переломанные конечности. Чем заслужили эти бывшие люди столь жуткую, столь бесчеловечную казнь?

Я проходила мимо онкологических палат, где с высоких подушек смотрели на меня неестественно худые лица несчастных, пожираемых изнутри чудовищными клешнями рака. Я читала в их взглядах смиренное согласие пойманной жертвы, которую кромсает урчащий от вожделения хищник. Они уже не сопротивлялись и не просили ничего, кроме морфия и скорейшего конца: «Жри меня, пожалуйста... – но зачем же так больно? Зачем же так мучить? Вот он я, бери...» В другом отделении, уставившись в потолок бессмысленным взором, лежали живые трупы парализованных, а рядом по коридору передвигались на инвалидных колясках те, кому не повезло наполовину меньше. Где-то тут вел свою бесконечную одностороннюю беседу с женой мой сегодняшний водитель...

Сколько крови, муки, страданий! Если вдуматься, то не было места, более подходящего для акта творения новой Вселенной, чем земная больница – средоточие язв и болячек наружного мира. Я вспомнила, что снаружистка Постума работала в детской больнице – там, должно быть, еще страшнее... Ничего, люди. Потерпите еще чуть-чуть. Мой добрый Хайм примет вас всех, без разбора и без остатка.

Когда я вернулась в больничное кафе, часы на стене показывали пять с небольшим. Ждать оставалось уже не так долго. Я села за столик, всем телом ощущая навалившуюся усталость. Сейчас бы вздремнуть... Выдержу ли? Выдержу, выдержу... – одна мысль о кнопке «Пуск» бодрила, как сотня чашек кофе. Кстати, о кнопке: откуда лучше всего подсоединиться к интернету, когда время дать команду? Да хоть отсюда, из столовки... Боже мой! Меня вдруг как

обожгло: я ведь даже не проверила, есть ли тут устойчивая связь со спутником! Какая непростительная беспечность!

Сонливость слетела с меня, как газовый платочек в ветреную погоду. Трясущимися руками я достала из-под свитера ноутбук. Так и есть! Не знаю, что было тому причиной: то ли электромагнитное поле оборудования, которым была набита больница, то ли другие особенности места, но факт оставался фактом: связь едва теплилась, то и дело прерываясь. Я захлопнула ноутбук, чувствуя, как внутри нарастает паника, быстро заполняя все мое существо. Что делать? Что делать, куда бежать?

– Стоп! – скомандовала я самой себе. – Возьми себя в руки. Ничего страшного еще не произошло. Это раз. И пока нет никакой причины покидать столь хорошее убежище. Это два. Но есть еще и три. Кафетерий расположен на первом этаже. На уровне шестого, а еще лучше – прямо на крыше – связь должна быть намного надежней. Наверняка тут есть выход на крышу. Но как его отыскать?.. Погоди-погоди – а тот небритый мужичок, который подвез меня сюда – он, несомненно, знает тут все ходы и выходы. За восемь-то лет...

Я взяла салфетку, написала на ней несколько слов и отправилась к паралитикам. Мой небритый спаситель дремал рядом с постелью жены – пухленькой блондинки, опутанной проводами, как пояс смертника. Увидев меня, он обрадовался.

– Ты еще здесь? Садись, вот сюда...

Я молча протянула ему салфетку.

– «Мне нужно выйти на крышу», – прочитал он вслух и поднял на меня недоуменный взгляд. – На крышу? Зачем? И вообще, там заперто...

Я вытащила из кармана две сотенные купюры. Небритый крикнул и почесал в затылке.

– Э нет подруга, так не пойдет. Сначала скажи зачем. Еще сиганешь оттуда, а мне потом объясняться.

– М-мм! – протестующе промычала я и, вытащив из-за пояса ноутбук, знаками обрисовала проблему его недостаточно крепкой связи с небесами.

– Ага, понятно, – закивал мой догадливый собеседник и снова полез рукой в затылок. – Заперто оно, конечно. Но я, вообще-то, слесарь...

Я вынула еще две банкноты, удваивая ставку. Через двадцать минут мы уже поднимались по аварийной лестнице к выходной двери. Как я и предполагала, на крыше связь работала так, будто спутник парил на расстоянии десяти метров от ноутбука. На всякий случай я вошла в систему – а вдруг загрузка уже закончилась? Нет, кнопка была по-прежнему не подсвечена... – видно, и впрямь придется ждать еще пять часов. Небритый стоял рядом, с нескрываемой тревогой наблюдая за моими манипуляциями. Я улыбнулась – не бойся, мол, никуда я не сигану – и закрыла комп.

На выходе с крыши мой слесарь хотел было захлопнуть дверь, но я отчаянно запротестовала, показывая на часы.

– Что, не закрывать? – переспросил он. – Нет, подруга, не могу. Мало ли...

Я дернула его за рукав и снова ткнула пальцем в циферблат часов, на одиннадцать.

– Еще раз, да? В одиннадцать?

В ответ на мой энергичный кивок последовала новая консультация руки с затылком, затем небритый вздохнул:

– Что с тобой сделаешь... Ладно, будь по-твоему. Пока оставляю так. Но после одиннадцати запираем. Годится?

Мы спустились в палату к жене. Судя по продолжающимся вздохам, моего спутника продолжали мучить сомнения.

– Знаешь что? – проговорил он наконец. – Посиди-ка ты это время со мной. Всё как-то спокойней будет...

Я пожала плечами: нет, мол, проблем. В палате было тепло, и дремота опять потащила меня в беспамятство.

– Да на тебе от усталости лица нет, – причитал сердобольный хозяин, укладывая меня на стулья за креслом. – Поспи, милая, поспи. Я разбужу, не волнуйся. Когда тебе нужно туда? В одиннадцать? Пол-одиннадцатого? Значит, пол-одиннадцатого, как штык. Да не бойся ты – сказал, разбужу, значит...

Окончания фразы я уже не услышала, провалилась в черную бездну сна. Я витала над нею в своих добротных сапогах и пальто, а вокруг меня, как луны, крутились отрубленные руки и ноги Постума, мертвец на скамейке и окровавленный Программер.

– Программер, что они с тобой сделали? – ужаснулась я.

Он подлетел поближе.

– Хорошее пальто, Найт. И сапоги. В таких трудно бегать, но легко убежать... – Программер улыбнулся беззубым ртом. – Я все им сказал, милая. Они знают, где ты. Они уже близко.

Приблизившись вплотную, он протянул руку, схватил меня за плечо и начал трясти. Я вскрикнула и проснулась. Надо мной клоуновало озабоченное небритое лицо моего водителя. Проспала? В ужасе я подняла к глазам руку с часами: десять двадцать! Слава Богу! Всё в порядке... всё в порядке...

– Ну вот, проснулась... – почему-то шепотом прошелестел небритый и, оглянувшись, продолжил: – Плохо дело, подруга. Уж не знаю, кто ты и откуда, только ищут тебя. Серьезные такие мужчины, в штатском. Ага. Я за кипяточком ходил да и услышал, как они в регистратуре расспрашивают. Твои все приметы, всё сходится. Сапоги, пальто, рост, лицо, компьютер. Ну и немота тоже. Ага. Хотя они говорят – заика, но это ведь почти одно и то же, так?

Я судорожно кивнула. Меня начала бить дрожь. Ищут. Но как они догадались? Кто мог знать, что я именно здесь, в больнице?

«Да это же ноутбук! – вдруг осенило меня. – Конечно! Программер рассказал им обо всем, а значит, и о системе защиты своего ноутбука. И стоило мне четыре часа назад выйти в интернет, как они сразу засекли координаты! Вот тебе и ответ...»

– Они и тут ходили, смотрели, – причитал мой водитель, – да ты ведь за стульями спала, не заметишь. Но тебе тут больше нельзя, слышишь? Ага. У меня ведь жена и вообще... Ты, часом, не шпионка ли? Нет? А чего тогда им надо?.. Нельзя тебе тут.

Он подбежал к двери и выглянул наружу.

– Сейчас там никого, у регистратуры. До лестницы доберешься. Уходи, а? Очень прошу. Нельзя тебе тут...

Я снова кивнула и попыталась улыбнуться. В карманах оставалось еще много денег, и я wygrебла этот мусор на кресло. Небритый

в ужасе замотал головой. Не слушая его, я взяла шапку, ноутбук и вышла в коридор. Встречная медсестра отшатнулась, как от прокаженной, прижалась спиной к стене, провожая меня взглядом широко распахнутых глаз. Интересно, что они там обо мне наговорили?

Дрожь усилилась. Прихватив в попутной каптерке швабру, я выбежала на лестницу и бросилась наверх. Только бы дверь осталась открытой... – только бы осталась... – открыта! Я выскочила на крышу, захлопнула за собой дверь и подперла ее шваброй. Вот так. Теперь ноутбук. С замершим сердцем, едва попадая по клавишам, я ввела имя Программера и пароль. Кнопка все еще не была подсвечена! Да сколько же можно! Я обернулась на дверь. Скоро они будут здесь. Кто раньше? Всё теперь упиралось в этот вопрос: кто раньше? Смерть или бессмертие? Наружный мир или Хайм?

Дверь сзади дрогнула от удара. Если у них нет с собой ключа, это даст мне еще пару минут. Подхватив компьютер, я побежала к краю крыши... еще десять секунд... кто раньше?... кто раньше?... Они уже не стучали в дверь – значит, ключа все же не было! Я снова посмотрела на экран, и сердце мое подпрыгнуло от радости: кнопка горела, налившись ярким зеленым светом! Я глубоко вздохнула и кликнула по ней мышкой. Да будет пуск! Какое-то время ничего не происходило, затем экран дрогнул, кнопка пропала, а на ее месте вспыхнуло: «Умница, Найт! Я знал, что ты всё сделаешь как надо! Ты просто бог и царь, дружище! Увидимся в Хайме! Твой Программер».

Я рассмеялась счастливым смехом. Он заранее приготовил мне это письмо, мой дорогой друг. У него ведь всё запрограммировано, у этого несносного типа. Дверь сзади дрожала от ударов. Я перевернула ноутбук, вытащила жесткий диск и расплющила его добротным каблуком своего добротного сапога. Вот и всё. Теперь дело уже точно сделано. Швабра сломалась, они выскочили на крышу и остановились, уставившись на меня. Я рассмеялась им в лицо. Всё кончено, братцы. Новая версия Хайма ждет ваших бывших рабов и, так уж и быть, вас тоже. Туда принимают всех, без разбора и без остатка. То, что стоит перед вами, – всего лишь оболочка; она не скажет вам ничего такого, что...

И тут ноги мои подкосились. Пароль! Торговый артикул моей шапки! Уж если сам Программер рассказал им всё, то что тогда говорить обо мне... Нет никакой гарантии, что в Хайме успеют сменить пароль до того, как люди Шварца вытащат его из меня. Боже, какая дура! Они приближались ко мне осторожными, выверенными шагами охотников. Как там говорил этот небритый слесарь, обладатель двух драндулетов – одного, что пока еще на ходу, и другого – прикованного к больничной койке:

– Еще сиганешь с крыши...

Нет, обещала я ему тогда, не сигану. Выходит, наврала. Я поднялась на невысокий парапет. Охотники перешли на бег. Поздно, ребята! Я сильно оттолкнулась и полетела будто бы вниз, но на самом-то деле – вперед. Вперед и вверх – к звездам, к Программеру, Постуму и Трай, ко всем своим родным и близким, к неминуемому и вечному счастью нашего и вашего Хайма.

ПЛОЩАДЬ ГОЛЛАНДИИ

Никольский

ВСЕГО ЛИШЬ ШАГ ДО РАЯ

* * *

Вообразим, что Гаага и что король,
что корона и шпага, а под корой
голубой раствор для мытья зеркал,
что мы за него горой.

Вообразим королеву. Её отца,
что был он неотразим.

Как на красавиц зыркал он, как моргал
красоткам, когда на сцене гремел Расин,
что был он вор, что не тронули подлеца.

Отрешимся от реальности и решим
циркулем и лучшею из рейсшин
вычертить план, а после насыпать вал.

Предположим, что я тебя обнял, поцеловал
и что мы дрожим.

Что будет, как ты решишь.

Представим – как через город прорыт канал,
выстроен храм, как вечером засиял
фонарь, как сладко пахнул гашиш,
как чернокожий садится на социал,
как я тоже отечество поменял.

Представим, как птицы перед зимой галдят,
как люди, пьяные вдрабадан,
по затопленным осенью городам
ходят, словно по душевой,
под холодную дождевой,
улыбаясь, на нас глядят,
и что ты покуда живая, и я живой.

* * *

Кто, кроме меня, женщиной был рождён?

Кто губами искал сосок?

Кто ещё промок под косым дождём и на солнце сох?

Разве кто-то, кроме меня, в детстве ходил в детсад?

Кто другой в пятьдесят одышкой был награждён
и досадовал величайшею из досад?

Я один не лез на рожон, лишь мой отрешённый взор
следил, как злодей людей за год превращает в сор.

Только меня манит сладкая пахлава.
Лишь над моей головой в небе летит болид.
Лишь у меня болит каждый день голова.
Для меня играют в футбол, результат нулевой,
а головную боль вечер уgomонит.
Как в словах передам, что видел и как я жил!
В Амстердам по средам – я единственный пассажир.
Евреев не замая, туристов не уловив,
самолёт в Тель-Авив нёс одного меня.
Самолёт. Терминал. Словно в бочке сардин.
На земле понимал тебя только я один.
Густая, как мармелад, – не течёт, не бежит.
Только мне умирать, другие продолжают жить.

* * *

Я видел сумасшедшую, она
всем говорила, что её страна
сдана властями инопланетянам,
и стол в саду под молодым платаном
накрыла чем-то красным, полотняным.
Никто не возражал, что это бред,
а принялись за праздничный обед,
и налегли на кольца заварные,
и думали не о шизофрении,
а о десерте, супе и гарнире,
о том, что их отменно накормили,
что очень неудобный табурет.
Я видел сумасшедшую, при ней
имелся целый батальон парней,
наверное, с Нептуна и Плутона,
планеты эти в небесах висят...
Тут впору процитировать Платона,
но я не помню никаких цитат.
Она молилась, но не «дай нам днесь»,
а как-то странно, словно это смесь
английского и лунного жаргона,
короче, совершенно по-другому
и чувствовала, что чужая здесь
и не в своей летающей тарелке,
для лазера скупала батарейки...
Под платье незаметно к ней залезь –
на крыльях сзади у неё короста!
Она была космического роста...
Никто! Никто не раскусил змею!
Я сумасшедших сразу узнаю.
У нас на Марсе с этим очень просто.

* * *

Пренебрегая пренеприятными новостями
о Курдистане, Пакистане, Афганистане,
я жил на острове (Западно-Фризские острова),
и мир, который я помнил, устаревал.
В дюнах росла трава, единственной новизной
был небесный цвет вазочки подвесной.
Я становился частью странного нарратива,
потому что отнёсся к настоящему нерадиво.
Остаться бы! (Там неплохое пиво.)

Даже весной на остров не доберутся
сплетни, газеты, связной, связная,
и кого в мэры выдвинули бейрутцы –
я до старости не узнаю.
Да и так всё на земле понятно:
у нас закроют завод канатный,
и уволенные рабочие нынешнему трёхцветному
предпочтут томатный.
Кого-то посадят по несусветному...
Не успеет и оглянуться...
На выборы в начале месяца ноября,
чтоб поменять вора на упыря,
ничего особого в голову не беря,
люди под сильным дождём попрутся...
А на вопрос: «Не пора ли домой вернуться?» –
я отвечу, что не пора.
В городе будет всё то же у каждого и у многих:
Вечером прожекторы засветятся на треногах
и, всю ночь горя,
осветят, как счастливые пары съезжаются в *opéra*,
как у Вебера хором стараются егеря.
Одинокие в барах начинают охоту на одиноких...
Что ж, ни пуха им ни пера.

РОШ А-ШАНА

Из посконной рубахи – да в голландское полотно!
У себя на коже всматриваюсь в пятно,
оно не растёт и вроде бы не кровит
и убить меня покуда не норовит.
Я досюда добрался шагом, а то ползком.
Я получил сочным, большим куском,
и ещё остаётся... максимум – три десятка...
а потом – посадка.

Три десятка – много: заваривай доширак,
жируй на комби- и прочих других жирах,
а ведь бывает, что ласковым голоском
(не крутите пальцем рядом с моим виском!)
тебя на улицу выманит – и шарах!
А отвечать не хочется за базар...
В сентябре день сжался и потемнел
и удавку вместо галстука завязал.
Я поменял ко.ил на местное пунт эн эл –
я ни цента не получил взамен,
я позабыл, какой у совка домен.
Я хриплю и сиплю, не к добру это, не к добру –
надо бы подготовиться к октябрю...
А пока вот так у моря хрипишь, сипишь,
далеко в пустыне готовят гефилъте фиш,
Рош а-шана у них по календарю.

* * *

Художник сразу перешел на «ты»
и заявил, что нету красоты,
а есть лишь краски, кисти и зарплата:
рабочим – двести пятьдесят на брата,
и он готов изобразить цветы,
пернатых из тропических лесов,
кузнечиков и деревце граната,
и чтоб по лесу прыгала менада,
одетая, а можно без трусов
(и без менады, если вдруг не надо).
Заказчик понял и налил стакан,
решил, что надо. Выпил честь по чести,
сказал, что он готов, но лишь за двести.
И так был разукрашен Ватикан.

НА ЗАПАДЕ

Подражание

На западе, где облак заалел,
где столько книжек написал ЛЛ,
вещей ненужных продаётся прорва.
На флагах там написано ЛОГЛО,
что значит не «люголь» и не «легло»,
а просто перевернутое VOLVO.

Громадное количество людей.
Читатель, вникни и похолодей!
Там было двадцать, даже тридцать тысяч.
Я думаю, сермяжный русский люд
при виде, как голландцы пиво пьют,
их захотел бы поприжать и высечь.

Загажены каналов берега,
там леди надрывается: «Га-га!»,
там джентльмена крепко в рожу бьёт
простой народ, а не наоборот...

Так можно километры сочинять,
поэтому не буду начинать.

СОВРЕМЕННОКИ

Неудачливые абреки на фабрике жарили чебуреки, спали в бараке, не состояли в браке, как придурки, ходили в бурке.

Пока было тепло, кобылки вставляли на каблуки, за ними бежали кобельки, и каждый своей лапульке нёс молоко и булки.

Влюблённые, сединами убелённые, шептали шаблонное, пили шабли, но если их двигали дрыном в сплин, говорили: «Блин!»

Вот так все на свете – негодники, годники, второгодники, помешанные на астрологии и гаданье, те, кто много денег заработал в городе Магадане, кто угодно, кого дно засосало, кто угодно, именно кто угодно – все дожили и доехали до сегодня.

ГРОНИНГЕН

Детали правду превращают в сон.
Лимитчица с причёскою «Гарсон»
(кто жил тогда, тот помнит про причёску,
о ней разнёсся слух по Ильичёвску
и покатился дальше колесом;
я помню, что когда-то был лимит,
а если кто режим сейчас клеймит,
он просто позабыл, что значит «жёстко»,
что значит «водка», «грязь» и «комбинат»,
не вспомнит, хоть и будет вспоминать,
что это значит – «жить в райцентре Шостка».)
Небрежность правду превращает в ложь.
Мадмуазель со стрижкою «Гаврош»
(пусть у меня от прошлого отрыжка,
я выяснял – была такая стрижка,

а также и мадмуазель была,
сто человек запомнили малышку,
она была румяна, весела,
поскольку, как всегда, перебрала,
поскольку, как всегда,хватила лишку).
А всё-таки что превратило в явь,
что тут блондинка каждая вторая?
Мне хочется, её поцеловав,
жить медленно, спокойно, не спеша,
глаза в недоуменье протирая.
Что так знакомо пахнет анаша,
и кажется – всего лишь шаг до рая?

ПУТЕШЕСТВИЕ

Туда всего один переход, всего один перегон –
с крыши видно обычным оком.
Доброхот не советует ехать. Надо быть дураком,
праздным и сытым, чтоб в земли... где лестригон
обедает чем-то красным (не бураком
и не томатным соком).

Имена мужчин невозможно произнести. Назовем их «иксы».
Их жены – шиксы и травести, полностью безучастны.
Другой на их месте давно бы свыкся и погрузился в частный,
личный и тёплый... у них же ружьё в горсти
и во рту золотые фиксы.

Спозаранку выйдешь, глянешь на поселян –
они убивают чмо, изничтожают зло –
на зырян (или как их?) в окруженье шпаны, мочалок –
услышишь не «Шма», а местный аналог «No pasaran!».
В огороде не выросло, хоть целый год росло
у людей одичалых, вдали от каналов, морей и чаек.

Они не сдались ни в тысяча восемьсот, ни в тысяча девятьсот,
а теперь вот и в двухтысячном не сдались.
Надеются, что когда-то им повезёт, куда-то их довезёт.
Харчи увидят и говорят: делись,
они хотят, чтоб им было тепло внутри.
В остальном – инертные, как азот,
и не знают, что Бога надо делить на три.

А тот, кто уверен, что долгий и прочный мир –
не встречался со зверем, хлебнул вина и не жил в земном.
Потому что война и раскопанный Гур-Эмир
и затронет всех – замнём или не замнём.
Они курят, их палец хочет спустить курок.

Вот урок тому, кто не учил урок:
не срамись, не проси униженно, распрямись –
они никогда не согласятся на компромисс.

За порогом, где нет метро и путей-дорог,
где перепутаны запад, верх, и восток, и низ.

* * *

Только я и помню язык пропавший,
утёкший вместе с нефтью и жидким газом,
город, пропахший жизнью – чужой и нашей.
Мне туда путь заказан.

Только я и помню своих соседей,
приехавших из Калмыкий, Тувы, Осетий,
ругавшихся каждый вечер на непонятном,
лечивших печень, работавших на канатном,
недолечивших, кричавших жене о тыщах,
навсегда почивших.

На просторах страны и в глубинах спальни
помню женщин, которых другие парни
не ласкали и за город на моторах
не возили, кому не шептали: «Пойдем, не бойся!»
Которым было тридцать, а после сорок,
которых кроме меня – никогда и вовсе...
Я помню жизнь без дивайса, и без инвойса,
и без Боба Фосси.

Помню – была без царапин и без увечий...
Помню время, когда ещё не искали выгод...
Только я один и помню журчанье речи
и продолжаю клавиатуру вслепую тыкать.

* * *

Уклад жизни, украденный у родных,
скопированный с блестящих, еженедельных,
пошитый у дорогих портных,
перенятый у идейных и безыдейных.
Быт в городе, к которому, сглатывая слюну,
добирался на поезде. Быт, который не покладая
рук устраивал с молодой женой
(она была тогда молодая).
В городе башни – с Вавилонскую вышиной,
когда там похолодало,
было куплено одеяло. И тёплый пух
заглушал «послушай!» и «Боже мой!».

Семечки щёлкали и фотоаппараты,
в кухне пахло пшеничною и ржаной,
а в шкафу гроссбух
записывал платежи и траты.
Собирали вещи настойчивей, чем пираты,
быстрее, чем клептоманы,
забывали супы из костей, хрящей,
и давнее, туманное прошлое без вещей
напоминало натуралистические романы.

* * *

Посторонний в ночном районе, где все друг друга...
Успей до закрытия, запыхайся! Держись упруго.
Кассирша в кассе, кривей и страшней Пикассо,
Глядит, словно ты ворюга: давай покайся!

Незнакомая местная женщина взглянет мельком,
реши́т – ты слишком мелкий по здешним меркам,
но посмотрит снова, подумает и, прощая, –
тронет, поправит волосы, обещая...

* * *

Не бывает просто «народ».
Бывает мужчина. Женщина сорока...
тридцати... пятидесяти... которая наорёт
на чужого или домашнего старика,
а потом проклинает язык и рот.
Бывает бездомный с грязным пятном на вороте.
Есть голландцы, которые пьются на меня.
У голландцев странные имена –
в нашем совсем невеликом городе
знаю по крайней мере одну Жаннет.
А в Израиле я знаю двоих сирот.
Я застал живыми и их родителей –
один ходил в джинсах, другая в каком-то кителе.
Тех родителей больше нет.
Я помню – мы на поминках у них сидим.
Был ещё сосед. Я помню его седым.
Не знаю, жив ли он до сих пор.
Если тоже нет, получается перебор.
Ещё есть жена, что пошла на кухню сварить лапшу.
Есть дочери, учащиеся на тройки.
Есть я. Потому что я это сейчас пишу.
И ты – потом читающий эти строки.

* * *

Поздно. Женщина пресная, словно крёстная.
Словно красotka с видика. Что-то треснуло
у неё внутри, что-то вытекло. Слишком постная.
Слишком трезвая.
Площадь вокруг огромная, и города огромные...
Государства – ещё огромнее!
Где же там весёлые, резвые и скоромные?
Чтобы искра из кремния.
Чтобы икра готова смешаться была с молоками.
Чтоб трепетало бренное...
Чтобы локоны и смотрела бы с поволокою.
Поздно. Мужчина с тортом второго сорта.
Думает про себя, что тёртый. Надоело ему гоняться...
не та сноровка, отвык от спорта...
Эх. Про себя неловко распространяться.

К ПРОЦЕССУ ПОЛУЧЕНИЯ ГОЛЛАНДСКОГО ГРАЖДАНСТВА

Здесь даже не ларго. В Израиле было престо.
За роялем сидит абсолютно пустое место.
Одеяла, мусор и стирка. Бардак и хаос.
Приходится жизнь заменять сериалом «Хаус».
Спотыкаясь, иду к остановке – маршрут короткий.
Прошрое не помещается ни в черепной коробке,
ни в фотоальбоме, ни даже на жёстком диске
и по-любому – глядит садистски.
Королева пошлёт агента, пошлёт шпиона,
узнать, люблю ли Голландию упоённо.
Он заляжет в канаве и позади колонны,
источая запах одеколонный, –
зад оголённый мой снимут на фотоплёнку,
как в сад к гулёнам ходил, как разбил солонку,
как выражался и утонул в текиле.
Получу гражданство – все тут у них такие.

* * *

Не обратил вниманья, не сказал,
чтоб встретиться, не стал ходить в спортзал
и даже пива ей не заказал.
Не рыпнулся, не попросил имейла,
не захотел ни грубо, ни умело
и не прилип, как будто прилипала.
Из зала вышла. Навсегда пропала.

* * *

Вижу женщину, унесенную в океан,
у неё был друг, ей кидали круг,
её кормил говядиной микоян,
могла и с ума свести,
её уже не спасти.
Наш город зимними фонарями
украшают. На пилораме
снежинки делают из фанеры
(мэрии они обойдутся в сумму
с четырьмя нулями).
Вечер. Восход Венеры.
В магазинах ящики мандарин,
кураги, изюму.
Мы привыкли за лето к фланелевому костюму,
поэтому зиму не любим и материм.
Местные согреваются растворимым
кофе, лечатся аспирином,
туристы находят город неповторимым,
им кажется, они очутились в сказке,
в городе больше прекрасных Саский,
чем в Италии святых и блаженных Екатерин.
Дождь начинается, как назло.
Женщину ещё дальше оттёрло и отнесло.

* * *

Кого она, глаза накрасив,
смущает? Это сын Тарасов!
И вот он наконец смущён,
оторван и перемещён.
Обижен он и обожжён
(с большим культурным багажом).
Смешон (и что ни говорите –
он зря лопочет на иврите).
Наряжен, лезет на рожон,
храбрится и вооружён,
вооружён, обезоружен.
Он нужен ей, он ей не нужен.

* * *

Подгадали к цветной киноплёнке и не прогадали –
в синема их снимают триеры, снимали годары.
Их снимали поляки, и русские, и англичане.
Кинозрители их на радаре всегда различали.

Интерьеры, которые были – годятся теперь на обломки,
интерьеры пошли на обмылки – построены были непрочно.
Подгадали к магнитному звуку, как будто нарочно,
это если не знать подоплёки – а всё получилось случайно.

На экране рыдали от луку, а то – глицеринно.
Перед съёмкой приняв аспирина,
она поводила плечами и правую руку
ему подавала, как надо. Всё это отснято.
И следила за ними Европа, следила Канада.
Всё теперь поменялось. Такие сюжеты хромают.
По-другому снимают кино и Коламбия, и Парамаунт.

Всё теперь поменялось – компьютер, Китай и граффити.
Тель-Авив разбомбили,
на дно залегли фанатичные внуки Агари,
салафиты они – и вино им нельзя, и не курят сигары,
и журналы рекламою «Булгари» нынче забиты,
и Европа набита битком – курды, копты,
а скоро прибудут сюда алавиты,
их напоят цветным кипятком и заставят учить алфавиты.

Те, кто видел давнишние фильмы, –
в метро, в электричках давились,
добивались, чего-то добились.
Добывали дублёнки, и помнили лого и фирмы,
и глядели на морок эфирный.
Разделяла их жизнь на румяных, на серых, великих и малых,
на приезжих и местных,
поляроид снимал их. Они говорили весь день о гамалях,
об абделях насерах – теперь неизвестных.

А ещё до того о Рождении нации, о Калигари,
чёрно-белом актере, которого каждая знала,
чёрно-белой актрисе, которая молча стонала, –
тех, которые умерли, хоть их и оберегали
неизвестный хирург, неизвестные сёстры из медперсонала.

* * *

В мире логики. В мире железных выводов:
Шпион всегда исчезает, секреты выведав.
Бомжи по утрам собирают пустую тару.
Никто-никто не оспорит эпитафию к «Дару».
Крёстная всегда помогает крестнице.
Войны ведутся из-за Балкан.
Я слышу, слышу шаги на лестнице,
и это женщина, судя по каблукам.

* * *

Снять кольцо и пиджак, телефон и трусы,
перед зеркалом голым шагнуть на весы,
вон висит между ног моя мелкая дрянь,
изо рта раздается невнятная брань,
и стою как-то я кривобоко –
как две капли подобие Бога.
Поглядеть на живот, на осанку и пот,
поглядеть и зажмуриться быстро.
Почему же девицы подобных господ
подпускают на пушечный выстрел?

* * *

Жить – это хотеть дом,
это хотеть жрать, это купить фарш,
это кричать «марш спать!» детям,
ходить в душ, это потеть там,
это сорвать куш, это лакать джин,
рыгать, когда фарш съеден,
это хотеть спать.
Смерть – это дышать ртом,
это боязнь луж, это давать фальш-
старт, внуку звонить раз
в год, это лакать джин,
это с чужим жить и перестать шить,
это хотеть есть, это минут пять
с груш отмывать грязь,
это хотеть спать, это хотеть спать.

* * *

*...глазеть на работающих пейзаж,
производящих оливки и пармезан,
на стены повесить баталии и пейзажи,
всё покупать в пассаже...*

Переврали, передёрнули или перехвалили –
в Риме, в Праге, в Вене, в Москве, в раю
люди плохо себя чувствуют к февралю,
хотя зиму с трудом, но перевалили
и должны быть в состоянии эйфории.
Да и мне не выжить без аспирина,
даром что я на периферии
(вот и верь врулю, что я сам рулю).

Не похож я вовсе на исполина –
испарина, воспаление и перина.
Жизнь кажет средний палец, и мать Кузьмы
громко стучится в двери.
Что вообще из желанного исполнимо,
если дают по вере? –
...Объездить весь мир, поселиться в Италии,
в домике из восьми
комнат, там же и лечь костыми...

* * *

Я опоздал,
потому что родился при развитом,
когда границу стерёг часовой с винтом,
когда Холодной войны оскал
не разрешал подойти к забору
и меня в Голландию не пускал.
Я попал сюда к шапочному разбору.
Опоздал,
а прекрасное прошлое уже покинуло пьедестал,
И на него никто ещё не залез.
Народ теперь распустился, и подустал,
и наел телес.
А давным-давно здесь жил золотой телец
и королева была для нации как отец.

Судари! Когда-то прямо сюда, сюда
заходили парусные суда,
люди боялись полиции и суда.
Если какая-нибудь заезжая госпожа,
путешествующая без валета, слуги, пажа,
сгружалась с поезда,
то начальник станции самолично
пыхтел под тяжестью дамского багажа,
а дама была восхитительна и клубнична.
В театрах шли нравоучительнейшие пьесы,
и билеты продавались за гульденy (или песо?).
Ходили евреи с пейсами,
жили-были,
а потом их немцы невзлюбили и перебили,
еда остыла, подорожала,
произошли два или три пожара,
бездомные сгрудились на настиле –
тогда меня и впустили.

ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ

Это влюблённый шепчет вздорные небылицы,
бредит о возлюбленной голубице,
яблоку хочет и винограда кланчит,
опасается сторожей и лая:
«У других груди, как низкие Аппалачи,
у тебя, как высокие Гималаи, —
сюда бы ревнивого Менелая —
Троя бы до сих пор стояла».

Шла домой, возвращалась с дачи —
больные, отбросивши одеяла,
прилипали к оконной раме, а горожане
с балкона её взглядами провожали,
из сети порнографию загружали
и смотрели где-то за гаражами,
а потом замирали и замерзали,
потому что светило лишь на неё светило.

Она шла, ничего не пряча,
и за нею, плача и умоляя,
шли безумцы, один другого опережая.
Прекрасная, словно цветок нисана...
Ни один придира
не нашёл бы пятна на теле,
не нашел изъяна.
Хотя полмира её взглядами проводило,
её ни слова, ни взгляды не замарали,
те же, кто ожирели, не посмотрели —
до смерти потом сокрушались и сожалели.

«У тебя на шее яркие ожерелья
и глаза любого ножа острее.
Твои волосы... Твои зубы... И твоя шея...
Поцелуйи твои свежее...
Кожа пахнет яблоком и лоснится —
кобылица в фараоновой колеснице...»
Он говорил, говорил,
пыл свой не умерял,
карандаш мусолил,
что-то пальцами промерял,
словно заполнял признаниями формуляр.
И снова чувствовал яблочный, виноградный...

Помню, помню — я и сам это повторял
разным Суламифям неоднократно.

ЗОЛУШКА

Идиотка, давалка, плясалка
повзрослела и стала русалка.
Ото всех уплыла и косу заплела.
А у нас тут ни шатко ни валко.
Возраст всё уплотнил и кристаллизовал,
и при виде её каждый – рот разевал,
принц за нею спустился в вонючий подвал,
он спустился по лестнице хлипкой,
он её разувал, он её раздевал,
а потом называл её «рыбкой».
А у нас тут озёра, покрытые льдом,
пьяный гул голосов, и бардак, и дурдом...
Всё забыла она, всё забыла.
Уплыла за пятьсот часовых поясов
и плевала на стрелку напольных весов,
а двенадцать часов, а двенадцать часов
всё не било, не било, не било.

СТАРШЕЙ ДОЧЕРИ НА ОКОНЧАНИЕ ШКОЛЫ

Когда выходишь из дома – соври, солги.
Там, где ковры и люстры, сидят враги.
Там из тома на полке глядит закон.
Злые люди смотрят тебе вдогон.
Как знакома до хруста в костях, в костях
погода и ведущие в новостях.

В тот же город едут на поездах
герои с толстыми кольцами на перстах.
В их глазах завидующих – огни, огни.
На кофте ещё одну пуговку расстегни.
На седьмом этаже притаился тать –
поберегись, чтобы таким не стать.
Не ешь, не пей и не смейся в чужом дому.
Мыльницей на память тебя сниму.
А если врач пропишет тебе драже,
спрячь лекарство под ветошью в гараже.
Там за лесом в офисе у реки
твою жизнь решают бессмертные старики.
Купи себе высокие каблуки.
Не вылети в траншею на вираже.
В мире, который страшнее, чем братья Гримм
люди на лето едут на Кипр и в Крым
и говорят, что любому открыта дверь.
Может, и так. Но всё равно не верь.

* * *

Так никто и не выяснил, что было тогда, когда...
 А зачем? Без того зимою слабость и холода.
 Она его не спросила. Он её не спросил.
 Ни о чём, ни о чём, ни о чём... Утекла вода...
 И сила течения превратила в Ган-Эден и Монплеизир
 остановку «Электросила» и район, застроенный кирпичом.
 Они встречались с врачом, рожали детей,
 чувствуя за плечом
 старость и прочее, проезжая город, загаженный Ильичом
 (кумачовые флаги, лозунги, серп и молот,
 военное, крестьянское и рабочее).
 Он перестал быть молод, золотая стала совсем седа.
 Поняли, что почем, прошлого не ворочая.

* * *

В три комнаты народу набивалось,
 темнело, ничего не забывалось,
 и каждый был эйнштейн и эдисон,
 о службе, о кино, о том о сём,
 видна на всяком парочка отметин,
 а за окошком реки да леса,
 и каждый возбуждён, румян и смертен.
 Все выпили, и вечер удался.

* * *

Смейся, Израиль, – хотя дети твои умрут,
 но сразу родятся новые, ибо не зря Рухама была брюхата
 и не зря бил её Шимон, требуя сыновей,
 его ноздря раздувалась и свистела, как соловей,
 Жена была тише субботы, нежней рахата....
 Правда, дочки орали, как и сейчас орут.
 Слушай, Израиль, – твои дети выжившие умрут
 в нищете, в постели, в хамсин, от жестокой астмы.
 А новые снова будут читать, как Рут
 голодала и как напрасны были усилия... Или же не напрасны?
 Будет течь бачок, и колоть в боку, и в жару – перебои тока,
 сыновья поедут на красный,
 увидят рекламу косметики на щите –
 и купят жёнам на праздник, пока война не пришла с Востока,
 Запада, Юга, Севера. Пока не утонул в раскатах
 сонный мир, бормочущий о бытие-житье, о крови и о жиде.
 И что всё это из-за пархатых.

Андрей Трафлов

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Пожалуй, психологический переход, процесс трансформации «библейского человека», завершился к рубежу эр, заняв вторую половину первого тысячелетия до новой эры. По ту сторону этого хронологического разлома остаются люди Танаха: пророки и псалмопевцы, авторы танахического текста, их персонажи и их непосредственные слушатели и читатели (это, прежде всего, VI–IV века до н. э., на которые, по некоторым оценкам, приходится письменная фиксация до восьмидесяти процентов общего объема Танаха). По эту сторону – евреи I и II веков н. э.: мишнаитские учителя и люди Нового Завета. Обитатели «этого края бездны», люди начала н. э. (при всех различиях между ними), ближе к нам, жителям III тысячелетия, чем к оставшимся «на том краю» древним израильтянам, отделенным от них всего тремя-пятью веками. Хотя правильнее будет сказать, что к рубежу эр сформировалась новая «модель человека», подразумевающая определенный набор ценностей, – и модель эта, запечатленная в еврействе и родившемся из него христианстве, существует и поныне. Она подвергается драматической эрозии, но – вопреки чьим-то страхам и чьим-то надеждам – никакой новой модели, способной сменить ее, до сих пор не возникло.

А вот древние «сыны Израиля», глядящие на нас «с того края», – люди принципиально *другие*. И слова библейского иврита зачастую далеко отстоят по смыслу от своих традиционных русских эквивалентов из Синодальной Библии.

Впрочем, Синодальный перевод литературно неуклюж, но, как правило, честен.

Если взять этот перевод (или любой другой перевод, или оригинал Танаха) и читать «с открытыми глазами», то удивляет, например, такое качество танахических людей, как жестокость – не только реально практикуемая (ее хватало всегда и везде), но также и словесно заявленная, наивная, восторженная, осознаваемая как норма и как добро (см. кровожадные возгласы в Псалмах: *Буду их бить – и не встанут они. // Под ноги мне упадут! ... Пылью по ветру я их пустил, // как грязь на улице, их растоптал!* Пс 17 [18]:39,43; *Счастливы тот, кто схватит твоих детей // и о камень их разобьет!* Псалом 136 [137]:9 – здесь и далее перевод мой).

Кто прав: мы, с нашей стерильной политкорректностью, или древние, с их первозданной жестокостью? Мне, безусловно, милее политкорректность. Но задача исследователей не в том, чтобы раздать всем сестрам по моральным серъгам, а в том, чтобы правдиво описать феномены и корректно дифференцировать их (и, помимо прочего, не рассматривать библейскую древность через призму средневекового благочестия).

Еще одна тема, демонстрирующая некоторую «инопланетность» танахической психологии, – это идентификация человека по полу и возрасту. В любом языке и у любого народа четко различаются три разновидности человека: мужчина, женщина, ребенок. Есть это, конечно, и в Танахе. Но – с примечательными колебаниями.

В пророческих книгах мы наблюдаем настойчивую персонификацию израильского народа как женщины: «дочь Сиона» (т. е. Сион), «дочь Иерусалима» (т. е. Иерусалим). Это, несомненно, обусловлено тем, что в оригинале Иерусалим, как и другие города, – женского рода. Но метафора развивается: возникает образ «дочь народа моего», в значении «мой народ» (Исайя [Йешаяһу] 22:4; Иеремия [Йирмеяһу] 4:11).

Зачастую эта женская персонификация негативна – там, где пророки обличают свой народ (представляемый в женском образе) за культовую измену Богу Израиля («блуд с другими богами»). «Неверному» народу брошен оскорбительный упрек: *зона*, «шлюха» (Иеремия 2:20; Иезикииль [Йехезкель] 16:35). Звучат угрозы расправы, с натуралистическими подробностями: «Задеру подол твой тебе на лицо, так что обнажится срам твой» (Иеремия 13:26). Следует помнить, что инвективы эти адресованы патриархальной общине, возглавляемой собранием седобородых старцев.

Сдвиг образности по шкале «мужчина – женщина – ребенок» идет еще дальше. В Исайя 49:22 возвращающиеся из плена израильтяне представлены как маленькие дети, несомые на руках.

В Исайя 60:16, где речь идет о грядущем благоденствии израильтян, Израиль изображен как грудной младенец (между прочим, женского пола). Буквальный перевод: «Грудь царей сосать будешь». Кстати, сказано именно *мелаким*, «цари», хотя имеются в виду, конечно, царицы и вообще дамы из царских родов.

Известная фраза: *ло алман йисраэль виһуда мезлоһав*, «не вдовец Израиль, с Иудой, при Боге своем» (Иеремия 51:5). Для этого стиха, как видим, в отношениях Израиля с Богом мужем оказывается Израиль.

* * *

...Самой важной своей работой на сегодняшний день считаю Библию Российского библейского общества (Москва, 2011 г.): половина Ветхого Завета в Библии РБО – это тексты, переведенные или отредактированные мною. В том же 2011 году вышел новый перевод Пятикнижия, под моей редакцией («Лехаим», Тора и Гафтарот, перев. Д. Сафронов; с параллельным ивритским текстом). Затем – моя подборка из Книги Псалмов в третьем номере «Иностранной литературы» за 2012 год.

Публикуемые отрывки из Малых Пророков (в еврейской традиции – *Тре-асар*, «Двенадцать»), как и другие мои библейские переводы, следуют научным принципам. Однако подбор текстов здесь несколько произвольный. Это нечто вроде антологии или хрестоматии. Я выбрал разной длины отрывки, которые, на мой взгляд, особенно

интересны с литературной или культурно-исторической точки зрения. Идея состоит в том, чтобы применить в библеистике практику антологий (что, конечно, делалось и раньше, но, как правило, не в научной парадигме). Цель проста: помочь тем читателям, очень многим читателям, которым трудно прочитывать книги Танаха «насквозь».

Объем журнальной публикации не позволяет охватить все двенадцать книг *Тре-асар* даже «хрестоматийно». Поэтому здесь представлены лишь Иоиль [Йоэль], Амос, Софония [Цефанья] и Захария [Зехарья]. Перевод сделан с общеупотребительного текста еврейской Библии (так называемый *масоретский текст*), по изданию: Biblia Hebraica Stuttgartensia. Stuttgart, Deutsche Bibelgesellschaft, 1990. Кириллическая транскрипция ивритских слов дана в том варианте, который используется именно для Танаха и несколько отличается от правил транскрипции современного иврита. При переводе библейских текстов часто приходится делать *конъектуру*, т. е. предлагать исправление того или иного слова, на уровне букв и на уровне огласовок, с целью реконструкции исходного еврейского текста. Конъектуры делаются, прежде всего, с учетом древних источников – в первую очередь это Септуагинта (перевод Танаха на греческий язык, III–II вв. до н. э.).

Мои комментарии посвящены пояснению конъектур и другим лингвистическим, а также историческим вопросам. Для Тетраграмматона сохранен традиционный перевод «Господь». Такое важное отличие библейской поэзии от прозы, как параллелизм стихотворных строк («день мрака и тьмы, // день пасмурный и туманный»), отражено сдвигом второй (параллельной) строки вправо.

* * *

А кто такие вечерние волки? Они упоминаются дважды: Аввакум [Хаваккук] 1:8 и Софония 3:3 (*зезве эрев*, «вечерние волки», «волки вечером»).

У Аввакума этим выражением обозначена кавалерия халдеев, безжалостных завоевателей.

У Софонии и того хуже – коррумпированные судьи, или же правители, тоже коррумпированные. Элита.

Стоят ли они таких красивых слов – *зезве эрев*? И букв, из которых слагаются эти слова? А все прочие люди – стоят?

Кто бессмертен – люди или буквы?

Рабби Ханина бен Традйон в годы адриановских гонений был сожжен вместе с его собственным свитком Торы. Во время казни ученики спросили его: «Что ты видишь, рабби?» Он ответил: «Свиток горит, но буквы улетают вверх».

ВЕЧЕРНИЕ ВОЛКИ

Из Малых Пророков. Фрагменты

ИОИЛЬ

1

- 6 В страну мою вторгся народ,¹
многочисленный и сильный.
Его зубы – словно у льва,
клыки у него – как у львицы!
- 7 Он разорил виноградник мой,
мою смоковницу сломал:
кору ободрав, наземь поверг –
ветви теперь белы.
- 8 Плачь, в дерюгу облачись,
как дева, чей жених мёртв!²

* * *

- 15 О этот день!
День Господа близок.
От Сильного день придёт – как гибель!³

¹ В страну мою вторгся народ – речь идет о нашествии саранчи.

Характерная для Танаха проблема: от чьего лица это говорится, т. е. кто называет страну, виноградник и смоковницу *своими* – Бог или пророк? В пророческих книгах лицо говорящего может меняться несколько раз даже в пределах одного стиха. Начало стиха 1:6 может быть сопоставлено с Иезикииль 38:16, где схожие слова произносит сам Бог. И всё же в контексте 1-й главы Иоиля более вероятно, что тут с нами говорит пророк (начиная со стиха 13 это становится очевидным). *Здесь и далее – комментарии переводчика.*

² Слово *эли* есть обращённый к женщине императив со значением «плачь, оплакивай». По-видимому, такой призыв адресован, как в Иеремия 6:26, «дочери народа моего», т. е. всему Израилю. Серьёзные недоумения вызывает сама описанная в стихе ситуация: *бетула* («девственница») оплакивает человека, названного *баал неуреха* (буквально: «муж юности её»). Скорее всего, здесь имеется в виду не муж, а юный жених, семья которого уже внесла плату за невесту, после чего та как бы сделалась женой, ещё не став таковою в действительности.

³ *Сильный* – ивритское *Шададай*, одно из имен Бога в Танахе. Этимология этого имени неясна, перевод «Сильный» – условен.

Тут впервые названа главная тема книги Иоиля – день Господа. Описанные выше и далее в этой главе реальные бедствия (нашествие саранчи и засуха) суть лишь прообразы Дня, который грядёт. Этот день, о котором часто говорится у пророков, понимается как день Господнего гнева против враждебных Израилю народов либо против самого Израиля. У Иоиля оба варианта совмещены: грядущий День несёт кару как Израилю, так и прочим народам и даже мыслится как подобие вселенской катастрофы (2:10,31). Это позволяет искать в книге Иоиля истоки позднейшей апокалиптики. Однако у Иоиля наказанный за измену Господу Израиль в конце концов получает прощение и утешение.

2

- 1 На Сионе трубите в рог,
трубите на горе Моей святой!
Пусть трепещет вся земля:
день Господа грядёт.
Вот, он уже близок –
- 2 день мрака и тьмы,
день пасмурный и туманный.
На горах, как свет зари, – народ великий и сильный,
какого не видали прежде
и уже не увидят в грядущих веках.⁴
- 3 Огонь пожирает всё перед ним,
попыхает пламя за ним.
Перед ним земля – как Эдемский сад,
за ним остаётся пустыня.
Не спасется никто!
- 4 Похожи они на коней,
как скакуны боевые, летят!
Вот несутся они по горам
с грохотом, как колесницы в бою,
с треском, как огонь по стерне,
как сильное войско, готовое к битве.
- 6 Перед ним⁵ трепещут народы,
пылают ужасом⁶ все лица.
- * * *
- 10 Перед ним⁷ дрожит земля,
содрогаются небеса.
Помрачились солнце и луна,
звёзды померкли.
- 11 Голос Господа звучит перед строем Его войск!
Многочисленно воинство Его,
исполняющий слово Его силён.
День Господа велик,
страшен этот день.
Кто его перенесёт?

⁴ С этого стиха начинается описание дня Господа. Этот день будет ознаменован нашествием вражеских полчищ, подобным описанному в первой главе нашествию саранчи. Саранча также была названа «сильным народом» (1:6). Однако здесь перед нами, скорее всего, уже не саранча и, может быть, даже не люди, а некое апокалиптическое воинство, несущее Израилю Божию кару. Во главе этого воинства станет сам Господь (2:11).

⁵ Имеется в виду или упомянутый в конце предыдущего стиха народ-войско, или же сам Господь.

⁶ *Пылают ужасом* – или: «бледнеют».

⁷ Ещё раз появляется ед. число – «перед ним». Подразумевается либо «вор» (см. конец пред. стиха), то есть апокалиптический народ-войско, либо Господь.

3⁸

- 1 «Затем изолью Я дух Свой на всех:⁹
сыновья и дочери ваши пророками станут,
у стариков будут вещие сны,
а у юношей – виденья.
- 2 Даже на рабов и рабынь
изолью Я Свой дух в те дни.
- 3 Явлю Я знаменья на небе и на земле:
кровь, и огонь, и столбы дыма.
- 4 Солнце станет тьмой,
луна превратится в кровь –
и тогда день Господа придёт,
великий и страшный день!
- 5 Кто к имени Господа воззовет – тот будет спасён!
Можно будет спастись на горе Сион, в Иерусалиме,
как и сказал Господь, –
среди тех, кто уцелеет, кто Господом призван.¹⁰

4

- 1 «И вот, в те дни, в то время,
когда верну Я бывшее счастье Иуде и Иерусалиму,
- 2 соберу Я все народы
в долину Иосафата¹¹
и буду судиться с ними
за Мой народ, за Израиль Мой:
рассеяли его среди народов,
землю Мою разделили!»

⁸ Третья глава книги Иоили (3:1-5) в Танахе (еврейской Библии) соответствует стихам 2:28-32 в русской Синодальной Библии. Четвертая глава Иоили в Танахе – это третья глава в Синодальном переводе.

⁹ На всех – буквально: «На всякую плоть».

¹⁰ ...среди тех, кто уцелеет, кто Господом призван. – Или: «...и среди тех, кто уцелеет, будут те, кто Господом призван».

¹¹ Долина Иосафата упоминается только в книге Иоили, хотя имя Иосафат [Йеиошафат] достаточно распространено в Танахе – так зовут, в частности, одного из царей Иудеи.

Символичность этого имени (Иосафат – «Господь судит») могла стать причиной, по которой так названа долина, где должен состояться окончательный суд Господа над враждебными Израилю народами. Долгое время было принято идентифицировать «долину Иосафата» с долиной Кедрон к востоку от Иерусалима, однако вполне вероятно, что пророк говорит об условной «долине Суда».

* * *

- 9 Возвестите это народам,
начните войну!¹²
Призовите могучих мужей!
Вперёд, воины, в бой!
- 10 Лемеха перекуйте в мечи,
а ножи садовые – в копья.
Пусть и слабый скажет:
«Я тоже силён!»¹³

* * *

- 12 «Воспряньте, придите, народы,
в долину Иосафата:
там воссяду Я, чтобы судить
все народы окрест».

* * *

- 14 Полчища без числа – в долине Приговора.
День Господа настает в долине Приговора!
- 15 Помрачились солнце и луна,
звёзды померкли.

АМОС

1

- 3 Так говорит Господь:¹⁴
«За три, за четыре¹⁵ преступленья Дамаска¹⁶
не отменю кару –

¹² Здесь мы имеем дело не с обычной для пророческих текстов угрозой, что отвернувшийся от Бога Израиль будет наказан руками иноплеменников, а с иронией в адрес иноплеменников: они призваны выступить в поход, который закончится для них в «долине Иосафата», она же – «долина Приговора» (4:14), где их ждёт Суд Господа (сокрушительное поражение в битве с израильянами).

¹³ Зловещая ирония достигает своего апогея: враги Израиля, выступающие в роковой для них поход, поощряются к предельной воинственности.

¹⁴ Начиная с этого стиха следуют выстроенные по одной схеме «пророчества против народов», адресованные шести ближайшим соседям двух древнееврейских царств (Араму, филистимлянам, Тиру, Эдому, аммонитянам, Моаву) и самим этим царствам (Иудее и Израилю). «Пророчества против народов» есть также у Исайи (главы 13–23), Иеремии (46–51), Иезекииля (25–32, 35), Софонии (2).

¹⁵ Буквально: «За три ... и за четыре...» (в значении «за три, даже за четыре» – то есть грехов более чем достаточно). Этой формулой у Амоса начинаются все «пророчества против народов», причем вслед за нею обычно бывает названо лишь одно преступление. В 30-й главе книги Притчей [Мишле] после слов «три ... и четыре» каждый раз перечисляются четыре явления.

¹⁶ Дамаск – столица находившегося на юге Сирии царства, населенного арамеями.

- ведь они по Галааду¹⁷
 4 железными молотилками прошли!¹⁸
 Я пошлю на дом Хазаэла¹⁹ огонь,
 твердыни Бен-Хадада²⁰ огонь пожрёт!
 5 Я сломаю на воротах Дамаска засов,
 уничтожу в долине Авен²¹ царя
 и в Бет-Эдене²² – того, кто скипетр держит.
 Арамейский народ будет изгнан в Кир»,²³ –
 говорит Господь.

2

- 11 «Я пророками делал ваших сыновей,
 назореями²⁴ делал юношей ваших.
 Не так ли, израильтяне? –
 говорит Господь. –
 12 Но вы заставили назореев пить вино,
 вы велели пророкам умолкнуть.

¹⁷ Галаад – земли по восточному берегу Иордана.

¹⁸ Буквально: «...молотили железными молотилками». Это следует понимать как метафору жестокой расправы. *Молотилки* (ивритское *харуцот*) – тяжелые доски («сани»), усеянные снизу шипами; во время молотьбы запряженный в них скот многократно протаскивал их по рассыпанному на току колосьям.

¹⁹ Хазаэл – царь Арама (Дамасского царства). Правил во второй половине IX в. до н. э.; основатель новой династии. Отторг у Израиля Галаад (ср. предыдущий стих) и предпринял поход в Иудею. При Хазаэле Арам достиг вершины своего могущества.

²⁰ Бен-Хадад – сын и наследник Хазаэла. Правил в первые десятилетия VIII в. до н. э. Имя Бен-Хадад означает «сын [бога] Хадада».

²¹ Долина Авен – буквально: «долина Обмана» или «долина Беды». Перед нами намеренное уничижительное искажение географического названия. В действительности долина, скорее всего, называлась по имени божества, чей культ в ней совершался. Есть предположение, что это долина Бекаа, протянувшаяся между Ливанским и Антиливанским хребтами.

²² Бет-Эден – населенная арамеями область в северной Сирии, на реке Евфрат.

Итак, перечислены три царства: обозначен весь арамейский регион, от Ливанских гор до Евфрата.

²³ Кир, согласно Амос 9:7, – историческая родина арамеев. Некоторые исследователи локализуют Кир в южной Месопотамии, поскольку в Исайя 22:6 он упомянут вместе с Эламом. Угроза переселить арамеев в Кир и тем самым обратить вспять их историю напоминает угрозу вернуть евреев в Египет (Второзаконие [Деварим] 28:68).

Насильственное переселение покоренных народов широко практиковалось ассирийскими завоевателями. В 2 Царей (евр. Мелахим Бет; рус. 4 Царств) 16:9 сказано, что после взятия ассирийцами Дамаска (732 г. до н. э.) его жители были переселены в Кир.

²⁴ Назорей (ивритское *назир*) – человек, который посвятил себя Богу, принеся особый обет (см. Числа [Бемидбар] 6). Обет назорея предусматривал, в частности, воздержание от вина.

- 13 Я придавлю вас,²⁵
как давит повозка, нагруженная снопами».

3

- 2 «Только с вами, из всех племён земли, сочетался Я,
потому и взыщу Я с вас за все ваши грехи!»

* * *

- 7 Владыка Господь ничего не совершает, не открыв
Своей тайны рабам Своим, пророкам.

* * *

- 12 Так говорит Господь: «Порой пастух вырывает из
пасти у льва пару овечьих ног или кусок уха. То же самое останется и
от израильтян, живущих в Самарии,²⁶ – уцелеет разве что обломок
кровати, часть ложа».²⁷

4

- 13 Вот Он, Создатель гор, Творец ветра,
Тот, кто возвещает людям Свои мысли,
превращает зарю во мрак,
идёт по высотам земли,
Его имя – Господь, Бог Воинств!²⁸

5

- 1 Слушайте эту песнь!
О вас, израильтяне, скорбную песнь я пою.

²⁵ Придавлю вас – конъектура. Вместо масоретского *меик тахтехем* («придавлю под вами») чит. *меик этхем*.

Возможна и другая конъектура: *мефик тахтехем* («качаюсь под вами»), т. е. вместо айин-вав-коф *hiḥil* чит. пе-вав-коф *hiḥil*; тогда во второй половине стиха вместо *таик* («давит») читается *тафик* («качается»).

²⁶ Самария (ивритское *Шомерон*) – столица северного древнееврейского царства, Израиля. Сейчас на месте Самарии находится арабское селение Себастья.

²⁷ Часть ложа – ивритское слово *демешек*, условно переданное здесь как «часть», неясно и практически непереводаемо.

Для второй половины стиха возможно и другое понимание: «То же самое останется и от израильтян в Самарии, ныне сидящих на краю кровати, на ложе».

Или: «Так же спасутся израильтяне, живущие в Самарии: у них останется разве что обломок кровати, часть ложа».

²⁸ Бог Воинств – ивритское *Элохе Цеваот* (от слова *Цеваот* «Воинства») происходит русское «Саваоф»). Во многих местах – «Господь Воинств». Это могут быть «надмирные» воинства: небесные тела, низведенные до анонимности божества Ханаана и так далее. И/или – воины-израильтяне, которых ведет в атаку их Бог, олицетворяемый ковчегом завета. Буквальное военное понимание ярко выражено обращенной к Голиафу репликой Давида в 1 Самуила (ивритское Шемуэль Алеф; рус. 1 Царств) 17:45.

2 Упала дева Израиля,²⁹ ей не встать.
Покинутая, на земле своей лежит,
никто не поднимет её.

* * *

8 Тот, кто создал Плеяды и Орион,
кто тьму³⁰ превращает в зарю,
а день – в тёмную ночь,
кто воды морские призвал
и разлил их по всей земле,³¹ –
Его имя Господь!

9 Внезапно Он сильному гибель шлёт,
и гибель вступает в крепость.

* * *

12 Я знаю: творите вы много зла,
ваши грехи тяжелы!
Вы преследуете невинных,
берёте взятки,
вершите над бедным неправый суд.

13 В такое время мудрый молчит,³²
ибо злое это время.

* * *

18 Горе тем, кто день Господа жаждет узреть!
Зачем вам день Господа? День этот – тьма, а не свет.

6

9 Может быть, останется в каком-то доме десять человек, но умрут и они.

10 Родственник, который обязан сжечь тело,³³ заберёт останки умершего и вынесет из дома. Он спросит того, кто в глубине

²⁹ Дева Израиля – т. е. народ израильтян.

³⁰ Тьму – по-видимому, масоретская огласовка слова *цалмавет* («тьма смерти») ошибочна. Исследователи предлагают читать те же буквы с другой огласовкой: *цалмут* («тьма»).

³¹ Кто воды морские призвал // и разлил их по всей земле – вероятно, имеется в виду потоп.

³² Молчит – или: «плачет».

³³ Родственник, который обязан сжечь тело – Waw explicativum. Или: «Родственник и тот, кто обязан сжечь тело».

У древних евреев не было обычая сжигать тела усопших (погребение Саула и его сыновей в I Самуила [рус. I Царств] 31:12-13 – исключение). Однако здесь, судя по всему, описана ситуация войны и эпидемии, а в таких условиях кремирование вполне могло применяться.

дома.³⁴ «Есть там ещё мертвецы?» Тот ответит: «Нет». Тогда он скажет: «Молчи! Не упоминай имени Господа».³⁵

11 Скоро Господь поведенье отдаст,
и руинами станут большие дома,
а малые – грудками камней.

7

1 Вот что показал мне Владыка Господь: творит Он стаю саранчи – в пору, когда поздние посевы уже начали всходить, после покосов царских.

2 Когда саранча съела все, что выросло на земле, я воскликнул: «О Владыка Господь, прости! Как же выживет Иаков? Ведь он так мал!»³⁶

3 И смилостивился Господь. «Этого не будет», – сказал Он.

4 Вот что показал мне Владыка Господь: Он призывает огненный суд.³⁷ Огонь уничтожил великую бездну³⁸ и часть земли.³⁹

5 Я воскликнул: «О Владыка Господь, не делай этого! Как же выживет Иаков? Ведь он так мал!»

6 И смилостивился Господь. «И этого не будет», – сказал Владыка Господь.

³⁴ Родственник умершего переговаривается с выжившим обитателем дома, который укрылся в одной из дальних комнат. Но если принять гипотезу, согласно которой родственник приходит вместе с человеком, обязанным сжечь тело, то можно предположить, что он посылает этого человека в глубину дома и задает вопрос ему.

³⁵ Личное имя Бога израильтян, таинственный Тетраграмматон, в переводах традиционно передается как «Господь». В после пленную эпоху у евреев сформировался запрет произносить это имя вслух. Но во времена Амоса имя Бога произносили – в определенных культовых ситуациях.

Вероятно, родственник ожидает, что его собеседник произнесет некую формулу поминовения усопших, включающую имя Бога, – и спешит предупредить, чтобы он этого не делал. Ведь сейчас Бог израильтян стал им врагом (ср. Исайя 63:10; Плач Иеремии/Эха 2:4,5), послал им жестокую кару. Смысл реплики: не следует вновь призывать того, чей приход только что произвел столь ужасные бедствия.

³⁶ *Как же выживет Иаков? Ведь он так мал!* – отличие от аналогичных ситуаций в Танахе, моляба о помиловании народа Израилева обоснована здесь не напоминанием о вечном договоре между Богом и Израилем, а ссылкой на то, что Израиль малочислен и слаб.

³⁷ Ср. Исайя 66:16. Предлагаются также конъектуры: «призывает дождь огненный», «призывает пламя огненное».

³⁸ *Великую бездну* – это может быть и море, и великий «нижний океан», простирающийся, по представлениям древних евреев, под поверхностью земли (см. выражение «великая бездна» в сказании о потопе – Бытие [Берешит] 7:11).

³⁹ *Часть земли* – в оригинале сказано просто «часть».

7 Вот что показал Он мне: Он, Владыка, стоит у оловянной стены, и в руке у Него олово.⁴⁰

8 И спросил у меня Господь: «Что ты видишь, Амос?» Я ответил: «Олово». И сказал Владыка: «Я кладу олово посреди народа Моего, Израиля!⁴¹ Не стану Я больше прощать их».

* * *

10 Амасия, бет-эльский жрец, передал Иеровоаму, царю Израиля: «Амос готовит против тебя заговор среди израильтян. Страна уже не может терпеть его речей.⁴²

11 Так говорит Амос:⁴³
 «Иеровоам падёт от меча,
 а Израиль с земли своей уведён будет прочь!»»

12 Амасия сказал Амосу:⁴⁴ «Провидец, уходи лучше в Иудею – там и пророчествуй, зарабатывая на хлеб.

13 А в Бет-Эле⁴⁵ не пророчествуй больше! Это царское святилище, главный государственный храм».

14 Амос отвечал Амасии так: «Не пророк я, не принадлежал я к пророкам.⁴⁶ Я разводил скот и ухаживал за сикоморами.

⁴⁰ В этом и в следующем стихе четырежды употреблено ивритское слово *анах*, которое встречается в Библии только здесь. Раньше его было принято понимать как «свинец», однако современные исследователи склоняются к тому, что его значение – «олово».

Стоит у оловянной стены, и в руке у Него олово. – Прежде это место понималось в том смысле, что Господь, держа в руке «свинец», то есть свинцовый отвес, стоит у стены (или на стене), причем стена эта построена при помощи такого отвеса.

Олово и оловянная стена могут символизировать непрочность, ненадежность и обреченность – в противоположность, к примеру, железной стене (Иезикииль 4:3). Существуют конъектуры, по которым вместо «оловянная стена» следует читать «каменная стена» или просто «стена».

⁴¹ *Я кладу олово посреди народа Моего, Израиля!* – очевидно, здесь содержится намек на два созвучных слову *анах* (алеф-нун-каф) глагольных корня со значением «стонать» (алеф-нун-коф и алеф-нун-хет).

Согласно традиционному пониманию, Господь решает отныне мерить и проверять грехи Своего народа «свинцовым отвесом», т. е. без всякого снисхождения.

⁴² *Не может терпеть его речей* – или: «...не может вместить его речи».

⁴³ *Так говорит Амос...* – жрец Амасия пародирует формулу, с которой обычно начинаются пророчества («Так говорит Господь...»).

⁴⁴ Царь, судя по всему, не прореагировал на донос, и жрец решает поговорить с Амосом сам.

⁴⁵ Бет-Эл («Дом Бога») – город в 17 км к северу от Иерусалима. Здесь находилось главное святилище Израильского (Северного) царства. Бет-эльский культ осуждается в ряде мест Танаха (1 Царей [Мелахим Алеф; рус. 3 Царств] 12:28–13:10; Осия [Хошеа] 10:5).

⁴⁶ *Не принадлежал я к пророкам* – буквально: «Я не сын пророка». Идиома «сыны пророков» обозначает объединение (сословие) «профессиональных пророков». См. 2 Царей (Мелахим Бет; рус. 4 Царств) 2:3,5,7,15; 4:1,38.

15 Но Господь забрал меня от овец и коз и велел: “Иди, пророчествуй народу Моему, Израилю”.

16 А теперь слушай слово Господа. Ты говоришь: “Не пророчествуй против Израиля, не изрекай ничего против дома Исаака!”⁴⁷

17 Поэтому так говорит Господь:
“Блудницей уличной станет твоя жена,
сыновья и дочери от меча падут,
разделят враги, верёвкой измерив, землю твою,
и сам ты умрёшь на нечистой земле.⁴⁸
А Израиль с земли своей уведён будет прочь!”»

8

11 «Наступают дни, – говорит Владыка Господь, –
когда Я голод на землю пошлю.
Это будет не голод, утолимый едой,
не жажда, что водой утолима,
а желанье услышать слово Господне.
12 Станут люди от моря к морю⁴⁹ блуждать
и с севера – на восток,
будут скитаться в поисках слова Господня,
но не найдут его».

9

1 Я видел Владыку стоящим у жертвенника.⁵⁰ Он сказал:
«Ударь по верхам столбов,
чтоб содрогнулись пороги, –
камни обрушь на головы этих людей!»⁵¹
А тех, кто выживет, Я сражу мечом,
и никто не убежит,
не спасётся никто!
2 Если они зароятся в Шеол,⁵²
и оттуда рука Моя достанет их,
взойдут на небеса –
и оттуда их спущу.

⁴⁷ Дом Исаака – еще одно поэтическое именование израильтян.

⁴⁸ На нечистой земле – на чужбине, в изгнании.

⁴⁹ От моря к морю – речь идет о Мертвом и Средиземном морях.

⁵⁰ У жертвенника – или: «На жертвеннике». Очевидно, имеется в виду бет-эльское святилище.

⁵¹ Камни обрушь на головы этих людей! – буквально: «Обрушь их – на голову – всех их».

⁵² Шеол – царство мертвых, нижний мир, просто могила.

- 3 Спрячутся они на вершине Кармеля –
найду их, достану оттуда,
укроются от очей Моих на дне морском –
повелю, и там укусит их змей.
- 4 В плен ли уведёт их враг –
повелю, и меч сразит их там.
На горе им, а не на благо Я обращаю к ним Свой взор».
- 5 Владыка, Господь Воинств, земли коснётся –
и колеблется она, и все люди на ней рыдают!
Земля то поднимется, как Нил,
то вниз опустится, как Нил в Египте!⁵³

* * *

- 11 «В тот день Я восстановлю упавший шалаш Давида,
заделаю все бреши,
разрушенное отстрою,
воздвигну, как в дни былые!»

СОФНИЯ

1

- 14 День Господа близок, великий день,
близок, уже настает!
День Господа, горестный вопль,
воинский клич!⁵⁴
- 15 Днём гнева будет этот день –
день скорби и беды,
день гибели и конца,
день мрака и темноты,
день беспросветной тьмы,⁵⁵
- 16 день звуков рога и возгласов боевых, –
встает он над городами, чьи стены крепки,
над башнями, что вознеслись высоко.

⁵³ О землетрясении говорится и в самом начале книги Амоса (1:1).

⁵⁴ *День Господа, горестный вопль, // воинский клич!* – буквально: «Звук (голос) дня Господа горек. Кричит там воин (силач)». Последнюю короткую фразу можно понять и так, что воин издаст победный клич (например, ворвавшись в город), и так, что в этот день даже сильный воин пронзительно закричит от ужаса.

⁵⁵ *День беспросветной тьмы* – буквально: «День облаков и тьмы».

2

- 1 Соберитесь все вместе,⁵⁶ никчёмный⁵⁷ народ,
 2 пока не произнесён приговор⁵⁸
 (как мякина, летят дни!),⁵⁹
 пока не пришёл⁶⁰ к вам Господень яростный гнев,
 пока гнева Господнего день к вам не пришёл!
- 3 Ищите Господа, смиренные люди⁶¹ земли,
 исполняющие повеленья Его,
 ищите праведности, ищите смиренья –
 может быть, и укроетесь вы в день Господнего гнева.

3

- 3 Властители его⁶² – как рычащие львы,
 его правители⁶³ – как волки по вечерам,
 что кости грызут, не оставляя к утру ни одной!

⁵⁶ *Соберитесь все вместе* – в оригинале употреблены два глагола от корня коф-шин-шин (hīroel и qal). Это деноминативные глаголы, происходящие от каш «солома», с исходным значением «собирать солому». Предлагается также конъектура: «устыдитесь» (от корня бет-вав-шин).

⁵⁷ *Никчёмный* – буквально: «нежеланный». Другой перевод: «бесстыжий».

⁵⁸ *Пока не произнесён приговор* – буквально: «Прежде рождения указа». Вместо *ледет хок* («рождение указа») предлагаются также конъектуры: *ло тийу* (глагол *хауа* «быть» qal; «[пока] не стали вы [как мякина летящая]»); *ло тид-дахуаку, ло терахуаку* (далет-хет-коф и реш-хет-коф – nīfal; «[пока] не изгнаны/удалены вы [как мякина летящая]»).

Слово *хок* может означать не только «указ», но и «срок». Соответственно: «Пока не настал срок».

⁵⁹ *Как мякина, летят дни!* – буквально: «Как мякина, пролетел день». Другое понимание: «Как мякина, прилетит этот день» (т. е. день Господа).

⁶⁰ *Пока не пришёл* – ивритское *бетерем ло яво*. В принципе, *бетерем* («прежде чем») не требует отрицания; плеонастическое *ло* («не») после *бетерем* встречается только в этом стихе. Возможно, здесь мы имеем дело с намеренным «выворачиванием смысла наизнанку». Когда некий смысл слишком страшен, чтобы быть озвученным или письменно выраженным, еврейские авторы «пишут наоборот». Прием этот, распространенный в постбиблейской литературе (Талмуд и далее), встречается уже в Танахе. См. «врагам Давида» вместо «Давиду» в 1 Самуила (рус. 1 Царств) 25:22; «врагов Господа» вместо «Господа» в 2 Самуила (рус. 2 Царств) 12:14 – если слово «враги» в этих местах и вставка, то очень древняя. Не исключено, что и отрицание *ло* в Софония 2:2 имеет такую же мотивацию («НЕ придет к вам Господень яростный гнев»).

⁶¹ *Смиренные люди* – ивритское слово *анавим* означает «бедные, угнетенные, смиренные», причем первично социальное значение («угнетенные»), а столь важное для позднейшего религиозного сознания понятие «смиренные» актуально для *анавим* лишь в немногих местах Танаха, в том числе в данном стихе. Но употребленное здесь же однокоренное слово *анава* – это именно «смирение, кротость» (состояние души, к которому следует стремиться, а не социальный статус).

⁶² *Властители его* – Иерусалима. В оригинале – ж. р. («властители ее»).

⁶³ *Правители* – или: «Судьи».

ЗАХАРИЯ

1

8 В видении ночном⁶⁴ узрел я всадника на красном коне, остановившегося среди миртов в долине.⁶⁵ За ним стояли кони красные, гнедые и белые.⁶⁶

9 Я спросил: «Господин мой, кто они?» Ангел, что говорил со мною,⁶⁷ ответил: «Я открою тебе, кто они».

10 Остановившийся среди миртов сказал: «Это те, кого Господь послал объехать землю».

11 И сказали они⁶⁸ ангелу Господа, остановившемуся среди миртов.⁶⁹ «Объехали мы землю и увидели, что вся земля пребывает в покое».

3

1 И показал он⁷⁰ мне первосвященника Иисуса,⁷¹ который стоял перед ангелом Господа. Справа от Иисуса стоял Враг,⁷² чтобы обвинять⁷³ его.

2 Господь сказал Врагу: «Враг! Да запретит тебе Господь! Да запретит⁷⁴ тебе Господь, избравший Иерусалим! Ведь он⁷⁵ – как головня, из огня спасённая».

⁶⁴ В видении ночном – буквально: «Ночью».

⁶⁵ В долине – перевод предположителен. Обычное значение слова *мецула* – «пучина».

⁶⁶ Кони красные, гнедые и белые – любопытно, что ничего не сказано о всадниках, хотя их присутствие подразумевается.

⁶⁷ Ангел, что говорил со мною – этот ангел упомянут впервые.

⁶⁸ И сказали они – не упомянутые в стихе 8 всадники на красных, гнедых и белых конях.

⁶⁹ То есть всаднику на красном коне из стиха 8.

⁷⁰ И показал он – вероятно, ангел.

⁷¹ Первосвященник Иисус – Иисус, сын Ехоцадака [Йешоуа ха-коhen]; руководил возведением Второго Храма в Иерусалиме в конце VI в. до н. э.

⁷² Враг – ивритское *сатан* (с суффиксом *-ān*); от этого слова происходят греч. *Сатанас* и рус. *Сатана*. Однако если в позднейших религиозных традициях *Сатана* – имя собственное, то в библейском иврите *сатан* – существительное со значением «враг». Это может быть враг из числа людей – см., например, 1 Самуила (рус. 1 Царств) 29:4, где филистимляне выражают опасение, что Давид, перешедший на их сторону, может дезертировать и снова стать их врагом (*сатан*). Это может быть и враг из числа сверхъестественных существ; наиболее известный пример – *сатан* в 1-й и 2-й главах книги Иова. Но и в книге Иова *сатан* – отнюдь не Князь Тьмы, а один из богов («сынов богов»), составляющих, по-видимому, свиту Господа; он вместе с прочими богами является к Господу и беседует с Ним. Можно предположить, что и *сатан* из 3-й главы Захарии – аналогичный персонаж (сверхъестественный Враг, Обвинитель).

⁷³ Обвинять – здесь употреблен глагол *сатан* «враждовать, обвинять», производный от существительного *сатан*.

⁷⁴ Да запретит – или: «Запрещает». В оригинале – ивритский глагол *гимел-айин-реш qal* с общим значением «грозно прикрикнуть».

⁷⁵ Ведь он – Первосвященник Иисус.

3 Иисус стоял перед ангелом, облачённый в запачканные одежды.

4 Ангел велел стоявшим перед ним: «Снимите с него запачканные одежды». А Иисусу сказал: «Я снимаю с тебя твой грех⁷⁶ и одеваю тебя в одежды праздничные».

5

1 Снова взглянул я – и увидел летящий свиток!⁷⁷

2 Ангел⁷⁸ сказал мне: «Что ты видишь?» Я ответил: «Вижу летящий свиток, длиною в двадцать локтей и шириною в десять локтей».⁷⁹

3 Он сказал мне: «Это проклятие, посланное на всю землю. Вот надпись на одной стороне, и всякий вор – останется ли без наказания? Вот надпись на другой стороне,⁸⁰ и всякий клянущийся ложно⁸¹ – останется ли без наказания?⁸²

4 “Я посылаю это проклятие, – говорит Господь Воинств, – и войдёт оно в дом вора и в дом клянущегося именем Моим ложно, и пребудет в таком доме, и разрушит его – и древесину, и камень!”»

5 Приблизился ангел, говоривший со мною, и сказал: «Взгляни – что это там?»

6 Я спросил: «Что там?» Он сказал: «Это эфа».⁸³ И добавил: «Это грехи живущих на земле!»⁸⁴

7 Тут свинцовая крышка приподнялась – и из эфы выглянула женщина.

8 Ангел сказал: «Она – Зло!» Он толкнул её внутрь эфы и прикрыл свинцовой крышкой.

⁷⁶ Очевидно, здесь изображено символическое снятие вины не только с Иисуса, сына Ехоцадака, но и со всего Израиля.

⁷⁷ Свиток летит в развернутом виде.

⁷⁸ Ангел – буквально: «он».

⁷⁹ Локоть – около 50 см.

⁸⁰ Свиток исписан проклятиями с обеих сторон.

⁸¹ Клянущийся ложно – конъектура по Септуагинте. Масоретский вариант: «Клянущийся».

⁸² Останется ли без наказания? – ивритское нун-коф-йод *nīfāl* употребляется как риторический вопрос также в Иеремия 25:29; 49:12 (правда, у Иеремии в обоих случаях следует отрицание: нет, безнаказанности не будет!).

Другой перевод: «Будет разорен». Значение «быть разоренным, опустошенным» для нун-коф-йод *nīfāl* см. в Исайя 3:26 (в русской Синод. Библии – 3:25). Такое значение хорошо согласуется со следующим стихом, Захария 5:4, где говорится о разрушении домов.

⁸³ Эфа – Так называлась мерная корзина объемом около 40 литров. Однако в данном случае эфа служит «обителью» для женщины (см. следующий стих); видимо, это гигантская эфа, по аналогии с гигантским свитком (стих 2).

При слове эфа здесь стоит то же причастие *йоцет* («выходящая»), которым был обозначен свиток-проклятие в стихе 3. Судя по всему, эфа, упомянутая в стихе 6, летит, как и свиток.

⁸⁴ Это грехи – буквально: «их грех», конъектура по Септуагинте, вместо масоретского «их глаз».

9 И тут я увидел двух летящих женщин, распростёрших крылья по ветру, – у них были крылья, как у аиста. Они понесли эфу между землею и небом.

10 Я спросил у ангела, говорившего со мною: «Куда они несут эту эфу?»

11 Он ответил: «В страну Шинар,⁸⁵ чтобы там построить ей дом.⁸⁶ Когда он будет построен, её поставят на подставку⁸⁷ в нём».

8

23 Так говорит Господь Воинств: «В те дни десять человек из разноязычных народов схватятся за край одежды еврея и скажут: “Мы пойдем с вами. Мы слышали, что с вами Бог!”»

9

9 Дочь Сиона, ликуй!

Дочь Иерусалима,⁸⁸ громко восклицай!

Вот приближается царь твой –
праведный, одержавший победу.⁸⁹

Смиренный,⁹⁰ он едет верхом на осле,
на осле молодом, рождённом ослицей.⁹¹

⁸⁵ *Шинар* – Месопотамия.

⁸⁶ *Ей дом* – «Ей», т. е. эфе, но также и женщине, которая находится в эфе. «Дом» – или «храм».

⁸⁷ *Её поставят на подставку* – эфу или женщину; поставят как объект поклонения. Зло, олицетворяемое женщиной в эфе, – это, скорее всего, идолопоклонство, служение чужим богам. Вавилония (Месопотамия), откуда возвращались пленники-израильтяне, рассматривалась израильской общиной как средоточие этого зла. Таким образом, данное видение являет нам символическое удаление этого зла из Иудеи и его водворение на «законном» его месте – в Вавилонии.

⁸⁸ *Дочь Сиона... Дочь Иерусалима...* – т. е. народ Иерусалима.

⁸⁹ *Одержавший победу* – ивритское *ношá* (причастие от йод-шин-айин *nifal*). Глагольный корень йод-шин-айин, отражающий идею помощи и спасения, часто имеет значение «победить» (*nifal*), «даровать победу» (*hifil*), то есть обозначает и победу вообще, не только избавление в критической ситуации.

⁹⁰ *Смиренный* – ивритское *ани* означает примерно то же, что *анав* (см. примечание 61 про *анавим* к Софония 2:3).

⁹¹ *Рождённый ослицей* – буквально «сын ослицы» (ивритское *бен атон*), конъектура по Пешитте, Таргуму и Вульгате (в Септуагинте тут нет ни «ослицы», ни «ослиц»). Масоретский вариант: *бен атомот* («сын ослицы»). Следующий стих начинается с букв вав-хе (*vehixrat*), так что окончание мн. ч. -от, вав-тав (*атонот*), могло возникнуть как результат диттографии, т. е. ошибочного повтора, учитывая относительное сходство букв та и хе в послепленном письме.

Выражение «сын ослицы» следует понимать как тавтологический аналог слова «осел» (ср. *пар бен бакар*).

Смиренный (и миролюбивый) царь едет верхом на осле, а не в колеснице, влекомой конями.

10 Колесницы⁹² с земель Ефрема⁹³ он удалит,⁹⁴
удалит из Иерусалима коней.

Исчезнет⁹⁵ лук боевой!

Возвестит он народам мир,
от моря до моря распространит свою власть,
от Реки – до пределов земли!⁹⁶

11

12 Я сказал им: «Хотите – дайте мне мою плату, не хотите – не надо». И они заплатили мне – отвесили тридцать шекелей серебра.⁹⁷

13 Господь сказал мне: «Брось это в сокровищницу». Неслыханное богатство! Вот как они меня оценили!⁹⁸ И я бросил эти тридцать шекелей серебра в сокровищницу⁹⁹ при Храме Господа.

⁹² Имеются в виду боевые колесницы и кони.

⁹³ *Ефрем* – племя/«колono» Ефрема (ивритское Эфраим).

⁹⁴ *Удалит* – конъектура по Септуагинте. Масоретский вариант: «Я удалю».

⁹⁵ *Исчезнет* – или: «Сломается».

⁹⁶ Мессиянская держава будет простираться от Мертвого моря на востоке до Средиземного моря на западе – и до реки Евфрат на севере.

⁹⁷ *Тридцать шекелей серебра* – буквально: «тридцать серебра» (синод. «тридцать сребренников»). Речь идет о шекелях (шекель – мера веса, около 11 граммов).

Действующие лица этого повествования: «пасомое стадо (овцы и козы)» – народ, израильтяне; «пастух» – пророк-повествователь; Господь, повелевший пророку «пасти стадо». Если в стихах 7 и 11 вместо «поистине, бедные из овец и коз» сделать конъектуру по Септуагинте «торгующие [буквально – ханаанеи] овцами и козами», то появится четвертая сторона: правители Израиля («торговцы»), «нанявшие» пророка («пастуха»). Итак, «они», дающие плату пророку, – это или народ («стадо»), или правители («торговцы»).

⁹⁸ *Неслыханное богатство! Вот как они меня оценили!*.. – эта ироническая фраза может быть и продолжением слов Господа. Ср. переход прямой речи пророка в прямую речь Господа в стихе 10.

⁹⁹ *Сокровищница* – конъектура по Пешитте (дважды): *оцар*. В масоретском тексте здесь оба раза стоит *йоцер* «гончар» (синод. «горшечник»). Можно представить, что одно из помещений при Храме (*лешахот/нешахот*) принадлежало гончару (главе гильдии гончаров?), но смысла это не прояснит.

Есть также предположение, что слово *йоцер* означает здесь не «гончар», а «плавильщик» (тот, кто переплавляет пожертвованное Храму серебро в крупные слитки или в статуэтки), но такое значение для *йоцер* в Танахе не зарегистрировано.

12

10 «Изолю Я на потомков Давида¹⁰⁰ и на жителей Иерусалима дух любви и сожаленья. Обратят они взор на Меня и на того, кого пронзили, – и будут плакать о нём,¹⁰¹ словно о единственном сыне, будут горевать, словно о первенце».

14

6 В тот день не будет ни света, ни холода¹⁰² и мороза.¹⁰³

7 Это будет один день¹⁰⁴ (Господу он ведом!) – не день и не ночь, а вечером будет светло.

8 В тот день из Иерусалима потекут воды,¹⁰⁵ половина – к восточному морю,¹⁰⁶ половина – к западному,¹⁰⁷ и будут они течь летом и зимой.

9 Господь будет Царём над всей землею. В тот день Господь будет один и имя Его – одно.

Перевёл с библейского иврита Андрей Графов

¹⁰⁰ *Потомки Давида* – буквально: «дом Давида», т. е. царская семья.

¹⁰¹ *Обратят они взор на Меня и на того, кого пронзили, – и будут плакать о нем* – ивритское *vehibbitu elai et asher dakaru vesafedu alav*. Масоретское *elai* («на меня») подтверждается Септуагинтой, Вульгатой и Пешиттой. Распространенное понимание: «Воззрят они на Меня, которого пронзили, и будут оплакивать». Однако с точки зрения смысла трудно вообразить, что Бог израильтян говорит «Меня пронзили», а с точки зрения древнееврейской грамматики сложно представить, что некто, сказавший о себе в 1-м лице *elai* «на меня» («воззрят на меня»), тут же говорит о себе в 3-м лице *alav* «о нем» («будут плакать о нем»). Поэтому многие исследователи делают конъектуру *elav* «на него» («воззрят на него»). Но в обоих вариантах весьма неуклюжим выглядит сочетание *elai/elav* и *et nota accusativi*. Употребление *et nota accusativi* при нун-бет-тет *hifil* вообще нехарактерно (из 68 раз нун-бет-тет *hifil* в Танахе – только в Исайя 5:12).

В моем переводе *et* понимается как «вместе с» («на Меня и на того, кого пронзили»).

Пронзили – убийцами праведника могут быть здесь как израильтяне, так и враги-иноплеменники (в последнем случае израильтяне не оплакивают свой грех, а скорбят по павшему).

¹⁰² *Ни холода* – конъектура: *векарот* (мн. ч. от кара «холод»). Масоретский вариант: *йекарот* «драгоценные вещи».

¹⁰³ *И мороза* – перевод по кере. (Кетив: «заледеенеют».)

¹⁰⁴ *Это будет один день* – т. е. непохожий на все другие? Или нескончаемо долгий?

¹⁰⁵ *Воды* – буквально: «живая вода» (*майим хаййим*). Это сочетание обозначает проточную, свежую воду, но никак не магическую «живую воду», оживляющую мертвых и т. п.

¹⁰⁶ *Восточное море* – Мертвое море.

¹⁰⁷ *Западное море* – Средиземное море.

УЛИЦА КАРМЕЛЬ

Эли Бар-Яалон

ВЫСОКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ВЫЖИВАНИЯ

ЕЩЁ О ПРОРОКАХ

Что ни делает пророк –
всё он делает не впрок.

Выступает ли в газете,
преподносит ли урок,

заседает ли в совете,
попадает ли в острог,

нажимает ли на «Enter»
или просто на курок –

всё он делает не впрок,
но, когда подходит срок,

он за всё, что смог, в ответе,
и за всё, чего не смог.

29.12.2010

ВЗРОСЛАЯ СКАЗКА

вот сижу с тобой и реву,
хоть всё хорошо и не выпил даже ни грамма.
это я, представь, сказку сейчас прочёл. Алексея Толстого.
графа.

про русалку. для взрослых. Николаевича.
который гиперболоид.
знать, хоть пятый десяток, не взрослый ещё,

такого читать не стоит.
про русалку. слышишь? поймал старик нечистую эту силу,
полюбил, всё делал, что ни прикажет.

она его потом всё равно укусила.
но неважно. у старика был кот. тоже старый.

друг единственный. верный.
он один почуял, что навья красавица пахнет скверной,
так она старику: «удуши кота». тот крепился, плакал вначале,
но – любовь. коту: «прощай, старичок» – и всё,
поминай, как звали.

вот оно. «прощай, старичок» –
у меня внутри кружится снова и снова.
и уже ни русалки, ни старика, ни сказки, ни самого Толстого –
только глажу тебя по спинке, по животу,
пушистую шерсть ерошу:
мой дружок, маленький мой дружок, я тебя никогда,
никогда не брошу

13.12.2011

БНС

По Высокой Теории двадцать второго века,
возвестившей начало большой перемены вех,
всех задач важней Воспитание Человека
(извините ветхую рифму «век – человек»).

Страсть к познанию и творчеству. Ненависть к кровопролитию.
Всемогущая дружба, инстинкта жизни сильней.
Человек Воспитанный – это такая религия,
даже если Бог и не упомянут в ней.

Век двадцатый умер; да здравствует двадцать первый:
вместо знания – информация, вместо дружбы – погром,
и встают три цунами: золота, крови, спермы,
и захлёбывается в них мечта о двадцать втором.

Это – в сторону шаг, а не прямо. Дурацкий, адский,
он уносит больше, чем жизни: надежду пройти сквозь тьму...
Но, простившись с Землёй, передайте, Борис Стругацкий,
что не все ещё утонули, что, кажется, есть кому.

20.11.2012

АВТОБУС

Глядишь в автобусе в окошко:
вот одноклассница твоя
спешит себе на тонких ножках
такая вся воздушная,

такими лёгкими шажками –
не оторваться от стекла;
и вдруг по голове как камень:
какая ж это однокла –

та уже бабушка давно
и все они
как всё непросто
и только ты один подросток
сидишь глядишь себе в окно
как эльф какой-то
2.5.2011

БАКТУН

Астрологи майя считали не зря.
Такого, как надо, числа декабря,
сегодня, в двенадцать ноль-ноль,
спокойно и тихо закончился свет.
А если вам вдруг показалось, что нет –
так это фантомная боль.
Как болью в суставах отрезанных ног,
исчезнувшим миром терзается Бог,
и сколько той боли – Бог весть.
В ней эхо событий, имён и дорог,
зачатий, рождений, мелодий и строк:
пока Ему больно – мы есть.
21.12.2012

ПОДТВЕРЖДЕНИЕ

Я не склонен к самоунижению,
по своей природе – не лакей;
но мне очень нужно подтвержденье,
что ко мне относятся о'кей.
Хоть я не был обделён любовью,
мне зачем-то надо, как на спор,
в каждом слове угадать злословье,
в каждом взгляде различить укор.
Господи! Ну выдай же мне ксиву,
чтоб я смог, немедленно и впредь,
точно знать, что выгляжу красиво,
и спокойно жить и умереть!
Но, узнав про это извращенье,
сотрясая смехом мир иной,
все мои былые воплощенья
сообща хохочут надо мной.
2 марта 2011

ВЫСОКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ВЫЖИВАНИЯ

Чувство, рождающееся одновременно в локтях, животе
и полости рта
что жизнь не то что бессмысленна, а просто совсем не та,
в обычные дни незаметное, осязаемое лишь едва,
непонятное, как SCP-055, и неистребимое, как SCP-682,
иногда вырастает, подхватывает
и хрясь мордой об календарь:
мол, вот это и есть – вместо жизни, распишитесь,
милостивый государь,
се ля ви, мол, другой не будет, да и этой – всего на зуб...

...и тогда последним усилием, на карачках – да и в ютуб,
вколотить наушники в уши и врубить ту самую, ту,
где она поёт ещё так верхами, а они ей басом ту-ту-ту-ту,
и от этого всё мёртвое из глаз проливается,
а живое остаётся внутри,
и жить, оказывается, огого как можно, я вот живу, смотри.

14.11.2012

КОРМЧИЙ

...а я в темноте неожиданно стал различать цвета:
вот светлая темнота, вот средняя, вот тёмная темнота;
гора нависает над морем, небо за ними стеной –
ни солнцем, ни в ночь безлунную отсутствующей луной
не освещены, не окрашены, не испорчены: нет,
у каждой вещи естественный, исключительный тёмный цвет;
в обмен на эту гармонию, прекраснее пёстрых гамм,
я роздал бы с радостью радугою хоть родственникам,
хоть врагам,
махнул бы в окно – свищите! – и волком под серый дождь...
...Да не выпрыгнешь из машины, которую сам ведёшь.

10.1.2011

АМЕРИКАНСКАЯ КОЛОНИЯ

Наталья Резник

ЗАКОНЧИЛИСЬ ПРАВИЛЬНЫЕ СЛОВА..

МАЯТНИК ФУКО

Нам было просто и легко
Входить и видеть слепо
В соборе маятник Фуко,
Огромный и нелепый.

Бесстыже что-то он чертил
С настойчивостью детской,
Но землю он мою крутил
Вокруг оси советской.

С тех пор прошло сто тысяч лет
В тумане и во мраке.
В соборе маятника нет.
Забыл его Исаакий.

И только очень далеко
В глухом нерусском штате
Качает маятник Фуко
Без устали Создатель.

* * *

Жил человек без походки, лица и почерка,
Без своих поражений, бед своих и побед.
Он в начале анкеты каждой ставил три прочерка,
Да он и не заполнял никаких анкет.

У него не было номера телефона, не было дома,
Не было прошлого, города и страны,
Не было родителей, друзей и знакомых,
Первой жены и уж точно – второй жены.

И этот человек, безликий, безымянный, бездомный,
Которого я придумала, как друзей сочиняют дети,
Он меня любил такой любовью огромной,
Какой не было и не будет никогда на свете.

ДЕТСТВО

Прибиться к остальным ученикам
Пыталась. Нагибалась и кивала,
И голову руками прикрывала,
Но всё равно – лупили по рукам.

* * *

Лечу самолётом из Денвера до Нью-Йорка,
Кучевых облаков пронзая торосы,
Думаю: я когда-то была комсоргом,
Собирала комсомольские взносы.

«Две копейки, – говорила Мелентьеву грубо, –
Вылетишь из комсомола иначе».
У него, как всегда, был один рубль,
У меня, как всегда, не было сдачи.

Потом заполняла ведомость кое-как, убого,
Относила в комитет комсомола.
В ведомости сразу искал фамилию Коган
Не-помню-как-звали – комсорг всей школы.

«С кого денег в этот месяц насобирали? –
Спрашивал меня, улыбаясь косо. –
О, Коган-то не уехала в свой Израиль,
Всё ещё платит комсомольские взносы».

Где это было, в какой идиотской пьесе,
В театре какого провинциального пошиба?
«Спасибо», – на выходе говорю стюардессе.
И она, улыбаясь, по-английски отвечает спасибо.

* * *

Знаю: до последнего вздоха,
До последнего всхлипа мне,
Привередливой, будет плохо
В этой самой лучшей стране.

За дешёвый компотец в жилах
Неподъёмную дань плачу.
Эту я полюбить не в силах
И другой – уже не хочу.

* * *

С Леной Самсоновой дралась в раздевалке
Классе, наверно, в третьем.

Отличников – сказала она – не жалко
И мы ей за всё ответим.

Она сказала, что я уродливая еврейка,
А сама Лена была веснушчатая блондинка.

Она повалила меня на скамейку
И била по голове чьим-то ботинком.

В памяти эта нелепая сцена
Сменяется радостными картинками,
Но где ты теперь, Самсонова Лена,
Кого теперь колотишь ботинками?

Что, думаю, если бы встретиться нам случилось?
Я с тех пор драться так и не научилась.

ЗАМОК

Когда ты исчез, рядом пересох океан,
Как бы это ни прозвучало странно,
Потом соседей наших накрыл вулкан,
Хотя откуда в этих краях вулканы?

В поисках людей я смотрела в окно
И однажды, к северо-востоку прямо,
Как бы это ни показалось смешно,
Увидела один светящийся замок.

Там сновали тени: в замке жила семья.
Трое детей: девочка, два пострела.
И какой бы душой ни показалась я,
Но я каждый день на замок этот смотрела.

А потом случились ветер, торнадо, дождь
И наводнение в нашей пустынной суши.
Как бы нелепо ни было, ты поймёшь:
Рухнул и этот последний замок. Воздушный.

* * *

Закончились правильные слова,
Рифмы, ровные стихотворные размеры.
Врачи упрямо утверждают, что я жива,
Но врачам у меня с детства не было веры.

Какая может быть жизнь без гладких рифмованных строк,
Изгнанных, правда, из современной поэзии, – вон рутину!
Ещё до того, как сплошной стихотворный поток
Захлестнул всемирную электронную паутину.

Что за стихи без подсчёта слогов в строках,
Делающие жизнь всё бессвязнее и корявей!
Я думала, что могу её удержать в руках,
Но она вырвалась и покатилась,
разбрасывая человеческий гравий.

Стихи как жизнь: на словесной дыре дыра,
Жизнь как стихи: беспорядочное движение.
Это всё-таки жизнь – твердят упрямые доктора.
Но что они понимают в стихосложении!

ХАНУКА

Через сорок-пятьдесят лет,
Если меня «Абсолют» не сведёт в могилу,
Я возглавлю семейный обед
Под какую-нибудь «Хаву Нагилу».
Стоя одной ногою у райских врат,
Буду невнятно шамкать родным и близким
Про давно потерянный Ленинград
На ломаном полузабытом английском.
И мои весёлые юные правнуки,
Освещая менорой праздничный стол,
Прощебечут: «Бабушка, хэппи ханука!»
А я им: «Ленин. Партия. Комсомол».

* * *

Застряв среди веток ёлки
Широким воротником,
Висишь, как подарок волку
На ужин – одним куском.

Тебе и легко и страшно.
Сердечко сжимает лёд,
И грудь твоя под рубашкой
Укусов кровавых ждёт.

Зачёсана набок чёлка
Под выглаженный чепец.
Ты ждёшь, замирая, волка,
А волк не идёт, подлец.

Он в городе, в подворотне,
Вжимаясь в дверной проём,
Дрожит. Там живет охотник
С большим боевым ружьём.

Волк щурится глазом красным
И сдерживает озноб,
Предчувствуя сладострастно
Два выстрела – в глаз и в лоб.

РОЖДЕСТВО

В рождественский день даже бездомные звери
Счастливы и надежды полны нередко:
Весело снуют у соседской двери
В надежде, что им соседка подаст объедков.
А что ещё нужно для счастья, скажите, кошки,
Нам, животным нехристианской масти?
Меня ведь тоже в детстве кормили с ложки.
Только я не знала, что это счастье.
Впрочем, я о том, что сегодня праздник,
Что бы ни утверждала слепая Тора.
Видите, кошки, звезда над забором гаснет.
Значит, избиенье младенцев скоро.

ХУДОЖНИК

Жил да был смешной художник,
Развесёлый и худой.
Вечной юности заложник,
Безнадёжно молодой.

Очень искренний и верный,
Он душою не кривил.
Страсти жаждал он цистерну
И цистернами – любви.

Зазвените громче, струны.
Утони, тоска, в вине.
Страсти много нужно юным,
А художникам – вдвойне.

Он заглатывал любви
Ненасытным красным ртом

И, напившись свежей крови,
Их выплёвывал потом.

Сердце творческое пело,
Карандаш в руке играл.
И кому какое дело,
Если он кого сожрал.

Не суди красавца строго.
Утопи тоску в вине.
Юным крови нужно много,
Так что дело не в цене.

* * *

Когда солнце упало к моим ногам
И свет померк,
Мы всё ходили в гости по четвергам
И пили каждый четверг.

И мне говорили вокруг: «Держись,
Не исчезай пока,
Пока в четверг продолжается жизнь —
Стакан о стакан».

И я с тех пор не прячу лицо
И не схожу с ума.
Да и кто знает, в конце концов,
Где свет, где тьма.

РЕЧКА

Сколько в речку ни плюй, ты её не удержишь теченья,
Наводненья не вызовешь, дурья башка.
Ей, реке, наплевать на страдания твои и мученья
И на приступы ярости в травах её бережка.

Сколько в речку ни плачь, эта речка останется пресной,
Хоть рыдания годами в неё заливай.
Ей не грустно, не больно, ей скучно и неинтересно.
Убегает река, и прохожий садится в трамвай.

ПОДЗОРНАЯ ГОРА

Владимир Родионов *ФИЛОСОФСКАЯ ДОРОГА**

Елене Игнатовой

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

«Философская дорога» – понятие XIX века. В XX, тем более в XXI веке этого понятия уже нет. Нынче мы живем в мире, где нет ясной перспективы.

Стало быть, пейзаж – анахронизм. И когда здесь и сейчас я говорю о пейзаже – в противоположность рассматриванию отдельных предметов или ям и пустот, то стремлюсь показать различие между целомудрием древних почитателей мира как целого и страстностью нового ума, проникающего в природу и сочетающегося с предметом.

Мы живем в разломанном мире, отданном в жертву энергиям человечества. Война с пространством и временем, царство машин истощают и умаляют дух человека. Однако у нас за плечами, в прошлом, уже было и предвидение обольщения духа, и печали, и будущее сияние.

По сути, мой замысел оказался сродни мысли Хайдеггера из его работы «Проселок», однако не огорчаюсь о повторении.

Во-первых, я иду другой дорогой, и пустынные Иудейские горы XXI века совсем не похожи на срединную Европу конца XIX – начала XX века.

Во-вторых, повторение живой мысли – это плодотворное возвращение к ее истоку...

Этот старинный источник есть стремление души к спасению от бессмысленной жизни в бессмысленном мире.

Сомнительное удовольствие – закрыв книги, ловить в эфире, в море мысли то, что может поймать неопытный ум, и наслаждаться своей добычей, не ведая об ее истинном родителе и хозяине. Но счастлив тот, кто ищет творцов, призывает их, стремится следовать им и, наконец, находит родственников по духу – и это праздник.

1. НАЧАЛО

Философская дорога начинается не сразу, а с крутого поворота направо, с шоссе, ведущего из Иерусалима в Иудейские горы. Остановка. Сначала это обычный проселок. С двух сторон его обступают кусты. Большую лужу нужно обходить по скользким обочинам. Справа вдоль дороги проложена труба неизвестного назначения. Сра-

* Журнальный вариант.

зу за трубой стоят сосны. Толстые, переразвитые. Одно дерево особенно плодовито, так усеяно шишками, что выглядит болезненно. С левой стороны дороги – кусты. Хотя это местные дубы – с мелкими листочками и крупными желудями. Вдруг становится темно и мрачно, как в галерее-пещере.

И с двух сторон стеснение кустов и деревьев:

*Девки по лесу гуляли, девки глянули на ель –
Какая ель, какая ель! Какие шишечки на ей!*

Это родительская дорога.

Необоримая любовь охватывает и соединяет родителей, и тогда является Дитя. Новая жизнь, новый дух, новый свет, новый Бог расцветает в маленьком существе. И вот животворящий взгляд младенца стремительно заполняет и преобразует округу. Дитя страшится и удивляется, чтобы жить и радоваться.

Мир всегда ожидает новую жизнь и новый дух. И камень, и растение – в ожидании таинственно обращены к нему, сами исполнены томления и волнующей неизвестности. Взаимное ощущение тайны и есть истинное чувство смысла бытия.

Итак, философ выбирает спутником дитя, ибо разумеющий дух желает причащения к ясному новому свету, еще ничем не замутненному. Тогда мысль становится детской, а ее появление есть как бы знакомство с волшебной тварью. Радость понимания рождается, как встреча в сказочном мире.

Так дитя и философ вместе с удивлением замечают неизвестного живого Бога.

За руку с ребенком или вдогонку его резвости мы выходим из стесненного «родительского» пути к началу философской дороги. Родительская дорога идет вниз с поворотом влево. Мы попадаем на свет и перекресток. Это начало пути. Но слева, из-за спины, как будто из тупика, идет малохоженная тропа. Сначала вливаясь в нашу дорогу, а потом, пересекая ее, уходит вверх.

Итак, наш путь не единственный. Есть ещё чей-то, пересекающийся с нами в начале и уходящий вправо... Достигающий нас со спины, как сквозняк, зовущий вправо и вверх, уклоняющийся от нашего пути в горы.

Знак присутствия чужой воли оставляет в душе путника тревожный след. Не-единственность судьбы и борение окружающих сил смущают душу в начале ее пути. Может быть, *я-такой* стану *я-другим*?

Победа или смерть, страдание или радость, падение в черную бездну на муки или чистый свет? Вот вопрошания души миру.

Для достойного мир открывается в неожиданном проявлении – он зацветает!

Прошрое, настоящее и будущее представляются соединенными и образуют цветок, росток бытия. Это и есть Знамение! Раскрытием мира как цветка – в знамении – преодолевается драма времени. Все запредельное – былое и будущее – оказывается предъявленным внут-

ри точки роста – в настоящем. Знамение – это явление предвечного Единства Мира.

И чудо философской дороги состоит в том, что именно здесь – *бытие* тропы, воздуха, воды, камней, живых существ – суть *знамения* путнику.

И в подлунном мире, где идет вечная война с врагами и смерть врага – высшая радость, а его страдание – сладчайшее удовольствие, вдруг проливаются мир и покой, свет, жизнь и любовь – от цветения звездного неба над кремнистым путем в горах.

2. МЕСТО

Мы вступаем на философскую дорогу, как в начале жизни, когда Бог неизвестен. И нет стремления и нужды Его искать, ибо детский дух и есть Он сам.

Мы оказываемся на просторе. Много неба, и впереди желтая дорога.

Если обернуться назад, то откроются дальние дали, вереница холмов, на них города, за ними море. Но мы движемся вперед, в горы, и эти дали увидим не мельком лишь на обратном пути.

Слева обрыв, бездна и воздушный океан.

Справа круча с крепкими кустами.

Пропасть *слева* и гора *справа* – начало философской дороги и ее символ. Воздушный океан и прозрачное пространство, чистая бездна со стороны сердца. Опора на горную кручу справа. Опора и сила под правой рукой, а бездна – слева – колотье сердца – его трепет, волнение и страх.

Слева, далеко внизу на дне долины, бежит ручей, и рядом проложена железная дорога. По крутому склону туда скатываются толпы крепких курчавых растений. Местные дубы, похожие на кусты, узнаваемы среди них своей мощью, крутым изломом ветвей. Море крепких кустов, зацепившихся над бездной долины, падающих, но застывших в падении.

Вечное сопротивление силе тяготения. В этом постоянном существовании над бездной – вызов и победа над тяжестью, укрепление неподвижности и замирание сердца.

Узнаю это преодоление тяжести как преодоление движения к смерти, в ничто, и это, стало быть, победа над временем. Ведь мы знаем, что тяжесть, пространство и время есть целое.

Преодоление тяготения – это полет. Свободный полет – наша вечная мечта. А здесь солнечный воздух поднимается вверх и поднимает с собой больших птиц. Дух воспаряет, с замиранием сердца следим полет орла и игру солнца с воздухом. Опустив взгляд, встречаешь световой удар в земную твердь – в нашу дорогу и скалистые кручи. Белые камни с восторгом, победно отражают этот поток и сияют навстречу солнцу.

Голубое небо, одинокое дерево над обрывом. Его изгиб и ветвление – душа и судьба растения, его драма освоения мира. Наша подруга-художница изобразила это дерево, согнутое над пропастью, в ко-

торую она опрокинула небо. На картине мы видим, как существо-дерево укрепилось над синим океаном и заглядывает сверху вниз на веселящихся в нем духов.

Наверху, над кручей, хор деревьев – гармонические ряды, будто итальянские пинии. Вопросание о лесе, роще, аллее и строе деревьев. Одинокое дерево притягательно для ума философа, но хор деревьев – путь к хору голосов многих «Я». Этот шум леса, рощи первая и изначальная музыка, человеческая музыка – история народного духа. В идее леса – мощь и драма коллективного сознания. В идее рощи – гармония.

3. ВЕЩЕСТВО ПЕЙЗАЖА

Изначально пейзаж философской дороги состоит из света в прозрачной, легкой воздушной стихии. Воздух вьется ввысь и слева над пропастью. По каменному берегу воздушного океана идет тропа. И скалы, и малые камешки на дороге сияют, отражая потоки света.

Свет воздуха свободен, крылат и радостен. Отраженный камнем, свет несет тайну о преобразованном мире, до времени заключенном в сжатой плотности когда-то свободных частиц.

Лишь несколько деревьев укоренились на обрыве. Одинокие, они возвышаются на фоне неба и ненадолго привлекают взгляд путника. Эти иерусалимские сосны в большинстве своем пришельцы в Иудейских горах. Как правило, они живут недолго и жертвуют собой, разрыхляя каменистую почву для преемников. Тысячи этих сосен были высажены на обезлесевших горах по воле англичан, и сейчас Израиль продолжает посадки. Отдельно стоящие деревья, попавшие в благоприятные условия, тогда разрастаются вширь, у них мощные стволы и непропорционально толстые ветви. Нарушение соразмерности материнского ствола и отпрысков тяжело дается дереву (по природе, наверное, не предназначенному для отдельного существования), и зимние ветры и снег часто ломают эти жизни. А в легких сажених лесах рядами стоят хрупкие стройные сосенки, недолговечные и не помышляющие об опасной свободе.

Свободные деревья – любовь философа. Это они осваивают и изменяют пространство. Каждое свободное дерево передает миру свою живую душу – идею, сравнимую с музыкальным произведением. Драматизм и напряжение растительных форм столь сильно, что заметно и самым равнодушным людям. Но все же главное, что открывает философ: растение ощущает окружающее его пространство, играет и борется с ним, наполняя его жизненным содержанием. Великие деревья, малые цветы и травы – свидетельство невидимого Божьего присутствия. Сначала можно увидеть их движения – пронзающий пространство танец форм, а потом – услышать их хор, славящий Всевышнего.

Существо камня – тайна: в него нельзя войти, как в воду, в землю, без разрушения его целостности. Камень по сути своей замкнут, целен. Внутри камня нет места иному существованию, как в воде, воз-

духе или земле. Камень «охраняет» пространство, занимая его. Стены и фундаменты из камня – манифестация противостояния «иному» существу, охранение. Благодаря свойствам камня, его стойкости и замкнутости, мы научаемся мыслить о различии вещей, их порядке и форме.

Вода – прозрачная, проницаемая и замыкающаяся в себе, подвижная, исчезающая в воздухе и возвращающаяся с дождем и туманом, питающая – вот истинное чудо в нашем мире и ключ жизни. Туманы – излюбленное обиталище духов, желающих общения с нами...

Растения, камни, воздух, вода, птицы, звери и люди – герои повести о мысли и любви к ней.

Дерево – символ иерархии. Правильная иерархия – истончение от материнского ствола к ветвям и веточкам. Драма иерусалимской сосны – нарушение гармонии роста, толщи ветвей и материнского ствола. В каждом растении – опыт метаморфозы, превращения семени в живое существо. Ведь семя еще не живое существо, а замысел о жизни. На горной тропе нет мощных, величественных деревьев. Скромные, ветхие, даже горбатые существа над обрывом приносят себя в жертву буйному ветру и жестокому камню.

Итак, интенсивное переживание идеи дерева, видение души как дерева с корнями в теле-земле и кроной в свете и воздухе. Это ярко сказано Ричардом Фейнманом в слове об огне и дереве: дерево строится из воды и света. Так дух дерева становится близок нам.

Мой друг говорит о Священной роще и так переживает свою идею многобожия, отвергая монотеизм. Он борется за свою свободу, а монотеизм для него не свобода, а, наверное, отсутствие пространства. Существование многих богов – залог существования места для вещей – пространства, воздуха. Такое язычество есть клаустрофобия своего рода... Духовный опыт о Едином – восторг Авраама и Парменида – до времени им не ведом.

Слева над обрывом, на обочине тропы, лужайки. Весной они пестрят маленькими цветами, дубровничками, дикими ирисами, мелкими разноцветными звездочками. Эта россыпь скромнейших луговых даров символизирует крупинки золота на ризе жизни, проблески света в сумрачных буднях. Так прекрасное звездное небо подобно луговому ковру, где звезды – ростки света.

4. В КОНЦЕ ПУТИ

У нас по дороге многие чудеса: растения, и камни, и весь пейзаж – наполнены смыслами. Но главный вопрос идущего по тропе – о жизни, однако ответ не найден. Куда движется это «Я»; почему, чем ближе переход в смерть тела, тем яснее вопрос: «Что будет с живою душой?» Это и есть истинная цель философского пути. Все красоты мира ничего не стоят без надежды встретить ответ на это вопрошание. Если на философском пути есть выбор – распутья, их надо распознать.

На этом пути в Иудейских горах нет горных вершин, покрытых снегом, нет потоков и водопадов. Вместо снежных вершин – белый

Иерусалим. Нет альпийских лугов, ручьев и пастушеской свирели, нет колокольного звона. Здесь нет ласковой, влажной, журчащей жизни. Сухо и пусто. Сцена. Место ожидания.

Есть ли приметы времени на философской дороге? Изначально пространство свободно, не заполнено, не тронут человеком. Но в конце, перед разворотом дороги, знак времени является – внизу, среди остатков оливковой рощи, возникает купол мавзолея XI века – могилы последнего великого визиря Фатимидов, сирийского армянина – мусульманина шейха Бадр ал-Джамали.

Апогей – вершина пути и точка возврата. Именно здесь открывается горный вид Иерусалима, а дорога уходит вправо вниз и в тень, поднимаясь затем к шоссе.

Что такое точка возврата на философском пути? В этой точке перевал, вверху видение Иерусалима, яркий свет. При продолжении пути явное уменьшение света, уход вниз и в тень. Более того – какое-то предощущение мрака и, возможно, тупика (как это бывает во сне). Душа противится продвигаться дальше, путник оборачивается и видит позади море света и дальние дали. Точка возврата оказывается пределом, на перевале переламинается свет, и продолжение пути вызывает в душе образ мрака и безысходного конца. И вот здесь, на перевале, на дне долины в поле зрения появляется могила шейха! Сверху яйцо купола хорошо различимо среди растений, и крутая тропа спускается с шоссе к заброшенному мавзолею.

5. МОГИЛА И ГРАД НЕБЕСНЫЙ

Итак, в конце пути мы встречаем символ смерти – могилу шейха и «послесмертия» – белый город Иерусалим. Эта загадочность пространства, открывающаяся в символах, отмечена Аристотелем и глубоко пережита Хайдеггером: *бытие* – родственник пространства – соединение «тут-там-здесь» (хайдеггеровское *dasein*).

Бесконечного, вечного пути вперед в этом мире нет. Время и дорога непременно приводят к некому пределу. Это, может быть, не конец пути, но точка возврата, отражение от стены – границы мира. Достигшего предела человека ждет испытание, сопряженное с ударом и страданием, а иногда этот предел приходит, как волна слёз...

Так точка прекращения движения сопряжена с ударом, в результате которого возможно озарение. В природе границы мира, стены, есть особый смысл – символическое наполнение. Иными словами, столкнувшись с неодолимой преградой, подойдя к пределу, мы получаем в подарок образ единства: соединение былого, пройденного и запредельного будущего. Это и есть сущность точки возврата – символизация конца пути как смерти и преодоление конца как послесмертие, выявление сущности прожитой жизни.

В текущей жизни сущность потока скрыта рябью на его поверхности, и мы видим лишь защитные узоры. Образ человека скрывается в окружающей повседневности, а иногда проявляется маской хищной твари или, наоборот, раба. Внешнее, будь то тусклое или яркое, про-

тивостоит внутреннему, которое по определению должно быть до времени скрыто. Это «внутреннее» проявляется лишь в моменты вторжения или захвата в душу частиц окружающего мира, в которых кроется другая тварь. Так в основе действия живой твари лежит, как правило, сокрытие внутреннего движения, демонстрация внешней, обманной формы.

Но при «ударе» в конце прямого пути пространство и время сливаются воедино, и душевная раздвоенность сменяется целостностью. Раздвоенность души исчезает и является смущенная радость или ужас. Возможно, это и есть предсмертное состояние ясности о себе. На моей философской дороге при приближении к ее пределу возникают два символических явления: внизу – купол могилы шейха, вверх, на дальних вершинах, – белый город Иерусалим.

Если смотреть издалека, с шоссе, то мавзолей шейха напоминает небольшую астрономическую обсерваторию. А с философской дороги – это яйцо, положенное в уютное зеленое гнездо долины. Что содержится в этом яйце? Пустота. Нет и следов могилы шейха, под куполом – пустое пространство. Экскурсанты, спустившиеся с шоссе, поднимаются на вершину купола, и яйцо стойко выдерживает очередную группу возбужденных людей, ободряемую развязным гидом. Постоянные обитатели этого места, змеи и шакалы, спешат скрыться, но вскоре люди удаляются, и сюда возвращается тишина и запустение. Возможно, пустое могильное сооружение символизирует отсутствие героя в этом мире. Мир пуст? Но вот опять долина оживает птицами и змеями, увенчивается окрестными дикими цветами, а к вечеру пронзительно, с чувством поют свою песнь шакалы. Но смерть безмолвно присутствует здесь, хотя и без героя.

6. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Теперь повернемся спиной к концу нашего пути и увидим сияющие дали. Там разливается яркий закатный свет, *там* вдали на холмах белые селения и за ними море.

*Бывалое горе
Уснуло в груди,
Свобода и море
Горят впереди.*

А. Фет

Поворот. Возвращение по философской дороге назад. Теперь воздушный океан *справа*. Взгляду открываются просторы – к морю... *Слева* – твердь кручи. Сердце укреплено, льнет к опоре, а в правой руке – свет и воздух.

Стихия воды – море – образует в Иудейских горах самую дальнюю перспективу, и только на возвратном пути.

Тонкая нить ручья на дне долины, заметная углубленному взгляду при подъеме вверх, лишь подчеркивает сухость этого пейзажа. Тогда море было еще скрыто за спиной путника.

Обратная дорога идет под уклон – навстречу светлым далям, и воздух-океан уже справа. Светло-зеленые и оранжевые тона заката. Песня шакалов поднимается снизу из долины и подхватывается стаей за стаей – навстречу сиянию неба над невидимым, но близким морем. Они-то и поют перед закатом солнца. «Из глубины взываю к Тебе...» – тянут они стройным хором свой шакалий псалом из глубины долины, и другие хоры подхватывают песню. Эта песня – взывание к звериному Богу-Отцу – их вечерняя молитва. Это призыв: «Я слышу себя!» Стало быть, я есть! Слышишь ли Ты меня? Слышите ли вы меня – братья и сестры, весь мир?»

Песни зверей и птиц – заявление живой души о собственном существовании, декламация сознания Божьей твари. Песня – осознание своего бытия в *полном* мире и на *своем* месте. Это обращение к себе – радость бытия!

Я пою – и слышу себя. Стало быть, я есть! (Ведь звук песни достигает прежде всего собственных ушей!)

– Слышишь ли Ты меня? И это не только «приходи» или «убегай».

Это молитва Богу и Миру – о жизни души живой. Пою себя, свое Бытие!

Радость и печаль, страсть и напряжение души, желание жить, любить мы слышим в этих песнях.

Звери и птицы славят Мир и Творца с любовью и прилежанием. Эти живые души – *все* Иовы! Здесь нет места сомнениям – прилежание несомненно. Каждое утро воробьи славят новый день, новый рассвет... Хотя многие из них, может быть, уже отданы в этот день на съедение.

На восходящем потоке в воздушном океане поднимается большая птица.

Возвращение – это испытание пройденного в пути. И если открытие еще раз является тебе, оно живо, то чувство радости ожидает путника на обратном пути.

Когда достигнут предел, есть возможность не-возвращения, продолжения пути в иной мир. Как будто темный, узкий и каменистый путь в другой мир – к «верхней дороге». В сказке в критической точке пути установлен камень, обозначающий распустье: налево пойдешь... направо... прямо... Но на философской дороге распустья нет и не может быть. Только возвращение или переход в иной мир, обозначенный как узкий подъем вверх. Этот переход столь узок, темен и труден, что вынуждает путника забыть, оставить позади весь духовный опыт, полученный при восхождении, на начальном пути.

А при возвращении он собирает плоды посаженного им вдоль дороги сада. Сладкие плоды или терпкие, но это новое удивление полнотой мира и своим участием в нем. Так, возвращение есть укоренение, «земледелие» и забота, прислушивание к токам жизни в мысли, встреча с собой... И это есть возвращение к истоку своего движения, обогащение его дарами путешествия, дарами сада, поля и леса. Как ни странно, возвращение по философской дороге в основном спуск, а не восхождение, и, спускаясь, мы идем навстречу заходящему солнцу.

Движение на закатный свет – судьба европейского духа – «страна вечерняя» (*abendland*).

7. ВЕЧЕРНИЙ СВЕТ

Свет заката и море появляются при возвращении. При восхождении вода в пейзаже отсутствовала. Лишь с левой руки, в бездне долины, была заметна тонкая струйка ручья, сопряженная с нитью железной дороги. Безводный пейзаж Иудейских гор высушивает дух и готовится его к воспламенению... Так, если греческий мир – мир моря, то еврейский мир – мир пустыни.

У греков – вода, море, синее и зеленое. У евреев – пустыня, песок и камни, желтое и черное. Вода глубоко в колодцах. Только на севере, в Галилее, открывается «сладкое море» – Кинерет. «Влажность» греческого духа противопоставлена «сухости и огню» иудаизма. На философской дороге в Иудейских горах воды нет, только далеко внизу тонкий ручей. А в Гейдельберге «философскую тропу» обступает влажный лес, внизу – полноводная река Неккер, а рядом, на горе, – капище кельтов. В Иудейских горах – сухая пустота, и в пределе пути – наверху Иерусалим, внизу мавзолеей шейха.

Соединение голубого и золотого в сияющем небе называют небесной лазурью. Лазурь – не цвет, но свет, прообраз высшего, духовного света, доступного всем нам. Созерцание лазури очищает душу, выплавляет из нее боль и хворь. Этот свет лечит. В лазури – благодатное излучение вечности, бессмертного неба.

* * *

Что странник, родившийся на берегу водной стихии, с рождения опьяненный холодным влажным ветром, обретет в пустынных горах?

Он несет в душе шум широколиственного леса, плавное течение реки, тишину озер, шелест дождя... А здесь его взгляд обретает сухие холмы, над которыми выются горячие воздушные потоки, каменную тропу, блестящую под бледно-голубым небом.

В особенности пейзажа суть духовного соединения путника с миром – в данный момент, в этом месте к нему нисходит судьба... если он открыт ее пониманию. Так мы волшебным образом переносимся из мира Иудейских гор, увенчанных Иерусалимом, в путь к морю в стране заката.

Волнение одинокой души успокаивается, и она наполняется радостью, когда летит с потоками воздуха, гнездится в скале или открывает свою музыку в древесных формах. Счастье соединения с миром, переход в истинное бытие, в объятия вечности высвечивает радость бессмертия.

Сусанна Черноброва

*ПРАКА, БИЛБОК И КАМЕЛНВОЛ**

mailto: author@nowhere.com

from: provider@nowhere.com

15th December, 2006. 1:25 a.m.

Hi, author! Happy Christmas and Hanukkah!

Happy Christmukkah!

Happy New Year! We are happy to inform you that you are still a member of the community www.virtual.nowhere.com. You must login and verify your password. To cast the shadow in the community www.virtual.nowhere.com is strictly forbidden.

To: squirrel@nowhere.com

17th December, 2006. 5:20 p.m.

SUBJECT: NO SUBJECT

Пишу тебе снова в канун Нового года.

Посылаю тебе рисунок «Вид на могилу пророка Самуила». Приглянулись мне давно строчки, правда, про другую могилу: *Татарский угол зелен, пуст, / а над могилой Исмала / жасминовый взорвался куст, / и дверь к ограде приварило.*

Это Борис Беркович, «поздний петербуржец».

attachment NN

01 MOGILA SAMUILA.JPG

S. Chern

948КБ [Просмотреть](#) [Загрузить](#) [Download](#)

* Из книги «Электронная почта – 2».

To: squirrel@nowhere.com

19th January, 2007. 5:20 p.m.

SUBJECT: KRASNO-SINEE PISMO

*Мы гуляли по Неглинной, заходили на бульвар
и купили синий-синий, презеленый красный шар.*

Было у меня письмо про снег, оно называлось «Белое на белом» и начиналось стихотворением, посвященным Изе Малеру: *В больнице простыней гряда, / болезнь оказалась делом. / Вот так художник иногда / напишет белое на белом.* Было желто-оранжевое (про листопад), письма про серость и серое, теперь пишу красно-синее.

Я читала в клубе лекцию про значения цветов. С тех пор подседа на это резкое, «флаговое» сочетание. У меня и картинка такая есть: «Вынос корабля». Три девушки, в красном, белом и синем платьях, выносят из леса на плечах корабль. Красное и синее притягиваются друг к другу, как полюса магнита. Да и магнетики такие в самом деле были. Почему-то исчез красно-синий карандаш, я его в детстве очень любила, особенно остро отточенный. Еще я читала, что у двуличных красно-синий язык. Красно-синий стул нидерландского художника Ритвельда, прозванный «красно-синий зигзаг», стал иконой современного дизайна, программной для группы «De Stijl». Он находится в Музее современного искусства в Нью-Йорке. Почему-то я все это тебе перечисляю, а хотела написать про «красную синьку».

Когда я слышала легендарное словосочетание «красная синька», считала его советским анекдотом. Это же оксюморон, вроде кипяченого льда или твердого кислорода. Но вот Лизе с ее подругой Ирой попала на глаза упаковка краски, на которой написано «Фабрика “Красная синька”». Я всегда считала, что реально такой фабрики не было. Но прочла: «После Октябрьской революции в Питере было частное предприятие. Выпускало оно красители. Так и называлось – “Синька”. Пришло новое время. И завод стал “Красная синька”». В соответствии с духом времени. В Советском Союзе все самое хорошее и образцовое должно было быть красного цвета. Мода на все красное доходила до абсурда: мануфактуру называли «Красная синька», а совхоз – «Красное молоко» или «Красный хлопок». Красное молоко звучит особенно противно, потому что молоко с кровью – это гной. У Лизы в школе была завуч с седыми, фиолетового оттенка волосами, страшно политизированная. В честь найденной смешной упаковки с краской они так и прозвали завучиху «Красная синька».

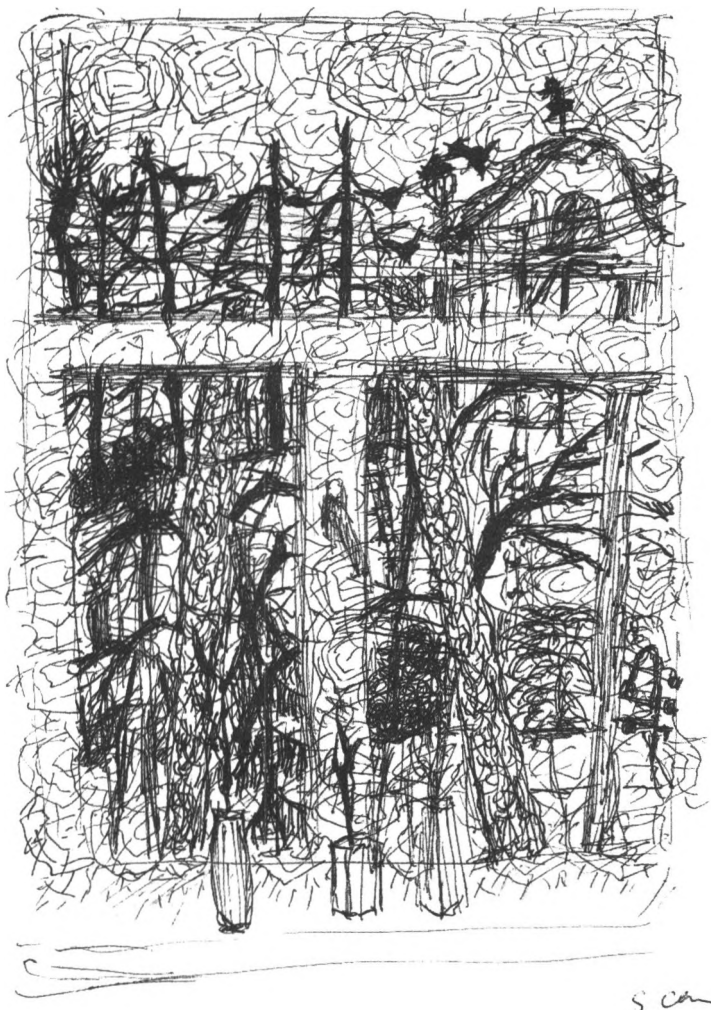
Была и частушка такая:

*Краска та была ужасной
(испугаешься со сна!),
химателью «Синькой красной»
выпускалася она.*

В аттачменте рисунок «Дубулты. Из окна».

attachment NN

07 Dubulti.JPG

1944КБ [Просмотреть](#) [Загрузить](#) [Download](#)

To: squirrel@nowhere.com

21st November 2010, 3:18 a.m.

SUBJECT: PLOKHAIA NOVOST

30 октября умер Боря Лекарь. Не готова к тому, что приходится писать в жанре некролога. Он так не подходит к Боре. Его легендарные «квартирники» – ушедший вместе с ним символ нашей иерусалимской жизни 90-х, нулевых. Того Иерусалима уже нет с уходом Бори, Миши Генделева, Андрея Резницкого, Васи Емельянова, Майи Каганской. А еще – с закрытием магазина Миши Гринберга на Агриппас 11. Боря с юности страдал от тяжелой депрессии, но для окружающих он был румяным веселым человеком, полным кипучей энергии, умеющим всех завести. Сорок восемь выставок устроил с помощью жены Нины в их маленькой двухкомнатной квартирке на окраине Ие-

русалима, в Гило. Квартирка на вечер становилась галереей «Нина». Выставки проходили на исходе субботы, не прекращались и в интифаду, несколько раз пришлось ехать на вернисаж под выстрелы.

Иерусалимские работы Бори я тоже люблю. Но его ранний, киевский период здесь меньше знают. Чудесные пейзажи Киева и Ленинграда. Боря любил и понимал поэзию. Когда ему было плохо, он приходил и просил почитать стихи: «Это меня утешает». Шлю стихи памяти Бори Лекаря. Первое уже было напечатано в «Иерусалимском журнале» (№ 35), здесь остальные два из цикла.

2

И будет зрение, пока
Многоэтажны облака.
А ты, наверное, уже
На самом верхнем этаже.
Вершин побаивался ты,
Теперь ты выше высоты.
Писал туманные холсты,
А стал прозрачней пустоты.
Не жаль ушедших, им легко,
Прозрачность легче облаков.
Легко уходят в мир иной,
Становятся голубизной.
Они счастливей нас с тобой
В могиле братской голубой.
Они – прогулка в трын-траве
И седина на синеве.

3

Тень кружевная снова закружится,
Кружится свет, и кружится мрак,
Что-то все кружится, что-то не дружится,
Что-то не клеится, что-то не так.
Пишутся строки рябью по луже,
Окно разрослось, как на дрожжах,
Нет и не будет участи хуже,
Чем отражаться в слепых глазах.
Шар голубой и улица праздная —
Все померещилось, просто ты пьян,
Синее-синее, красное-красное,
В синем тумане жёлтый изъян.
Всё дорогое дорого, дешево,
Продано, предано – это не так,
Было немало с нами хорошего,
Кроме круженья музыке в такт.

To: squirrel@nowhere.com

2nd December 2010. 4:13 a.m.

SUBJECT: SAN GIORGIO MAGGIORE

Если бы мне лет тридцать тому назад сказали, что я месяц проведу в Венеции, я бы покрутила пальцем у виска.

Посылаю рисунок острова Сан Джорджо Маджоре, где расположена гостиница фонда Чини. С колокольни острова открывается замечательный вид на Венецию и Лагуну.

Есть картина Моне «Вид на Сан Марко с колокольни Сан Джорджо». Когда нам знакомая сказала: «Там, на колокольне, звонарь Сережа, скажете ему “от Кати”», Венеция сразу приблизилась.

>Natasha wrote:

>Vi Venetsiju jurnalizovali

Да, тут настоящая Юрмала, шесть юрмалчан сразу. И погода в октябре на дубултскую похожа.

Венеция всегда была мечтой советских людей, недостижимой, призрачной, туманной. И не только советских, по словам Муратова: «немецкое свадебное путешествие».

Иногда к городам прикрепляют эпитеты: каменный, деревянный, пластмассовый. Венеция, конечно, стеклянная, даже хрустальная. Венеция бесконечна из-за обилия кривых линий, переулков, лабиринтов, проходов, бесчисленных calle, salizade и rio, но она бесконечна вглубь, а не вширь. Несмотря на обилие туристов, пребывание в Венеции кажется невероятной привилегией.

Каждому факультету в наши времена полагалось иметь своего поэта. И у нас был такой, физматовский поэт Коля Орлов.

Все его стихи я запомнила и записала.

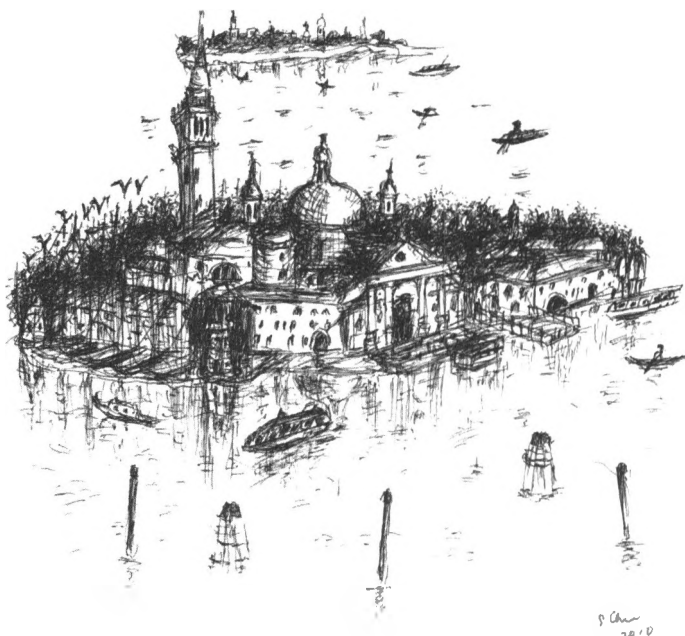
Дальнейшая его судьба мне неизвестна. Поговаривали, что вылетел с физмата и спился.

Он написал стихи про Венецию, слегка наивные, очень шестидесятичелюстные. Что-то в них есть, раз я их помню (за исключением двух строчек) столько лет:

*Та-та-та-та та-та-та-та
под невесомыми мостами
проходят стаи фонарей,
вот-вот готовые растаять.
Но мой сосед, он недоспал,
он зол и очень хочет чаю,
он знает всё наверняка,
что просто город поливают.
Та-та-та та-та та-та-та
и сквозь тумана подвечность
я вижу, вижу всё равно
тебя, далёкая Венеция.*

attachment NN

08 SAN GIORGIO MAGGIORE.JPG

640КБ [Просмотреть](#) [Загрузить](#) [Download](#)

To: squirrel@nowhere.com
15th December, 2010. 15 a.m.
SUBJECT: PESNJA PRO GORE

Песня про горе не отпускает. Первое стихотворение из цикла напечатано в «Новой камере хранения». Привожу, чтобы не разбивать цикл. Потом появилось и второе. Есть и про радость, но оно еще сырое.

attachment NN

ПЕСНЯ ПРО ГОРЕ

*Гори, мое горе,
 Гори, мое горе, гори...*

Из народной песни

1

Ты волнами моря
 Проходишься по городам,
 Гори, мое горе,
 Не надо ходить по следам.
 Горящее горе,
 За каждым углом нас не жди,
 Ты рядом, ты вскоре,
 Ты просто всегда впереди.
 Ты толпы и сотни,
 Кромешная тьма среди дня,
 И есть подворотня,
 Где ты караулишь меня.

Ты создало стронций,
И в хлеб натолкало стекло,
И волчее солнце
Твоё затемнило Гило.
Ты – краска на лицах:
Кто красен, кто бледен, как мел...
Кто в белых столицах,
Бывало, от горя чернел.
Ты – серость и сырость,
За пазухой нож не держи,
Ты – чёрные дыры,
И в них обитают бомжи.
Ты дышишь, как море,
И целишься прямо в висок,
Гори, мое горе,
От счастья на волосок.

2

Оглохшее горе
Ослепшее горе ведёт,
Осипшее спорит,
Охрипшее песни поёт.
Ты ходишь кругами,
Пускаешь под нож тиражи,
Ты нас в Гиват-Раме
У выхода не сторожи.
Ты – взгляд василиска,
Ты – клякса среди белизны,
Ты – чёрные списки,
Где красным мы все внесены.
Кто клуша, кто рохля,
Кто плачет, кто хворый урод,
Кто слепнет и глохнет,
А кто-то вообще не живёт.
Ты – чёрное дело,
Мышиная серость, возня
И чёрное тело,
В котором ты держишь меня.
Но Мёртвое море
Усохло на целую треть,
Погасшее горе,
Ты просто устало гореть.
Стрельба и цунами,
Побоище, электрошок.
Как жаль, что с друзьями
Не выпили на посошок.

О РАДОСТИ...

*Ты понял, что радость
Всего лишь свечение слёз...*

Но радости ради спускался ты в тёмный подвал,
По свету скитался,
И горя хлебнул, и вдвоём с ним порой ночевал,
И с горем братался.

Ты радости ради учил все оттенки тоски,
Вокзальной, трамвайной,
Душа – тоже город, в ней есть лабиринт, тупики,
Свет исповедальной,

Ты все нам простила, и эту беду за бедой.
Полоний и стронций,
Чернилами радуг раскрашенный сумрак седой
И пестрое солнце.

Усни, моя радость, мы сядем в последний вагон,
Чтоб встретиться вскоре,
Усни, моя радость, остался один перегон
До горького горя.

Усни, моя радость, вся жизнь в какой-то борьбе,
Какой-то печали,
Как темень и «скады» мешали пробраться к тебе,
Сирены мешали.

Усни, моя радость, остался последний бросок,
Ты рядом, ты вскоре,
Усни, моя радость, от встречи на волосок,
На метр от горя.

To: squirrel@nowhere.com

21st January, 2012. 2:15 p.m.

SUBJECT: NASH PERVII COMPUTER

Привет, молчаливый *squirrel!* Отзовись, наконец.

В одной рецензии меня назвали «стихийным философом интернета». В оправдание прозвищу вспоминаются истории, связанные с компьютером. В 1989 году Р. Т. пробыл в Нью-Йорке месяц. Жил у нашей старинной подруги Наташи Червинской. В ночь его возвращения дети ждали момента, когда из знакомого чемодана посыпятся подарки. Приближались голодные девчонки: карточная система, талоны на продукты и сигареты. Но никаких подарков из большого синего чемодана на этот раз не было. Был купленный на гонорары от лекций компьютер. В конце 80-х их стали привозить из Америки. Они стоили баснословные деньги, средняя зарплата служащего за тридцать лет. Участились квартирные грабежи, за компьютер могли даже убить. В нашем доме наша квартира была единственной некоммунальной, нас ненавидели. Знакомый сантехник из соседской коммуналки говорил нам, выпив: «А я могу вас по национальности обозвать, если хотите». Из страха мы спрятали компьютер в шкаф, подальше от посторонних глаз. Так он

там и простоял полтора года, вплоть до наших сборов в Израиль. Решили его продать, вскрыли коробки, и из них посыпалось: кожаные дамские перчатки, джинсы, рубашки, свитера, куртки для детей, костюмчики, ботинки – все, что надарили Роме сердобольные друзья и родственники. Целое состояние. А компьютер устарел, жизнь в шкафу его обесценила. То, что из него посыпалось, стоило гораздо дороже. Но Рома про начинку компьютера начисто забыл.

attachment NN

07 ZVER. KARNAVAL.JPG

778КБ Просмотреть Загрузить Download
posted via Susanna's iPad

To: squirrel@nowhere.com

21st April, 2012. 3:15 p.m.

SUBJECT: VIRTUALNIE KARTINKI

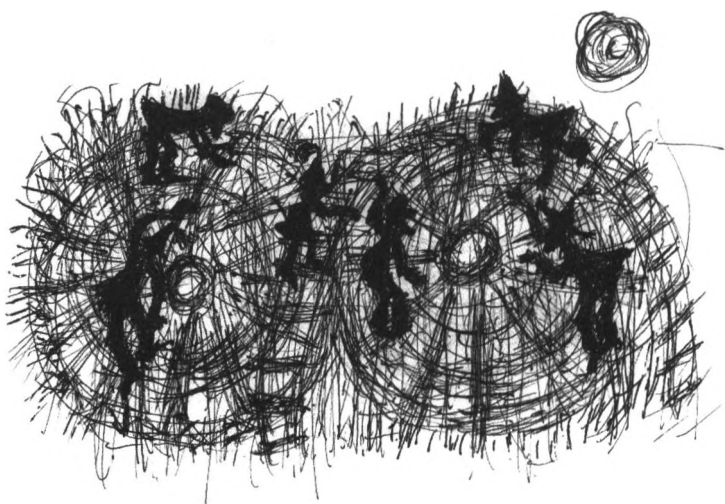
Есть у химиков выражение: выделить химически чистое вещество. Я все годы пыталась выделить химически чистый цвет. Такой, какой я увидела на витражах Шагала. В поисках какого-то абсолюта я перепробовала разные техники: масло, акварель, пастель обычную и масляную, гуашь. Я бросала одну технику, возвращалась к другой, потом вообще на какое-то время оставляла живопись. Я ее столько раз бросала, порою на годы, потом всегда возвращалась. Но «у этой мамочки когти». Бросала из-за сухих пустяков, казалось бы. То не взяли на выставку группы, пышно величавшей себя «Объединение профессионалов». Один из руководителей подошел ко мне и сказал: «Вы не вписываетесь». Уже расставляли бокалы для будущего вернисажа, в зале было светло, тепло, весело. А я взяла картинку в руки и понуро побрела по темной холодной осенней улице. Мне рассказали, что этот глубоко советский человек был функционером в Союзе художников. Ничего не

помогло, хотя понимала, что реагирую на глупость. Я, наверно, легко поддаюсь гипнозу, слова «вы не вписываетесь» словно поселились в ушах. Я себя чувствовала неправильной, нелепой, не «in», а для того чтобы видеть цвет, мне нужно радостное состояние, почти эйфория.

Я нашла этот химически чистый цвет неожиданно, приобретя айпад. Нашла в Art Rage. Вдруг пригодилось это рекламно-светофорное сияние экрана, преломление света через скрытую за стеклом экрана тайную призму. Призма эта придавала дополнительные измерения изображаемому. Так светятся изнутри агаты, изумруды и лунные камни. У картинок появлялся астигматизм, получалось пространство из неевклидовой геометрии. В нем передавалось все, что я люблю: огоньки ночного города, фонари на фоне листьев, отражения на мокром асфальте, лужи в листьях, свет окон, отражения в каналах. И никакого механистического отпечатка компьютер не добавлял! Наоборот, по богатству оттенков незнакомый мне раньше способ рисования мог сравниться лишь с маслом.

Я совсем не стремилась рисовать на компьютере, да и сейчас не собираюсь рисовать только на нем. Ближе всего к получаемому, наверно, витражи. Но мы привыкли, что живопись – это что-то материальное, лист, холст, что-то заключенное в раму. Можно пощупать, на стенку повесить, продать, наконец. Начались поиски вещественного эквивалента. Попытка распечатать проваливалась, из принтера выходили распластанные плоские трупы, словно раздавленные асфальтовым катком. Они не светились. Их нельзя было реанимировать. Нет, смотреть такие картинки можно только на стеклах экранов. Прочла, пока писала, что уже есть выставки прямо на айпадах. заключенных в красивые рамы. В аттачменте старый рисунок “Аттракционы”. Сейчас делаю в арттрейдже цветную картинку.

attachment NN
07 ATTRACTIONS.JPG

аттракционы

To: squirrel@nowhere.com

27th April, 2012. 7:12 a.m.

SUBJECT: XRONICA

somebody.livejournal.com

Хроника: ракетный обстрел Ашкелона.

За три дня 9–11 марта 2012 года по югу страны было выпущено более двухсот ракет «Град» и «Кассам», большая часть из которых была сбита системой ПРО «Железный купол». Летящая ракета «Град» была хорошо видна в ночном небе, но заснять её просто не успела, поэтому только слышны сирена и грохот двух разрывов.

Как раз за пару дней были там в гостях у родственников. Посылаю тебе как журналистке, израильтянке и вообще человеку небезразличному видеоролик ракетного обстрела Ашкелона. Виден перехват кассамы “железным куполом”. Не всех это задевает. В разгар интифады в 2001-м встретила в автобусе знакомую, правда, далекую. «Я живу в Гило-алеф, *ло эхпат ли*¹».

Для справки: обстрелам подвергалось Гило-бэт.

To: squirrel@nowhere.com

29th April, 2012. 7:12 a.m.

SUBJECT: SINII OGON

Селком учредил в 2008 году арт-галерею-сайт. При записи полагалось высказать кредо. Это поставило меня в тупик. Я поняла, что кредо у меня нет. Есть всеядность. Нравится все: импрессионизм, реализм, абстракционизм, постмодернизм, инсталляции – было бы талантливо... Наш покойный друг, поэт и прекрасный переводчик Владимир Портнов, говорил, что любит в искусстве все, в чем есть синий огонь. Потом прочитала, что в философии Рейки синий огонь означает еще и соль земли. В неспособности к рисованию я убедилась после случая в первом классе. Лилия Оттовна Лейман, учительница рисования и черчения по совместительству, задала нарисовать вид из окна. Все родители расстарались, растиражировали «Золотую осень» Левитана, изобразили голубые небеса и золотистые березки. Мои родители по занятости не делали за меня домашние задания. У нас окна выходили во двор-колодец, в окне я всегда видела окна расположенной напротив квартиры Фрайтеров. И веревку с роликами, на которой вешали белье. С ее помощью мы иногда с Юрой Фрайтером обменивались тайными записками. Во дворе всегда было пасмурно. Потому серой анемичной тушью я нарисовала квадрат окна, а в нем квадрат поменьше – фрайтеровское окно. Все перечеркнула линией, обозначавшей бельевую веревку. Выдали тетрадки. Возмущенный кол перечеркивал мою правдолюбивую геометрию. Я, боясь репрессий со стороны родителей, зарыдала. «Никогда не буду художницей», – решила я тогда. Решение подкреплялось впечатлением, что художник – человек, занятый противной работой, – изображает скучную неправ-

¹ *ло эхпат ли* – транскрипция ивритского аналога выражения «мне пофиг».

ду. Уроки рисования с той поры возненавидела. Я стала отличницей с тройкой по рисованию, которую перед концом четверти спешно превращают в четверку, «чтоб не портить табель».

Я полагала, что художников где-то специально долго делают, а они – после многих трудных лет обучения – постепенно начинают что-то изображать. То есть живопись представлялась мне процессом чисто ремесленным. И когда лет с двадцати стали перед глазами появляться картинки, расстраивалась поначалу: «Вот была бы я художником, нарисовала. Рисовать же я не умею!» Потом поняла, что возможен и другой путь: человек *видит*, а само видение обладает волей, картинки, повисая в воздухе на уровне глаз, перед сетчаткой, загоняли в угол, буквально заставляли изобразить себя. В аттачменте еще один вид на Иерусалим с мостом Калатравы.

attachment N
03 CALATRAVA.JPG

9. Сирена
2013

932 КБ Просмотреть Загрузить Download
posted via Susanna's iPad

To: squirrel@nowhere.com
3th MAY, 2012. 4:45 a.m.
SUBJECT: PALTO

Раз уж пустилась по твоей наводке в воспоминания, вспомнила про портних и про пальто.

Пальто делились на зимние и демисезонные, сейчас речь пойдет о зимнем пальто. Еще летом родители мне говорили: мы ничего не можем себе сейчас позволить, мы строим тебе пальто. Долгострой начинался где-то летом, в августе. Закладкой был визит к портнихе. Она составляла смету и напутствовала. Правда, в последний раз пальто мне уже шили в Baltijas Modes.

Но портные не могли преодолеть сопротивление материала и угрюмой трапецевидной формы. Скованная ватином и без того тяжелая ткань окончательно теряла свою пластичность, создавать линии из такого невозможно. Пальто строилось долго и трудно, как собор. Оно уже по своей природе было обречено на незлегантность. Вначале закладывался фундамент из утеплителя – ватина или ватилина. Ватилин

прошивался нитками, чтоб не расползся. Потом подыскивалась саржевая подкладка. Она защищала ватин и украшала изнанку. На примерке у портнихи уже пунктирами ниток и мелкими намечались контуры будущего пальто. На примерках еще теплилась какая-то надежда, что пальто в процессе строительства похорошеет. Его фасад проступал сквозь хаос ниток, иголок, булавок, тканевых обрезков. Булавки на примерке кололи. Портные держали их во рту, в этом был особый шик и профессионализм. Ткань букле, твидовая, ратиновая, габардиновая или драповая, цвет черный, коричневый или темно-серый. В отрезе ткань выглядела очень красиво. Она обреченно лежала на портновском столе. Ножницам предстояло ее изуродовать. Нитки поджигались, к запаху принюхивались: шерсть или не шерсть? Цвета делились на маркие и немаркие, как-то я умолила выбрать синий. Цвету полагалось быть практичным, пальто предстояла долгая жизнь с сезонными химчистками и выколачиваниями на сквознях. Фасад пальто украшали пуговицы. Здесь допускались вольности, можно было выбрать костяные, перламутровые, металлические с кораблями или геральдическим оленем. Пуговичный магазин я любила. Он был за углом, на улице Аудею. Мне нравилось, как переливались блики на россыпи пуговиц. Наконец, добывалась самая представительная часть пальто – воротник. Котиковый, лисий, песцовый или норковый воротник – это считалось шикарным украшением. Практического смысла в нем не было, он грел не больше, чем шарф, воротник подчеркивал статус владелицы. Воротник был кодой, он придавал пальто законченность, венчал его. Пальто должно было быть прочным, через несколько лет его предстояло *перелицевать*, а возможно, и *переперелицевать*. Лицевали иногда и по два раза. Когда короб пальто, наконец, напяливали на меня, я, глядя на себя, возведенную в квадрат, приходила в отчаяние. В пальто я еле шевелилась. Еще надо было соблюдать осторожность, поскольку в подъезде могли ограбить, пальто снять, позарившись на воротник.

Через год в университете я получила повышенную стипендию, чем очень гордилась. Я сорвала с себя ненавистное пальто, засунула в диван, пошла в «Детский мир», купила черную цигейковую шубку. Она тогда стоила 60 рублей! Подружка-сокурсница подсказала мне, что самые большие детские размеры на четырнадцать-шестнадцать лет нам как раз годятся. На шубку я намотала длинный шарф. Да еще мама где-то раздобыла мне польские джинсы. Прощай, пальто!

To: squirrel@nowhere.com

3rd MAY, 2012. 5:32 a.m.

SUBJECT: PALTO

Продолжаю тему индпошива.

В неторжественных случаях обращались к домашним портнякам. Они обычно были соседками. Мама меня водила к Пиладзис из седьмой квартиры. Пиладзис шила к школьным и пионерским праздникам. Это было очень просто: белый верх, черный низ. Получалось мило. Иногда ходили к Анне Ивановне, она жила на соседней улице.

Анна Ивановна была соседкой моих двоюродных сестер. Анне Ивановне из-за своей профессии портнихи никак не удавалось выйти замуж.

Моя сестра Элида вспоминает ее слова: «А как родня его узнает, что я портниха, я их всех обшивать должна буду!» – и такое повторялось с каждым женихом.

Обе были славными женщинами и даже неплохо шили, но был один недостаток. Изделия их были автопортретны, и я превращалась попеременно то в Анну Ивановну, то в Пиладзис. Разумеется, в юных. Платья их всеми линиями силились меня переделать. А неустойчивые линии подросткового тела легко поддавались. После походов в парикмахерскую, куда меня затаскивала одноклассница Нинка Ш., большая модница, я превращалась во что-то неопределенное, к чему русского названия не подберу.

Здесь есть хорошее слово «*фреха*».

Пиладзис выглядела типичной латышской крестьянкой, у них в самом деле был дом в деревне и много-много родственников. В раннем моем детстве по домам еще разносили молоко и творог. В лет пять я даже считала, что у Пиладзис в квартире живет корова. Корова, конечно, соткалась детским воображением, никакой коровы на шестом этаже городского дома быть не могло. Но я ясно помнила, как корову сводят вниз по ступенькам винтовой лестницы, но в реальности это была не корова, а большая овчарка. У Пиладзис долго возились с выточками. Вытачки ставили в тупик еще на школьных уроках домоводства, я недоумевала, зачем они нужны. Мне казалось, что это беспородные линии, ни к какому стилю не принадлежащие, сами по себе, и непонятно, зачем эти сорняки нужны. Особенно они замусоривали вид пальто, на его поверхности, и без того комковатой, появлялись два неопределенных бугра.

Из всех изделий домашних портних запомнилось мне только платье, которое сшила моя мама. На даче родители задумали в конце августа устроить подросткам ситцевый бал. Платье было готово за вечер и ночь. «Саненька, давай не будем вытачки делать?» – спросила мама. Вытачки в самом деле не понадобились, потому что наверху, у выреза, была мелкая сборка. Рукава фонариками, юбка колоколом, тоже в сборку, пришивалась отдельно. Но верх и низ ладили между собой, линии струились. Ситцевое платье было похоже на грядку с мелкими цветочками на темно-синем фоне, мне это необычайно нравилось. Пришла посмотреть на платье мамина лучшая подруга А. К. Она до войны много жила в Париже и понимала в тканях и одежде. «Это же рисунок миллифиори», – сообщила она. Позже я узнала, что его придумали давным-давно для муранского стекла, потом рисунок перекочевал в керамику и текстиль. В этом же ситцевом платье в дачном парке Пумпури возле эстрады меня увидел впервые мой будущий друг.

Сшитое наскоро, на одном дыхании, оно оказалось счастливым платьем, мне в нем везло.

В аттачменте стихотворение, мне кажется, оно сюда подходит.

attachment NN

* * *

Мы встретимся во мгле иных миров
На перекрёстке двух прожекторов.

В прекрасном и далёком далеке,
Во взгляде, отражении, зрачке.

Мы встретимся. Не веря, что нас нет,
Нас воскрешает отражённый свет.

Мы непременно, мы наверняка...
Под шелестык прости, прощай, пока .

В случайной самой из случайных встреч
Мы встретимся, как музыка и речь.

Какой же ветер нас сюда занёс,
Мы в контуре, двоящемся от слёз.

Мы встретимся во тьме черновики,
На свалке линий, строчек и стихов.

В прямолинейном проливном дожде,
В белёсо-сером никаком нигде.

В прозрачных, невесомых городах,
В мерцающем огромном никогда.

To: squirrel@nowhere.com

29th MAY 2012. 7:12 a.m.

SUBJECT: ТРАКЛ², БИГЛБОК³, КАМЕЛНВОЛ⁴

Хочу еще добавить про золотой век индпошива. В Риге были знаменитые портные. У них были самоценные фамилии: Сапожников, Баренбаум, Равдин, Фукс, Люба Барон. Наш приятель даже летал в Ригу из Москвы на примерки костюма. Наша подруга Р. Ш. вспоминает, что и Таллин славился своими портными. И туда летали из Москвы на примерки. Из Питера тоже приезжали. Прибалтика для москвичей и ленинградцев и вообще россиян была зарубежьем. Наш покойный друг Юра Гельперин каждое лето жил на взморье. Из его стихов: *О, домашнее зарубежье, безмятежное побережье*. Отец нашего друга был известный в Риге портной Равдин, потому слова «тракл», «биглбок», «камелнвол», казавшиеся почти заумью, были у нас на слуху. Как мне сообщила приятельница Циля В., была еще Зина Брызгунова, работала где-то на Суворова или Стучкас, она шила лифчики. Циля же вспомнила, как портной по имени Макс говорил: «Какой на вас зикетик! И кепоцка (жакетик, кепочка)». Папин гимназический друг Зяма

² Тракл – грубая наметка суровыми нитками.

³ Биглбок – приложение к гладильной доске для отглаживания деталей.

⁴ Камелнвол – особый вид бортовки, подкладывался под нагрудную часть пиджака, чтобы она слегка оттопыривалась.

Пристин присылал из Нью-Йорка посылки. Однажды прислал вельветовые джинсы песочного цвета фирмы «Леви Стросс». Джинсы подарили Роме, их презентация произошла на научной конференции в Тарту. Это была еще доджинсовая эпоха, потому джинсы вызвали восторг. Но портной Шеф, к которому водили Рому родители, рвался их переделать. «Дайте я вам сделаю из них приличные брюки». Другой рижский портной, друг и соперник Баренбаума, говаривал: «Разве Баренбаум портной? Он что – шил? Он что – знал, что такое иголка и нитка? Разве он знал, что такое тракл, биглбок или камелнвол?» И еще: «Разве ценатнмахер и шустер – это одно и то же?»

Впрочем, камелнвол Баренбаум, пожалуй, знал.

Ценатнмахер – это, как известно, заготовщик, а шустер – это сапожник. Все поговорки, пословицы и проч. – только про сапожников, к заготовщикам они не имеют никакого отношения. Так, по крайней мере, считают заготовщики.

Бывал в Латвии после войны и Юрий Никулин. Приезжал на гастроли. Но поездки запомнились ему не выступлениями на манеже цирка: «Свой первый костюм я шил в Риге, мы приехали туда на гастроли. В Риге шили здорово и дешево, старик Кио специально приезжал в этот город шить себе фрак. Пришли к портному, какому-то там Блинбауму, жена моя ему говорит: “Вы знаете, задача у вас трудновыполнимая, муж сутулый и долговязый, и одно плечо короче другого, с лошади упал, и сломанная ключица неправильно срослась...” Портной слушал, слушал и кивал: “Ничего, ничего. У него просто фигурка – оригинальная”. И я после всегда так говорил».

Правильная фамилия портного была – Баренбаум. Прославился он не только тем, что сшил первый костюм Никулину. Однажды приехал и Утесов. Игорь Кио вспоминал об этом: «Надо сказать, при всех своих талантах Леонид Осипович не обладал одним качеством: его нельзя было назвать элегантным человеком. Да, он был одет хорошо и аккуратно, но не умел как-то по-особому носить костюмы, выделяться. И вот мы привели его к Баренбауму. Леонид Осипович показал костюм, который был на нем, и попросил пошить ему такой же. Придирчиво осмотрев наряд Утесова, Арон Львович спросил: “Кто вам шил этот костюм?” – “О! Это хорошо знакомый всем московским артистам Запирко...” – “Мне не нужна его фамилия, – сказал Баренбаум. – Я хочу узнать, кто он по профессии”».

To: squirrel@nowhere.com
28th October, 2012. 8:45 p.m.
SUBJECT: VIRTUALNOE

Один знакомый пишет докторат по истории алии, про девяностые и нулевые в Иерусалиме. Попросил меня вспомнить про первые русские магазины в Иерусалиме. Как быстро 90-ые стали прошлым! Один из первых русских магазинов в Иерусалиме назывался «Клим и Слава». Очень похожий я увидела еще и в Лос-Анджелесе, кажется, он назывался «Привоз». При мне там продавщица сказала покупателю: «Ой, у меня с “квотерами” сегодня напряженка». Первые русские

магазины очень напоминали советские распределители для партноменклатуры. Такие магазины были для старых большевиков, для работников спецотделов и сотрудников КГБ, были и для инвалидов войны. Потом появились даже для диабетиков. Так что продукты в основном текли по артериям распределителей, чтобы потом попадать к едокам.

Мы тоже принадлежали к счастливчикам – привилегированному слою получателей «заказа», благодаря моему и Роминому отцам – инвалидам войны. В конце 80-х в Риге появились талоны на продукты и сигареты, фактически карточная система. Три «заказа» – два инвалидных и мамин диабетический, с гречкой, обеспечивали бесперебойное поступление продуктов в дом. Продукты были относительно недорогими, но дефицитными. Обделенное остальное население было готово переплачивать. Полузабытые слова: «достать», «из-под полы», «дать сверху», «выбросили»... Какой там *sale* и какая там *акция* или *мива*. Потребительский мир там и тут соотносился друг с другом как позитив и негатив. Здесь *sale*, там – *дать сверху*. «Саненька, я тебе австрийские сапожки достала. Всего десять рублей сверху», – говорила мне мама. «Дать сверху» – было благом, а «выбросили» – делом довольно опасным, в очереди могли сильно помять. Случались и драки, кто-то же лез и без очереди. К тому же у очереди было свойство: «как раз передо мной закончилось». Вожделенный дефицит заканчивался довольно быстро, добрая половина уходила по каналу «из-под полы».

To:squirrel@nowhere.com

29th October, 2012. 5:42 a.m.

SUBJECT: KLIM I SLAVA

Клим и Слава оказались обладателями обычных еврейских фамилий, вроде Гольдштейн и Борухсон, а представлялись, как заметила в ЖЖ Iemaet, такими кустодиевскими молодцами. Набор продуктов в «Климе и Славе» являл собой мечту советского человека о хорошей жизни: сайра, лосось, печень трески, икра нототении, палки колбасы салями, растворимый кофе, сгущенка без сахара, югославские мясные консервы, нежинские огурчики и вологодское масло, красная икра, лососина, приправа «Вегета». Правда, не было паюсной икры, как в советских клубах дефицита. Даже коробочки и пакеты расставлялись, как в Союзе: из одинаковых консервных банок строились симметричные пирамидки. Как будто ребенок-аутист расставил. Пищевая ностальгия самая сильная, и покупатель туда потянулся. «Свининки к шабату хочется», – шутили наиболее антиклерикально настроенные. На Западе продукты расставлялись совершенно иначе. Между баночками другие расстояния, все пестрое, никакой симметрии, навалено в продуманном беспорядке. Небрежность создавала ощущение изобилия. Из голодной Москвы в 1988-м наш товарищ С. Н. попал в Мюнхен, столицу Баварии, один из самых богатых городов Европы. Как нам потом рассказали, в супермаркете Kaufhof на Marienplatz у прозрачной витрины с клумбами из паштетов, тортами из сыров и розо-

выми башенками из ветчины Сереже стало плохо. Я тоже впервые попала за границу в Мюнхен в 1989-м в дни Рождества и Нового года. Все было закрыто, кроме ларьков на вокзале. Мы с Лизой как зачарованные смотрели на витрины. Даже обычный вокзальный киоск в Мюнхене тогда показался подвалом из волшебной лампы Аладдина.

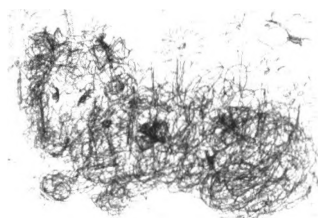
В аттачменте давно обещанный «вид на гору Фавор». Сделан из окна автобуса во время университетской экскурсии.

attachment NN

04 FAVOR.JPG

252КБ [Просмотреть](#) [Загрузить](#) [Download](#)
posted via Susanna's iPad

*ВИВАТ!, АЛЕКСАНДР МОИСЕЕВИЧ!**

* * *

Наш поющий академик
полон мыслей и движения,
он поёт не ради денег,
а для самоублажения.
Эти песни пели деды,
а теперь запели внуки;
в нём любовные победы
укрепляли дух науки.
А гражданское метание
и повадка ироничная –
уникально сочетание,
в нём на диво гармоничное.
Милый Саша, не старей
от такой нагрузки,
охуенный ты еврей
и такой же русский!

Игорь Губерман

* * *

Александр Моисеич, привет!
Перед тем, как отъехать к Нью-Йорку,
Прокричу вам, атлант и атлет,
Много лет! – И легко, как под горку...
...Муз любимец, орёл, образец...
Так и видим, смутясь, год от году –
Будто всё ещё божий резец
Вашу тонкую точит породу.
Вы всё крепче, сильнее, новей,
Многим людям пути указатель...
И чего бы нам вихрь ни навей,
И какой бы ни рви нас терзатель...
Вы ж как были – поэт и галант,
Вопреки МВД или МИДу,
Всех живее российский атлант.
Мы увидим ещё Атлантиду!

Вероника Долина

* Публикуя шуточные приветствия любимому барду, редакция ИЖа тем не менее самым серьезнейшим образом поздравляет Александра Городницкого со славным юбилеем! Многая лета! Многая песни! Многая книги!

* * *

Мы патриархи, мы патриархи,
Нас внуки шлют по адресу.
Мы недомерки и перестарки,
Что видно без анамнезу.
Там где-то бабы гуляют лихо
С каким-нибудь молодчиком.
А у нас камни гуляют тихо
По нашим мочеточникам.
У вас Багамы зимой и летом,
Детишки в Штатах учатся.
А нам дойти бы до туалета,
А дальше как получится.
Уже зубов-то во рту не видно,
Уже нога волочится,
И даже как-то признаться стыдно,
Что умирать не хочется.
Мы скажем прямо: нам очень стыдно,
Но помирать не хо-чет-ся!

Юлий Ким

* * *

Мне не Вали снятся и не Гали,
Не поля родные и не мхи.
Сколько раз мне в жизни помогали
Эти виртуозные стихи.
От Владивостока и до Ниццы
Даже те, кто ходит без штиблет,
Знают, что сегодня Городницкий
Отмечает Восемьдесят лет.
Кто футболы любит, кто корриду,
Кто тиранов гладит по шерсти,
Ну а он всё ищет Атлантиду
И найдёт её к ста двадцати.
Ох не слабо, братцы, ох не слабо,
При любви к «смирновской» и маце,
Знать, что над тобой сияет слава,
Хоть в кремлёвском, но зато дворце.
Как лукум купается в рахате,
Так и он купается в любви.
Его ждут в любой чикагской хате
И в кафе у Спаса на Крови.
Крокодилы бабам не перечат,
Живописцы не щадят холстов,
Чтоб здоровье было только крепче,
И ещё конкретный «мазл тов»!

Дмитрий Кимельфельд

* * *

*Вместе с Юрой Визбором
Кончилась эпоха -
Время нашей юности,
Песен и стихов.*

А. М. Городницкий, 1985

Итак, налицо положительный
эффект: ойкумены всей жители –
юнцы, их отцы, долгожители –
сошлись у РС и TV!

Сей день наступил, и Рассея, чай,
разумное с добрым посеять тшась,
спешит Александра Мойсеича
заверить сегодня в любви!

А ты? Ты ведь помнишь, как гордо ты,
сумев подобрать три аккорда встык,
с дружкой и гитарой упорно стыл
лет сорок тому у Невы?

Ты помнишь, с какими напевами?
Чьи песни для вас стали первыми?
Атланты от вас стали нервными,
ведь спать не давали им вы!

Виват, Александр Моисеевич!
Для нас, у экранов лысеющих,
Вы сеятель, вечное сеющий,
и мачо на все времена.

Года за кормой километрами,
кумиры становятся мэтрами,
но парус Ваш полнится ветром и
натянута туго струна.

С штурвалом в руках стосковавшихся
для на берегу остававшихся
в плену у морального облика
и красного календаря

Вы были наш Грей! Было трудно, но
лечили тень птицы над тундрой
и тень обогнавшего облака,
неприторным светом дая.

Так надо ль аванти слать пополо,
за русскость борясь Севастополя?
Политика – дело капризное,
нам лучше радеть о своём.

Не кончилось всё с Юрой Визбором,
Вам незачем думать об избранном,
пишите – мы всё это вызубрим
и собственным внукам споём!

Григорий Певзнер

Александр Тородницкий
НА УТРЕННЕМ БЕРЕГУ

* * *

Мятущиеся и слабые,
Презний меняя статус,
Евреи идут в православие,
Русскими стать пытаюсь.
Начавшие путь тернистый,
Поспешно дают обеты
Художники и артисты,
Писатели и поэты.
Путник, во тьму идущий,
Участь твоя убога,
В душу свою берущий
Тяжесть чужого Бога.
Приговорённым к изгнанию,
Внушает им помрачение,
Что можно придти к познанию
Лишь через отречение.
Они принимают крещение,
На предков своих в обиде,
А Бог им дает прощение,
Всё это сверху видя.
И в кущах прозрачных дремлет,
В своей убеждённый силе,
Послать не спеша на Землю
Истинного Мессию.

* * *

Ракеты свист в окне
Тебе напомнит, где ты.
В воюющей стране
Свои приоритеты.
Среди домашних стен
Рождается ребёнок
Под перепев сирен,
Что жалобен и тонок.
Не будет никогда
Ни мира, ни покоя,

Над речкой Иордан,
Безводною рекою.
И новая беда,
И новое сражение,
И выйти никуда
Нельзя из окруженья.
Припавшие к стене,
Беззвучно плачут жёны
В воюющей стране,
Врагами окружённой.
Трудна ее стезя,
И на сердце тревожно:
И победить нельзя,
И сдаться невозможно.

СИРЕНА ПАМЯТИ ПАВШИХ

Инге Гоберман

Море печали нашей
Вышло из берегов.
Сирена памяти павших
На улице Дизенгоф.
Остановись, прохожий,
Слыша протяжный крик,
Каждою клеткой кожи
Чувствуя этот миг.
Слушай, сюда попавший,
Живущий жизнью иной,
Сирену памяти павших
Над замершею страной.
Подобную ей едва ли
Найдешь на Земле сейчас,
Которую оболгали
И предали сотню раз.
Детей своих ждать уставших,
Роднит матерей и вдов
Сирена памяти павших
На улице Дизенгоф.
Не встать со страною вровень,
Живя от неё вдали.
Большою здесь платят кровью
За малый кусок земли.
Здесь солнца сияют пряди
На утреннем берегу,
И этой земли ни пяди
Нельзя отдавать врагу.

ИМЕНА

Эли БАР-ЯЛОМ (Могилевер) родился в 1968 году в Ленинграде. Репатриировался в 1974 году. Окончил Технион. Пишет стихи, песни и прозу на иврите и на русском, читает лекции по математике и лингвистике; дома его ждут жена, трое детей и стадо котов. Выпустил пять авторских CD. Лауреат премии «Олива Иерусалима» (2007) и поэтического фестиваля памяти У. Ц. Гринберга (2009). Один из редакторов ивритского литературного журнала «Биглаль». Автор комментариев к Пятикнижию. Живет в Хайфе.

В «ИЖ» опубликованы подборки его стихов (№№ 7, 33), стихи памяти В. Ланцберга (№ 23). В 2006 году в «Библиотеке ИЖ» вышла книга стихов Э. Б. «Горизонтальная луна».

Алла БОССАРТ родилась в Москве. Окончила журфак МГУ. Автор пяти книг прозы: романов, повестей, рассказов. Репатриировалась в 2011 году. Живет в Кармизле. В «ИЖ» опубликована подборка стихов А. Б. «Паситесь, мирные коровы» (№ 38) и эссе о В. Клецеле «Блаженны красящие» (№ 41).

Григорий ВАХЛИС родился в 1952 году в Киеве. По образованию художник. Репатриировался в 1990 году. Живет в Иудейской пустыне в поселении Римоним.

Екатерина ГОРБОВСКАЯ родилась в Москве. Училась в Литинституте им. А. М. Горького. Стихи включены в антологии («Московская муза 1799–1997», «Строфы века», «Русская поэзия. XX век» и др.). Автор книг стихотворений «Первый бал» (Москва, 1982), «Обещала речка берегу» (Москва, 2003), «Утро вечера» (2013). Живёт в Лондоне. В «ИЖ» № 43 опубликована подборка Е. Г. «Оно, конечно, ёлмн...».

Александр ГОРОДНИЦКИЙ родился в 1933 году в Ленинграде. Пережил блокаду. Доктор геолого-минералогических наук, профессор, академик РАЕН. Один из основоположников жанра авторской песни. Автор более тридцати книг стихов, песен и мемуарной прозы. Лауреат Государственной премии России им. Булата Окуджавы (1999), Царско-сельской художественной премии (1998) и др. Стихи и песни А. Г. переведены и на иврит. Живет в Москве. В «ИЖ» (№ 8) опубликованы его статья «Люди и песни», а также подборки стихов и песен (№№ 22, 26, 30).

Андрей ГРАФОВ родился (в 1962 году) и живет в Москве. В его переводах с библейского иврита вышли книги Экклезиаста (РБО, 2000) и Исаяи (РБО, 2004). В «Иностранной литературе» опубликованы его переводы из Книги Псалмов (2012, № 3). Переводил также израильских и западноевропейских поэтов XX века (Ханс Бёрли, Нелли Закс, Пауль Целлан, Поль Клодель, Макс Жакоб, Джузеппе Унгаретти и др.). В «ИЖ» № 23 в переводах А. Г. опубликованы стихи Еуды Амихая.

Вероника ДОЛИНА родилась и живет в Москве. Окончила МГПИ им. Ленина по специальности «преподаватель французского». Песни на свои стихи пишет с 1971 года. Записала более двадцати дисков. Автор более десяти сборников стихов. Эссе В. Д. «Проводник», подборка и стихи памяти Юрия Штерна опубликованы в «ИЖ» № 24–25; стихи памяти Виктора Луферова – в № 34, подборка «Из Нормандской тетради» – в № 44.

Алексей ИВАНТЕР родился (в 1961 году) и живет в Москве. Учился в МГПИ им. Ленина, был рабочим в геологической партии на Верхоян-

ском хребте, строил на Алтае линии электропередачи, жил сезонным сбором яблок под Россосью, в 1989 году возглавил (совместно с Алексеем Сосной) издательство «Постскриптум». Автор шести книг стихов, в т. ч. «Держава жаворонков» (2004), «Дальнобойная флейта» (2006), «Каменная правда» (2011), «Станция Плюсса» (2012). В «ИЖ» № 44 опубликована подборка стихов А. И. «Красный "Данхилл"».

Дмитрий КИМЕЛЬФЕЛЬД родился в 1950 году в Киеве. Окончил Киевский институт иностранных языков. Преподавал в школе английский, работал переводчиком в НИИ. В киевском Театре драмы и комедии прошел путь от рабочего сцены до завлита. Был актером в театре «Фрейлехс». Руководил эстрадным ансамблем «ОВИР». Лауреат и член жюри многих фестивалей авторской песни. Репатриировался в 1990 году. Автор нескольких дисков, а также книг стихов и песен «В те времена» (1996), «Стены времени» (2003), «Дети зимы» (2011). Живет в Иерусалиме. В «ИЖ» опубликованы подборка песен Д. К. «Иерусалимское время» (№ 7), эссе памяти В. Ланцберга «Потому что со мной он есть» (№ 23), поэма «На другом берегу» (№ 34).

Давид МАРКИШ родился в 1938 году в Москве. Учился в Литинституте им. М. Горького на Высших сценарных курсах. Репатриировался в 1972 году. Автор более двух десятков книг, лауреат нескольких литературных премий. Живет в Ор-Иегуде.

В «ИЖ» (№№ 6, 8, 11, 12, 17, 24–25, 27, 34, 36, 41, 42, 43) опубликованы рассказы Д. М., его эссе «Русская рулетка Олеши» (№ 14–15); интервью с В. Полухиной «Все зависит от Мастера» (№ 31), главы из романа «Тублиер» (№ 32), заметки об А. Эппеле (№ 44).

Пётр МЕЖУРИЦКИЙ родился в 1953 году в Одессе. В 1986 году окончил филфак ОГУ. Репатриировался в 1990 году. Автор сборников стихов «Места обитания» (1993), «Пчелы жалят задом наперёд» (1997), «Эпоха кабаре» (1999). Живет в Ор-Акиве. Преподаёт в школе.

В «ИЖ» опубликованы подборки стихов П. М. «Эпоха кабаре», «Страна нуждается в разброде», «И утро дня, и вечер ночи», «Не все пути – Господни», «Бог в разведку ходит с каждым» (№№ 3, 11, 17, 33, 41); эссе «Отклик» (№ 6).

Станислав МИНАКОВ родился (в 1959 году) и живет в Харькове. Автор книг «Имярек» (1992), «Верь» (1993), «Листобой» (1997, стихи и проза), «Хожение» (2004; стихи 1983–2004, переводы, пьеса, поэмы; предисловие Ю. Г. Милославского), «Где живет ветер» (переводы стихотворений А. А. Милна; 1991). Автор-составитель энциклопедии «Храмы России» (2008) и тома «Всеобщая история музыки» (вместе с Анной Минаковой, 2009). Перевел 8 авторов для трехтомника «Семь веков английской поэзии» (2007). Лауреат премии им. Б. Слуцкого (1998), конкурса-фестиваля «Культурный герой XX века» (2002), конкурса духовной поэзии в интернете (2002), конкурса «Русское слово Украины» (2003), премии «Народное признание» (2005), премии им. Арсения и Андрея Тарковских (2008). Победитель турнира поэтов «Коктебель – 2004».

В «ИЖ» № 29 опубликована статья С. М. «Сухарики Антоныча».

НИКОЛЬСКИЙ (Сергей Никольский) родился в 1961 году в Москве. Окончил Строгановское художественное училище (1983). Репатриировался в 1990 году. Стихи печатались в литературной периодике и коллективных сборниках. В настоящее время живет в Нидерландах.

В «ИЖ» подборки стихов С. Н. опубликованы в №№ 7, 24–25, 30, 34, 38, 42. В «Библиотеке ИЖ» вышла книга его стихов «Каталог женщин» (2010).

Григорий ПЕВЗНЕР родился в Харькове в 1956 году. Окончил Ленинградский Педиатрический институт. Автор книг стихов «Зелёный медведь» (2006) и «На этом берегу» (2011). В 2010 году в его переводе вышла книга «Стёпа-растрёпа» – русская версия известной детской книги Гофмана. С 1992 года живёт в Марбурге (Германия).

В «ИЖ» опубликованы подборки стихов Г. П. «Будни и выходные» (№ 26) и «За рамкой кадра» (№ 39), его посвящения Д. Сухареву (№ 35) и Ю. Киму (№ 40), заметки об А. Дулове (№ 38).

Наталья РЕЗНИК родилась в Ленинграде, окончила Ленинградский политехнический институт. По образованию – инженер. Публиковалась в журналах и альманахах, автор сборника стихов и переводов «Я останусь» (2011). С 1994 года живет в США, в штате Колорадо.

Владимир РОДИОНОВ родился в 1947 году на Васильевском острове в Ленинграде. По образованию математик и биолог. Основные работы в области психофизики, теории восприятия речи и нейрофизиологии сенсорных систем. Автор монографии «Моделирование процессов передачи информации в звуковом диапазоне» (АН СССР, 1988). В 80-х годах принимал участие в академических проектах «Экология человека» и «Космическая антропозология». Репатриировался в 1990 году. Живет в Иерусалиме. Доктор Еврейского университета.

Ирина РУВИНСКАЯ родилась в Кирсанове (Тамбовская обл.). Окончила романо-германский факультет Воронежского Госуниверситета. Работала библиотекарем, переводчиком, журналистом. Автор книг стихов «Коммуналка» (1995) и «Пока» (1996). Стихи вошли в «Антологию современной русской поэзии Украины» (1998). Лауреат конкурса переводчиков эстонской поэзии (1984) и Фестиваля памяти У. Ц. Гринберга (2007). Репатриировалась в 1996 году. Живет в Иерусалиме.

Подборки И. Р. опубликованы в «ИЖ» №№ 16, 20–21, 23, 26, 31, 37, 41. В «Библиотеке ИЖ» вышла книга стихов И. Р. «Наперечёт» (2009).

Алекс ТАРН (Алексей Тарновицкий) родился в 1955 году в Арсеньеве (Приморский край). С детства жил в Ленинграде. Репатриировался в 1989 году. Автор книги стихов «Антиблок» (1991) и семи книг прозы, вышедших в московских издательствах. Лауреат премии им. Марка Алданова (2009). Живет в поселении Бейт-Арье.

В «ИЖ» опубликованы эссе А. Т. «Сумерки идеологий» (№ 14–15), «Пятая звезда» (№ 33), «Делай, что должно...» (№ 36); глава из романа «Гиршуни» (№ 29); романы «Протоколы Сионских Мудрецов» (№ 16), «Иона» (№ 19), «Пепел» (№№ 22, 23; финальная шестерка «Русского Букера», 2007), «Записки кукловода» (№ 27), «Летит, летит ракета» (№ 30), «Дор» (№ 31), «В поисках утраченного героя» (№ 36); повести «Дом» (№ 24–25) «Последний Каин» (№ 34), «О-О» (№ 41); переводы стихов Натана Альтермана, Рахели, Цви Прейгерзона (№№ 28, 33, 36, 40).

Игорь ЦАРЁВ (Могила) (1955, п. Пограничный, Приморский край – 2013, Москва). Закончил матшколу в Хабаровске. Высшее техническое образование получил в Ленинграде. Поработал на космос – инженером-конструктором в одном из московских «ящиков». Сменил профессию на журналистику. Последние годы работал в «Российской газете». Стихи начал писать ещё «во студенчестве», всерьёз «заболел» ими в 2000 году. Отмечен писательской организацией дипломом «Золотое перо Московии», «Золотой Есенинской медалью». Дипломант литературных интернет-конкурсов «Серебряный Стрелец», «Заблудившийся трамвай» и др. Национальная литературная премия «Поэт года 2012».

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЬВИНЫЕ ВОРОТА

- ИРИНА РУВИНСКАЯ. Хамсин, а не муссон. *Стихи* 3
ГРИГОРИЙ ВАХЛИС. Два рассказа 9

ХОЛМ ПАМЯТИ

- АЛЕКСЕЙ ИВАНТЕР, СТАНИСЛАВ МИНАКОВ,
ГРИГОРИЙ ПЕВЗНЕР, ИГОРЬ БЯЛЬСКИЙ,
ЕКАТЕРИНА ГОРБОВСКАЯ. Слова прощания 13
ИГОРЬ ЦАРЁВ. Возле Млечного пути. *Из последних стихов* .. 15

ЯФФСКИЕ ВОРОТА

- ПЁТР МЕЖУРИЦКИЙ. Если ты, конечно, есть. *Стихи* 19
ДАВИД МАРКИШ. Петрович. *Рассказ* 22

УЛИЦА ГАЛИЛЕИ

- АЛЛА БОССАРТ. Ручная кладь. *Стихи* 34

ШХЕМСКИЕ ВОРОТА

- АЛЕКС ТАРН. Хайм. *Роман* 40

ПЛОЩАДЬ ГОЛЛАНДИИ

- НИКОЛЬСКИЙ. Всего лишь шаг до рая.
Книга стихов в журнале 202

ГОРОД ДАВИДА

- АНДРЕЙ ГРАФОВ. Предисловие переводчика 218
Вечерние волки. *Фрагменты из Малых Пророков. Перевод
с библейского иврита и комментарии Андрея Графова* 221

УЛИЦА КАРМЕЛЬ

- ЭЛИ БАР-ЯЛОМ. Высокая технология выживания. *Стихи* ... 238

АМЕРИКАНСКАЯ КОЛОНИЯ

- НАТАЛЬЯ РЕЗНИК. Закончились правильные слова... *Стихи* .. 242

ПОДЗОРНАЯ ГОРА

- ВЛАДИМИР РОДИОНОВ. Философская дорога. *Эссе* 248
Сусанна ЧЕРНОБРОВА. Тракл, биглбок и камелнвол.
Из книги «Электронная почта – 2» 257

ЮБИЛЕЙНЫЙ КВАРТАЛ

- ИГОРЬ ГУБЕРМАН, ВЕРОНИКА ДОЛИНА, ЮЛИЙ КИМ, ДМИТРИЙ
КИМЕЛЬФЕЛЬД, ГРИГОРИЙ ПЕВЗНЕР. Виват, Александр Моисеевич!
К восьмидесятилетию Поэта 275
АЛЕКСАНДР ГОРОДНИЦКИЙ. На утреннем берегу. *Стихи* ... 278

ИМЕНА

- Авторы и персонажи 280

УЛИЦА ВСЕГДА

- ЮЛИЙ КИМ. Песня Исхода 3-я страница обложки

ועמותה לקליטת אגרות נתיבות
רח"ל ל. פרץ 20 תופה 3041
5773
10022

Подписку на журнал можно оформить,
прислав обычным (*не заказным*) письмом свои координаты
и чек на имя

Jerusalem Anthologia

по адресу:

***Jerusalem Literary Review,
P. O. Box 32297, Jerusalem 91322***

Стоимость годовой подписки (4 номера):
В Израиле – 160 шекелей, включая пересылку
В других странах – \$68 США, включая пересылку

Стоимость одного журнала:
В Израиле – 50 шекелей;
в других странах – \$19 США, включая пересылку

Справки – тел. 972-54-3149105; e-mail: jerusalem.anthology@gmail.com

«Иерусалимская Антология» благодарит

Татьяну Азиз-Лившиц (Мевасерет-Цион), Андрея Анпилова (Москва), Ольгу Аксютину (Иерусалим), Александра Блинштейна (Чикаго), Хила Бродского (Чикаго), Михаила Веллера (Москва), Лину Виленскую (Кфар-Адумим), Инну Винярскую (Текоа), Асю Векслер (Иерусалим), Татьяну Гольдмахер (Бостон), Андрея Грицмана (Нью-Йорк), Зеэва Гейзеля (Алон-Швут), Андрея Крылова (Москва), Игоря Грызлова (Москва), Игоря Губермана (Иерусалим), Вита Гуткина (Иерусалим), Татьяну Гольдмахер (Бостон), Феликса Дектора (Москва), Александра Дова (Петах-Тиква), Владимира Друка (Нью-Йорк), Лорину Дымову (Иерусалим), Марка Камцана (Петах-Тиква), Григория Кановича (Бат-Ям), Ицхока Мера (Бат-Ям), Ольгу Качанову (Алма-Ата), Леонида Кациса (Москва), Ольгу Качанову (Алма-Ата), Дмитрия Кимельфельда (Иерусалим), Игоря Когана (Хайфа), Ефима Котляра (Чикаго), Аркадия Красильщикова (Ган-Явне), Михаила Книжника (Мевасерет-Цион), Вадима Левина (Марбург), Якова Лаха (Беэр-Шева), Якова Лившица (Иерусалим), Станислава Минакова (Харьков), Бориса Мафцира (Иерусалим), Марину Меламед (Иерусалим), Светлану и Александра Менделевых (Петах-Тиква), Йосефа Менделевича (Иерусалим), Давида Маркиша (Ор-Еуда), Генриха Небольсина (Иерусалим), Михаила Польского (Текоа), Бориса Привина (Москва), Алекса Резникова (Иерусалим), Зеэва Султановича (Иерусалим), Дмитрия Сухарева (Москва), Семёна Сушанского (Иерусалим), Евгению Тиновницкую (Иерусалим), Александра Туркота (Москва), Ирину Хвостову (Москва), Игоря Цесарского (Чикаго), Михаила Фельдмана (Беэр-Шева), Михаила Финкеля (Петах-Тиква), Ехизля Фишзона (Нокдим), Владимира Фромера (Иерусалим), Шуламит Шалит (Тель-Авив), Наума Шаца (Иерусалим), Дмитрия Шварца (Иерусалим), Михаила Щербакова (Москва), Клару Эльберт (Маале-Адумим), за поддержку журнала.

***Любые советы, предложения, а также пожертвования
будут приняты с благодарностью***

Наш счет – 215502 в отделении 585 (Гило), банк Апоалим
Account 215502, Bank Napoalim, Branch 585 (Gilo), SWIFT: POALILIT

ТВОРЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ИЕРУСАЛИМСКАЯ АНТОЛОГИЯ»

В «БИБЛИОТЕКЕ ИЕРУСАЛИМСКОГО ЖУРНАЛА»

в 1999 – 2013 годах вышли книги:

Дина РУБИНА «Высокая вода венецианцев»;

Елена АКСЕЛЬРОД и Михаил ЯХИЛЕВИЧ «Стена в пустыне»;

Юлий КИМ «Путешествие к маяку»;

Вениамин КЛЕЦЕЛЬ и Зинаида ПАЛВАНОВА «Иерусалимские картинки» (1, 2);

Наум БАСОВСКИЙ «Полнозвучие», «Об осени духа и слова»;

Илья БОКШТЕЙН «Быть я любимым хотел», «Говорит звезда с луной»,

«Авангардист на крышу вышел»;

Дмитрий СУХАРЕВ «Холмы»;

Игорь ГУБЕРМАН «Книга странствий», «Гарики предпоследние»,

«Гарики из Атлантиды», «Вечерний звон», «Шестой Иерусалимский дневник»,

«Седьмой дневник», «Восьмой Дневник»;

«ИЕРУСАЛИМСКАЯ АНТОЛОГИЯ»

(27 израильских художников в специальном цветном выпуске «ИЖ»);

Григорий КАНОВИЧ «Лики во тьме», «Облако по имени Литва»;

Марк ВЕЙЦМАН «Третья попытка», «Следы пребывания»;

Самуил ШВАРЦБАНД «Схологии»;

Марина МЕЛАМЕД «Перекресток желаний», «Под созвездием лягушки»,

«Иерусалимские акварели», «В Гефсиманском саду»;

Зинаида ПАЛВАНОВА «Счастье без прикрас», «Ближневосточница», «Энергия согласия»;

Евгения ЗАВЕЛЬСКАЯ «Времена речи»;

Александр КРЕСТИНСКИЙ «Дорога на Яффо»;

Алекс РЕЗНИКОВ «Иерусалим: улицы в лицах» (книга вторая),

«Иерусалимский след» (книга вторая), «Иерусалим в названиях улиц»;

Илья БЕРКОВИЧ «Стихи, написанные в Израиле»;

Эли БАР-ЯЛОМ «Горизонтальная луна»; Владимир ФРЕНКЕЛЬ «Другая осень»;

Марк БОГОСЛАВСКИЙ «Воробьиная ночь»; Вильям БАТКИН «Талисман души»;

Илан РИСС «У разбитого горячего камня»; Ирина РУВИНСКАЯ «Наперечёт»;

Юрий КАМИНСКИЙ «Вкус полыни»; Рахель ЛИХТ «Семейные свитки»;

Хава Броха КОРЗАКОВА «Пятое послание», «Один шаг»;

НИКОЛЬСКИЙ «Каталог женщин»; Лена ШТЕРН «Спустя три года»;

Елена ИГНАТОВА «Ранний снег»; Евгений МИНИН «Погоня за ветром»,

Ася ВЕКСЛЕР «Еще не вечер», Ицхокас МЕРАС «На полпути»;

Леонид СОРОКА «СТИХЛЯШКИ»;

CD «ИЕРУСАЛИМСКИЙ АЛЬБОМ». *Песни Александра ДОВА, Юлия КИМА, Дмитрия КИМЕЛЬФЕЛЬДА, Марины МЕЛАМЕД и Михаила ФЕЛЬДМАНА*

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ

новые книги Лорины ДЫМОВОЙ, Михаила ЗИВА, Владимира ДРУКА,

Феликса КРИВИНА, Михаила ФЕЛЬДМАНА

JERUSALEM ANTHOLOGIA – www.antho.net

Музей современных израильских художников

Смотрите коллекции работ Александра Адонина, Анатолия Баратынского, Леонида Балаклава, Лиоры Барштейн, Николая Беззубова, Эллы Биншток, Моше Гимейна, Леи Зарембо, Гаррика Зильбермана, Бориса Караванова, Бориса Карафелова, Бориса Кинкулькина, Вениамина Клецеля, Григория Козлета, Эммануила Липкина, Ителлы Мастбаум, Михаила Моргенштерна, Бориса Лекаря, Иосифа Островского, Ильи Рубина, Зелия Смехова, Сергея Теряева, Юлии Сегаль, Якова Фельдмана, Давида Ханана, Юлии Шульман, Сусанны Чернобровой, Михаила Яхилевича и других мастеров искусства

CONTENTS

LION GATE

IRINA RUVINSKAYA. It is chamsin, not monsoon. *Poems*

GRIGORY VAKHLIS. Two short stories

MEMORY HILL

ALEXEY IVANTER, STANISLAV MINAKOV, GRIGORY PEVZNER,
IGOR BYALSKY, EKATERINA GORBOVSKAYA. Words of farewell

IGOR TZAREV. Next the Milky Way. *The last poems*

JAFFA GATE

PETR MEZHURITZKY. Of course, if you exist. *Poems*

DAVID MARKISH. Petrovich. *Short story*

GALILEE STREET

ALLA BOSSART. Hand luggage. *Poems*

SHKHEM GATE

ALEX TARN. Chaim. *Novel*

HOLLAND SQUARE

NIKOLSKY. Just one step to the Paradise.

A book of poems in the magazine

CITY OF DAVID

ANDREY GRAFOV. Foreword of the translator

Evening wolves. *Fragments from Latter Prophets (Nevi'im Aharonim).*

Translation from Bible Hebrew and comments by Andrey Grafov

KARMEL STREET

ELI BAR-YAHALOM. The high technology of survival. *Poems*

AMERICAN COLONY

NATALY REZNIK. Correct words came to the end. *Poems*

MOUNT SCOPUS

VLADIMIR RODIONOV. Philosophical road. *Essay*

SUSANNA CHERNOBROVA. Trakl, Biglbok, KamelInvoln.

From the book E-mail-2

JUBILEE QUARTER

IGOR GUBERMAN, VERONIKA DOLINA, YULI KIM, DMITRY
KIMELFELD, GRIGORY PEVZNER. Vivat, Alexander Moiseevich!
To Poet's eightieth anniversary

ALEXANDER GORODNITZKY. On the morning shore. *Poems*

NAMES

Authors and Characters

ALWAYS STREET

YULI KIM. The Song of Exodus. *The Inner Back Cover*

JERUSALEM LITERARY REVIEW, # 45, 2012

ISSN 1565-1347

MODERN ISRAELI LITERATURE IN RUSSIAN

Jerusalem Anthologia Association

Address: P. O. Box 32297, Jerusalem 91322, Israel

E-mail: jerusalemreview@gmail.com

© 2013 Copyrights for publications belong to the Authors

תוכן העניינים

שער האריות

אירינה רובינסקיה. חמסין ולא מונסון – שירים
גריגורי ווכליס. שני סיפורים

הר הזיכרון

אלכסי איוונטר, סטניסלס מינקוב, גריגורי פבזנר,
איגור ביאלסקי, יקטרינה גורבובסקיה. דברי פרידה
איגור צארב. בקרבת שביל החלב – מהשירים האחרונים

שער יפו

פטר מזיוריסקי. אם אתה קיים, כמובן – שירים
דוד מרקיש. פטרוביץ' – סיפור

רחוב הגליל

אלה בוסרט. כבודת יד – שירים

שער שכם

אלכס טארן. חיים – רומן

רחוב הכרמל

אלי בר יהלום. הטכנולוגיה הגבוהה של שרידות – שירים

כיכר הולנד

ניקולסקי. במרחק של פסיעה מגן עדן – ספר שירים בכתב-עת

עיר דוד

אנדרי גראפוב. הקדמה של המתרגם
זאבי ערב. קטעים מתרי עשר הנביאים
תרגום ופרשנות מאת אנדרי גראפוב

מושבה אמריקאית

נטליה רזניק. נגמרו מילים נכונות – שירים

הר הצופים

וולדימיר רודיונוב. הדרך הפילוסופית – מסה
סוסנה צ'רנוברובה. טראקל, ביגלבוך וקאמלנוול
מתוך הספר "דואר אלקטרוני – 2"

קריית היובל

איגור גוברמן, וורוניקה דולינה, יולי קים, דמיטרי קימלפלד,
גריגורי פבזנר, יחי, אלכסנדר מרקוביץ'!
עם הגיעו לגבורות של המשורר אלכסנדר גורודניצקי

רחוב הכרמל

על חוף של שחר – שירים

שמות

דמויות ויוצרים

רחוב תמיד

יולי קים. שיר יציאת מצרים – הדף השלישי של העטיפה

ספרות ישראלית בשפה הרוסית

רבעון אמנותי

עמותת "אנתולוגיה ירושלמית"

מערכת: איגור ביאלסקי (עורך ראשי),
 הלנה איגנטובה, זאב גייזל, רומן טימנצ'יק, וולוול טשרנין, יולי קים,
 זינאידה פלבנובה, דינה רובינה, ויקטוריה רייכר, סבטלנה שנברון
 מזכיר – יבגני מינין
 ציירת – סוסנה צ'רנוברובה
 עיצוב באינטרנט – קרינה פסטרנק
 עריכה והגהה: בינה סמחובה, לובה ליבזון, גלינה קולטיאסובה
 תמיכה לוגיסטית וטכנית: הלנה ברלאנד, מיכאל בסין, דניאל בורשטיין,
 בוריס ברונשטיין, אינה וויניארסקי, ויקטור גופמן, גריגורי גורדין,
 וולדימיר פופוב, אילן ריס

הדפסה: דפוס "צור-אות"

בתמיכת

קונגרס יהודי רוסי

קרן רוסקי מיר

מנהל התרבות, המחלקה לספרות

עיריית ירושלים

בית מורשת אורי צבי גרינברג

© 2013 כל הזכויות שמורות למחברים

ISSN 1565-1347

כתובת: "כתב-עת ירושלמי" ת. ד. 32297, ירושלים 91322

טל. 02-9960302, 0544-745322, 02-5361947

E-mail: jerusalemreview@gmail.com

ПЕСНЯ ИСХОДА

При всех прогрессах, при всех регрессах,
А также стрессах, чужих и своих,
Мы ежегодно справляем Песах –
Наш главный праздник среди остальных.
Мы ежегодно справляем Песах,
Вкушаем фрукты и вино,
И в старых гимнах, и в новых песнях
На праздник Песах звучит одно:

До свиданья, Египет прекрасный.
Мы уходим в пустую пустыню,
Где живёт только наша свобода,
С ней построим мы Город и Храм на Горе.
Впереди много новых египтов,
Век за веком потянется наша разлука,
Всё равно мы сюда соберёмся
Всё равно мы вернёмся сюда навсегда.
Нас дарами осыплют и Вавилон, и Вашингтон
Всё равно мы сюда соберёмся.
Нам Европа поставит непроходимый заслон –
Всё равно мы вернёмся сюда!
Море злобы и мрак вероломства,
Бесконечных могил череда...
Всё равно мы сюда соберёмся
Всё равно мы вернёмся сюда навсегда!
Здесь на этой земле

наш свободный народ

Пьёт вино по весне
За великий исход.
Даейну, Адонай!
Даейну, Адонай!

Юлиан Ким

